

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 20. № 3

Volume 20. No. 3

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2021

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

LOGOS ET PRAXIS

2021
Том 20. № 3

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

LOGOS ET PRAXIS

2021
Volume 20. No. 3

LOGOS ET PRAXIS

2021. Vol. 20. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors, Proofreaders: *A.A. Blinova*,
N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*
Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Sept. 27, 2021.

Date of publication: , 2021.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 19.0. Published pages 20.4.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–).
Order 203. «C» 41.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2021. Т. 20. № 3

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редакторы, корректоры: *А.А. Блинова*,
Н.М. Вишнякова, *М.В. Гайваль*

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 27.09.2021 г.

Дата выхода в свет: . 2021 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 20,4.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1– экз.).

Заказ 203. «С» 41.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

В ПОСТСЕКУЛЯРНУЮ ЭПОХУ

- Пигалев А.И.* Осевое время как период формирования метафизики и монотеизма 6
- Яворский Д.Р.* Перспективы конвергенции религиозной и игровой деятельности в постсекулярную эпоху 16
- Патрин В.Г.* Нецерковное религиозное большинство как проблема современной Православной Церкви: социально-философский аспект 27
- Самарина Т.С.* Подступы к проекту новой феноменологии религии в творчестве Ниниана Смарта 32

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- Карчагин Е.В.* Теоретическая рамка для анализа постсекулярного мира (Рецензия на книги Д.А. Узланера «Конец религии? История теории секуляризации» и «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке») 43

ФИЛОСОФИЯ

- Сироткин Ю.Л.* Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Делез (1926–1995) 49
- Шадрина Л.Н., Рослякова Ж.В.* Безосновность как конститутивная проблема «большой науки» 60
- Чеснокова Л.В.* Трансформация локальной приватности в европейской культуре 72
- Великанова Л.В.* Место символизации в психоаналитической модели мышления: вербальный и до-вербальный аспекты 82

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Архангельский В.Н., Васильева Е.Н., Васильева А.Е.* Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации 93
- Логинова Л.В., Щепланова В.В.* Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса 112
- Намруева Л.В.* Сельские жители Юга России о настоящем и будущем села (анализ анкетного опроса 2018 г.) 123
- Мельникова Е.В., Казанова Н.В., Штыров А.В.* Динамика миграционных настроений студентов как ответ на развитие волгоградской агломерации 130
- Бобошко А.А.* Эволюция смыслового восприятия явлений и процессов в медико-социальной сфере 146

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Шачин С.В.* Современные немецкие философские и социологические науки об «обществе риска» 156
- Гернеший В.В.* Возрастание роли образовательного туризма в системе подготовки кадров мировой туристической индустрии: социально-философский анализ 166
- Печников Г.А., Назаров С.Д., Смольяков П.П.* Судебный процесс над Сократом как борьба софистики и диалектики 177
- Артамонов Д.С., Ясакова Г.В.* Образ Петра I в мифологическом контексте 184
- Курбацев В.Л.* Три столицы «Русьского» мира 193

CONTENTS

MAN AND SOCIETY IN A POSTSECULAR ERA

- Pigalev A.I.* The Axial Age As the Formative Period of Metaphysics and Monotheism 6
- Javorskiy D.R.* Prospects for the Convergence of Religious and Gaming Activities in the Post-Secular Era 16
- Patrin V.G.* Non-Church Religious Majority As a Problem of the Modern Orthodox Church: Socio-Philosophical Aspect 27
- Samarina T.S.* Approaches to the Project of New Phenomenology of Religion in the Works of Ninian Smart 32
- #### SCIENTIFIC REVIEWS
- Karchagin E.V.* A Theoretical Framework for Analyzing of the Postsecular World (Review on Books by D.A. Uzlaner “The End of Religion? The History of the Secularization Theory” and “Postsecular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century”)..... 43

PHILOSOPHY

- Sirotkin Yu.L.* The Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Deleuze (1926–1995) 49
- Shadrina L.N., Roslyakova Zh.V.* Groundlessness As a Constitutive Problem of “Big Science” 60
- Chesnokova L.V.* Transformation of Local Privacy in European Culture 72
- Velikanova L.V.* The Place of Symbolization in the Psychoanalytic Model of Thinking: Verbal and Pre-Verbal Aspects 82

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- Archangelsky V.N., Vasilieva E.N., Vasilieva A.E.* Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization ... 93

<i>Loginova L.V., Scheblanova V.V.</i> The Phenomenon of Environmental Activism in the Perspective of Sociological Discourse	112
<i>Namrueva L.V.</i> Rural Residents of the South of Russia About the Present and Future of the Village (Analysis of the 2018 Questionnaire Survey)	123
<i>Melnikova E.V., Kazanova N.V., Shtyrov A.V.</i> Dynamics of Students Migration Intentions As a Response to the Development of Volgograd Agglomeration	130
<i>Boboshko A.A.</i> The Evolution of the Semantic Perception of the Phenomena and Processes in the Medical and Social Sphere	146

ACADEMIC DISCUSSIONS

<i>Shachin S.V.</i> Modern German Philosophical and Sociological Sciences About the “Risk Society” ...	156
<i>Gerneshiy V.V.</i> The Increasing Role of Educational Tourism in the Training System of the World Tourist Industry: A Socio-Philosophical Inquiry	166
<i>Pechnikov G.A., Nazarov S.D., Smolyakov P.P.</i> The Trial of Socrates Like the Struggle of Sophistry and Dialectics	177
<i>Artamonov D.S., Yasakova G.V.</i> The Image of Peter I in a Mythological Context	184
<i>Kurabtsev V.L.</i> Three Capitals of the “Rus’skiy” World	193

www.volsu.ru

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ПОСТСЕКУЛЯРНУЮ ЭПОХУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.1>

UDC 1(091):130.2

LBC 87.3:71.0

THE AXIAL AGE AS THE FORMATIVE PERIOD OF METAPHYSICS AND MONOTHEISM

Alexander I. Pigalev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the context and the implications of K. Jaspers' concept of the Axial Age as the formative period of metaphysics and monotheism and to assess the capability of this concept to justify the universalism of modernity. It is emphasized that the concept of the Axial Age was intended initially not only for the historical research, but also for the philosophical reconstruction of the world history. Hence, the consideration is focused on the changes in the structure of thinking that attended the formation of the new social fabric after the Axial Age and resulted in the emergence of metaphysics and monotheism. It is observed that just those changes could render possible prototyping the universalism that, however, became required and was actualized only in modernity. The structural similarity between metaphysics and monotheism as the universal patterns of unity is studied in connection with the analysis of the transition from the social frameworks that were based on immediate contacts to the mediated societal relationships. It is pointed out that the hierarchical structure of both metaphysics and monotheism as opposed to the disorderly aggregations of the fuzzy images which are reputedly inherent in the so-called primitive mentality depends on the notion of binary oppositions. Therefore, the critique of the concept of hierarchy in the history of philosophy fair enough took the shape of the yearning for the overcoming of metaphysics and thus the concept of binary oppositions. In this connection, it is noticed that the renunciation of binarism would make the concept of the Axial Age optional. It causes the difficulties of distinguishing between the peculiar logic of postmodernity that seeks to blur every identity and the thinking that was formerly ascribed only to the societies which preceded the Axial Age. Thereby, the prototype of universalism that goes back to the Axial Age is brought into question.

Key words: Axial Age, modernity, universalism, metaphysics, monotheism, binary oppositions, hierarchy, overcoming of metaphysics.

Citation. Pigalev A.I. The Axial Age As the Formative Period of Metaphysics and Monotheism. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.1>

УДК 1(091):130.2

ББК 87.3:71.0

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ КАК ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФИЗИКИ И МОНОТЕИЗМА

Александр Иванович Пигалев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ контекста и следствий концепции осевого времени К. Ясперса в качестве периода формирования метафизики и монотеизма, а также оценка возможностей этой концеп-

ции обосновать универсализм модерна. Подчеркивается, что концепция осевого времени изначально предназначалась не только для исторических исследований, но и для философской реконструкции всемирной истории. Исходя из этого, рассмотрение сосредоточивается на тех изменениях структуры мышления, которые сопутствовали формированию нового общественного устройства после осевого времени и привели к возникновению метафизики и монотеизма. Отмечается, что именно эти изменения сделали возможным создание прототипа универсализма, который, однако, оказался востребованным и стал реальностью лишь в эпоху модерна. Структурное подобие между метафизикой и монотеизмом в качестве универсальных образцов единства исследуется в связи с анализом перехода от социальной структуры, основанной на непосредственных контактах, к опосредованным социальным отношениям. Указывается, что иерархическая структура и метафизики, и монотеизма, в отличие от совокупности беспорядочных объединений нечетких образов, которые считаются присущими так называемому первобытному менталитету, обуславливается представлением о бинарных оппозициях. В связи с этим критика концепции иерархии в истории философии вполне объяснимо приняла вид стремления к преодолению метафизики и, таким образом, концепции бинарных оппозиций. В этой связи обращается внимание на то, что отказ от бинаризма сделал бы концепцию осевого времени необязательной. Это вызывает трудности различения между специфической логикой постмодерна, требующей размывания любой идентичности, и мышлением, которое прежде считалось присущим лишь обществам, предшествовавшим осевому времени. Таким образом, прототип универсализма, восходящий к осевому времени, оказывается под вопросом.

Ключевые слова: осеое время, модерн, универсализм, метафизика, монотеизм, бинарные оппозиции, иерархия, преодоление метафизики.

Цитирование. Пигалев А. И. Осеое время как период формирования метафизики и монотеизма // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.1>

Метафора «осеое время» (от нем. *Achsenzeit*) была в качестве гипотезы введена в научный оборот К. Ясперсом в 1949 г. в книге «Истоки истории и ее цель» [Ясперс 1991]. Она предназначалась для характеристики особой культуры, ставшей, как считал автор гипотезы, причиной возникновения и философии, и монотеистической религии, и всей последующей цивилизации. Понятие осевого времени стало использоваться философами и историками для обозначения качественно своеобразных фундаментальных процессов, которые, как предполагается, происходили в период приблизительно от 800 до 200 гг. до н. э. В понимании они Ясперса, отграничили культурный потенциал древности от оснований, целей и особого типа универсализма культуры, который, несмотря на старые проблемы и новые вызовы, все еще сохраняет свое значение.

В сущности, с осевым временем связывается именно универсальный характер принципов построения человеческого общества в качестве единого и в пространстве, и во времени и, таким образом, приходящего в процессе своего исторического развития к некоему единому для всех совершенному состоянию. Это позволяет утверждать, что именно определенный тип универсализма,

претендующий на окончательность, является тем исходным образцом, который и делает соответствующее время осевым. В результате оно превратилось в конвенциональный маркер ранее не выделяемого, но затем неожиданно обнаружившего свою исключительную важность исторического периода, последствия которого, несмотря на его ограниченность во времени по меркам всемирной истории, определили развитие цивилизации на тысячелетия вперед.

Речь идет о последствиях такой пограничной эпохи, с одной стороны которой находится безличная однородность и массивность мифологической архаики с ее слабо структурированным и локальным коллективизмом. С другой ее стороны располагается такая культура, в центре которой стоит отдельный человек как деятельная личность, понимающая себя в качестве некоторой автономной единицы, способная к рефлексии над собственным мышлением и к поведению, основанному на личной ответственности, что является специфической предпосылкой того типа универсализма, который присущ первым формам и философии, и монотеизма.

К. Ясперс подчеркивает, что появление такого человека означало прежде всего разрушение мифологических оснований прежней

культуры и создание основных категорий мышления, которые сделали его рациональным и универсальным и с помощью которых люди мыслят до сих пор. Главное, что, по мнению К. Ясперса, обеспечивается осевым временем – это возможность понимать историю в качестве универсального процесса, охватывающего все человечество, которая появляется благодаря тому, что именно в осевое время люди впервые начинают мыслить трансценденцию – некоторую не поддающуюся объективации действительность.

Выполняя функцию абсолюта, находящегося за пределами материального мира, трансценденция является залогом универсальности в качестве императива исторического развития. К. Ясперс подчеркивает, что, будучи однократным, осевое время требует тем не менее возвращения к себе и восстановления связи с ним для того, чтобы вновь и вновь обретать постоянно искажаемую, забываемую и утрачиваемую истину [Ясперс 1991, 38–39]. Нельзя, однако, не признать, что значение последствий осевого времени разными исследователями понималось довольно неопределенно, и это понимание никогда не было конкретизировано настолько, чтобы довести его до уровня рабочей теоретической концепции.

В итоге эвристический потенциал этой концепции не становился выше и ограничивался возможностями ее использования лишь для обозначения и схематичного описания некоторой исторической реальности, для чего, впрочем, она годилась изначально [Provan 2013]. Кроме того, довольно скоро обнаружилось, что особая значимость выделенного К. Ясперсом исторического периода признавалась не им одним. Однако оценка его влияния на последующее развитие цивилизации могла быть при этом не только однозначно положительной, но и столь же отрицательной.

Пожалуй, самой характерной в этом отношении является позиция одного из основоположников и главных представителей традиционализма Р. Генона. Он считал период, границы которого практически совпадали с теми, которые называл К. Ясперс, источником далеко идущих разрушительных последствий. Для Р. Генона именно тот период, который К. Ясперс называет осевым временем и последствия которого он оценивает однозначно

положительно, является последним, принадлежащим к историческому времени и поддающимся исследованию с помощью «профаных» методов. В итоге Р. Генон реконструирует события этой эпохи, в сущности, точно так же, как К. Ясперс, но тем не менее дает им прямо противоположную оценку.

По мнению Р. Генона, в эту эпоху в культуре всех народов на самом деле произошли переломные, но отнюдь не конструктивные, а однозначно разрушительные изменения. В частности, согласно и К. Ясперсу, и Р. Генону, именно к этому времени относится возникновение той специфической формы мышления, которая получила характерное название «философия» – «любовь к мудрости», но отнюдь не сама «мудрость». Для Р. Генона философия как некая предварительная стадия развития мышления равнозначна поддельной или ложной мудрости, полностью отбросившей эзотерическую сторону знания и породившей гуманизм в качестве одного из результатов отхода от первоначальной традиции.

В целом этот период, в понимании Р. Генона, действительно определил будущее, но оценивается он им как источник деградации цивилизации и всех ее последующих бед. В результате то, что для К. Ясперса является восхождением к подлинному универсализму, Р. Геноном рассматривается как источник движения по нисходящей линии развития, неизбежно ведущей к катастрофическому завершению циклического периода времени. Поэтому, в противоположность Ясперсу, последствия исторического периода, который хронологически и содержательно – но не оценочно – с удивительной точностью совпадает с осевым временем, вызывают, по убеждению Р. Генона, глубокий кризис современного мира [Генон 2004, 159–176].

Указанные особенности концепции осевого времени свидетельствуют о том, что она основывается отнюдь не на обобщении реальных исторических фактов, целью которых могло бы быть более масштабное, объемное и точное описание событий далекого прошлого. Эта концепция вообще ориентирована не столько на поиск и анализ действительно имевших место исторических событий, не столько на прошлое как таковое, сколько на выявление смысла и последствий некоторых

возможных исторических процессов, восходящих именно к осевому времени. В этом смысле постулат осевого времени представляет собой инструмент концептуальной истории идей и исторической герменевтики.

К. Ясперс говорит, с одной стороны, о некотором содействии углублению нашего понятия современности, а с другой стороны, о необходимости заглянуть в вечные истоки [Ясперс 1991, 28]. В то же время в дальнейшем изложении он не акцентирует ни приоритетную ориентацию анализа на современность, ни следование схеме возрождения образца прошлого. Такой способ анализа и создает впечатление, что К. Ясперса так же, как историков, действительно интересует в первую очередь само прошлое, осевое время как таковое, а не смысл его последствий и их значение для последующего исторического развития вплоть до современности.

Между тем весьма многозначительны результаты попыток институционализировать концепцию осевого времени, использовать ее в качестве исследовательского инструмента для анализа возникновения религий [Bellah 2011]. Но и ориентация концепции осевого времени на разрешение проблем именно современности, стремление К. Ясперса извлекать из прошлого урок также вызвали большой интерес исследователей, разрабатывавших проблемы философии и социологии [Arnason et al. 2005; Assmann 2012; Bowman 2015; Peet 2019; Roetz 2012]. В этой связи особый интерес имеют причины явного параллелизма процессов развития философии и религии, или, иначе говоря, их структурного подобия. В философии это выражается в ее в качестве метафизики, а в религии – в возникновении монотеизма.

В обеих областях произошло резкое структурное усложнение, которое означало переход от довольно аморфной и неоднородной множественности со слабыми взаимосвязями к централизованному, внутренне дифференцированному, иерархическому единству, претендующему на охват всего сущего. Процессы, вызвавшие этот переход, достаточно точно описываются как распад непосредственных межчеловеческих связей, соответствующих родоплеменному типу общности, и возникновение опосредованных социальных отношений. Таким образом, осевое время открывает эпо-

ху репрезентации, противоположную непосредственности «доосевых» культур.

Главное, что должны были обеспечивать метафизика и монотеизм – создание такой модели символического опосредования, которая порождала бы убеждение в существовании только одной истины и только одного человечества [Assmann 1989], то есть убеждение в существовании универсализма, который присущ модерну. Именно в этом смысле осевое время выступает в качестве структурного прототипа такой разновидности универсализма. При этом традиционно считается, что политеизму в социальном плане соответствует принципиально конфликтная множественность, а монотеизму, напротив, – смягчающее и сглаживающее конфликты единство, способное в итоге окончательно примирить противоборствующие стороны, что, собственно, и объясняет его универсалистские притязания.

Между тем даже до обращения к историческим фактам, о смысле которых можно спорить, ясно, что понимание политеизма в качестве источника непримиримых противоречий делает концепцию осевого времени если и не бессмысленной, то все же весьма сомнительной. Приходится предположить, что если метафизике, как и монотеизму, предшествовал политеизм, то его структура должна была быть все же несколько иной, чем это обычно принято считать. Такое предположение обусловливается тем, что с метафизикой и монотеизмом в качестве «центрированных» систем, элементы которых группируются вокруг одного особого, связывается модель единства, основанная на так называемом бинаризме.

В парадигме бинаризма исходной единицей любой внутренне дифференцированной целостности является элементарная структура – бинарная оппозиция, состоящая, естественно, из двух элементов, которые тесно взаимосвязаны. В то же время они изначально неравноценны хотя бы уже потому, что один из них является первым, а другой – вторым, и, таким образом, их единство представляет собой простейшую иерархию. В соответствии с логикой рассматриваемого подхода существование бинарных оппозиций на этапе политеизма допустить нельзя. Их просто не может быть, потому что в противном случае

структурирование множеств в качестве иерархии, то есть путем «центрации», могло бы произойти и до осевого времени, и даже вообще без него.

Именно бинаризм выступает в качестве главного новшества осевого времени, с которым могли связываться надежды на глобальное примирение и обеспечение всеобщего единства. Если следовать представлению о качественной новизне осевого времени, то в политеистических религиях должна обнаруживаться парадоксальная способность избегать бинарных оппозиций, а точнее – устанавливать такие формы единства, которые не основываются на бинаризме. Косвенным, но, самым красноречивым свидетельством необходимости ввести в теорию такую способность является явная и устойчивая потребность современной философии в концепции так называемого «первобытного мышления», или «первобытного менталитета».

Один из основоположников этой концепции Л. Леви-Брюль исходил из предположения, что могут существовать различные менталитеты, отличающиеся друг от друга не столько степенью развития и отдельными особенностями, сколько типом. Различие между современным и первобытным типами мышления, согласно Л. Леви-Брюлю, заключается в том, что первобытный менталитет малочувствителен к противоречиям и причинности [Леви-Брюль 2002]. Иными словами предмет может быть одновременно самим собой и чем-то иным, что делает представления о тождестве, различии, противоречии и причинности невозможными.

Столь же определенно особенности мифологического сознания, касающиеся отношения к бинарным оппозициям, были зафиксированы и систематически описаны К. Леви-Стросом. Он выявил и теоретически оформил их с помощью термина «бриколаж» (от фр. *bricolage*), означающего нечто вроде «самодельщины», «любительской работы». Бриколаж в прямом смысле подразумевает конструкции, сделанные лишь из подручных материалов, которые остались после разрушения предшествующего сооружения, и с помощью ограниченного набора инструментов, имеющихся в наличии на данный момент. Поэтому структура этих поделок представляет собой непрочное, из-

менчивое соединение несоединимого, и связи между частями целого постоянно возникают, разрушаются и вновь появляются, образуя различные конфигурации при неизменности набора элементов.

Это означает, что бриколаж строится не на основе фиксированных бинарных оппозиций, а представляет собой повторяющийся процесс встряски, разрушения и создания новой системы из фрагментов некоторой предварительно разрушенной конструкции [Леви-Строс 1994, 128–140]. При этом уже существующие различия используются для создания новых. Таким образом, в понятии бриколажа подразумевается, что смысл некоторого элемента системы не считается внутренне присущим ему, а определяется его отношением к другим элементам, как применительно к языку это было постулировано в структурной лингвистике Ф. де Соссюра.

Поскольку у К. Леви-Строса бриколаж характеризует структуру связи между культурой и природой, субъектом и объектом и в общем смысле между означаемым и означающим в структуре мифов, именно он, характеризуясь превращением означаемого в означающее и наоборот, противопоставляется понятийному мышлению, которое указывает на некоторую иную вещь в качестве четко определенного означаемого¹. Таким образом, различие между мифом и рациональным мышлением существенно определяется способом референции, невыходящей за пределы постоянно разрушаемой и вновь создаваемой системы в случае бриколажа. Напротив, мышление в понятиях соотносит себя с внешним миром, и оно, не допуская смешения означающего с означаемым, то есть, будучи репрезентативным, было бы невозможно без опоры на бинарные оппозиции.

Отсюда следует, что вопреки простейшим реконструкциям политеизм должен считаться не только почитанием многих богов, но и особым представлением о том, каким образом боги живут совместно и проявляют себя до того времени, когда появляется понятие трансцендентного бога. Лишь переход от мифа к логосу и, соответственно, от множества богов к представлению о едином боге, приведший к возникновению метафизики и монотеизма, означал появление первых

символических порядков, структурированных не только «горизонтально», но и «вертикально», то есть иерархически. Особенно отчетливо формирование такой иерархической структуры видно в развитии метафизики, которую именно вследствие этого М. Хайдеггер характеризовал как онто-тео-логию [Хайдеггер 1997].

При этом переход от мифа к Логосу соответствовал замещению непосредственных структурных зависимостей, запечатленной в мифе игры сходств и подобий, едва отличимых друг от друга, уже довольно сложными опосредованными отношениями. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что концепция Логоса, связываемая с философией Гераклита, обуславливается появлением именно тех принципов, которые должны рассматриваться как выражение духа осевого времени. Однако это делает концепцию Логоса зависимой от тех открытий, автором которых традиционно считается Парменид, относимый, как правило, к идейным противникам Гераклита. Это не только первоначальная формулировка закона исключенного третьего, то есть признание того, что с помощью средств, которые использовались в мифе, противоречие не только не может быть преодолено, но даже и не может быть увидено.

В сущности, означаемое и означающее для мифологического сознания неразличимы, между ними нет принудительной связи, превращающей их в исходную модель иерархии и тем самым запрещающей их перестановку. Поэтому одной из главных заслуг Парменида следует считать открытие той новой реальности, которая скрывается по ту сторону закона исключенного третьего и требует для принудительного отождествления нетождественного, то есть преодоления противоречия, следования некоторым принципам и правилам [Heinrich 1987; 1992]. Именно Парменид открывает появление в мышлении некоторых жестких ограничений, в соответствии с которыми должно осуществляться отождествление нетождественного, то есть законов, которым мышление должно подчиняться².

Впоследствии эти ограничения будут теоретически оформлены как законы логики, отличающие мышление осевого времени от первобытного мышления и делающие его эф-

фективным в условиях перманентного конфликта. У Гераклита анонимная принудительность единства противоположностей уже характерным образом описывается как борьба, то есть единство через столкновение враждебных усилий. Эта четко выраженная мыслительная необходимость, некая принудительная структура мышления, воспроизводящаяся в иерархической структуре метафизики, делает явными внутренние напряжения усложнившихся структур опосредования в обществе.

При этом истина как непосредственность, ничем не замутненная чувственная данность или, если воспользоваться хайдеггеровским термином, «несокрытость», попадает под власть принудительно установленных отношений. Она частично заслоняется, частично искажается ими, становясь в итоге «сокрытой» [Хайдеггер 2009]. Иначе говоря, истина как несокрытость, будучи отличительным признаком исходного, «доосевого» состояния непосредственности, «золотого века» человечества, попадает во внутренне напряженную систему опосредований. В итоге на смену естественной среде приходит символическая, подчиняющая себе «неприрученность» мышления, дисциплинирующая его путем подчинения системе ограничений и превращающая его в «логическое».

Считается, что теперь доступ к несокрытости возможен либо путем включения в систему социальных опосредований, то есть дискурсивного, развертывающегося во времени приобщения к накопленным знаниям, либо путем радикального выхода из этой системы ради обретения непосредственности мистического опыта. С пониманием истины описанные метаморфозы происходят потому, что вследствие появления метафизики «несокрытость», как сформулировал это М. Хайдеггер, идет «под иго» идеи. В итоге истина включается в систему опосредований, становится направленностью на идею, превращаясь в «правильность взгляда» [Хайдеггер 1993, 357] и тем самым выступая в качестве элемента бинарной оппозиции правильность / неправильность.

Таким образом, ту принудительность, которая с начала осевого времени будет проявляться и фиксироваться в законах становя-

щегося знания о мышлении и опирающейся на метафизику логики, открывает именно Парменид. Соответственно, метафизика как система идеальных сущностей, будучи продуктом осевого времени, представляет собой символическую модель опосредования, невозможного без размежевающей силы отрицания, которое обеспечивает прогрессирующую дифференциацию на основе бинарных оппозиций. Все эти изменения привели к концепции знания, которое радикально отличается от «знания», типичного для «неприрученной» мысли.

Не менее показательна и структура монотеизма, в которой единый Бог определенным образом подчинил себе множество божеств. В этом отношении очевидно, что монотеизм, как и первые формы метафизики, представляет собой переход от множества к единству, которое также структурировано как иерархия [Schneider 2008]. Поэтому именно иерархия выступает как структурный прототип того безальтернативного и окончательного универсализма, притязания на установление которого являются характерной отличительной чертой модерна. Соответственно, хотя становление монотеизма и выглядит более сложным процессом, чем становление метафизики, анализ его формирующейся структуры приводит к тем же выводам, что и анализ формирования структуры метафизики.

Это обращает внимание на главную специфическую особенность политеизма в теоретических реконструкциях, основывающихся на гипотезе осевого времени. Хотя этой особенностью действительно должна считаться уже отмеченная нечеткость взаимоотношений между богами в пантеонах культур, предшествовавших цивилизациям осевого времени, одной этой констатации явно недостаточно для обобщающей характеристики. Логика концепции осевого времени неизбежно приводит к вопросу о том, как структурные различия мышления осевого и «доосевого» времени воспроизводятся во вполне практических различиях в отношении к чуждости, инаковости и вообще к Другому.

В соответствии с моделями партиципации и бриколажа и в согласии с концепцией осевого времени, отношение к Другому, как это ни парадоксально, должно быть более

мягким и терпимым в культурах «доосевого» времени, правда, не на самом раннем этапе, то есть не на уровне родоплеменных объединений. На этом этапе, насколько можно судить, «свое» отграничивалось от «чужого» весьма резко, и потому сама возможность широкого единства, не говоря уже об универсализме, исключалась. В противоположность этому имеется в виду тот этап формирования ранних форм государственности, который был связан с появлением первых, сравнительно простых структур социального опосредования.

Это обусловлено тем, что во взаимоотношениях богов политеизма воспроизводится качество межчеловеческих отношений в «доосевых» обществах, в которых, как предполагается, представление о бинарных оппозициях было еще не сформировано. Немецкий египтолог Я. Ассман считает, что особое качество таких межчеловеческих отношений выразительнее и четче всего представлено императивами, исходящими от одной из богинь древнеегипетского пантеона Маат («правда», «справедливость») [Assmann 2006], хотя следы аналогичных представлений можно обнаружить и при изучении пантеонов других культур.

Соответствующие императивам Маат межчеловеческие отношения предполагают условия сосуществования людей, которые, уже подчиняясь законам иерархии, заметно отличаются от условий родоплеменного строя, но еще не достигли той степени однозначности, которая, как предполагается, была характерна для осевого времени. Тем не менее Маат, как считается, позволяет установить не только «горизонтальные», но и «вертикальные» межчеловеческие отношения. В результате, хотя «правда» и «справедливость» распространяются на более многочисленные сообщества, в их основе, строго говоря, все же еще не лежат ни бинарные оппозиции, ни четкие иерархические структуры.

Монотеизм, как и метафизика, соответствует более сложным структурам социального опосредования, но он преобразует пантеоны древности иначе, чем метафизика. Если в метафизике боги политеизма в конечном итоге превращаются в иерархическую систему абстрактных понятий [Adorno 2001, 18–20], то в монотеизме совокупность языческих бо-

жеств замещается иерархической системой ангелов, «служебных духов». Они беспрекословно подчиняются единому Богу, несут перед ним ответственность и служат ему, воюют с его врагами и выступают посредниками между ним и миром. Иерархичность системы «служебных духов» и их посредническая функция проявляются и в ветхозаветном образе лестницы Иакова, и в представлении об ангельских чинах.

Известно, что возникновение монотеизма было не постепенным созреванием, а резким разрывом с предшествовавшими формами религии в качестве результата исхода из Египта [Assmann 1998]. Разрыв нашел выражение в понимании этих форм в качестве «патриархальных», «языческих» и в конечном счете однозначно ложных. Это указывает на то, что в основе монотеизма так же, как и в основе метафизики, уже лежат бинарные оппозиции, делающие монотеизм несравнимым с другими религиями. Если следовать этой логике, соответствующей принципам концепции осевого времени, то в политеизме, напротив, должны были быть возможны сравнимость и сосуществование «своих» и «чужих».

Иными словами, сравнимыми должны считаться принадлежащие к другим пантеонам божества. Это в точности подобно тому, как в «дометафизическом» мышлении, основанном на принципе «партиципации», должны были мирно сосуществовать рядом взаимоисключающие суждения. Соответственно, в условиях политеизма любой договор, заключаемый от имени богов договаривающихся сторон, означал бы сравнимость этих богов, а в ряде случаев даже возможность их отождествления друг с другом, поскольку их имена должны были бы считаться условностью, за которой скрывается один и тот же бог.

Напротив, переход от так понимаемого политеизма к монотеизму должен – в соответствии с представлением о сути качественного своеобразия осевого времени – означать проведение резких границ между «своим» и «чужим», так что чужие божества считались бы однозначно ложными. Следовательно, их сравнение со своими божествами, не говоря об их отождествлении друг с другом вследствие условности их имен, становится невозможным [Assmann 2010, 1–23]. После возникновения

христианства бинарный характер структур опосредования начинает размываться и именно способность преодоления резкого разрыва между «своим» и «чужим» отражается в понимании христианской любви как основы христианского универсализма.

Критика и самокритика модерна – во всяком случае, в их секулярных версиях, использующих тип дискурса, который присущ ему самому, – начали выступать в виде переосмысления сущности метафизики и призывов к ее преодолению. Основой этой критики, в свою очередь, является стремление отказаться от иерархии в качестве прототипа структуры универсального единства. Критика ведет еще дальше, предсказуемо относя истоки иерархии в качестве прототипа универсализма к возникновению в мышлении бинарных оппозиций³.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что отказ от бинаризма сделал бы концепцию осевого времени необязательной. Это вызывает трудности различения между специфической логикой постмодерна, требующей размывания любой идентичности, и мышлением, которое прежде считалось присущим лишь обществам, предшествовавшим осевому времени. Тем самым прототип универсализма, восходящий к осевому времени, оказывается неоднозначным. Он, в свою очередь, подводит к вопросу о том, что после деконструкции бинаризма (если она осуществима) могло бы прийти на смену прототипу универсализма, который возник в осевое время и определяет историческое своеобразие модерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нельзя не отметить, что представление о качественном своеобразии «первобытного менталитета» представлено не только концепциями Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса. Сюда же следует отнести теоретическую модель «расколдовывания» мира и «рационализации» М. Вебера, а также гипотезу коллективного бессознательного К.Г. Юнга, который считает бессознательное темным, спутанным, иррациональным, алогичным и в структурном отношении близким к сновидениям и мифологии. В истории философии эта же схема лежит и в основе концепции перехода от мифа к Логосу.

² Парменид первый осознал, что абстрактное мышление несвободно, что оно не является произ-

вольным созданием и сочетанием несоединимых образов (что характерно только для первобытного менталитета), а содержит «элемент принудительности», хотя и осознаваемый лишь частично [Йегер 2001, 219–224]. Эта неустранимая принудительность затем была оформлена теоретически в качестве законов логики, среди которых особое значение для моделирования различий имеет закон исключенного третьего. Именно законы логики дают возможность проведения в мышлении резких границ между мысленными образами и являются необходимой предпосылкой возникновения четко очерченных и потому поддающихся определению понятий.

³ Как указывает Ж. Деррида, классические философские оппозиции представляют собой «силовые иерархии», а деконструировать оппозицию – значит «перевернуть иерархию» [Деррида 2007, 50].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генон 2004 – *Генон Р.* Кризис современного мира // Традиционные формы и космические циклы. М.: Беловодье, 2004. С. 151–300.
- Деррида 2007 – *Деррида Ж.* Позиции. М.: Академ. проект, 2007.
- Йегер 2001 – *Йегер В.* Пайдейя: Воспитание античного грека. В 2 т. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001.
- Леви-Брюль 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: Европ. дом, 2002.
- Леви-Строс 1994 – *Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // Первобытная мысль. М.: Республика, 1994. С. 111–336.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 345–361.
- Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Онто-тео-логическое строение метафизики // Тожество и различие. М.: Гнозис: Логос, 1997. С. 29–59.
- Хайдеггер 2009 – *Хайдеггер М.* Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009.
- Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 27–286.
- Adorno 2001 – *Adorno T.W.* Metaphysics: Concept and Problems. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.
- Arnason et al. (eds.) 2005 – *Arnason, J.P., Eisenstadt, S.N., Wittrock B. (eds.)* Axial Civilizations and World History. Leiden; Boston, MA: Brill, 2005.
- Assmann 1989 – *Assmann A.* Jaspers' Achsenzeit, oder: Schwierigkeiten mit der Zentralperspektive in der Geschichte // Karl Jaspers – Denken zwischen Wissenschaft, Politik und Philosophie. Stuttgart: Metzler, 1989. S. 187–205.
- Assmann 1998 – *Assmann J.* Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1998.
- Assmann 2006 – *Assmann J.* Ma'at: Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten. München: Beck, 2006.
- Assmann 2010 – *Assmann J.* The Price of Monotheism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010.
- Assmann 2012 – *Assmann J.* Cultural Memory and the Myth of the Axial Age // The Axial Age and Its Consequences. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. P. 366–407.
- Bellah 2011 – *Bellah R.N.* Religion in Human Evolution: from the Paleolithic to the Axial Age. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
- Bowman 2015 – *Bowman J.* Cosmopolitan Justice: The Axial Age, Multiple Modernities, and the Postsecular Turn. Cham: Springer, 2015.
- Heinrich 1987 – *Heinrich K.* Tertium Datur: eine religionsgeschichtliche Einführung in die Logik. Basel: Stroemfeld und Roter Stern, 1987.
- Heinrich 1992 – *Heinrich K.* Parmenides und Jona: Vier Studien über das Verhältnis von Philosophie und Mythologie. Basel: Stroemfeld und Roter Stern, 1992.
- Peet 2019 – *Peet C.* Practicing Transcendence: Axial Age Spiritualities for a World in Crisis. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2019.
- Provan 2013 – *Provan I.* Convenient Myths: The Axial Age, Dark Green Religion, and the World that Never Was. Waco, TX: Baylor University Press, 2013.
- Roetz 2012 – *Roetz H.* The Axial Age Theory: A Challenge to Historicism or an Explanatory Device of Civilization Analysis? With a Look at the Normative Discourse in Axial Age China // The Axial Age and Its Consequences. Cambridge, MA; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. P. 248–273.
- Schneider 2008 – *Schneider L.C.* Beyond Monotheism: A Theology of Multiplicity. L.; N. Y.: Routledge, 2008.

REFERENCES

- Guénon R., 2004. The Crisis of Modern World. *Traditional Forms and Cosmic Cycles*. Moscow, Belovod'ye Publ., pp. 151-300.
- Derrida J., 2007. *Positions*. Moscow, Akademicheskii projekt Publ.
- Jäger W. *Paideia: The Formation of Greek Man*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Greko-latinskyi cabinet Yu.A. Shichalina Publ.

- Lévy-Bruhl L., 2002. *Primitive Mentality*. Saint Petersburg, Evropeyskiy Dom Publ.
- Lévi-Strauss C., 1994. The Savage Mind. *The Primitive Thinking*. Moscow, Respublika Publ., pp. 111-336.
- Heidegger M., 1993. Plato's Doctrine of Truth. *Time and Being: Articles and Speeches*. Moscow, Respublika Publ., pp. 345-361.
- Heidegger M., 1997. The Onto-Theo-Logical Constitution of Metaphysics. *Identity and Difference*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., pp. 29-59.
- Heidegger M., 2009. *Parmenides*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ.
- Jaspers K., 1991. The Origin and Goal of History. *The Meaning and Goal of History*. Moscow, Politizdat Publ., pp. 27-286.
- Adorno T.W., 2001. *Metaphysics: Concept and Problems*. Stanford, CA, Stanford University Press.
- Arnason J.P., Eisenstadt S.N., Wittrock B. (eds.), 2005. *Axial Civilizations and World History*. Leiden, Boston, MA, Brill Publ.
- Assmann A., 1989. Jaspers' Axial Age, Or Difficulties with Central Perspective in History. *Karl Jaspers – Thinking between Science, Politics and Philosophy*. Stuttgart, Metzler Publ., pp. 187-205.
- Assmann J., 1998. *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press.
- Assmann J., 2006. *Ma'at: Justice and Immortality in Ancient Egypt*. Munich, Beck Publ.
- Assmann J., 2010. *The Price of Monotheism*. Stanford, CA, Stanford University Press.
- Assmann J. 2012. Cultural Memory and the Myth of the Axial Age. *The Axial Age and Its Consequences*. Cambridge, MA, London, The Belknap Press of Harvard University Press, pp. 366-407.
- Bellah R.N., 2011. *Religion in Human Evolution: from the Paleolithic to the Axial Age*. Cambridge, MA, London, The Belknap Press of Harvard University Press.
- Bowman J., 2015. *Cosmopolitan Justice: The Axial Age, Multiple Modernities, and the Postsecular Turn*. Cham, Springer Publ.
- Heinrich K., 1987. *Tertium Datur: An Historical and Religious Introduction to Logic*. Basel, Stroemfeld und Roter Stern Publ.
- Heinrich K., 1992. *Parmenides and Jonah: Four Studies on the Relationship of Philosophy and Mythology*. Basel, Stroemfeld und Roter Stern Publ.
- Peet C., 2019. *Practicing Transcendence: Axial Age Spiritualities for a World in Crisis*. New York, Palgrave Macmillan Publ.
- Provan I., 2013. *Convenient Myths: The Axial Age, Dark Green Religion, and the World that Never Was*. Waco, TX, Baylor University Press.
- Roetz H., 2012. The Axial Age Theory: A Challenge to Historicism or an Explanatory Device of Civilization Analysis? With a Look at the Normative Discourse in Axial Age China. *The Axial Age and Its Consequences*. Cambridge, MA, London, The Belknap Press of Harvard University Press, pp. 248-273.
- Schneider L.C., 2008. *Beyond Monotheism: A Theology of Multiplicity*. London, New York, Routledge Publ.

Information About the Author

Alexander I. Pigalev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pigalev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

Информация об авторе

Александр Иванович Пигалев, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pigalev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.2>

UDC 291.1
LBC 86.2

PROSPECTS FOR THE CONVERGENCE OF RELIGIOUS AND GAMING ACTIVITIES IN THE POST-SECULAR ERA

Dmitriy R. Javorskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article explores the relationship between religion and play as two types of activity. The relevance of this comparison is dictated by the fact that a playful attitude to religion is fraught with conflict situations, since under certain conditions it borders on sacrilege, “insulting the feelings of believers”. The author of the article proceeds from the fact that in order to clarify the boundaries and areas of intersection of religion and the game, it is advisable to clarify the concept of religion. The “classical” concept of religion, as shown by a whole series of religious studies and historical studies, is essentially Christian-centered, therefore, in order to enter a broader subject field, it requires revision. An appeal to anthropology and the history of religion shows that religious practices do not exclude, in principle, a gaming relationship. Moreover, in some historically and anthropologically fixed religions, the game is an integral part of the relationship to the superhuman world of gods and spirits. Even in the Christian tradition, remnants of the game component of religious practices remain, for example, in the form of carnivals. The author comes to the conclusion that the separation of religion from the game occurs only in Modern times, when the very concept of religion becomes clearer, and religion in scientific, political and legal discourse is separated from other activities (science, politics, art, economics, etc.). Therefore, paradoxical as it may seem at first glance, the separation of the game and religion is a side effect of secularization. The post-secular situation allows for the convergence of religion and games in a variety of forms: in the cultural and historical reconstruction of “neo-paganism”, in the parody practices of “Pastafarianism”, in the form of cosplay “Jedi”, etc. The blurring of the boundary between religion and play in modern culture is facilitated by aesthetic practices that cultivate the so-called “post-irony” is a special communicative state in which participants are not able to accurately determine the pragmatic status of messages sent and received, and it is this discrepancy in interpretations that generates conflict situations, the theoretical understanding of which is devoted to the article.

Key words: game, carnival, cosplay, post-irony, post-secularity, religion, secularization.

Citation. Javorskiy D.R. Prospects for the Convergence of Religious and Gaming Activities in the Post-Secular Era. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.2>

УДК 291.1
ББК 86.2

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНВЕРГЕНЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ И ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОСТСЕКУЛЯРНУЮ ЭПОХУ

Дмитрий Ромуальдович Яворский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется взаимоотношение религии и игры как двух видов деятельности. Актуальность этого сопоставления диктуется тем, что игровое отношение к религии чревато конфликтными ситуациями, поскольку при определенных условиях оно граничит со святотатством, «оскорблением чувств верующих». Автор статьи исходит из того, что для уяснения границ и областей пересечения религии и игры целесообразно уточнить понятие религии. «Классическое» понятие религии, как показала целая серия религиоведческих и исторических исследований, в сущности, христианоцентрично, поэтому для выхода на более широкое предметное поле оно требует пересмотра. Обращение к антропологии и истории религии показывает, что религиозные практики не исключают в принципе игрового отношения. Более того, в некоторых

исторически и антропологически зафиксированных религиях игра составляет неотъемлемую часть отношения к сверхчеловеческому миру богов и духов. Даже в христианской традиции сохраняются пережитки игрового компонента религиозных практик, например, в виде карнавалов. Автор приходит к выводу, что отграничение религии от игры происходит только в Новое время, когда само понятие религии становится более четким, и религия в научном, политическом и юридическом дискурсе отделяется от иных видов деятельности (науки, политики, искусства, экономики и т. п.). Поэтому, как это ни парадоксально покажется на первый взгляд, разведение игры и религии – побочный эффект секуляризации. Постсекулярная ситуация допускает конвергенцию религии и игры в самых разнообразных формах: в культурно-исторической реконструкции «неоязычества», в пародийных практиках «пастафарианства», в форме косплея «джедаистов» и т. д. Размыванию границы между религией и игрой в современной культуре способствуют эстетические практики, культивирующие так называемую «постиронию» – особое коммуникативное состояние, в котором участники не способны точно определить прагматический статус отправляемых и получаемых сообщений, и именно это расхождение в интерпретациях порождает конфликтные ситуации, теоретическому осмыслению которых посвящена статья.

Ключевые слова: игра, карнавал, косплей, постирония, постсекулярность, религия, секуляризация.

Цитирование. Яворский Д. Р. Перспективы конвергенции религиозной и игровой деятельности в постсекулярную эпоху // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.2>

Постановка проблемы

Некоторое время назад автору статьи довелось участвовать в дискуссии по поводу рекламы, в которой были использованы видеоизмененные религиозные образы и символы. В центре рекламного изображения был помещен объект, напоминающий евхаристическую чашу, в ней изображена жидкость (видимо, пиво, поскольку именно оно рекламировалось), в которой плавала льдина. По сторонам чаши располагались две мужские фигуры с крыльями, нимбами и со смартфонами на моноподах. Название продукта было выписано шрифтом, имитирующим старославянский стиль. Организатор дискуссии предложил ответить на вопрос «оскорбляет ли это изображение чувства верующих?» и аргументировать свой ответ. Как нетрудно догадаться, мнения разделились. Защитники рекламы инкриминировали своим оппонентам отсутствие чувства юмора. Оппоненты парировали, указывая на неуместность юмора в вопросах веры. Стало понятно, что участники дискуссии расходятся в главном: в вопросе – совместима ли религия с юмором, смехом и шире – игрой, или несовместима. Уместно заметить, что в изображении, по поводу которого шла дискуссия, есть признаки игры: свобода в обращении с материалом (в данном случае образами и символами) и забавность (о чем свидетельствует реакция тех, у кого изображение не вызывало возмущения) [Хейзинга 2011].

Этот кейс, будучи рассмотренным на философском уровне, побуждает обсудить вопрос о соотношении религии и игры в широком смысле слова. Разумеется, если бы это был единичный случай, он не требовал бы такого внимания. Однако подобного рода вопросы все чаще возникают в гуще социальных практик и нередко переводятся в конфликтную плоскость, предполагающую в лучшем случае юридическое, а в худшем – политическое решение.

Позиция противников союза религии и игры в сжатом виде могла бы выглядеть следующим образом. Религия – это система (или совокупность) представлений, убеждений и регламентированных действий, в центре которых находится нечто сакральное. Как показал немецкий феноменолог религии Рудольф Отто, сакральное – то, что вызывает благоговение, священный трепет, то, что завораживает [Отто 2008]. А эти переживания и чувства несовместимы с игровой несерьезностью. Американский философ и психолог Уильям Джеймс писал по этому поводу: «Настоящая религиозность сделала бы невозможным тот легкомысленный тон, каким говорит Ренан. Она порождает серьезное отношение к жизни и исключает легкомыслие; она заставляет умолкнуть пустую, хотя бы и блестящую речь. Религия враждебна не только дерзости иронии, но и мрачному ропоту и жалобам. Для многих религий мир трагичен, но трагедия в них является очистительным моментом, не исключаящем веры в конечное спасение»

[Джеймс 2017, 31]. Немецко-американский философ и культуролог Ойген Розеншток-Хюсси негодовал в одной из своих лекций по сравнительному религиоведению перед студентами Дартмутского колледжа: «У меня есть коллега – еврейский господин, который сказал: ”Иисус не был великим человеком, так как у него не было чувства юмора”... Юмор – это нечто вторичное. Конечно, у Него не было чувства юмора, так как Он вынужден был иметь дело с реальными вещами. У вас есть чувство юмора, потому что вы не живете, вы только смеетесь и играете. Играя вам проще иметь чувство юмора» [Rosenstock-Huessy 2005] ¹.

Однако эти аргументы далеко не бесспорны. С точки зрения исследователя религии, самое уязвимое место представленной аргументации – стихийное понятие религии, которое скрыто лежит в основе приведенных позиций. Как показали исследования последних десятилетий, такое понятие религии не старше XVII в. и возникло оно под влиянием социальных, политических и идеологических процессов, инициированных в недрах Реформации и Просвещения [McCutcheon 1997; Dubuisson 2003]. Важно также заметить, что это понятие сложилось не в результате отвлеченных научных дискуссий и по правилам формальной логики, а спонтанно и по принципу «семейного сходства» [Витгенштейн 1994, 111; Лакофф 2011, 32–34; Иллка Пюсиайнен... web].

Реформация, породившая ценность религиозной свободы, привела европейские нации к необходимости исключения вопросов веры из области политики, ведь именно крайняя политизация веры породила кровопролитные религиозные войны XVI–XVII вв. в Западной Европе. Но, чтобы отделить религию от политики, необходимо было сначала с юридической четкостью обозначить границы «религии». Однако средневековье не знало этих границ. «Религия» была вплетена почти во все культурные практики (семейные, профессиональные, социально-политические). По этой причине затруднительно было сходу ответить на вопрос: то, что находится перед нами имеет отношение к религии или нет? Юридически были четко прочерчены границы церкви как общественного института, но не границы «религии». Впрочем, можно сказать, что эти гра-

ницы, как правило, совпадали. Именно выход религиозных практик за границы церкви (Католической церкви) в эпоху Реформации остро поставил вопрос о границах религиозного. Ревнителю Американской и Французской революции XVIII в., подхватив ценность религиозной свободы, предприняли юридическое закрепление «свободы совести». Однако это также требовало конвенционального понятия религии, на которое могли бы опираться законодатели и применители права.

Неудивительно, что это понятие религии было почерпнуто из привычной европейцам практики христианских церквей. Религия стала ассоциироваться как минимум с тремя вещами: 1) с отношением человека к сверхъестественному Субъекту (или субъектам); 2) с практиками благоговения, регламентированными в ритуале; 3) с аскетическими практиками, нацеленными на «спасение души». Далее заработал описанный Л. Витгенштейном принцип образования категорий, который он назвал принципом «семейного сходства». Согласно этому принципу при образовании категории интеллект выделяет образцовый элемент множества. Свойства этого элемента задают признаки принадлежности к множеству. Например, если мы обнаруживаем в исламе отношения со сверхъестественным субъектом и практики ритуального благочестия, этого достаточно, чтобы причислить его к категории религий, даже если мы не обнаруживаем там аскетических практик, подобных монашеским практикам в христианстве. Если мы обнаруживаем в буддизме аскетические практики, то это уже (согласно принципу «семейного сходства») позволяет причислить буддизм к категории религий, даже если мы не обнаруживаем там ярко выраженного представления о связи людей с богами. Поскольку цель выработки конвенционального понятия религии состояла в том, чтобы отделить ее от сферы «мирского», «секулярного», постольку все остальные области социально-культурной жизни – политика, искусство, наука, труд, повседневные практики, развлечения и др. были исключены из понятия религии.

С недостатками такого понимания религии чаще всего сталкиваются антропологи и социологи, изучая как традиционные, так и современные общества, где религия занима-

ет по большей части то положение, какое отводилось ей в средневековой Европе (равно как и в исторически и географически иных культурах). И, как выясняется, там, где люди встречаются со «сверхъестественным» и «священным» и там, где они практикуют аскезу, они не так уж чужды игре.

Историко-культурные прецеденты конвергенции религии и игры

Нидерландский культуролог Йохан Хейзинга со ссылкой на труды антропологов показывает, что священнодействие «разыгрывается, исполняется в пределах реально выделенного игрового пространства как подлинный праздник, то есть радостно и свободно» [Хейзинга 2011, 40]. Й. Хейзинга обращается за антропологическим материалом к книге А.Э. Йенсена «Церемонии обрезания и инициации у первобытных народов». Описанные здесь ритуалы показывают, что архаическому человеку, совершающему сакральные церемонии, вовсе не чужда «задняя мысль», что все это происходит «не взаправду» [Хейзинга 2011, 51]. Мужчины – участники ритуала инициации, в полной мере играют, так как именно они «прописывают» сценарий ритуала, изготавливают ритуальные маски духов предков и распространяют леденящие кровь истории о жестокости этих духов и о жуткой судьбе тех, чьими действиями во время ритуала духи будут недовольны. Вместе с тем мужчины понимают, что ритуал инициации определяет дальнейшую судьбу общины, а значит к его проведению следует относиться со всей серьезностью. Настрой посвящаемых колеблется от экстатических состояний и глубокого страха до ребячливой бравады. Наиболее двойственно ведут себя женщины. С одной стороны, они хорошо осведомлены о закулисной стороне ритуала и прекрасно знают, что их собственные мужья скрываются под личинами «духов предков», которые бродят по лесу во время инициации, ловят и испытывают юношей. С другой стороны, по описаниям антропологов, они с неподдельным ужасом разбегаются от людей в маска. Эта двойственность, можно заметить в дополнение, свойственна и ритуалам оплакивания. Плакальщицы, с одной стороны, вовлечены в горестный

ритуал и зачастую впадают в скорбный экстаз, с другой – осознают, что выражаемая ими скорбь – не их скорбь. Хейзинга полагает, что участники ритуала осознают запрет на «шпильбрехерство», то есть на действия, способствующие разрушению священной игры [Хейзинга 2011, 52].

Ценный антропологический материал для изучения отношений между религиозными практиками и игрой дает Г. Бейтсон: «Когда на Бали шаман, называемый балиан, входит в состояние измененного сознания, он (или она) говорит голосом бога, выражаясь так, как это приличествует богу. И когда этот голос обращается к обычным взрослым смертным, он называет их “папа” или “мама”. Ведь балийцы представляют себе отношения между богами и людьми как отношения между детьми и родителями, причем в этих отношениях боги – это дети, а люди – родители. Балийцы не ожидают от своих богов ответственности. Они не чувствуют себя обманутыми, если боги капризничают. Напротив, они радуются небольшим капризам и чарам, которые демонстрируют боги, временно воплощенные в шаманах. Как это непохоже на нашего дорогого библейского Иова!» [Бейтсон 2019, 57]. Получается, что сфера отношений человека с богами ассоциируется с детской игрой, боги играют с людьми, значит и последние оказываются вовлечены в игровые отношения с богами либо как партнеры, либо как игровой инвентарь. Подтверждает эти рассуждения и документальный фильм, снятый Г. Бейтсоном и его супругой – американским антропологом Маргарет Мид – «Транс и танец на Бали». Фильм посвящен балийской церемонии, представлению, во время которого разыгрывается рассказ о конфликте дракона и колдуньи. Постепенно сценическое действие переходит в танец, в ходе которого часть участников впадает в трансовое состояние. Причем транс оказывается настолько глубок, что приходится применять специальные средства для выведения из него. Для европейца антрополога в этой церемонии как бы перемешаны театрализованная игра и серьезный ритуал. Для балийца, по-видимому, здесь нет этой двойственности, он не видит противоречий между ритуалом и игрой.

В приведенных выше примерах взгляды наблюдателя и наблюдаемых не совпадают. В каком-то смысле проблема совмещения игры и ритуала навязана взглядом антрополога, смотрящего из культуры, которая уже разграничила игру и ритуал. Весь антропологический пафос Йенсена, Бейтсона и Хёйзинги основан на удивлении от отсутствия этого разграничения в неевропейских культурах. Однако, если мы переместим наш взгляд в Древнюю Грецию, где зародилась философская культура различения и категориального мышления, мы и там столкнемся с подобным игнорированием границы игры и религии. Хёйзинга обращает внимание на выражение «священная игра», которое используется Платоном в диалоге «Законы» [Платон 1994]. Там же Платон устами своих персонажей предписывает гражданам идеального полиса играть в священные игры, то есть совершать жертвоприношения, петь, танцевать². Примечательно, что у Платона религиозный ритуал стоит в одном ряду с тем, что мы без колебаний относим к области секулярного искусства. Однако для греков это не удивительно, если принять во внимание то, что они изобрели две формы, где игра и религия переплетаются до нерасторжимости – театр и спортивные игры. С одной стороны, хорошо известно, что и агонистика, и театр уходят своими корнями в религиозные ритуалы, посвященные традиционным древнегреческим богам. С другой, также известно, что, открепившись от исходных религиозных практик, и агон, и театр сохранили связь с ними: и состязаниям, и театральному действию предшествовало совершение жертвоприношений. Боги считались присутствующими и на состязаниях, и на театральном представлении, причем и то и другое связывалось с действиями конкретных божеств – Зевса, Посейдона, Аполлона, муз. Даже различив игру и серьезность (Платон называл единственным серьезным делом войну), греки сохранили религиозные практики в игровой зоне³.

Говоря о связи игры и религии, невозможно пройти мимо той критики, которую дал книге Хёйзинги, тому ее разделу, который посвящен религии, Роже Кайуа [Кайуа 2003, 266–276]. Соглашаясь с тем, что ритуальная практика в традиционном обществе пересекается с игрой, Кайуа тем не менее настаивал на не-

совместимости игры и сакрального. Эти области, по мысли Кайуа, отделены от повседневности (именно это, как полагает французский антрополог, и ввело Й. Хёйзингу в заблуждение), но находятся как бы по разные стороны от нее. Главное отличие состоит в том, что в игре человек свободен и самовластен: он в любой момент может войти и выйти из нее. Не так обстоят дела с сакральным: оно настигает человека и не соотнобразуется с его желаниями. Игра – это желанное состояние, в которое человек стремится при любой возможности погрузиться. Сакральное, напротив, ужасает и побуждает человека избегать встречи с ним без особой нужды. Эта критика, сама по себе интересная и плодотворная, несильно затрагивает наши рассуждения о смежности игры и религии, так как религия не исчерпывается отношением к сакральному. Как уже было показано, эта связь (связь между религией и сакральным) далеко не универсальна и свойственна по большей части европейской культуре. Как показывают ранее приведенные примеры, сакральное мерцающим образом может присутствовать в религиозных ритуалах, а восприятие сакрального (трепет и замороженность) также мерцающим образом охватывает душу участника ритуала.

Возможно, трещина между игрой и религией начала разрастаться в христианской культуре, поскольку в христианстве мистерия «смерти бога (Бога)» была изъята из контекста аграрных оргиастических ритуалов, где смерть и рождение действительно шли рука об руку и в этой связи смерть не воспринималась столь драматично. Кроме того, эти оргиастические ритуалы никак не были связаны с аскезой греха и вины, взлелеянной христианским монашеством. Вместе с тем на протяжении всего Средневековья трещина, о которой идет речь, еще была вполне преодолима. Об этом свидетельствует наличие «карнавальной культуры», обстоятельно изученной М.М. Бахтиным.

Хотя М.М. Бахтин декларирует «внерелигиозность» карнавала [Бахтин 1990, 11] (нужно иметь в виду, что он специально не рассматривает понятие религии, а использует его в докритическом режиме), он специально заостряет внимание на временной и

пространственной связи карнавального действия с христианскими праздниками и особенно с Пасхой [Бахтин 1990, 13]. Карнавал был связан с традицией религиозных праздников не только временем проведения, но и содержанием. Об этом свидетельствует традиция так называемого «пасхального смеха» («*gisus paschalis*») – пародии на привычные для средневекового христианина элементы церковной ритуальности. Практически все значимые формы церковных практик получают своих пародийных двойников в карнавальной традиции – «священные пародии» («*parodia sacra*»): существовали «Литургия пьяниц», «Литургия игроков» и др. [Бахтин 1990, 20]. Наиболее устойчивой и распространенной игровой формой (около-) религиозных практик был «праздник дураков». Первоначально он даже проходил в храмовых помещениях, затем, к концу Средневековья, был выдворен из храмов, но сохранялся на площадях, в тавернах. «Праздник дураков» включал в себя действия, пародировавшие официальный церковный культ [Бахтин 1990, 86–87]. Не менее ярким примером игровой религиозности был «праздник осла», приуроченный к церковному празднику воспоминания о бегстве святого семейства в Египет. Существовала целая пародийная месса, в которой возглас «*Amen*» заменялся имитацией ослиного крика «*Hinham*» [Бахтин 1990, 90].

Бахтин специально подвергает критике сложившееся в эпоху Просвещения толкование этого смеха как сатирического, критического. В карнавале не было четко выраженного социального протеста против культуры «господствующего класса»: представители церковной, ученой и феодальной элиты сами были вовлечены в карнавальное действие и отнюдь не брезговали шутками, в том числе и в адрес своего сословия [Бахтин 1990, 19, 133]. Также неверно было бы видеть в смеховой культуре Средневековья антиклерикальные мотивы. Смех в орудие борьбы с клерикализмом превратили как раз деятели эпохи Просвещения. М.М. Бахтин убедительно показывает это на примере восприятия творческого наследия Ф. Рабле во Франции (и не только). Именно в эпоху Просвещения смех Ф. Рабле начинает восприниматься как антиклерикальный и социально-протестный, и эта

традиция толкования Ф. Рабле сохранялась вплоть до XX в. – века великих идеологий.

Именно эпоха Просвещения, по-видимому, стала временем, когда в Западной Европе происходит секуляризация игры. Сначала этот процесс затронул элиту, которая стала вырабатывать особые развлекательные практики (наподобие ассамблей, учрежденных в России Петром Первым). Балы и состязания заполнили ту часть души, которая нуждалась в игровых практиках. В народной культуре связь между игрой и религией была устойчивее. Религиозные праздники сохраняли остатки сакрального характера игр. В конце концов, именно церковные действия вносили в народный быт Европы элемент развлекательности, игры. До сих пор для определенной категории верующих воскресное посещение церкви представляет собой нечто вроде развлечения, которое считается более «духовным», чем, скажем, просмотр телевизионной программы.

Однако секуляризация культуры, разграничив игру и религию, парадоксальным образом подготовила условия для их сближения. Это неудивительно, если понимать секуляризацию не как упадок религиозности вообще, а как кризис институциональной религиозности, снижение влияния церковных институтов на повседневную жизнь человека. Освобождающаяся из-под церковной опеки религиозность стала принимать самые причудливые формы и вступать в альянс с теми видами деятельности, которые модерн конституировал в качестве секулярных.

Зоны конвергенции религии и игры в современной культуре

В современной культуре сопряжение игры и религии в явном или неявном виде можно наблюдать в сферах новых религиозных движений, индустрии развлечений, спорта.

В области новых религиозных движений наиболее заметен игровой компонент там, где практикуют литературно-кинематографический косплей и пародируют традиционные религиозные институты [Гаврилов 2015]. Яркий пример первого – «джедаизм». Это движение сформировано поклонниками киноэпопеи «Звездные войны». Долгое время оно никак не проявляло своей «религиозности» и пред-

ставляло собой совокупность никак не связанных друг с другом клубов по интересам, разыгрывавших костюмированные представления по мотивам фильмов Джорджа Лукаса. Однако в 2001 г. в Великобритании, а также в ее бывших доминионах – Австралии и Новой Зеландии, во время очередной переписи населения многие в графе «религия» написали «джедаизм» (или «джедай»). Причем численность «джедаев» (в Британии и Уэльсе около 400 000 чел.) потребовала от Министерства юстиции внесения этой «религии» в перечень исповеданий как новое религиозное движение «Рыцарь Джедай»⁴. Спустя несколько лет в США была зарегистрирована религиозная некоммерческая благотворительная организация «Храм ордена джедаев» [Сафронов 2019]. Это означает, что «джедаи» могут получить юридические полномочия, которыми пользуются другие религиозные организации, скажем, регистрировать браки, то есть проводить церемонии, которые в американском обществе считаются по существу религиозными. Отсутствие единой организационной структуры, канонизированного обряда, догматики, а также богообщения, как было показано выше, еще не является основанием для того, чтобы рассматривать это движение как нерелигиозное. Примерно в то же время, что и «джедаизм», но по другим причинам возникло пародийное новое религиозное движение – пастафарианство, представленное «Церковью макаронного монстра». Основатель этой организации Роберт Хендерсон – американский ученый и правозащитник. Стимулом для создания пастафарианства стали дебаты вокруг закона одного из Северо-Американских штатов о преподавании в школе креационизма наряду с эволюционной концепцией. Сторонники этого закона утверждали, что обе «теории» эпистемологически равноценны (то есть имеют аргументы в свою пользу, но не имеют окончательного подтверждения) и на этом основании они в равной мере должны быть представлены в образовательных программах. Хендерсон попытался свести эту аргументацию к абсурду: он написал письмо в школьный комитет (School Board) штата Канзас, в котором предлагал ввести в школе предмет изучающий «теорию», согласно которой мир был создан Летающим Макаронным Мон-

стром, существование которого так же нельзя опровергнуть (и доказать), как и существование Бога авраамических религий. Хендерсон снабдил свое письмо подписями его сторонников (которые, как и Хендерсон, были противниками введения креационистской концепции в школе). Идея Хендерсона получила развитие в юридической практике США, а затем и других стран. Религия Макаронного Монстра стала использоваться как своеобразный правовой пробный камень. Так, гражданин Австрии сумел добиться права сфотографироваться на водительское удостоверение в дуршлаге (после того, как было разрешено фотографироваться в головном уборе по религиозным соображениям). В итоге пастафарианство стало популярным, во многом благодаря интернету. Существуют национальные пастафарианские церкви с собственными интернет-сайтами, на которых публикуются «вероучительные» документы, новости, касающиеся пастафарианских праздников, избрания или назначения руководителей организаций и т. п.⁵

Форму религиозного косплея зачастую принимают практики «неоязычников». Как идейная оснастка, так и собрания неоязычников, несут на себе печать реконструкции. Непосредственно создается впечатление, что участники неоязыческих общин в большей степени вдохновлены воссозданием древних ритуалов (как они считают, репрессированного христианством), чем мотивами, считающимися специфически религиозными – аскезой, мистическими исканиями, богообщением. Знакомство, например, с мероприятиями неоязыческого движения «Родноверие» наталкивает на аналогии между языческими праздниками и реконструкторскими собраниями [Родноверие web]. Этот игровой компонент усиливается после того, как был ослаблен политический подтекст неоязычества, связанный в России 1990-х гг. с националистической идеологией [Шнирельман (ред.) 2001, 15]. Именно кристаллизация политического поля России в 2000-е гг. привела к тому, что неоязычество утратило силу своей идеологической харизмы и трансформировалось в очередную субкультуру с религиозной спецификой. Впрочем, нет оснований утверждать, что от этих процессов застрахованы и традиционные конфессии. Распространение виртуаль-

ных и неvirtуальных игровых практик – характерная черта так называемого «постмодерна» – пронизывает все тело современной культуры.

Впечатляющий пример взаимопроникновения религиозных и игровых практик дает послевоенная поп-культура, в особенности ее музыкальный сегмент. Глубинные и поверхностные связи рок-музыки с религиозными традициями и инновациями уже стали предметом исследовательского внимания [Тернер 2001]. Меньше внимания обращается на то, что рок-культура стала субституту традиционных форм религии. Нетрудно убедиться в том, что и по своей композиции, и по психическому состоянию участников стадионные рок-концерты эквивалентны религиозным ритуалам. Однако помимо этих параллелей впечатляет еще и то, насколько отграничен хронотоп концертного действия от остальных областей жизненного мира участников этих ритуалов. Во многих случаях серьезные вербальные послания музыкантов тонут в общей атмосфере развлечения. По-видимому, этим объясняется тот парадоксальный на первый взгляд эффект, что протестный потенциал рок-культуры оказался без труда апроприирован шоу-бизнесом, а пафос разоблачения общества потребления, свойственный творчеству многих рок-музыкантов, был поставлен на службу самому консьюмеризму. Поэтому религиозные искания рокеров, идолопоклонство фанатов и экстатические ритуалы рок-концертов хорошо монтируются с общей атмосферой игры. Разумеется, как и любая игра с высокими ставками, она не отделена непродолимым рвом от неигровой реальности. Однако даже неигровые явления (такие как смерть кумира от передозировки наркотиков или суицида) также встроены в этот игровой контекст.

Неочевидный пример конвергенции игры и религии дает спорт, если понимать это явление предельно широко и включать в понятие спорта не только действия спортсменов на арене, но и весь окружающий контекст: одержимость любителями спорта информацией о результатах состязаний и судьбе спортсменов, фан-клубы и церемонии, сопровождающие спортивные игры (здесь приходят на память квазирелигиозные церемонии открытия игр – олимпиад, чемпионатов). Британский исследо-

ватель религии Грэм Харви, рассуждая о понятии религии, приводит шуточный пример тестового вопроса, который можно задать любому автору такой дефиниции: «являются ли буддизм и футбол религиями?» Этот вопрос приобретает толику серьезности, если далее ознакомиться с понятием футбола: «Площадка для конструирования сообществ, коллективно проходящих через сильные переживания и ритуализирующих свое отношение к героям и спортивным “идолам”» [Харви 2020, 332]. Нетрудно заметить, что при таком понимании футбол вполне попадает в категорию религии в ее социально-психологическом понимании. Разумеется, некоторыми оговорками можно отделаться от этого «абсурдного» предположения. Тем не менее они не отсекают возможности найти параллели между религией (в привычном понимании) и спортивной игрой. Тем более, что у спорта и религии общие корни, восходящие к архаическим ритуализированным (как правило, гадательным) практикам состязаний.

Заключение

Указанием на наиболее заметные зоны конвергенции религии и игры в современной постсекулярной ситуации, разумеется, не исчерпывается рассмотрение предмета. На наш взгляд, стирание границ между религией и игрой соответствует «духу времени», который удачно схвачен концептами «постирония» и «новая искренность» [Konstantinou 2016; Hoffman 2016; Никулина 2018; Павлов 2019]. Ирония, эта дочь романтической реакции на классицизм, еще указывает на границу смехового хронотопа, хотя сама является пограничным явлением (серьезность явленного означающего и юмористичность контекста). Постирония – гораздо более тонкий и неоднозначный прием, который, в отличие от иронии, не имеет конвенционально установленного контекста. Когда автор высказывания иронизирует над иронией, то он, вольно или невольно, вызывает эффект, подобный тому, что называется «мизанабим» – поставленным друг напротив друга зеркалам с уходящей в них головокругительной перспективой. Адресат просто не способен однозначно считать смысл сообщения – шутит автор или говорит всерьез. Это напоминает приведенный выше пример ритуала инициации, участни-

ки которого одновременно серьезны и несерьезны. Впрочем и автор также находится в ситуации двойственности. Что такое перформанс в храме – политическая акция или инфантильное баловство, дискредитация религиозного института, «оскорбление чувств верующих» или очищение религиозной общины от лицемерия и низкопоклонства? Возможно, у этого перформанса и не было предзаданного значения. Решение суда, квалифицировавшее это как правонарушение, похоже на эффект наблюдателя в квантовой физике – коллапс волновой функции. В ситуации постиронии участник социальных процессов не застрахован и от того, что даже официальное решение содержит в себе ироничный (постироничный) подтекст. Не случайно апелляция в дискуссиях по поводу подобных конфликтных ситуаций к практикам пре-модерна, а именно к феномену юродства. Действительно, юродивые балансировали на грани смеха и гнева [Иванов 2005].

Возможно также, что привыкшая к серьезности тона в эпоху модерна классическая религия пытается вернуть себе внимание аудитории посредством «новой искренности». Однако быть искренним в эпоху постмодерна – гарантированное средство лишиться аудитории. Ведь для постмодерна искренность находится где-то на пересечении непристойности, пошлости и тоталитаризма. То есть игра – один из путей, по которому религия возвращается в мир, который устал от серьезности секуляризации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируемый отрывок находится в лекции № 1.

² О значении игры для греческой религии см.: [Пигалев 2001, 351].

³ О творческой роли смеха в мифологии см.: [Пропп 1976, 174–204].

⁴ В англоязычной «Википедии» целая статья «Jedi census phenomenon» посвящена этому событию [Jedi... web].

⁵ См., например, сайт российских пастафариан: [Русская Пастафарианская Церковь web].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- Бейтсон 2019 – *Бейтсон Г., Бейтсон М.К.* Ангелы страшатся. М.: АСТ, 2019.
- Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. В 2 ч. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Гаврилов 2015 – *Гаврилов Е.О.* Игровая религиозность как репрезентант современных тенденций социального развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4, № 2 (62). С. 193–198.
- Джеймс 2017 – *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы. М.: Академ. проект, 2017.
- Иванов 2005 – *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Яз. слав. культур, 2005.
- Иллка Пюсиайнен web – *Иллка Пюсиайнен.* Как работает религия: на пути к новому когнитивному религиоведению // <https://religious.life/2013/04/puysiainen/>.
- Кайуа 2003 – *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.
- Лакофф 2011 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011.
- Никулина 2018 – *Никулина А.К.* «Написать весь мир заново»: ирония и постирония в романе Дэвина Марксона «Любовница Витгенштейна» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2018. № 2 (46). С. 93–99.
- Отто 2008 – *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
- Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Дивный, новый «цифровой мир»: постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 16–31.
- Пигалев 2001 – *Пигалев А.И.* Культура как целостность. (Методологические аспекты). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
- Платон 1994 – *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
- Родноверие web – Родноверие // <http://www.rodnoverie.org>.
- Русская Пастафарианская Церковь web – Русская Пастафарианская Церковь // <http://www.rpcmp.ru>.
- Сафронов 2019 – *Сафронов Э.* Популярная культура как религия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 277–283. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-277-283>.

- Тернер 2001 – Тернер С. Лестница в небеса. М.: Триада, 2001.
- Харви 2020 – Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь. М.: НЛЮ, 2020.
- Хэйзинга 2011 – Хэйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
- Шнирельман (ред.) 2001 – Шнирельман В.А. (ред.). Неоязычество на просторах Евразии. М.: Изд-во ББИ, 2001.
- Dubuisson 2003 – Dubuisson D. The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, Ideology. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2003.
- Hoffman 2016 – Hoffman L. Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers. Bielefeld: Gazelle Book Service, 2016.
- Jedi... web – Jedi Census Phenomenon // https://en.wikipedia.org/wiki/Jedi_census_phenomenon.
- Konstantinou 2016 – Konstantinou L. Cool Characters: Irony and American Fiction. Cambridge: Harvard University Press, 2016.
- McCutcheon 1997 – McCutcheon R. T. Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia. N. Y., Oxford: Oxford University Press 1997.
- Rosenstock-Huessy 2005 – Rosenstock-Huessy E. Comparative Religion // The Collected Works of Eugen Rosenstock-Huessy on DVD. Norwich: Argo Books, 2005.
- Kayua R., 2003. *Myth and Man. Man and the Sacred*. Moscow, OGI Publ.
- Lakoff J., 2011. *Women, Fire and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking*. Moscow, Gnosis Publ.
- Nikulina A.K., 2018. “To Write the Whole World Anew”: Irony and Post-Irony in Devin Markson’s Novel “Wittgenstein’s Mistress”. *Vestnik Bashkirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni M. Akmully*, no. 2 (46), pp. 93-99.
- Otto R., 2008. *Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational*. Saint Petersburg, St. Petersburgskiy Universitet Publ.
- Pavlov A.V., 2019. Brave New “Digital World”: Post-Irony as a Value Setting of the Millennials’ Worldview. *Horizonty Gumanitarnogo Znaniya*, no. 3, pp. 16-31.
- Pigalev A.I., 2001. *Culture as Totality. (Methodological Aspects)*. Volgograd, Volgogradskiy Universitet Publ.
- Plato, 1994. *Collected Works. In 4 Vols. Vol. 4*. Moscow, Mysl Publ.
- Propp V.Ya., 1976. *Folklore and Reality*. Moscow, Nauka Publ.
- Rodnoverie. URL: <http://www.rodnoverie.org>.
- Russian Pastafarian Church. URL: <http://www.rpcmp.ru>.
- Safronov E., 2019. Popular Culture As a Religion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 277-283. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-277-283>.
- Turner S., 2001. *Stairway to Heaven*. Moscow, Triada Publ.
- Harvey G., 2020. *Sex, Food and Strangers. Religion as Everyday Life*. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ.
- Huizinga J. 2011. *Homo Ludens. A Man Playing*. Saint Petersburg, Ivan Limbach Publ.
- Shnirelman V.A. (ed.), 2001. *Neo-Paganism in the Expanses of Eurasia*. Moscow, BBI Publ.
- Dubuisson D., 2003. *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, Ideology*. Baltimore, The John Hopkins University Press.
- Hoffman L., 2016. *Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Bielefeld, Gazelle Book Service.
- Jedi Census Phenomenon. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jedi_census_phenomenon.
- Konstantinou L., 2016. *Characters: Irony and American Fiction*. Cambridge, Harvard University Press.
- McCutcheon R.T., 1997. *Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia*. New York, Oxford, Oxford University Press.
- Rosenstock-Huessy E., 2005. *Comparative Religion. The Collected Works of Eugen Rosenstock-Huessy on DVD*. Norwich, Argo Books.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1990. *The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Bateson G., Bateson M.K., 2019. *Angels are Afraid*. Moscow, AST Publ.
- Wittgenstein L., 1994. *Philosophical Works. In 2 pt. Pt. I*. Moscow, Gnosis Publ.
- Gavrilov E.O., 2015. Game Religiosity As a Representative of Modern Trends in Social Development. *Vestnik Kemerovskogo Universiteta*, vol. 4, no. 2 (62), pp. 193-198.
- James W. 2017. *The Diversity of Religious Experience. The Study of Human Nature*. Moscow, Academicheskiiy project Publ.
- Ivanov S.A. 2005. *Blessed Pokhabs: The Cultural History of Foolishness*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ.
- Illka Pyysiäinen. *How Religion Works: Towards a New Cognitive Science of Religion*. URL: <https://religious.life/2013/04/pyysiainen/>.

Information About the Author

Dmitriy R. Javorskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, d.r.yavorsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>

Информация об авторе

Дмитрий Ромуальдович Яворский, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, d.r.yavorsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.3>

UDC 21

LBC 86.212

**NON-CHURCH RELIGIOUS MAJORITY
AS A PROBLEM OF THE MODERN ORTHODOX CHURCH:
SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Vyacheslav G. Patrin

Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the actual problem for the Russian Orthodox Church related to the new phenomenon in the history of the Church – the non-church religious majority consisting of people baptized in the Orthodox Church but practically not identifying themselves with the Church and even opposing themselves to it. This phenomenon characterizes our society as post-secular which religiosity was separated from the main religious institutions and became an individual project that everyone realizes independently, using what traditional religious institutions give, for example Baptism, but maintaining from them independence and distance. The actual strategy of the Russian Orthodox Church in the interaction with the state and society is traditionally focused on the idea of a symphony of powers of the state and the church but this strategy is ineffective in interaction with society. The reason is the non-church nature of the religious majority and also the absence of the expected socially significant activity of the Church that people would be ready to identify with. The internal mission of Church for the baptized people is oriented towards the knowledge-based approach and fits as such into the post-secular model of religiosity. The activity-oriented approach can change the situation. It requires socially significant activity from the Church and involving people into it. This will be a return to the ancient practice of the Church, when the life of a Christian was associated with serving his neighbor. Such activities will make it possible to actualize the Christian teaching in the modern anthropological and social situation, will reveal the essence of the Christian idea of ontological transcending, which consists not in avoiding people, but in communication, and will allow the Church to carry out its mission in the post-secular space as a socially significant institution.

Key words: Orthodox Church, post-secularism, desecularization, religious majority, Church and state, Church and society, internal mission of the Church, problem of church affiliation.

Citation. Patrin V.G. Non-Church Religious Majority As a Problem of the Modern Orthodox Church: Socio-Philosophical Aspect. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 27-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.3>

УДК 21

ББК 86.212

**НЕЦЕРКОВНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ БОЛЬШИНСТВО
КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Вячеслав Геннадьевич Патрин

Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы, актуальной для Русской Православной Церкви как социального института российского общества, связанной с особым явлением, не имеющим аналога в истории Церкви – нецерковным религиозным большинством, которое состоит из людей, крещенных в Православной Церкви, но практически не идентифицирующих себя с Церковью и даже ей себя противопоставляющих. Подобное явление характеризует наше общество как постсекулярное, в котором религиозность людей отделилась от основных религиозных институтов и превратилась в индивидуальный проект, который каждый реализует самостоятельно, используя при этом и то, что дают традиционные религиозные институты, например, Крещение, но сохраняя по отношению к ним независимость и дистанцию.

Реализуемая Русской Православной Церковью стратегия взаимодействия с государством и обществом является для нее вполне традиционной, ориентированной на идею «симфонии властей» государственной и церковной, однако в рамках взаимодействия с обществом, традиционная модель оказалась неэффективной, что в значительной степени обусловлено нецерковностью православного религиозного большинства, а также отсутствием ожидаемой социально-значимой деятельности Церкви, с которой бы люди готовы были себя отождествить. В Церкви существует деятельность, направленная на воцерковление крещеных людей, которая называется «внутренней миссией», однако она ориентирована на знаниевую парадигму и, как таковая, вписывается в постсекулярную модель религиозности. Поменять ситуацию может деятельностный подход, который требует от самой Церкви социально-значимой деятельности, а от людей, желающих прибегнуть к Ее Таинствам – приобщения к этой деятельности. Для Церкви это будет возвращением к Ее древней практике, когда жизнь христианина была сопряжена со служением ближнему. Такая деятельность Церкви позволит актуализировать христианское учение в современной антропологической и социальной ситуации, проявит суть христианской идеи онтологического трансцендирования, состоящей не в избегании людей, а в общении, и даст возможность Церкви осуществлять свою миссию как социально значимого института в постсекулярном пространстве.

Ключевые слова: Православная Церковь, постсекуляризм, десекуляризация, религиозное большинство, Церковь и государство, Церковь и общество, внутренняя миссия, проблема воцерковленности.

Цитирование. Патрин В. Г. Нецерковное религиозное большинство как проблема современной Православной Церкви: социально-философский аспект // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 27–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.3>

Понятие постсекуляризм вошло в широкий социально-философский оборот не так давно. Внешним толчком для его актуализации считаются события 11 сентября 2001 г. Его теоретическую разработку связывают главным образом с немецким философом Юргеном Хабермасом, который применяет его для обозначения обществ, прошедших секуляризацию, в которых на смену конфронтации с религией приходит этап диалога с религией на основе идей европейского гуманизма [Узланер 2020, 178–179]. Помимо понятия «постсекуляризм» в научной литературе также активно используется понятие «десекуляризм», которым обозначается процесс возрождения религии в государствах и обществах [Шишков 2012, 165–166; Карпов 2012, 136]. Для описания реалий нашей страны часто используют понятие «десекуляризация», что действительно отражает процесс роста Русской Православной Церкви в численных показателях и в ее вовлеченности в социальные и государственные сферы после окончания советского периода [Шишков 2012, 169–170]. Однако наблюдаемая близость Церкви и Государства в России, которая воспринимается как основное проявление десекуляризации, не имеет существенной поддержки в обществе. Актуальная ситуация положения религии и религиозных институтов свидетельствует о нашем обществе скорее как о постсекулярном,

чем десекуляризованном. Рядовым священникам Русской Православной Церкви, которые работают непосредственно с людьми, приходится регулярно сталкиваться с этой отделенностью общества от Церкви.

В храмах Русской Православной Церкви самой востребованной и стабильной церковной потребой остается совершение Таинства Крещения. Если судить о количестве православных по показателям этого Таинства, то можно было бы сказать, что больше половины наших сограждан являются православными христианами [Филатов, Лункин 2005, 44]. Однако это кардинально не совпадает с количеством людей, которые регулярно присутствуют на богослужениях. Статистика здесь говорит в лучшем случае о 4 % населения [Сколько православных в России... web]. Обобщая, получается, что основная часть крещеных в Православной Церкви людей представляют собой особое нецерковное религиозное большинство. В данном случае нельзя говорить об обмирщении Церкви, как это было в IV в., когда христианство стало государственной религией, или об обрядовой формализации, как это было в Синодальный период Русской Православной Церкви. Нецерковное религиозное большинство практически неинституционально, оно не воспринимает себя частью Церкви или какого-то другого религиозного института.

Как это и характерно для постсекулярного общества [Степанова 2015, 56], вера и религиозность в нашей стране перестали быть строго связанными с принадлежностью к какой-то определенной религиозной структуре. Значительная часть верующих обособилась от Церкви, приобретя специфическую идентификацию, отличающую их от людей церковных. Это можно наблюдать на примере отношения со стороны представителей нецерковного большинства к церковным людям, которых называют «ударившимися в религию», «сектантами», а активность Церкви в общественной жизни воспринимается или безразлично, или с настороженностью и даже негативно (в нашем городе это заметно на примере проблем, связанных со строительством новых храмов, когда сами крещеные люди выступают против такого строительства). Другими словами, процессы секуляризации и десекуляризации в нашей стране привели не к полному уничтожению религии, и не к какому-то значительному воцерковлению общества, но к наблюдаемому отделению религиозности от основного религиозного института – Русской Православной Церкви. Вера воспринимается в данном случае вполне в рамках секуляризма как частная, личная сфера человеческой жизни, при этом достаточно ограниченная [Кырлежев 2012, 53]. Взаимоотношение с этим нецерковным религиозным большинством представляет актуальную проблему для современной Православной Церкви.

Говоря о постсекулярном мире, мы говорим о мире постмодерна, разочаровавшемся в идеях модернизма, но не очаровавшемся традиционной верой. Современную религиозность характеризуют как религиозный индивидуализм и плюрализм, в котором каждый человек формирует свою собственную религиозную идентичность, прибегая к различным источникам, в том числе и институциональным формам религии [Степанова 2015, 61]. Индивидуализация и атомизация общества, ослабление влияния культурных центров вписываются в логику идей европейского гуманизма, выводящих индивидуума из-под давления общества. Религиозность в данном случае трактуется как некая неопределенная естественная сила или потребность, которая не

имеет готовой идеальной формы, но которую человек определяет индивидуально в процессе своей жизни [Кырлежев 2012, 62–63], поэтому Крещение, как мы писали выше, воспринимается не как окончание этого процесса формирования религиозной идентичности, а как один из его элементов. В данном случае в рамках постсекуляризма мы сталкиваемся с трансформацией бытовой религиозности в обществе и ее диссонансом с религиозностью традиционной, которая воспроизводит исторические формы, закрепившиеся в церковных формах репрезентации. Метафорически, институты, представляющие традиционную веру в мире постмодернизма и постсекуляризма, подобны домам бабушек и дедушек, где пахнет выпечкой и старой одеждой. Внуки их в целом любят, но не хотят жить также.

Принципы, по которым строит свою жизнь современная Русская Православная Церковь, остались вполне традиционными. В программном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» это отражено в постоянных ссылках к историческим примерам и прецедентам [Основы социальной концепции... web]. С точки зрения традиции вполне естественным является современное близкое взаимодействие Церкви с государством. Вполне традиционно и ее позиционирование в рамках взаимоотношения с обществом в качестве легитимного религиозного института, но, в отличие от взаимоотношений с государством, с современным нецерковным религиозным обществом это работает крайне слабо. Более того, именно традиционная близость Церкви с государством часто воспринимается как препятствие для налаживания отношений Церкви с обществом [Узланер 2020, 317]. В данном случае Православная Церковь вовлекается в сферу острых социальных вопросов, касающихся общественной справедливости и прав человека. В этом русле проходит одна из основных линий критики Церкви, то есть церковный вопрос сопряжен сейчас не с вопросом о Боге и спасении, а с устройством человеческой земной жизни и с деятельностью Церкви на этом уровне. Данная проблема отмечается светскими исследователями, которые пишут об отсутствии в Церкви какой-то значимой рефлексии на значимые социальные вопросы [Узла-

нер 2020, 246–247], при этом в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» прописана идея Ее участия в решении социально значимых вопросов, то есть в этом официальном документе принимается статус Русской Православной Церкви как общественного института, включенного в сферу решения светских вопросов [Основы учения... web]. Однако на практике доминирующим оказался более традиционный принцип «симфонии властей», который рассматривает вопросы устройства человеческой земной жизни как прерогативу государства, а в ведении Церкви остается обустройство церковной жизни и воспитание верующих.

Традиционные формы взаимоотношения Церкви с миром имели два вида направленности: 1) вовне – миссионерство и апологетика; 2) внутрь – пастырское окормление верующих в рамках церковных правил и традиций. Формально все крещеные люди входят во внутренний круг церковного попечения, но, по факту, современное нецерковное большинство православных практически не попадает в эту сферу пастырского попечения, оказываясь внешним по отношению к Церкви. Взаимоотношение с ним рассматривается современной Церковью через понятие «внутренняя миссия». Сложность связана с тем, что эта миссия не имеет четкой локализации в рамках традиционной церковной жизни и распространяется на все ее сферы деятельности, например, на Литургию, в результате чего появляются «миссионерские Литургии». Если раньше миссионерство заканчивалось в Таинстве Крещения, а дальше шла уже пастырская работа, то теперь принятие Крещения является частью не церковной жизни как таковой, а элементом жизни нецерковного большинства, которое согласно получить от Церкви данную услугу, но при этом намерено сохранять свою независимость. Это касается и других Таинств и треб. Церковь, совсем в духе атеистических принципов Советского государства, воспринимается обществом как институт по удовлетворению религиозных потребностей граждан, что отражается в тех наименованиях Русской Православной Церкви (например «ООО» и т. п.), которые мы встречаем в информационном пространстве. Можно сказать, что современные церковные механизмы

«внутренней миссии» неэффективны, так как ситуация с воцерковленностью крещеных людей не меняется. Знаниевая парадигма практики огласительных бесед перед таинствами Крещения и Венчания, а также преподавание Основ Православной Культуры в школах вписываются в парадигму постсекулярного общества в качестве одного из элементов для формирования религиозной идентичности, поэтому они не могут изменить ситуации. Для самого же постсекулярного религиозного большинства актуальная ситуация является вполне естественной и приемлемой. Оно не признает религиозность как доминанту жизни. Церковь и церковные Таинства воспринимаются в рамках консьюмеризма как средство, которым человек хочет воспользоваться для решения своих проблем, при этом особо ничем не жертвуя и не меняя своей жизни.

В складывающейся ситуации для людей нашего общества нет стимулов идентифицировать себя с Церковью как институтом, так как такая идентификация не требуется социально-государственным устройством, религиозные вопросы обособлены от Церкви, Церковная деятельность не воспринимается как значимая, а получение церковных Таинств и обрядов не требует особого вовлечения в жизнь Церкви. Из перечисленных факторов только последние два можно изменить в текущей ситуации: от Церкви требуется деятельность, которая будет восприниматься обществом как значимая, и нужно, чтобы получение церковных Таинств было связано с приобщением к жизни Церкви и к общественно-значимым видам ее деятельности. Такой деятельностно-ориентированный подход является, по сути, возвращением к практике Древней Церкви, когда жизнь христианина была связана с практикой различных форм социального служения, а перед Крещением люди сразу непосредственно приобщались к церковной жизни. Это поможет актуализировать христианское учение в современной антропологической и социальной ситуации, полной различных вызовов и проблем [Хоружий web], проявит суть христианской идеи отнологического трансцендирования, состоящей не в избегании людей, а в общении, и позволит Церкви осуществлять свою миссию в постсекулярном пространстве в качестве социально значимого института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карпов 2012 – *Карпов В.* Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Вып. 2 (30). С. 114–164.
- Кырлежев 2012 – *Кырлежев А.* Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Вып. 2 (30). С. 52–68.
- Основы социальной концепции... web – Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
- Основы учения... web – Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>.
- Сколько православных в России web – Сколько православных в России? // <https://www.factograph.info/a/28838459.html>.
- Степанова 2015 – *Степанова. Е.* Постсекулярная религиозность: индивид versus институт // Религиоведение. 2015. Вып. 3. С. 56–65
- Узланер 2020 – *Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2020.
- Филатов, Лункин 2005 – *Филатов С.Б., Лункин Р.Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. Вып. 6. С. 35–45.
- Хоружий web – *Хоружий С.С.* Постсекуляризм и ситуация человека // http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf.
- Шишков 2012 – *Шишков А.* Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Го-

сударство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Вып. 2 (30). С. 165–177.

REFERENCES

- Karpov V., 2012. The Conceptual Foundations of the Desecularization Theory. *State, Religion and Church*, iss. 2 (30), pp. 114-164.
- Kyrlezhev A., 2012. Post-Secular Conceptualization of Religion: Formulating the Problem. *State, Religion and Church*, iss. 2 (30), pp. 52-68.
- Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
- The Russian Orthodox Church's Basic Teaching on Human Dignity, Freedom and Rights*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>.
- How Many Orthodox Christians are There in Russia?* URL: <https://www.factograph.info/a/28838459.html>.
- Stepanova E., 2015. Post-Secular Religiosity: Individual Versus Institute. *Religious Studies*, iss. 3, pp. 56-65.
- Uzlaner D., 2020. *Post-Secular Turn. How to Think About Religion in the Twenty-First Century*. Moscow, Gaidar Institute.
- Filatov, S., Lunkin R., 2005. Statistics of Russian Religiosity: Magic of Numbers and Ambiguity of Reality. *Sociological Studies*, iss. 6, pp. 35-45.
- Khoruzhiy, S. *Post-Secularism and the Human Situation*. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf.
- Shishkov A., 2012. Some Aspects of Desecularization in Post-Soviet Russia. *State, Religion and Church*, iss. 2 (30), pp. 165-177.

Information About the Author

Vyacheslav G. Patrin, Candidate of Theology, PhD (Études grecques, Sorbonne), Director, Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Chapaeva St., 26, 400012 Volgograd, Russian Federation, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

Информация об авторе

Вячеслав Геннадьевич Патрин, кандидат богословия, PhD (Études grecques, Sorbonne), директор, Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, ул. Чапаева, 26, 400012 г. Волгоград, Российская Федерация, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.4>

UDC 130.3

LBC 87.1+86.2

APPROACHES TO THE PROJECT OF NEW PHENOMENOLOGY OF RELIGION IN THE WORKS OF NINIAN SMART

Tatiana S. Samarina

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The author considers a sketch the phenomenological study model of religion proposed by N. Smart. According to N. Smart, the phenomenology of religion should differ from the history of religion in the statement focusing on the structural description of religion not in its dynamics, but in statics, and should proceed from the fact that at different stages of the development of religion there are different normative pictures. N. Smart reduces all the variety of methods used by phenomenologists to two basic ones: an epoch and a neutral but evocative bracketing. Under the “epoch” of N. Smart understands psychological abstinence from value judgments, and defining “bracketing” he means putting the question of the reality of religious phenomena and their supernatural nature out of brackets. At the same time, the phenomenologist must simultaneously take into account both the fact that there is something real in religion and the fact that there is nothing except human actions, i.e. take into account both the reductive and non-reductive description of the phenomenon. Separately, the author considers the question of the influence of classical phenomenologists on N. Smart, since he was convinced that on the basis of individual developments of G. van der Leeuw, R. Otto and M. Eliade can create a discipline that would complement the general religious complex. The researcher shows that G. van der Leeuw influenced N. Smart most of all: with the help of the category of Force developed by him, N. Smart describes the process of the phenomenon interpolation into people’s lives. The category of the numinous developed by R. Otto plays a significant role in N. Smart’s model. N. Smart even creates the neologism “numinous forces” and speaks of “numinous charge”. From M. Eliade N. Smart borrows the concepts of “illudtempus” and the dialectic of order and chaos.

Key words: phenomenology of religion, history of religion, epoch, numinous, N. Smart, G. van der Leeuw, M. Eliade, R. Otto.

Citation. Samarina T.S. Approaches to the Project of New Phenomenology of Religion in the Works of Ninian Smart. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 32-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.4>

УДК 130.3

ББК 87.1+86.2

ПОДСТУПЫ К ПРОЕКТУ НОВОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ НИНИАНА СМАРТА

Татьяна Сергеевна Самарина

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эскиз модели феноменологического исследования религии, предложенный Н. Смартом. Согласно ему, феноменология религии должна отличаться от истории религии тем, что она ориентирована на структурное описание религии не в ее динамике, а в статике, при этом исходить она должна из того, что на различных этапах развития религии существуют разные нормативные картины. Все многообразие методов, которыми пользуются феноменологи, Н. Сарт сводит к двум базовым: эпохе и нейтральному, но эвокативному взятию в скобки. Под «эпохе» ученый понимает психологическое воздержание от оценочных суждений, а под «взятием в скобки» – исключение из исследования вопроса о реальности религиозных явлений и их сверхъестественной природе за скобки. При этом феноменолог должен одновременно учитывать и то, что в религии есть что-то реальное, и то, что там, кроме человеческий действий, ничего нет, то есть учитывать как редуccionистское, так и нередуccionистское описание феномена. Отдельно в статье рассматривается вопрос о влиянии феноменологов-классиков на Н. Смарт, ведь он был убежден,

что на основании отдельных разработок Г. ван дер Леува, Р. Отто и М. Элиаде можно создать дисциплину, которая бы дополняла общерелигиоведческий комплекс. Показывается, что наибольшее влияние на Н. Смарта оказал Г. ван дер Леув. С помощью разработанной им категории Силы Н. Смарт описывает процесс интерполяции феномена в жизнь людей. Значительную роль в модели Н. Смарта играет категория нуминозного Р. Отто, он даже создает неологизм «нуминозные силы» и говорит о «нуминозной заряженности». У М. Элиаде Н. Смарт заимствует концепты «*illud tempus*» и диалектику порядка и хаоса.

Ключевые слова: феноменология религии, история религии, эпохе, нуминозное, Н. Смарт, Г. ван дер Леув, М. Элиаде, Р. Отто.

Цитирование. Самарина Т. С. Подступы к проекту новой феноменологии религии в творчестве Ниниана Смарт // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 32–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.4>

Как известно, после 1960-х гг. феноменология религии испытала серьезный кризис и потеряла свою главенствующую роль в исследовании последней. Но, несмотря на это, она не исчезла. Почти сразу были предложены проекты по трансформации ее методологии и адаптации ее наследия в новых условиях. К формам трансформации феноменологии религии можно отнести и эскиз, предложенный известным британским религиоведом Н. Смартом. То, что ученый предлагает именно свое видение решения проблемы, а не цельный проект, очевидно как из специфики его разработок, так и из их содержания. Самого себя Н. Смарт считал философом религии, за свою жизнь он написал немало о специфике именно философского изучения религии¹.

В начале 70-х гг. XX в. Д. Хик обратился к нему с предложением написать для серии «Философия религии» престижного издательства «Макмиллан» монографию по феноменологии религии. Как вспоминает Н. Смарт, это предложение одновременно и обрадовало, и встревожило его. Обеспокоиться пришлось из-за специфики феноменологического исследования религии, лежащей в большей степени в сфере чистого религиоведения, по сравнению со спекулятивностью философии религии. Проблема тут заключалась в том, что по остроумному замечанию самого Н. Смарт, «...приступая к занятиям философией науки, необходимо изрядно знать о науке, так и занимаясь философией религии, стоит изрядно знать о религии... как мы можем философствовать о чем-то без знания религии, не ведая, какова она на самом деле?» [Smart 1973, 2–3]. Современная ему философия религии не сильно утруждалась выяснением реалий набожной жизни, сводя все к проблемам логического и языкового выражения. В отличие от

спекулятивной философии феноменология религии всегда работала с конкретным религиоведческим материалом, что и заставило философа поместить ее в сферу религиоведческих исследований. Вторая проблема в работе с феноменологией была связана с тем, что Смарт считал себя недостаточно эрудированным, чтобы создать труд, посвященный описанию религиозных феноменов в их многообразии, подобный системам феноменологов-классиков (таких как Р. Отто, Р. Хайлер или Г. ван дер Леув). Таким образом, он не планировал разрабатывать проект единой феноменологической системы, даже не предлагал переустройства существующей. Задача его была скромнее – представить философское осмысление проблематики феноменологии религии, выделив ее достоинства и недостатки. Но по факту исследователь сделал эскиз новой модели феноменологического исследования религии, не превратившийся в цельный проект и не реализованный на практике, но от этого не менее значимый.

Прежде всего стоит определить, что Н. Смарт подразумевает под феноменологией религии. Совершенно ясно, что это не философская феноменология. Несмотря на то что свой экскурс в постижение сути религиозных феноменов ученый начинает с утверждения, что изучение «религии как феномена возникло из традиции философской феноменологии, берущей начало с Э. Гуссерля» [Smart 1973, 53], он нигде не демонстрирует реального следования философским установкам последнего. Таким образом, он номинально привязывает феноменологию религии к философии Э. Гуссерля, по сути же не собираясь за ней следовать. Это легко проиллюстрировать, если обратиться к проблеме понимания феномена у Н. Смарт. Почти сразу после дек-

ларированной приверженности Э. Гуссерлю он обращается к рассмотрению феномена Евхаристии, чтобы показать, как при помощи метода феноменологии религии можно его изучить. Он описывает процесс внешнего наблюдения исследователями христианского таинства Евхаристии и поясняет проблему следующим образом: «Однако то, что наблюдатели “наблюдают” таким поверхностным образом, вовсе не дает адекватного представления о том, что такое “феномен”, ибо это, по крайней мере, человеческое явление... и чтобы понять действие, нужно узнать кое-что о его интенциональности. Так, например, видеть кого-то стоящим на коленях это вовсе не означает то же, что видеть кого-то просто с согнутыми определенным образом ногами... поверхностное описание совершенно не дает адекватного представления о том, что такое “феномен”» [Smart 1973, 54]. Итак, перед нами серия не философских утверждений, ведь у Э. Гуссерля феномен – это только феномен сознания. У Н. Смарта этот термин понимается в общенаучном ключе, феномен – это наблюдаемое явление. Ровно так же он понимает и проблему интенции, для него это не процесс внутри сознания, а выражение неких волений и намерений индивида, которые может угадать внешний наблюдатель. В дальнейшем ученый только упрочняет это обыденное понимание феномена, утверждая, что «феномен как отделенный элемент систематически связан со схемой веры и институциональной традицией» [Smart 1973, 55]. Все феноменологическое исследование, по его мнению, сводится к двум базовым методам: «эпохе» и «нейтральному, но эвокативному взятию в скобки» [Smart 1973, 59]. При этом и первое и второе не имеют никакого отношения к понятиям из философии Э. Гуссерля. «Эпохе» у Н. Смарта – психологическое воздержание от оценочных суждений, а «взятие в скобки» – это исключение из исследования вопроса о реальности религиозных явлений и их сверхъестественной природе за скобки, то есть разновидность смягченного методологического атеизма. Таким образом, ключевые понятия Э. Гуссерля вырываются из контекста и наделяются обычными значениями. Но такая философская близорукость не мешает Н. Смарту утверждать, что «...действительно, поиск

общих черт занимает видное место в гуссерлианской традиции, которая включает в себя поиск “сущностей”» [Smart 1973, 60], и далее якобы через модель Э. Гуссерля дается интерпретация Евхаристии. Для специалистов очевидно, что эти рассуждения не имеют никакого отношения к гуссерлианской философской традиции, Н. Смарт здесь следует общей моде на термин «феноменология» и, упуская из виду его философские основания, оперирует находящимися на слуху понятиями. Однако неуместное привлечение феноменологии Э. Гуссерля вовсе не снимает вопроса: что сам Н. Смарт подразумевает под феноменологией религии?

Ответить на этот вопрос можно следующим образом. Значительную часть раздела, посвященного описанию религии как феномена, занимает пример с изучением Евхаристии. Сначала Н. Смарт показывает, как это таинство можно описать исходя из позиции внешнего наблюдателя, затем он предлагает приложить к нему 2 герменевтические стратегии. Первая – редукционистская, в которой всякие отсылки к трансцендентному убраны и Евхаристия будет расцениваться как социальное или психологическое действие, объясняемое как строго человеческий феномен. Вторая стратегия предполагает признание реальности трансцендентного без апелляции к какой-то конкретной религиозной традиции, в любом случае наблюдаемый процесс будет рассматриваться как священнодействие, уникальный момент переживания трансцендентного. И первая и вторая стратегии, согласно Н. Смарту, имеют целый ряд очевидных недостатков, феноменолог религии не изберет ни одну из них, он будет руководствоваться принципом «реалистичного взятия в скобки» [Smart 1973, 64], то есть будет стараться учесть как редукционистское, так и нередукционистское описание феномена, при этом не отдавая ни одному из них предпочтения, претендуя на то, что фиксирует «истинное положение дел» [Smart 1973, 59]. Далее Н. Смарт разбирает ограничения такого феноменологического подхода, но считает, что именно он наиболее адекватен при изучении религии. Получается, что несколько страниц рассуждений приводят философа к тому, что феноменолог – это тот, кто одновременно учи-

тывает и то, что в Евхаристии есть что-то реальное, и то, что там, кроме человеческих действий, ничего нет. Так что же в таких рассуждениях феноменологического? Ведь, по существу, мы имеем дело с обыденным всесторонним описанием, не укорененным ни в какой проработанной методологической стратегии. Это еще больше подчеркивается конкретными примерами, которые приводит Н. Смарт. Так, если наблюдатель или группа наблюдателей решит описать таинство Евхаристии, то «грубо и поверхностно они увидят, что группа людей выполняет определенные действия с определенными инструментами в определенном здании...» [Smart 1973, 54], если они обратятся к молитве, то, «видя определенные действия, являющиеся молитвенными практиками, могут иметь общее понимание того, что происходит... Но чтобы уловить тонкую грань этого “феномена”, они должны понимать особенности молитв, а не их содержание... не только слова, но и характер Фокуса, на который они направлены» [Smart 1973, 56]². То, о чем здесь пишет Н. Смарт, это просто учтивание контекста наблюдаемого явления при антропологическом описании. В 1973 г., когда Н. Смарт писал «Феноменологию религии», К. Гирц опубликовал свою «Интерпретацию культур», где впервые выразил эту задачу антропологов, назвав ее «насыщенным описанием», об этом он говорил: «В реальности этнограф постоянно... сталкивается с множеством сложных концептуальных структур, большинство из которых наложены одна на другую или просто перемешаны, которые одновременно чужды ему, неупорядочены и неясно выражены и которые он должен так или иначе суметь понять и адекватно истолковать. И это верно даже для самого приземленного уровня его полевой работы: опроса информантов, наблюдения ритуалов, выяснения терминов родства, прослеживания линий наследования имущества, переписи домохозяйств и в конце концов... ведения дневника. Заниматься этнографией – это все равно что пытаться читать манускрипт (в смысле “пытаться реконструировать один из возможных способов его прочтения”) – манускрипт иноязычный, выцветший, полный пропусков, несоответствий, подозрительных исправлений и тенденциозных комментариев

ев...» [Гирц 2004, 16–17]. К. Гирц считал, что для понимания чуждой культуры антрополог обязан вникать в контекст происходящего процесса, в противном случае он не сможет адекватно его описать. На деле Н. Смарт пишет о том же самом, но наблюдателя он называет феноменологом, и чем дальше идет его повествование, тем непонятнее, зачем процесс насыщенного описания, хорошо обоснованный в современной ему антропологии, называть феноменологией религии и сознательно разводить ее с антропологией, знакомство с которой текст Н. Смарта хорошо демонстрирует? К тому времени практика включенного наблюдения была весьма распространена и методологически обоснована, открывать ее вновь под иным наименованием необходимости не было.

Очевидно, что рассуждения такого рода с неизбежностью приводят Н. Смарта к проблеме наблюдателя, а вернее, к вопросу о том, как религиовед может утверждать, что постигает контекст рассматриваемого им явления. В феноменологии религии до 60-х гг. этим гарантом выступала религиозность наблюдателя и наблюдаемого. Н. Смарт же ее принципиально исключает, по его мнению, «святой может быть плохим религиоведом, как и Наполеон – плохим биографом» [Smart 1973, 33], и ученый значительно лучше разберется в общей картине религиозной жизни, чем верующий. Обращаясь к способности исследователя давать адекватные заключения о процессе внешней для него религиозной жизни, Н. Смарт пишет: «Образцом работы феноменолога является, пожалуй, чтение и понимание романа. На страницах романа по-своему существуют Братья Карамазовы, хотя в реальности не имеет значения, существовали они или нет... Необязательно соглашаться с Иваном Карамазовым в “реальной жизни”: можно видеть мир как с его точки зрения, так и с точки зрения Алеши... в реальной жизни можно не симпатизировать данному персонажу, но в мире романа иметь яркое сопереживание» [Smart 1973, 72]. То есть феноменолог Н. Смарт должен культивировать в себе эмпатию к объекту исследования так же, как читатель проникается персонажами книги. Но здесь мы имеем проблему: один писатель пишет книгу, образы которой легко вызывают

реакцию у читателей, другой этим даром может не обладать. Таким образом, мы приходим к волюнтаризму и вкусовщине в оценке объективных религиозных явлений. Далее, поясняя суть своего понимания эмпатии, Н. Смарт отмечает, что употребляет его «...для обозначения аффективной стороны “вхождения” феноменолога в мир другой или даже его собственной религиозной культуры» [Smart 1973, 74]. Это вхождение в мир верующих для него возможно ровно так же, как возможна актерская игра. Философ поясняет: «...актеру удается весьма практично заключать в скобки эмоции, диспозиции и т. д. того, кого он представляет на сцене. Таким образом, нет никакой априорной причины, по которой феноменолог не может мысленно повторять чувства и убеждения тех, кого он стремится изучить» [Smart 1973, 75]. Здесь заметно совпадение с концепцией конгениальности Ваарденбурга, и это неудивительно³. Всякий, кто работает с психологически понимаемой эмпатией, неизбежно приходит к метафоре актерской игры, поскольку именно в ней такая эмпатия культивируется как метод. Но насколько искусство отстоит от науки, настолько и психологическая эмпатия отличается от научно выверенного метода. Именно поэтому Э. Гуссерль хотел избавиться от психологизма, прежде всего создав общезначимую систему познания, где были бы исключены любые вкусовые и личностно-психологические аспекты, а для этого необходимо осуществить многоступенчатую редукцию, дойдя до трансцендентального *ego* [Гуссерль 2009]. Поверхностность Н. Смарта в вопросах философской феноменологии не дает ему заняться этими проблемами всерьез, поэтому его феноменологический метод оказывается слишком субъективным предприятием, психологизирующим процесс познания и дублирующим уже разработанную антропологами стратегию исследования чуждой культуры.

Но чем же Н. Смарту не нравится классическая феноменология религии? В отличие от ее непримиримых критиков он не так резок в оценках⁴. Даже в теологической окраске отдельных феноменологических положений, таких как нуминозное, он видит несомненные положительные стороны, поскольку они покрывают значительное многообразие религи-

озного мира, открывая возможности для его дескрипции и классификации. Вместе с тем, по мнению Н. Смарта, классический проект устарел из-за его западнотризма. Проблема феноменологов в том, что они «склонны исходить из западных предпосылок, а западный тезаурус не всегда работает» [Smart 1973, 41], отсюда проистекало их стремление классифицировать и подводить сложные чуждые западному сознанию категории под общие знаменатели политеизма, дуализма, монизма и т. п., поэтому «в некоторой степени феноменологические категории становятся абстракциями... или, как иногда говорят, “идеальными типами”» [Smart 1973, 78]. К началу 70-х гг. большинству ученых было очевидно, что такая работа с идеальными типами – продукт колониального мышления, ставящего западный мир и западное понимание религии в центр мироздания, она предполагает существование подразумеваемого религиозного эталона, что превращает компаративное религиоведение в «своего рода концептуальный фидеизм» [Smart 1973, 34]. Для Н. Смарта, одного из пионеров изучения нехристианских религий в Британии, такой перекокс неприемлем.

Все сказанное выше вовсе не означает, что Н. Смарт был полностью чужд классической феноменологии религии. На деле именно на ее базе он обосновывал свой взгляд на процесс феноменологического исследования. В своей книге «Путеводитель по феноменологии религии» Д. Кокс замечает, что «Ниниан Смарт... вдохновленный голландской феноменологией, применил ее основные принципы, чтобы оформить собственный бренд феноменологической традиции в религиоведении» [Сох 2006, 167]. Эту мысль нужно откорректировать с учетом того, что влияние на Н. Смарта оказал лично Г. ван дер Леув, а не вся голландская традиция⁵. На самом деле именно он был для Н. Смарта феноменологом номер один, влияние его наследия хорошо заметно во всех рассуждениях британского ученого. Свои симпатии к Г. ван дер Леуву философ никогда не скрывал. Еще во введении к «Феноменологии религии» он писал, что «...мое применение феноменологии было бы невозможно без работы ван дер Леува» [Smart 1973, 5]. Обращаясь же к исследованию религии как феномена, ученый, прикрываясь

брендом Э. Гуссерля, в действительности эк-сплицирует всю свою систему из «Эпилогоменов» к главному труду Г. ван дер Леува «Религия в сущности и проявлениях»⁶. Понятия «эпохе» и «взятие в скобки» перекочевали в его текст напрямую оттуда⁷, именно поэтому они имеют столь мало общего с феноменологией Э. Гуссерля. Перед читателем книги Н. Смарта, знакомым с текстом Г. ван дер Леува, предстает необычная картина: первый наполнил эмпирическим содержанием те методологические размышления, которые второй давал в своей книге для отвода глаз, без какого-либо соотнесения с эмпирическим исследованием. Н. Смарт же на ряде примеров попытался детально раскрыть возможности работы категорий из «Эпилогоменов» и тем самым оживить текст, сделав не декларацией, а рабочим планом религиозного исследования. Н. Смарт, в отличие от многих, не ограничился лишь анализом «Эпилогоменов»⁸, он очень внимательно проработал текст «Религии в ее сущности и проявлениях», поэтому троичность Силы, Воли и Формы нашли отражение в его построениях. За основу он взял категорию Силы – изначальный феномен для Г. ван дер Леува. В одной из своих работ, посвященной критике теории М. Элиаде, философ противопоставил концепцию диалектики священного и профанного М. Элиаде концепции Г. ван дер Леува. Там, в частности, он писал: «Поэтому представляется оправданным использовать понятие силы, вселяющейся в вещи, людей и т. д., силы, переделывающей людей изнутри, меняющей их чувства. Здесь я опираюсь на подход ван дер Леува, хоть и расширяя рамки его исследования...» [Смарт 2010, 157]. С помощью категории Силы Н. Смарт пытается описать процесс интерполяции феномена в жизнь людей. В «Феноменологии религии» он также отталкивается от дихотомии М. Элиаде, выделяя ее сильные стороны (ему нравится идея *illud tempus*, но он признает ее ограниченную эвристичность), ученый обращается к категории Силы, но говорит о ней не в единственном, а во множественном числе. Его интересуют силы, которые «...могут быть грубо охарактеризованы как хорошие, плохие и нейтральные» [Smart 1973, 89], с их помощью он планирует выстроить модель описания мифоло-

гического комплекса. Кроме того, категория Силы помогает понять специфику символического, «...ибо знак, будучи частью силы, которой он является, и часто являясь культурным объектом, в некотором отношении подобен тому, что он обозначает» [Smart 1973, 90]. Почитаемые места паломничества и изначально установленные ритуалы, воспроизводимые ежегодно⁹, мощи, реликвии, принадлежащие святым или богам, также интерпретируются как содержащие в себе Силу. Понимание воздействия богов как передачи некоего заряда помогает объяснить специфику отношений человека и божества, Н. Смарт поясняет, что «“передача сил” также помогает объяснить тенденцию к тому, чтобы божественные силы становились как бы полуотделенными, как если бы, например, божья благодать была частично автономной силой (*force*)» [Smart 1973, 110]. Как известно, Н. Смарт зачастую проецировал модели религиозного описания на секулярные идеологии, показывая зыбкость границы чисто религиозного, также он любил использовать примеры из обыденной жизни для иллюстрации религиозных реалий. Так, специфику Силы он пояснял следующим образом: «Если бы меня представили какому-то великому герою, например, Пеле, скажем, рукопожатие стало бы своего рода благословением: моя субстанция выросла бы от крошечного контакта с этим героем» [Смарт 2010, 158]. Таким образом, метафора трансляции Силы подходит для описания секулярной идеологии не хуже, чем религиозной. Стоит еще раз пояснить, что Н. Смарт не ставит своей целью выстраивание системы классификации религиозных феноменов, он лишь очерчивает общие контуры современной работы с религиозным материалом для обновленной феноменологии религии. Вторым этапом такой работы (после определения методологической стратегии религиозного описания) является систематизация мифологического мира религии.

Если говорить о влиянии феноменологов-классиков на концепцию Н. Смарта, то, кроме отмеченных выше идей Г. ван дер Леува, стоит остановиться и на категории нуминозного Р. Отто, ведь она одна из самых любимых у Н. Смарта. Еще во введении к «Феноменологии религии» он замечает, что его «...исследование мифа, очевидно, в какой-то

степени обязано Отто» [Smart 1973, 5]. В дальнейшем эта мысль раскрывается подробно. Ученый отмечает, что валидность концепции «Святого» – один из центральных вопросов современной философии религии. Описывая отношения между Богом и человеком, Смарт совмещает категории Силы Г. ван дер Леува и нуминозного Р. Отто, например, он пишет: «...в той степени, в какой божество проявляет нуминозные свойства и являет *mysterium tremendum et fascinans*, о которых говорит Рудольф Отто, между ним и молящимся существует полярность» [Smart 1973, 94]. Он даже создает неологизм «нуминозные силы» [Smart 1973, 106], когда описывает богов, миры и уровни бытия, которые превзошел Будда в своем просветлении, а касаясь монотеизма, говорит о его нуминозной заряженности [Smart 1973, 109]. И если Р. Отто был в своей теории Святого чужд манинизма, то у Н. Смарт он сближается с вполне манистически окрашенной концепцией Г. ван дер Леува. В нуминозном Н. Смарта видит определенный эвристический потенциал, превосходящий по своей значимости диалектическую модель М. Элиаде, но уступающий концепции Г. ван дер Леува. Интересно, что Н. Смарта почти ничего не говорит об инаковости нуминозного (а ведь эта ключевая для Р. Отто черта Святого), гораздо больше его привлекает то, что нуминозное является *mysterium tremendum et fascinans*. Выделяя ограничения такого описания, Н. Смарта применяет концепцию Р. Отто к буддизму тхеравады и приходит к выводу, что на этом материале она не работает, поскольку проповедь Будды, возможно, и была fasciniрующей, «но в каком смысле это *tremendum*, перед чем необходимо испытывать трепет? Только из двусмысленного контекста трансцендентности мифических сил можно было бы думать о *Дхамме* таким образом» [Smart 1973, 107]. Получается, что концепция нуминозного нерелевантна по отношению к некоторым религиозным традициям. Но если принять во внимание борьбу с большими нарративами, в которую отчасти был вовлечен и Н. Смарта, то в концепции нуминозного есть и более серьезный изъян – она утверждает актуальность некоего центра религиозной жизни, центра, который можно научно описать и определить. Н. Смарта не со-

мневается, что каждый человек в своей жизни может иметь нуминозный опыт в той форме, которую описывает Р. Отто, но для него это психологический аспект и не предполагает онтологической реальности. Он пишет: «...если утверждать, что Вселенная содержит в своей субстанции аспект, называемый Святым, то это утверждение можно было бы приравнять к утверждению, что феноменологический объект или объекты нуминозных переживаний действительно существуют» [Smart 1973, 141]. На такое обобщение религиоведение после 60-х гг. пойти не могло, поскольку в те годы распространилась идея критики больших нарративов – сложных теорий, пытающихся объяснить все аспекты какого-то явления и жизни в целом. Проекты понимания сущности религии, выведения ее единой структуры стали считаться романтическим универсализмом, склонным игнорировать социальные и исторические контексты в пользу больших нарративов.

По мнению Н. Смарт, еще меньшей эвристичностью по сравнению с концепцией Р. Отто обладает диалектический подход М. Элиаде. Философ замечает, что М. Элиаде не говорит вообще ничего положительного о центре религиозной жизни, поэтому для построения единой феноменологической системы его теория не подходит. Креативная герменевтика М. Элиаде оказывается «слишком спекулятивной» [Smart 1973, 50], оторванной от конкретного религиозного материала. Наибольшую симпатию, как уже отмечалось, у Н. Смарт вызывают концепты *illud tempus* и диалектическая модель порядка и хаоса в приложении к изучению мифологии. В ограниченном варианте они неплохо работают, если не считать, что с помощью этих концептов можно объяснить религиозную жизнь в целом. Наследие М. Элиаде Н. Смарта также склонен интерпретировать через категорию Силы. Так, при анализе мифа он предполагает, что «...не нужно начинать с противоположности сакрального и профанного как предельной, но видеть ее в контексте более широкой теории эмоциональных зарядов...» [Смарта 2010, 158]. Ученый предлагает рассматривать миф «как ритуальную передачу определенного рода силы» [Смарта 2010, 160]. Таким образом, партикулярность теории М. Элиаде

уравновешивается цельным видением системы мифологической жизни религии Г. ван дер Леува, и исследователь получает рабочий метод для ее изучения.

Помимо фундаментального анализа проблемы религиозных феноменов Н. Смарт также разрабатывает пропедевтику религиозно-феноменологического исследования. Он пишет о том, что любая религия переживает бесконечную систему трансформаций, поэтому, например, дать удовлетворительный ответ на то, что есть христианство, невозможно. Ведь в каждый век христианской истории сами христиане оценивали суть своей веры различно, поэтому в первом приближении у нас будет столько нормативных картин христианства, сколько веков. Н. Смарт предлагает именовать их так: картина-I – для первого века, картина-II – для второго и т. п. Причем внутри себя каждая из этих картин также не будет цельной, в первом веке можно выделить как изначальную проповедь Христа, так и христианство ап. Павла, гностические вариации и т. п. Все это еще больше осложняется тем, что внутри мира религии существует несколько типов верующих, оценивающих историю религии по-разному. Философ предлагает выделить 2 идеальных типа: традиционалиста и пророка. Первый стремится сделать коллаж из картин I–XX, чтобы собрать якобы цельное изображение того, во что он верит, на деле же он фокусируется на аспекте одной, чаще современной ему, картины и через него собирает остальные фрагменты. Второй, напротив, отвергает множество картин из-за их несоответствия идеальному образу веры. Пророков Н. Смарт также делит на 3 группы: библейских, экспериментальных и этических. Библейский пророк считает лишь изначальную картину-I нормативной и сравнивает с ней все последующие, занимаясь поиском искажений, во многом такая интенция присуща раннему протестантизму. Экспериментальный пророк поверяет все картины, опираясь на свой личный внутренний опыт. Этический соизмеряет все с общим представлением о христианской морали и принимает лишь соответствующее ему. Правда, в последнем случае Н. Смарт не поясняет, как у него складывается представление о моральном императиве. Руководствуясь этими соображениями, ученый, со-

гласно Н. Смарту, должен понимать, что ответить на вопрос о сущности религии нельзя лишь посредством «экспонирования галереи существующих картин» [Smart 1973, 27] религиозной жизни разных эпох. Феноменология религии должна отличаться от истории религии тем, что она способна на структурное описание религии не в ее динамике, а в статике, но не абсолютной, а исходя из понимания того, что в каждый этап развития религии мы имеем различные нормативные картины. По мнению Н. Смарта, «структурное описание выявляет доминирующие картины Фокуса в конкретный момент времени» [Smart 1973, 38]. Если структурное описание предполагает учет исторической динамики, то тогда можно получить историческую феноменологию религии, но феноменологи-классики, как предполагает Н. Смарт, работали именно со статичными картинами, что выражалось в создании типологической феноменологии. В такой картине религиозоведения получается, что феноменология религии предстает служебной дисциплиной по отношению к более общей истории религий, ведь она работает с конкретным срезом религиозной жизни на ее отдельном этапе, создавая эффект *Zeitlupe*, как бы увеличивая и замедляя религиозную жизнь вплоть до полной статичности на каком-то отдельном отрезке временной шкалы. Такая гегемония истории в религиозоведении неудивительна, хорошо известно, что именно истории религии Н. Смарт уделял первенствующую роль в своих образовательных проектах в Ланкастере и Калифорнии.

Таким образом, можно заметить, что Н. Смарт осторожно относится к наследию классической феноменологии религии, он отрицает жизнеспособность этого проекта в современности в его неизменном виде, но считает, что на основании отдельных разработок Г. ван дер Леува, Р. Отто и М. Элиаде вполне можно создать дисциплину, которая бы дополняла общерелигиоведческий комплекс, не являясь при этом его основой. Конечно, эскиз Н. Смарту страдает рядом методологических недостатков, поскольку процесс феноменологического исследования остается концептуально непроясненным, теряется в размытых и смутных аналогиях с театром и литературой. В то же время, в отличие от Ваарденбур-

га, для Н. Смартта одна из важнейших проблем заключается в процессе постижения мира верующего человека. В его текстах очевидно неприятие редукционизма в религиозноведческом исследовании, порой он резко высказывается против модных рассуждений, стремящихся рассматривать мир христианства первых веков с позиции современного скептического рационализма. Такое рассмотрение как бы заведомо предполагает, что рационализм лучшая, более прогрессивная форма мышления. Н. Смартт считает данный подход противоречащим и здравому смыслу, и логике научного исследования. Наряду с этим альтернатива в виде утверждения фидеистических представлений кажется ему невозможной, потому что сами эти представления относительны, оттого он и обращается к разработке отстраненного, но не лишённого симпатии к предмету исследования научного взгляда. Н. Смартт пишет: «...феноменология должна быть эвокативной, а также описательной (ошибиться при этом можно как в первом, так и во втором модусах). Таким образом, нейтраллизм феноменологического исследования, направленного на раскрытие содержания религиозных картин, не является “плоским” нейтраллизмом, то есть он не должен сводиться к разрушающим эвокативность задеревеневшим описаниям» [Smart 1973, 34]. Встречающееся здесь дважды понятие «эвокативности» значимо для ученого. Как известно, изначально в римской религии эвокациями называли обряды-призывы богов-покровителей. В логике под «эвокативностью» обычно понимается языковая функция воздействия на адресата. Так, авторы словаря по логике указывают, что «...основная функция команды, являющейся характерным образцом эвокативного употребления языка, – вызвать определенное действие слушающего» [Ивин, Никифоров 1997, 378–379], эвокативность предполагает воздействие, эмоциональную экспрессивную вовлеченность в какой-то процесс. Эвокативность феноменологии религии у Н. Смартта предполагает глубокую заинтересованность исследователя своим предметом (что он считал необходимым). В этих и других подобных рассуждениях британского ученого сквозит интуитивная убежденность в определенной правоте классической феноменологии религии, но эта убежден-

ность соединяется с реалистическими представлениями о специфике научного исследования, налагаемыми условиями после 60-х гг. XX века. Эта противоречивость и определяет незавершенность и эскизность феноменологического изучения религии, предложенного Н. Смарттом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об общих основаниях религиозноведческой теории Н. Смартта и о его месте в философии религии см. статью [Колкунова 2010], о проблеме семи измерений квазирелигий, предложенных Н. Смарттом, см. труд [Забяко 2008].

² Термином «Фокус» с заглавной буквы Н. Смартт обозначает трансцендентальный объект со всеми присущими ему в изучаемой религии нормативными для исследуемого исторического момента характеристиками. Так он, избегая понятия «Святое» или «Бог», сохраняет идею центра религиозной жизни, обязательно наличествующего в сознании верующего.

³ В одной из своих основополагающих работ, посвященных описанию неофеноменологии религии, Ваарденбург пишет, что усилия ученого должны быть сфокусированы на «...интерпретации того, что мы называем религиозным значением, интенцией и объектом религиозного выражения, что предполагает воссоздание с его стороны ментального универсума...» [Ваарденбург 2010, 126]. Далее он поясняет свою мысль следующим образом: «...когда мы говорим о воссоздании религиозного универсума как предварительном условии для понимания религиозного значения, подразумевается, что на этой стадии исследования используются способности воображения. И когда мы говорим о вероятности вовлеченности самого исследователя в изучаемые факты и значения, подразумевается, что исследователь даже временно, мы могли бы сказать, как актер, играет роль одного из тех, кого он изучает» [Ваарденбург 2010, 135].

⁴ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его взгляды с критикой феноменологии религии Цви Вербловски [Zwi Werblowsky 1975] или антикомпаративистскими идеями Дж.З. Смита [Smith 1982].

⁵ Смартт был даже инициатором переиздания классического труда Г. ван дер Леува «Религия в ее сущности и проявлениях» в Америке, см. переиздание книги с предисловием Н. Смартта [Leeuw 1986].

⁶ «Эпилогомены» являются методологическим послесловием Леува к работе, в котором он описывает феноменологические принципы изучения религии, подробнее о значении «Эпилогоме-

нов» для всего проекта Г. ван дер Леува см. [Самарина 2019].

⁷ Подробнее об этом можно найти у самого Н. Смарта [Smart 1973, 53].

⁸ Многие критики не стремились заниматься серьезным анализом наследия Г. ван дер Леува, а фокусировались лишь на методологической его стороне, которая якобы была представлена в «Эпилогоменах». На деле этот текст был декларацией о намерениях, которые в его исследовании так и не были реализованы. Подробнее об этом см.: [Самарина 2019].

⁹ В одной из работ по поводу священного времени он пишет, что «...какие-то даты являются просто более наполненными (charged), чем другие» [Смарт 2010, 160]. Здесь любопытна специфика перевода на русский. К.А. Колкунова, переведившая этот текст, предусмотрительно оставила английский оригинал в скобках, поскольку слово «charged» переводится в прямом значении как «заряженный», но из контекста переводимого текста остается неясным, чем заряжены могут быть даты. Адекватное восприятие этого отрывка возможно лишь при условии понимания определяющей категории Силы для мысли Н. Смарта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ваарденбург 2010 – Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010.
- Гирц 2004 – Гирц К. Интерпретация культур. М.: Роспэн, 2004.
- Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.
- Забияко 2008 – Забияко А.П. Особенности дальневосточной ментальности и теории интерпретации религиозных новообразований // Современные контексты магии, религии и парауники. М.: Academia, 2008. С. 70–115.
- Ивин, Никифоров 1997 – Ивин А.А., Никифоров А.С. Словарь по логике. М.: Владос, 1997.
- Колкунова 2010 – Колкунова К.А. Ниниан Смарт и современное религиоведение // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 137–142.
- Самарина 2019 – Самарина Т.С. Эkleктичность феноменологии религии: случай Г. ван дер Леу // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 77–85.
- Смарт 2010 – Смарт Н. После Элиаде: Будущее теории религии // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 155–163.

- Cox 2006 – Cox J. A Guide to the Phenomenology of Religion: Key Figures, Formative Influences and Subsequent Debates. N. Y.: The Continuum International Publishing Group, 2006.
- Leeuw 1986 – Leeuw G. van der. Religion in Essence and Manifestation. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Smart 1973 – Smart N. The Phenomenology of Religion. L.: Macmillan, 1973.
- Smith 1982 – Smith J.Z. Imagining Religion: From Babylon to Jonestown. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Zwi Werblowsky 1975 – Zwi Werblowsky R.J. On Studying Comparative Religion // Religious Studies. 1975. №11 (2). P. 145–156.

REFERENCES

- Waardenburg J., 2010. *Reections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw*. Vladimir, Izd-vo Vladim. gos. un-ta.
- Geertz C., 2004. *The Interpretation of Cultures*. Moscow, Rospen Publ.
- Husserl E., 2009. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.
- Zabiyako A.P., 2008. Features of the Far Eastern Mentality and the Theory of Interpretation of Religious New Formations. *Sovremennye konteksty magii, religii i paranauki*. Moscow, Academia, pp. 70-115.
- Ivin A.A., Nikiforov A.S., 1997. *Dictionary of Logic*. Moscow, Vlados Publ.
- Kolkunova K.A., 2010. Ninian Smart and Contemporary Religious Studies. *Religiovedcheskie issledovaniya*, vol. 3-4, pp. 137-142.
- Samarina T.S., 2019. Eclectic Phenomenology of Religion: The Case of G. van der Leeuw. *Voprosy filosofii*, vol. 3, pp. 77-85.
- Smart N., 2010. Beyond Eliade: The Future of Theory in Religion. *Religiovedcheskie issledovaniya*, vol. 3-4, pp. 155-163.
- Cox J., 2006. *A Guide to the Phenomenology of Religion: Key Figures, Formative Influences and Subsequent Debates*. New York, The Continuum International Publishing Group.
- Leeuw G. van der, 1986. *Religion in Essence and Manifestation*. Princeton, Princeton University Press.
- Smart N., 1973. *The Phenomenology of Religion*. London, Macmillan Publ.
- Smith J.Z., 1982. *Imagining Religion: From Babylon to Jonestown*. Chicago, University of Chicago Press.
- Zwi Werblowsky R.J., 1975. On Studying Comparative Religion. *Religious Studies*, vol. 11 (2), pp. 145-156.

Information About the Author

Tatiana S. Samarina, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St, 12, Bld. 1, 109240 Moscow, Russian Federation, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Самарина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.5>

UDC 316.75(049.32)

LBC 60.563.0я4

**A THEORETICAL FRAMEWORK
FOR ANALYZING OF THE POSTSECULAR WORLD
(REVIEW ON BOOKS BY D.A. UZLANER “THE END OF RELIGION?
THE HISTORY OF THE SECULARIZATION THEORY” AND “POSTSECULAR TURN.
HOW TO THINK ABOUT RELIGION IN THE 21st CENTURY”)**

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This review presents an analysis of two books by D.A. Uzlaner: “The End of Religion? The History of the Secularization Theory” (2019) and “Postsecular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century” (2020), in which a successful attempt was made to delineate the field of modern discussions about the secular and post-secular world and the position of religious phenomena in modern society. In “The End of Religion? The History of the Secularization Theory” the author explores the prerequisites and formation of the theory of secularization. The structure of the chapters is based on the periodization, which includes the background, formation, criticism and renewal, crisis and decline of the theory of secularization. “Postsecular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century” is not a historical research. It is an attempt to build a new theory of secularization, the need for which was justified in the first book. The cross-cutting theme of the book is the ratio of religious and non-religious in the public space. The most notable in this monograph are the elaboration of various details of the optics of the description of the post-secular world and its origins, as well as an analysis of the current situation in Russia of the last decade. Due to the methodological balance and critical premise in the “Kantian” sense, the cartography of the religious and non-religious in the dilogy brings us closer to understanding of the contradictory Modern terrain. The author bases his analysis both on the classics of social thought and on the latest researchers. The proposed theoretical framework clarifies the specifics of religiosity and related phenomena in the current situation both in the global scale and in Russia.

Key words: Uzlaner, secularization, postsecular turn, religion, postreligion, sociology of religion.

Citation. Karchagin E.V. A Theoretical Framework for Analyzing of the Postsecular World (Review on Books by D.A. Uzlaner “The End of Religion? The History of the Secularization Theory” and “Postsecular Turn. How to Think About Religion in the 21st Century”). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 43-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.5>

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ДЛЯ АНАЛИЗА ПОСТСЕКУЛЯРНОГО МИРА
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ Д.А. УЗЛАНЕРА «КОНЕЦ РЕЛИГИИ?
ИСТОРИЯ ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ» И «ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПОВОРОТ.
КАК МЫСЛИТЬ О РЕЛИГИИ В XXI ВЕКЕ»)**

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рецензии представлен анализ двух книг Д.А. Узланера: «Конец религии? История теории секуляризации» (2019) и «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке» (2020), в которых была предпринята успешная попытка расчертить поле современных дискуссий о секулярном и постсекулярном мире, о положении и роли религиозных феноменов в современном обществе. В монографии «Конец религии? История теории секуляризации» автор исследует предпосылки и становление теории секуляризации. Структура глав книги выстроена с опорой на разработанную периодизацию, которая включает в себя предысторию, становление, критику и обновление, кризис и упадок теории секуляризации. Монография «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке» не носит исторического и обзорного характера. Она является попыткой выстроить новую теорию секуляризации, необходимость которой была обоснована в первой книге. Сквозная тема книги – соотношение религиозного и нерелигиозного в публичном пространстве. Наиболее ценным в данной монографии можно считать проработку различных деталей оптики описания постсекулярного мира и его истоков, а также добротный анализ актуальной российской ситуации последних десяти лет. Благодаря методологической взвешенности и критическому в «кантианском» смысле посылу, представленная в диалогии картография религиозного и нерелигиозного однозначно приближает нас к пониманию противоречивой современной местности. Автор основывает свой анализ и на классиках социальной мысли, и на новейших исследовательских разработках. Предложенная им теоретическая рамка позволяет прояснить специфику религиозности и смежных явлений в современной ситуации как в мире, так и в России.

Ключевые слова: Узланер, секуляризация, постсекулярный поворот, религия, пострелигиозность, социология религии.

Цитирование. Карчагин Е. В. Теоретическая рамка для анализа постсекулярного мира (Рецензия на книги Д.А. Узланера «Конец религии? История теории секуляризации» и «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке») // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 43–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.5>

Две рецензируемые книги Д.А. Узланера: «Конец религии? История теории секуляризации» [Узланер 2019] и «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке» [Узланер 2020], хотя и не позиционируются так автором, образуют собой дилогию. После их прочтения можно утверждать, что данной дилогией автор однозначно претендует на место главного в России специалиста по проблемам (пост-)секулярного общества. Текст рецензии не содержит критических суждений, его цель – показать сильные стороны данного проекта и привлечь к нему внимание заинтересованного научного сообщества и широкой аудитории.

Как следует из названия, в первой книге «Конец религии? История теории секуляризации» автор исследует предпосылки и становление теории секуляризации. То есть перед нами не книга о феномене секуляризации, а очерк, фиксирующий взлет и падение социологической теории секуляризации. Нам предлагается погрузиться в историю формирования теории, которую автор называет «основной парадигмой социологии религии на протяжении последних 100 лет» [Узланер 2019, 9]. Эта книга – добротный, насыщенный исторический обзор, который охватывает все основные этапы (включая экскурс в советский опыт) теоретизирования секулярного. Автор выде-

ляет предысторию, становление, этапы критики и обновления, кризиса и упадка. В соответствии с этой периодизацией он выстраивает и структуру книги.

Описав первые наброски (в философии эпохи Просвещения и в немецкой классической философии) и более или менее полноценные попытки (у К. Маркса) создать теорию секуляризации, автор обращается к классикам социологической мысли (Дюркгейм, Тённис). Анализ предыстории теории секуляризации завершается фигурой М. Вебера, которая оказывается ключевой. «Сохранение формы религиозного явления при одновременном упадке и забвении его религиозного содержания есть тот процесс, который Вебер называет секуляризацией» [Узланер 2019, 30]. Веберовская «тенденция будет наблюдаться в теориях второй половины XX в.: секуляризация будет фиксироваться как объективный процесс, но при этом рефреном будет звучать мотив о ее не совсем благоприятных последствиях для человека и общества» [Узланер 2019, 31]. Собственно говоря, как отмечает автор, научным это понятие стало, когда благодаря Веберу лишилось аксиологической нагрузки [Узланер 2019, 12].

Вторая глава описывает становление теории секуляризации в 60-е гг., когда «секуляризация превращается в ключевую социологическую проблему и дискуссиям о ней начинает уделяться все больше и больше внимания» [Узланер 2019, 36]. Эти дискуссии опираются в основном на эмпирическую почву США, где религия утратила институциональную тотальность и перешла в частную сферу, то есть приватизировалась. Приватизация религии сопровождается при этом маркетизацией, бюрократизацией и стандартизацией, что приводит к тому, что «формы религии, распространенные в современном обществе, более не опираются ни на какой институциональный базис, их главная опора – “частная сфера” жизни индивида, а также те эмоции и сантименты, которые вызывают у него религиозные символы. Безусловно, религиозные институты могут по-прежнему существовать, однако их роль вторична, отныне они лишь обслуживают религиозные потребности индивидов» [Узланер 2019, 94]. При этом теории этого периода не едины в своем понимании секуляризации: «в существующих

теориях под секуляризацией понимаются три различных процесса: лаицизация (изменение положения религии на уровне структуры общества), религиозные изменения и изменения индивидуальной религиозности» [Узланер 2019, 112].

Третья и четвертая главы посвящены кризису теории секуляризации и описанию ее судьбы в последние десятилетия. Автор выделяет ядро (базис) и надстройку теории. Ядро теории автор видит «в тезисе об универсальных закономерностях развития обществ, вступивших на путь модернизации» [Узланер 2019, 114]. Критика в 80-е и 90-е гг. затрагивала надстройку теории. При этом, большинство критических возражений оказались несостоятельны, равно как и попытка обновления теории (Лечнер, Чавес, Казанова, Йамейн). Однако ценность пересмотра в 90-е гг. помимо прочего состоит том, что: «Был исправлен самый очевидный изъян теории: тезис о том, что секуляризация приводит к упадку религии и религиозности как таковой» [Узланер 2019, 145]. Фатальной для ядра теории секуляризации стала концепция «множественных современностей» (multiple modernities) Шмуэля Эйзенштадта (1923–2010). Эта концепция стала ключевой для многих исследователей: «концепция множественных современностей позволяет поставить вопрос в том числе и об обратном влиянии: как религия не просто влияет, но зачастую определяет те конкретные формы, которые принимает современность. Ведь в конечном счете именно религиозные традиции определяют цивилизационный контекст, на который накладывается та или иная разновидность программы современности» [Узланер 2019, 160]. Последующие попытки отстаивать теорию в классическом виде (К. Доббелере, С. Брюс) не позволяют ее спасти. Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер уже в полной мере осознают следствие концептуального тупика: «В их работах заметен поиск того, что когда-нибудь в будущем может стать основанием новой теории секуляризации» [Узланер 2019, 176]. При этом новая теория секуляризации должна принимать во внимание именно плюрализм текущей социальной реальности: «Секуляризаций может быть столько же, сколько может быть сплетений различных политических режимов, религиозных

традиций, идейных исканий, социальных предпосылок и т. д.» [Узланер 2019, 184].

В пятой главе автор касается «советской теории секуляризации». Минус советских работ автор усматривает в некритичном использовании идей классиков, в то время как на Западе не боялись их критиковать. «Кроме того, на Западе социологические теории секуляризации сразу же оказались под огнем пусть и не всегда справедливой, но все же содержательной критики со стороны религиозных мыслителей и других скептически настроенных авторов. Именно такой критики не хватало советской модели» [Узланер 2019, 189]. Однако плюс заключается в том, что советские теории явно демонстрировали свои философские основы, в отличие от западных теоретиков, которые критиковались за философскую наивность.

В Заключении автор утверждает, что теория из «основной парадигмы социологии религии» в конечном итоге «превратилась во второстепенное явление» [Узланер 2019, 206]. Распад парадигмы тем не менее не был абсолютным. Некоторые ее элементы, фиксирующие современное положение религии в обществе, не стоит сбрасывать со счетов: «Эти наблюдения – касающиеся, например, плюрализма, рынка религий, релятивизации – имеют ценность сами по себе, безотносительно к тому концептуальному каркасу, в который они были некогда вмонтированы» [Узланер 2019, 207]. Наконец, в Приложении («Секуляризация как социологическое понятие») мы имеем, по сути, краткую сводку текста монографии и возврат к истокам теории секуляризации, а именно веберовскому методологическому пониманию секуляризации как аксиологически нейтрального инструмента: «секуляризация как социологическое понятие – прежде всего нейтральная описательная категория, обозначающая процесс утраты религией своей социальной значимости. При этом речь идет именно о социальной значимости, а не о большей или меньшей религиозности и не о ее качестве» [Узланер 2019, 221]. Так, религиозность мы с его помощью изучать не можем.

Первая книга ценна не только тем, что в ней представлена история теории, в ней показана и ее трансформация в результате кри-

тики со стороны ее противников. Чтение интересно и не специалисту, поскольку позволяет понять многие процессы, которые протекают в поле взаимоотношений религии и других социальных институтов, понять причины трансформации современной религиозности и упадка влияния традиционных религий, в частности, христианства на общественную жизнь современных государств. Книга также очерчивает теоретическое поле, которое предшествовало наиболее актуальным современным дискуссиям о пост- и десекуляризованном мире, и хорошо показывает, что современное обсуждение проблем постсекулярной эпохи не растет из ниоткуда.

Вторая книга – «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке» – уже не носит исторического и обзорного характера. Текст книги представляет собой сборник статей (два текста написаны в соавторстве с Кристиной Штекль), объединенных общей темой – постсекулярностью как новой реальности и проблемами ее репрезентации. Так, здесь мы видим попытку выстроить новую теорию секуляризации, необходимость которой была обоснована в первой книге. Сквозная тема книги – соотношение религиозного и нерелигиозного в публичном пространстве. Кроме того, автор очерчивает ситуацию, которая сложилась в постсоветской России. Эту книгу можно назвать проблемной частью диалогии. Она построена на характеристике текущего положения дел в реальности и насыщена анализом интересных кейсов. В отличие от первой книги, здесь описываются уже не столько исторические перипетии теории, сколько затрагиваются реальные социальные изменения и вопросы оптики их адекватного теоретического описания. Такое построение книги неизбежно приводит к тому, что некоторые сюжеты встречаются в нескольких главах. Однако следует отметить, что такие повторения не являются дословными и позволяют оттенить и прояснить необходимые детали. Так, здесь мы встречаем практически тот же перечень анализируемых авторов, что и в первой: Ч. Тейлор, Дж. Капуто, Дж. Милбанк, Ш. Эйзеншдат и другие (К. Пиксток), чьи идеи теперь фигурируют не в хронологическом систематическом порядке, как уже было отмечено, а как необходимый фон актуальной

дискуссии о месте религии в общественном порядке. Особое место при этом занимают Дж. Ролз и Ю. Хабермас как фигуры, разметившие и проблематизировавшие публичное пространство плюралистического общества.

Наиболее содержательно ценным в этой книге я считаю два момента. Первый заключается в более глубокой проработке различных деталей оптики описания постсекулярного мира и его истоков. Отмечу, в частности, анализ интеллектуальных предпосылок создателей секулярного мира модерна в поздней схоластике, включая теорию унивокальности Дунса Скотта (понимание творения как вида бытия наряду с Богом), которая может быть понята как фундамент новоевропейского секуляризма [Узланер 2020, 67–70].

Второй ценный момент заключается в добротном анализе актуальной российской ситуации последних десяти лет. Автор вводит понятие «постсекулярные гибриды», которое позволяет, используя, например, кейс «Пусси Райот» в нескольких главах, показать сложность сборки секулярного и религиозного в нашей стране. В этом контексте также интересна глава о проблематичности проправославного консенсуса и отсутствии прорелигиозного консенсуса в России. Автор учитывает и анализирует различные интересные и громкие кейсы в православной среде, включая феномен «бывших верующих» (М. Кикоть, проект «Ахилла» бывшего священника Волгоградской епархии А. Плужникова и др.). Закономерный итог процессов последнего десятилетия в том, что «российское православие более не является фактором национального консенсуса. Оно становится фактором национального конфликта, еще одним расколом, разделяющим российскую нацию» [Узланер, 2020, 345]. Разные скандальные и конфликтные ситуации как в церковной сфере, так и в сфере церковно-государственных отношений получают необходимое взвешенное объяснение. Как человек, имевший одновременно опыт активной церковной жизни, и опыт академической жизни, могу отметить, что тексты Узланера представляют подход, который, принимая во внимание самые разные проблемные стороны религиозной жизни, дает им взвешенную и методологически ценную интерпретацию.

Последнее стало возможным, на мой взгляд, благодаря методологической обоснованности разработок автора. В целом в текстах Узланера очевиден методологический посыл. Благодаря этому диалогия автора утверждает в русскоязычной науке новое положение дел, практически совершает «коперниканский поворот» в науках о религии. Она показывает сложность и противоречивость современной религиозной ситуации в разных местах планеты, религии, которую необходимо рассматривать в новом контексте – постсекулярном. Если этот поворот мы сравниваем с «коперниканским», то есть смысл вспомнить и «кантианский проект», обозначивший границы научного познания. В этой диалогии мы получили добротный качественный и критический в кантианском смысле анализ религии. Автор на базе ключевых теоретиков секулярности и своего собственного анализа общемировой и российской ситуации обозначил границы религии и одновременно того, что ей сегодня не является в публичной сфере. Автор «ограничил» религию, чтобы дать место секулярному и, наоборот, «ограничил» секулярное, чтобы дать место религии. Представленная картография религиозного и нерелигиозного однозначно приближает нас к пониманию противоречивого актуального положения вещей.

Отмечу здесь один важный факт современной эпохи, который показывает автор: «парадокс современных обществ в том, что они оказываются лишенными единого «символического универсума». Современные общества характеризует плюрализм, когда одновременно сосуществует несколько противоположных символических универсумов, каждый из которых связан со своим небольшим сегментом» [Узланер 2019, 68]. Из-за этого так трудно сегодня вести дискуссии о фундаментальных социально-политических ценностях свободы, равенства, демократии и др. Так, мировоззренческий и идеологический раскол особенно ярко отражается на дискуссиях о проблеме справедливости. Заслуга автора в том, что придерживаясь «идеологии» Нового Просвещения [Узланер 2020, 209–211], автор успешно смог расколдовать уже сам Модерн как новую религию, и объяснить существенные стороны расколотости постсовременного мира. Если все знание социально обуслов-

лено, то за позицией Милбанка, Узланера и других «позитивистов»-постсекуляристов, мы видим принципы старого доброго философского рационализма, не утратившего свой потенциал универсального символического универсума.

Обе книги написаны очень хорошим, ясным научным языком, что можно объяснить многолетним опытом редакторской работы (автор с 2012 г. является главным редактором журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом») и публицистической активностью автора. Опечатки встречаются в основном в первой книге, вторая книга вычитана значительно лучше.

Итак, книги ценны тем, что дают актуальную теоретическую рамку понимания специфики религиозности в современной ситуации как в мире, так и в России. Автор основывает свой анализ и на классиках социальной мысли и на новейших исследовательских разработках. При этом особенно ценным является опыт осмысления российских процессов и анализ важнейших кейсов последних лет. Аналогов такого рода исследований в российской науке сейчас нет, и при этом автору удалось преодолеть опасность научного локализма и встроиться в актуальную международную дискуссию, о чем свидетельствует, в частности, публикация частей второй книги в

авторитетных зарубежных изданиях на английском языке. Современные российские ученые из социально-гуманитарных дисциплин часто оказывается в западне разных модных «поворотов», которые состоялись в академическом мире зарубежья, и пишут тексты-пересказы описательного характера. Весьма отраднo, что книги являются не простым вторичным пересказом модных западных теорий, но предлагают свой оригинальный, чувствительный к деталям и методологически отрефлексированный взгляд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Узланер 2019 – Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издат. дом ВШЭ, 2019.
- Узланер 2020 – Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

REFERENCES

- Uzlaner D.A., 2019. *The End of Religion? History of the Secularization Theory*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Uzlaner D.A., 2020. *The Postsecular Turn: How to Think on Religion in 21st Century*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara.

Information About the Author

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Academiceskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

UDC 130.2
LBC 87.52

**THE SPACE-TIME CONTINUUM IN THE POSTMODERN PARADIGM:
G. DELEUZE (1926–1995)**

Yuri L. Sirotkin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation

Abstract. According to the author, J. Deleuze enriches the postmodern paradigm of space-time continuum analysis with original ideas about space, time, and duration (extension) as properties of the world. Psychologism in the interpretation of time-space is indicated. Time is interpreted as a relation, the sign of which is becoming. Attention is drawn to the fact that processuality is provided by eventfulness; events have specific differences and act as neutral singularities that form history. It is noted that time is personal and events as signs and relationships are actualized in the time of the ego. The article reveals Deleuze's rationale for two times: one – present, the other – past and future; one – cyclical, the other – linear (the time of Chronos and the time of EON). It is emphasized that the present is an elusive being of the mind; it is the field of action of historical individuality, which is characterized by an infinity of analytical or synthetic propositions that are self-determined in space-time. The synthesis of time rests on habit, which is the basis of the passing present. Justifies the time memory. It is argued that the present for Deleuze is a simulacrum present in appearances; it dissolves in the past and future. The author reveals the philosopher's conviction in the subjectivity of time, which asserts the priority of the present as existing. The unconscious ends the history of time, shifting the center and periphery, which cease to exist. The influence of depth and distance on the perception of space is noted; time is perceived as an axis, as a form of mental activity, as a bundle of "I" and "My I", as an Affect. The dependence of individual perception on national and cultural affiliation was found. Attention is drawn to the incorporation of time - space into the spiritual world of man. The conclusion is made about the anthropological nature of the space-time continuum in Deleuze's epistemological constructions. Space-time is analyzed through the concepts that form the basis of Deleuze's philosophical discourse, as an attempt to go beyond the established ideas about the space-time continuum.

Key words: time, space, anthropology, relation, becoming, event, difference, repetition.

Citation. Sirotkin Yu.L. The Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Deleuze (1926–1995). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

УДК 130.2
ББК 87.52

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ: Ж. ДЕЛЕЗ (1926–1995)**

Юрий Львович Сироткин

Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. По мнению автора, Ж. Делез обогащает постмодернистскую парадигму аналитики пространственно-временного континуума оригинальными идеями относительно пространства, времени и длительности (протяженности) как свойств мира. Указывается на психологизм в трактовке времени-простран-

ства. Время интерпретируется как отношение, признаком которого выступает становление. Показывается, что процессуальность обеспечивается событийностью; события обладают видовыми отличиями и выступают как нейтральные сингулярности, формирующие историю. Отмечено, что время лично, и события как знаки и отношения актуализируются во времени «Я». В статье раскрыто обоснование Делезом двух времен: одно – настоящее, другое – прошлое и будущее; одно – циклично, другое – линейно (время Хроноса и время Эона). Подчеркивается, что настоящее есть ускользящее бытие разума; оно является полем действия исторической индивидуальности, которая отличается бесконечностью аналитических, либо синтетических предложений, самоопределяющихся в пространстве-времени. Синтез времени покоится на привычке, которая является основанием проходящего настоящего. Обосновывает время память. Утверждается, что настоящее для Делеза – это симулякр, присутствующий в видимостях; оно растворяется в прошлом и будущем. Раскрывается убежденность философа в субъективности времени, которая утверждает приоритет настоящего как существующего. Бессознательное заканчивает историю времени, смещая центр и периферию, которые перестают существовать. Отмечается влияние глубины и расстояния на восприятие пространства; время воспринимается как ось, как форма мыслительной активности, как связка «Я» и «Мое Я», как Аффект. Обнаружена зависимость индивидуального восприятия от национально-культурной принадлежности. Обращается внимание на инкорпорированность времени-пространства в духовный мир человека. Делается вывод о психологическом основании аналитики антропологической природы пространственно-временного континуума в эпистемологических конструкциях Делеза. Пространство-время анализируется посредством понятий, составляющих основу философского дискурса Делеза, как попытки выйти за пределы сложившихся представлений о пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: время, пространство, антропологизм, отношение, становление, событие, различие, повторение.

Цитирование. Сироткин Ю. Л. Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Делез (1926–1995) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.6>

Философское наследие Делеза не обделено вниманием российских исследователей. В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к корпусу работ французского философа. Сочинения Делеза подвергнуты критическому анализу с различных позиций: отражения психоаналитического дискурса [Вавилов 2018] и общих проблем психиатрии [Коломиец 2012], антропологической проблематики [Гиренок 2012], в том числе гуманизма [Гончаренко 2013], поэтики и типологии текстов [Еникеев 2017], перспектив онтологии [Корецкая 2006] и категории субъекта [Кузнецов 2003] и т. д. Монографическому анализу удостоилась философия различия [Дьяков 2017]. Нелинейный мир в контексте творческого наследия Делеза раскрыт в докторском исследовании Я.И. Свирского [Свирский 2004]. Социальный аспект аналитики ритма изложен Е.А. Маковецким [Маковецкий 2004]. Впрочем, повышенный интерес к творческому наследию Делеза не является исключительно российским феноменом [Herer 2006]. В фокусе внимания находится и пространственно-временная проблематика [Buchanan 2005, Williams 2011]. Тем

не менее нам не удалось обнаружить публикации российских авторов, посвященных анализу пространственно-временного континуума в творческом наследии Делеза. Предлагаемая статья является попыткой восполнить этот досадный пробел.

Ж. Делез не создал более или менее стройной и обоснованной теории пространственно-временного континуума, предпочитая децентрированную аналитику и смещение акцентов, что давало возможность обозначить его текучесть и зыбкость. Вместе с тем не лишены оригинальности подходы философа обладают эпистемологической ценностью, в том числе в силу глубинного антропологизма восприятия пространства-времени. В предлагаемой статье мы проследим мысли автора в их увлекательной непоследовательности и эпистемологической противоречивости. В основе нашего анализа лежат базовые понятия, используя которые Делез интерпретирует пространственно-временной континуум. Автор предпринял попытку психологического обоснования восприятия французским философом времени-пространства, антропологического по природе и генезису. Цель исследования: рас-

крыть оригинальность толкования Делезом времени-пространства, одной из составляющих которого является психологизм трактовки континуума и показать, что время обретается в процессе становления отношений, обосновывается памятью и сопровождается событийностью, формирующей историю, а отношения актуализируются во времени «Я», которое становится исторической индивидуальностью. Поставленная цель привела нас к необходимости проследить мысли Делеза относительно времени Хроноса и времени Эона, субъективности времени и привычки как его синтеза, симулякризации настоящего, присутствующего в видимостях, восприятия времени как формы мыслительной активности в связки «Я» и «Мое Я» и т. д. Новизна работы заключается в использовании соотносительных конструкторов восприятия Делезом времени-пространства в их интерпретационном своеобразии. Спецификация размышлений, составляющих содержание статьи предполагает не комментирование текстов, а диалог с Делезом в стилистике и с использованием смысловых нюансов языковых средств постмодернистского дискурса.

Пространство, время и длительность есть свойства мира. Эта мысль, оговоренная Ж. Делезом, сопряжена с лейбницевской идеей о трех критериях игры [Лейбниц 1982] и трактовке пространства-времени-длительности (декларация Делеза о том, что «мы остаемся лейбницианцами» [Делез 1997, 242] обязывает нас отнестись с более чем пристальным вниманием к рассуждениям о пространстве-времени в контексте учения Лейбница о монадах). Делез обосновывает оригинальную позицию относительно времени-пространства, вводя понятие «мировая игра», манифестируя композиционное построение мира в неподвластном воображению архитектурном разнообразии и памяти о возможностях инкорпорации мира в человеке. Пространственно-временной континуум сравнивается с «вместилищем» (варианты – стол, таблица), которое необходимо заполнить миром. Либо, напротив, пространство-время принадлежит множеству миров в ипостаси дистанции от одной до другой сингулярностей, или от одного до другого человека. В обоих случаях протяженность становится результатом продле-

ния сингулярностей. Поэтому пространство, время и протяженность становятся характеристиками мира. Играющий мир объединяет как игроков, так и месторасположение игроков. Как видим, мир есть вместилище пространства, времени и протяженности [Делез 1997, 116–117]. Находится ли в этом мире человек? И не он ли воспринимает мир, время, пространство и протяженность? Вопросы остаются открытыми. Поиски ответа на них приводят к антропологическим трактовкам природы пространства-времени.

Антропологизм анализа времени-пространства обнаруживается у Делеза в использовании метода внутреннего субъективного генезиса, который направляет его аналитику в область трансцендентальной (дифференциальной и генетической) психологии перцепции. Результаты использования избранного метода дают основания для вывода о пространстве-времени как множестве, представляемом в качестве узла дифференциальных отношений в субъекте, который обретает статус продукта этих отношений [Делез 1997, 152]. Таким образом, время становится внутренним продуктом и интерпретируется как отношение. Основанием «в применении к пространственно-временным отношениям» становится согласованность. Применительно к монадологии включается режим своеобразных позиций между монадами. Отношения выражают последовательность расположения монад. Это режим осуществления отношений, вектор которых располагается в направлении от более к менее ясной монаде, так как ясным и совершенным является лишь основание [Делез 1997, 236]. В этом случае мы имеем дело с признаком пространственно-временных отношений.

Наряду с отношениями, ключевую роль в аналитике времени у Делеза играет становление. Оно ускользает от настоящего, и потому не имеет ни прошлого, ни будущего [Делез 1995, 13]. Настоящему придается всеобщность. Оно становится временем всего сущего, так как оно имеет протяженность, служит измерению действия того, кто его совершает. Настоящее как космос принадлежит универсуму; оно существует во времени. Телам принадлежит пространство [Делез 1995, 17]. Они же образуют отношения, которые явля-

ются причинами событий-эффектов, обозначающих несуществующую сущность.

Становление саморазделяется на прошлое и будущее, игнорируя настоящее. Этот процесс бесконечен. Поэтому время воспринимается одновременно в двух взаимоисключающих и взаимодополняющих образах. Один из них олицетворяет живое телесное настоящее и возникает как результат действия сторонних тел. Другой – олицетворяет момент, который делится на прошлое, будущее и бестелесные эффекты. Причем деление безгранично по длительности. Этот момент также выступает результатом действий внешних тел. Время обретает себя в настоящем, которое поглощает бесконечно разделяющее настоящее прошлое и будущее. Существование трех последовательных измерений времени ставятся под сомнения и представляются излишними. Два прочтения времени декларируются как самодостаточные [Делез 1995, 18]. Прошлое и будущее разделяются и синхронно поглощаются настоящим. Такова констатация сущего.

Становление как процесс открыто в бесконечность и обеспечивается событийностью. Идеальное событие – это сингулярность, которая нейтральна. Сингулярности смешиваются, изменяются по составу и трансформируются. В роли сингулярностей может выступать вариативная событийность. В этом случае частные события взаимодействуют внутри одного События. Взаимодействия перераспределяют их статус, трансформации создают историю [Делез 1995, 74]. События – это знаки и отношения, актуализованные во времени «Я», они проблематичны. Знаки дублируют понятия в действиях. Ассоциативность, неопределенность и изменчивость становятся признаками знаков [Делез 2002, 188]. Проблема определяется сингулярными точками, которые выражают ее условия. Проблема утверждается, а значит, требует решения. Решение проблемы, соответствующее ее условиям, всегда находится. Однако идеальное событие имеет пространственно-временное осуществление, равно как и решение проблемы. В отличие от проблемы, вопрос определяется случайной точкой, соответствующей «подвижному элементу». Резюме выглядит следующим образом. Метаморфозы сингуляр-

ностей создают историю. Отдельные комбинации становятся событиями. Событие коммуницирует и перераспределяет частные события. Такое Событие является уникальным и осуществляет собственное бытие на фоне других событий как частей и фрагментов [Делез 1995, 78].

В парадигме традиций, восходящей к стоикам, Делез выделяет два полноценных прочтения времени, несмотря на взаимоисключающий характер каждого из них. С одной стороны – Хронос как ограниченное настоящее. С другой – Эон как неограниченное прошлое и будущее. В «Логике смысла» Делез поясняет свою позицию. Утверждается, что настоящее существует, интегрируя прошлое и будущее, оно движется, достигая пределов Универсума посредством перехода от одного сжатия к другому. В результате возникает космическое настоящее. Обратный порядок движения способствует возрождению настоящего в части его моментов. Универсум вновь обретается. Таким образом, настоящее всегда ограничено. Время бесконечно потому что оно циклично и оживает в вечном возвращении того что было. Причинность в этом возвращении играет заметную, но трудноопределимую роль. Делез полагает, что настоящее делится до бесконечности прошлым и будущим. В этом случае настоящее мыслится линией. Прошлое и будущее дополняемо и также бесконечно делится настоящим. Промежуточные обобщения допускают предположения: а) время не бесконечно по причине невозвратности; б) время есть прямая линия с прошлым и будущим как отдаляющимися крайними точками. Итогом рассуждений Делеза становится утверждение о бытии двух видов времени. Один вид определяется настоящим, другой – разлагающе-растягивающимся прошлым и будущим [Делез 1995, 84–85]. Один вид текуч, другой – нейтрален. Один линейен, другой – цикличен.

Одно настоящее есть ускользящее бытие разума, в нем доминирует возможное. Другое как живое настоящее – событийно, разделяющееся на прошедшее прошлое и ближайшее будущее. Делез снова и снова возвращается к этой мысли и неоднократно ее повторяет в различной аргументации [Делез 1995, 87, 101 и др.].

Действия человека как исторической индивидуальности ограничены настоящим. В нем человек актуализирует преобразовательные способности и проявляет социальную активность различную по формам и содержанию. Настоящее покоится на прошлом и ориентируется будущим. «Живое» настоящее имеет устойчивый вектор эволюции, который задан конструкциями будущего [Делез 1995, 140]. Индивидуальности обретают форму аналитических предложений. Личностям присваивается статус синтетических предложений. В единстве они составляют «онтологические предложения» [Делез 1995, 149]. Иначе говоря, соотношение смыслов, заключенных в анализе как выражении индивидуальности и синтезе как ином порождении смыслов, содержащихся в лексических конструкциях более высокого порядка, принадлежащих личности, порождает целостность высшего смысла, выражающуюся в неразрывной связи мышления и бытия в духе гуссерлевского пути от чистого сознания к структуре бытия. Предложения находятся во взаимоотношениях и порождают проблемы, которые самоопределяются в пространстве-времени.

События имеют двойственную структуру: собственно реализация в настоящем или момент реализации. События прошлого и предполагаемого будущего располагаются в настоящем в порядке зависимости от их участников. Подобная трактовка событий не отменяет факта прошлой событийности и возможности развертывания событий в будущем. Но есть события настоящего момента, которые Делез называет «контр-осуществлением». Предложенное понятие вмещает жизнь, которая ускользает, но является для человека настоящим. Это в одном случае. В другом – это индивидуальное бытие человека, которого может подавить окружающий мир, не имеющий отношения ни к человеку, ни к его жизни в настоящем, а только к моменту, разделенному на «до» и «после» [Делез 1995, 183].

В соответствии с существованием двух видов времени (Хроноса и Эона) предлагается оригинальная характеристика каждого из них. По Хроносу время ограничивается настоящим, им же и измеряется. Настоящее вмещает прошлое и будущее. В частности, оно сохраняет прошлый опыт и обнаруживает пер-

спективы, которые открывает будущее по его переосмыслению и использованию. Настоящее Хроноса – это процессы контаминации; наделение темпоральностью происходит в результате смешивания. Настоящее выступает мерой действия тел или причин, а прошлому и будущему достается страдание тел. Божественное (величайшее) настоящее есть всеединство телесных причин [Делез 1995, 196]. В итоге Делез квалифицировал настоящее как видимость, которая дублирует двойника [Делез 1995, 202–203]. Другими словами, настоящее есть симулякр (то есть обозначение того, чего нет), присутствующих в видимостях. Подобное резюме следует после многочисленных повторов с добавлением незначительных аргументов к основным тезисам, которые не дополняют изложенных представлений в контексте антропологического дискурса. В частности о времени Эона выносится суждение, что оно содержит прошлое и будущее, которые разделяются моментами настоящего. Разделение бесконечно, соотносительно и направлено в сторону как прошлого, так и будущего [Делез 1995, 198–199]. Пришло время сделать оговорку. Мы сознательно избегаем цитирования не только ввиду ограниченного объема статьи, но и по причине стилистического своеобразия текстов первоисточника, которое создает дополнительные трудности восприятия и толкования. В качестве примера предложим иной вариант интерпретации рассуждений Делеза [Делез 1995, 198–199]. Настоящее содержит прошлое и будущее, предоставляет возможность их соотношения. Смыслы прошлого и будущего обретаются в настоящем. Прошлое и будущее делит настоящее. Момент разделяет состояние времени на прошлое, настоящее и будущее, тогда как разделяющий момент не имеет ни объема, ни протяжения. При этом, соотношение прошлого и будущего не подвластно охвату настоящим. Ограничимся сказанным, не исчерпывающим, тем не менее, количество возможных трактовок. Впрочем, это характерно не только для текстов Делеза. Постмодернистский дискурс предполагает множественность интерпретаций, основу которых составляет смысловая неопределенность текстов. Это лишь один из блестящих примеров фантазмов-симулякров, увлекающих

читателя тем, чего нет и не может быть, но что может быть обозначено. Этим примером мы ограничимся, выразив сожаление в отстраненности от «нового мира бестелесных эффектов». Попутно обратим внимание на пристрастие автора к повторению уже изложенного и, учитывая возможность предсказуемости повторов, мы избавляем читателя от повторяемости и вариативности в изложении, ограничиваясь необходимыми для понимания позиции Делеза относительно времени-пространства смыслами.

Последуем вслед за Делезом и прибегнем к спасительному Событию. Именно оно создает то, что отличает циклическое и моноцентрированное возвращение Хроноса. Это вечное возвращение событий, круговорот событийности как их череды, бесконечно делимых на «уже прошедшее» и «вот наступающее» [Делез 1995, 212], исключаящее возвращение индивидуальностей и миров. Такое возвращение скользит по линии Эона, следуя по которой, События не принудительно каузальны, а совозможны. «Вечное возвращение» предполагает повторение на основе различия. В основе циклов лежит повторение. Иначе говоря, повторение символизирует циклы и не может состояться вне настоящего.

Устраивая смысловую переключку с Юмом и Тардом, Делез утверждает в *субъективности времени* (курсив наш. – Ю. Л.). Сознание порождает пространственно-временную динамику [Делез 1998, 269]. Субъективностью времени утверждается приоритет настоящего. Настоящее обозначается как существующее и в определенной степени завершенное «здесь и сейчас». Бытие настоящего утверждается синтезом времени. В качестве меры настоящего выступает прошлое и будущее [Делез 1998, 103]. Делез полагает, что внутривременной синтез означает проходящее настоящее. Вечное настоящее подвластно представлению, но физические возможности его осуществления отсутствуют. Настоящее обладает некоторой длительностью, которая исчерпывается возможностями организма и индивида. Живой организм оказывается способным продлевать настоящее в зависимости от созерцающих его душ. Пределы подвижного настоящего определяются потребностями. Настоящее помещает-

ся между образующимися потребностями. Длительность его соответствует длительности созерцания. Потребности, повторяясь, выражают внутривременной характер синтеза времени [Делез 1998, 104]. Первый синтез времени как живое настоящее покоится на привычке, как, впрочем, и все психические феномены; тысячи привычек образуют базовую область пассивных синтезов. Привычка есть основание времени, которое проходит, то есть настоящего. Первый синтез времени, утверждает Делез, первоначален и внутривременен. Время не выходит из настоящего, которое его утверждает и проходит. Второй синтез показывает проходящее настоящее и объясняет несоразмерность времени [Делез 1998, 106]. То, что движет настоящим, присваивая настоящее и привычку, определяется как обоснование времени. Для Делеза это Память. Память соотносится с привычкой на основе времени. Предложенное соотношение дает основание для возведения привычки в ранг первоначального синтеза времени. Этот синтез утверждает проходящее настоящее. Память же предполагает новый синтез, который констатирует бытие прошлого.

Время целиком синтезируется прошлым. Настоящее и будущее служат его измерению. Однако прошлое имеет место быть в настоящем; оно, таким образом, есть. Прошлое, как прошедшее настоящее, содержится в актуальном; оно воспринимается как время «в-себе». В этом смысле прошлое а priori времени вообще [Делез 1998, 109]. Пассивный синтез относится к прошлому, активный – представление настоящего как «воспроизведение старого и отражение нового». Включение в рассуждения о времени повторения приводит Делеза к выделению материальных и духовных повторений. Материальные повторения – это повторение мгновений. Духовные – предполагают повторение на различных уровнях сосуществования [Делез 1998, 112].

Обосновывая разговор о трех временах – прошлом, настоящем и будущем – Делез опирается на Гельдерина (Holderlin) [Делез 1998, 118–119]. Время, обретаемое прошлым, настоящим и будущим является совокупностью трех синтезов, образующих единое повторение. Прошлое – это самоповторение. Настоящее – это повторяющееся. За бу-

душим закрепляется миссия повторяемого. Смысл повторения обнаруживается в дважды повторяемом. Повторение, названное «королевским», предполагает повторение предстоящего, подчиняющего иные повторения, расположенные в порядке синтеза. Первый синтез относится к содержанию и основанию времени. Второй – к его обоснованию. Третий – к конструированию системы и формулированию цели времени [Делез 1998, 123]. Обращение к бессознательному в трех синтезах закрывает для Делеза вопрос о времени. Резюме Делеза выглядит следующим образом. Высший синтез относится к будущему, которое предвосхищает трансформацию «Оно и Я» в «Сверх-Я». Осуществляемая трансформация разрушает прошлое и настоящее, затрагивая состояния и агента. Прямая линия замыкает круг, похожий на кривое зеркало перекошенностью отражений. Инстинкт смерти становится надеждой на вечное возвращение, которое в итоге утверждает неформальное как продукт формальности в ее высших проявлениях. В этих интеллектуальных манипуляциях философ видит законченность истории времени, когда круг разрывается и образуется линия, изменяя круг смещением центра [Делез 1998, 147]. Центр и периферия перестают существовать. Смещение временных отрезков сопровождается синтезом прошлого, настоящего и будущего, провоцирующим смелые заявления о его конце. Вместе с тем существование (независимо от понимания, которое декларирует Делез. – Ю. Л.) может либо размещаться в пространстве и времени (даже в качестве индифферентной среды), либо происходить вне пространственно-временных данностей. Однако существование идеи есть результат реальности, наполненной временем и пространством, имманентным Идее [Делез 1998, 260].

Различие как понятийный инструментальный, не без успеха используемый Делезом, объясняет создание качества и пространства. Глубина пространства свидетельствует о его безграничности; оно служит вместилищем сложностей, оказывающихся результатом смешения [Делез 1998, 279]. Характеристика пространства не ограничивается глубиной. Тем не менее, пространство обретает себя в глубине, которая выступает как его первоос-

нова независимо от измерений. Третье измерение гомогенно остальным двум. Выражение глубины неодинаково. В первом измерении глубина отражается в левом и правом. Во втором – верхе и низе. В третьем – в форме и содержании. Глубина свидетельствует о сосуществовании прошлого и настоящего. Перцепция пространства предполагает его глубину, которая не обуславливается величиной объектов. Аналогичное суждение выносится относительно расстояния. В глубине заключено расстояние, которое обозначается видимыми величинами, разворачивающимися в пространстве. Восприятие глубины и расстояния предопределяется интенсивностью ощущений. Снижение интенсивности гипотетически должно увеличить глубину восприятия. Интенсивность обретается пространством. Оно экстерииоризирует и гомогенизирует расстояния. Интенсивность, одновременно, поддается ощущениям и может оказаться неощущаемой [Делез 1998, 280–281]. И в то же время глубина есть «интенсивность бытия, и наоборот» [Делез 1998, 282]. Векторы как истоки интенсивности восходят к глубинному синтезу времени. Три свойства характеризуют интенсивность: неравное (количественное различие); утверждение различием неравного; количество, которое «не включено в качество» [Делез 1998, 283–291].

Делез обращается к анализу времени и раскрывает его через стержень (ось); есть стержень – будет время с отмеряемыми им периодами. Время мыслится как «вращающаяся дверь, лабиринт, ведущий к извечному истоку» [Делез 2002, 43]. Сообразно близости к Вечному располагается иерархия движений; она же сообразуется с необходимостью, совершенством и т. д. Обладание стержнем обеспечивает экстенсивность движений, которая включает его меру, интервалы и ритм. Время измеряет движение и стремится к освобождению, оставаясь изначально и производно движением [Делез 2002, 44]. Из комментария С.Л. Фокина следует, если время утрачивает собственный стержень, определяющими человеческое бытие во времени оказываются мыслительные процессы, в том числе акт «сogito» [Фокин 2002, 233].

В аналитике Делеза присутствует формула «время во мне и Я во времени». Эта

формула позволяет определить динамику пребывания «Моего Я» во времени. Констатируется, что «Я» рецептивно и испытывает динамику изменения во времени, оно выступает как мыслительное действие, позволяющее говорить об изменчивости. Последняя ограничивается актом мыслительной деятельности. В линии времени Делез находит разделительную черту между «Моим Я» и «Я». Линия времени не только разделяет, но и соотносит их, сохраняя различия [Делез 2002, 46]. Время не только соотносит «Я» и «Мое Я», но образует их единство. Так определяется нить времени.

Время определяется Делезом как аффект, самоаффектация или ее возможность. В этом значении время приобретает внутренний смысл и не является только последовательностью. Оно становится формой интериорности. Пространство, напротив, лишается характеристик сосуществования и одновременности и обретает форму экстериорности. Такая форма сохраняет возможность быть взволнованной внешним объектом. Делез поясняет, что форма интериорности, хотя и констатирует наличие времени внутри разума, но не означает ограниченность его присутствия разумом. Аналогично обстоит дело с пространством. Форма экстериорности допускает, что пространство есть нечто внешне бытийное, так как дает возможность представить объекты в качестве внешних объектов. Экстериорность содержит имманентности ровно настолько, насколько интериорность трансцендентности. Мера имманентности определяется разумом, в котором заключено пространство. Мера трансцендентности зависит от соотношения времени, представленного разумом в качестве отличия «от меня». Время, утверждает Делез, как внутри нас, так и мы внутри времени. Такое качество времени определяет нас, волнуемых его аффектом. Интериорность способствует углубленному самопознанию и раздваивает нас, не разрушая единства и целостности. Раздвоение не доходит до предела разрушения, так как время бесконечно. Колебания утверждают время. Равно как колыхания убеждают в бесконечности пространства [Делез 2002, 48–49]. Аффективные состояния дополняют представления о времени-пространстве и обогащают его

антропологический ресурс, в чем видится заслуга Делеза.

Антропологический дискурс позволяет представить пространство-время всем или почти всем, что составляет духовный мир человека. Показателен пример восприятия арабами пустыни. Делез в его анализе использует понятие «свет» в качестве образующего пространства и его сущности; идеи, которые «осуществляют себя в пространстве» и т. д. [Делез 2002, 155]. Это выглядит поэтично; язык метафор вдохновляет, но не объясняет. Речь, вероятно, идет «об актах объективности», но это весьма неопределенное словосочетание, которое не проясняет, а, напротив, запутывает множественностью трактовок – интерпретаций. Делез щедро разбрасывает путанные замечания с туманными намеками на сокрытие истинности, оставляя читателя в недоумении и растерянности. Такова постмодернистская стилистика. «Сущее сталкивается с другим сущим, и они получают друг от друга удовлетворение в соответствии с *конечными* отношениями, которые составляют лишь *бег* времени» [Делез 2002, 172]. Оставим подобные рассуждения без комментариев, не обременяя себя бесконечными интерпретациями по причине их множественности и невозможности определения критерия их ценности. Нам важна антропологическая принадлежность и психологическая составляющая подобных формулировок, не зависящая от степени их ясности.

Относительно грамматических средств выражения времени необходимо отметить, что Делез в их выборе опирается на концепцию Г. Гийома, основная идея которой заключается в отсутствии тождества внутреннего и внешнего времени. Внутреннее – интегрировано в процессуальность. Внешнее – обозначает отличия эпох (отрезков времени). В отношении времени неопределенная форма глагола, по сути и смысла, не является неточной. Инфинитив события и акцентирует внимание на процессуальности. Хронос регулирует и изменяет время. Эон его персонифицирует. Время, относящееся к Хроносу, выражается глаголом «быть». Его смысл более чем абстрактен, а обозначение предполагает совокупность наклонений и времен французского глагола, а не просто инфинитив. Отличие

в обозначении времени состоит в том, что глагол «быть» употребляется в значении «состояния» и «повтора», а глагол «становиться» в значении «изменения» и «различия» [Фокин 2002, 234]. Не углубляясь в вопросы грамматики французского языка, обратим внимание на специфичность лексических единиц, передающих ощущение – восприятие времени человеком, принадлежащим определенной нации и культуре, что, несомненно, нецелесообразно игнорировать как неоспоримый факт антропологической природы времени-пространства.

Отличаются своеобразием замечания Делеза относительно исторического времени. Обращаясь к его анализу, он отбрасывает один из основных законов диалектики «отрицания отрицания» и пренебрегает отрицанием как универсальным принципом бытия и познания, утверждая, что ими живут «тени истории». В качестве аналитической основы исторического времени Делез предлагает путь «решения задач и утверждения различий» [Делез 1998, 323]. Противопоставление цикличного и линейного времени Делез называет «бедной идеей», ввиду невозможности достижения тождественности того, что следует вернуть. Возвращение возможно в силу неравенства возвращающегося и его различия. Вероятность невозвращения выше в силу отрицания бесконечного возобновления. Качество и пространство не возвращаются потому, что в них утрачивается условие бесконечного возобновления. Негативное не возвращается в силу сглаженного различия и тождественное (равное, подобное) так как они есть формы безразличия. Не возвращается Бог и «Я», так как они суть «формы и гарантия тождества» [Делез 1998, 296–297]. В этом случае мы можем констатировать ограниченность возможности повторения.

Подведем итоги в форме кратких обобщений. Психологизм интерпретаций Делезом времени-пространства предполагает:

1. Интерпретацию континуума как формы мыслительной активности и обоснование времени памятью. Субъективность восприятия времени утверждает приоритет настоящего как существующего. Время есть отношение, находящееся в процессе бесконечного становления. Процессуальность становления

игнорирует настоящее, но время обретает себя в настоящем. Отношения актуализируются во времени «Я», которое становится исторической индивидуальностью.

2. Субъективность обеспечивается становлением и раскрывается как последовательное или хаотическое чередование событий, обладающих видовым разнообразием; она выступает в качестве нейтральных сингулярностей, то есть вариативности событий, и определяет исторический процесс. События, суть, знаки и отношения, воплощаются во времени «Я». Нить времени проходит через линию разделения «Я» и «мое Я».

3. Во времени доминирует настоящее, которое воплощается в бытии разума и становится полем действия исторической индивидуальности. Привычка синтезирует время и оказывается в основании ускользающего настоящего. Настоящее представлено симулякрами, растворенными в прошлом и будущем. В этом контексте обозначается соотношение Хроноса и Эона как соотношение цикличности и линейности. Настоящее одновременно жизнь человека и индивидуальное бытие до и после. Иначе говоря, настоящее есть существующее.

4. Восприятие пространства определяется его глубиной и расстоянием. Глубина соотносится с формой и содержанием пространства, то есть его объемом. В него интегрировано время в виде прошлого и настоящего. Глубина, как и расстояние и интенсивность, предполагает перцепцию, которая воспринимается посредством ощущений. Время и пространство соотносятся как формы интериорности и экстериорности. Интериорность, как и экстериорность, не означает ограниченность времени разумом; оно как внутри, так и вне нас, что подтверждает выбор грамматических средств выражения времени.

5. Субъективность времени определяется национально-культурной принадлежностью и инкорпорированностью в духовный мир человека, о чем свидетельствует выбор лексических единиц, используемых им для передачи ощущений, вызванных восприятием континуума.

Резюме позволяет констатировать, что психологизм трактовок Делеза обогащает анализ антропологической природы времени-пространства и обнаруживает новизну восприя-

тия посредством введенной в эпистемологический оборот оригинальной понятийной лексики тех характеристик пространственно-временного континуума, которые оказывались периферийными в предшествующей аналитике. И это несмотря на отсутствие претензий создания более или менее целостной прогностической модели времени-пространства. Логика и язык Делеза избавлены от концептуальных построений и смысловой определенности. Они открыты и стремятся к бесконечности интерпретаций, каждая из которых обладает ценностью, чуждой всякой иерархичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилов 2018 – *Вавилов П.С.* Полифункциональность феномена «измененное состояние сознания»: опыт исследования шизоаналитического дискурса в работе Ж. Делеза // Вестник КазГУКИ. 2018. № 1. С. 8–11.
- Гиренок 2012 – *Гиренок Ф.И.* Жиль Делез. Человек – симулякр // Философия хозяйства. 2012. № 6 (84). С. 211–220.
- Гончаренко 2013 – *Гончаренко А.А.* Дегуманизация в интерпретации Платона Ж. Делезом // Гуманизм и современность: материалы Междунар. науч.-образоват. конф. (8–9 нояб. 2013 г.). Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 40–46.
- Делез 1995 – *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академия, 1995.
- Делез 1997 – *Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
- Делез 1998 – *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- Делез 2002 – *Делез Ж.* Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002.
- Дьяков 2017 – *Дьяков А.В.* Жиль Делез: философия различия: монография. СПб.: Алетейя: Ист. кн., 2017.
- Еникеев 2017 – *Еникеев А.А.* Введение в чтение Ж. Делеза: исследование по поэтике и типологии философского текста: монография. Краснодар: Новация, 2017.
- Коломиец 2012 – *Коломиец Г.Г.* Особенности моделей «общественных машин» в материалистической психиатрии Ж. Делеза И.Ф. Гваттари // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2012. № 3 (106). С. 5–15.
- Корецкая 2006 – *Корецкая М.А.* Перспективы онтологии в оптиках Хайдеггера и Делеза: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2006.
- Кузнецов 2003 – *Кузнецов К.Н.* Категория субъекта во французском постструктурализме: Теоретико-литературный аспект работ Ж. Делеза: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Лейбниц 1982 – *Лейбниц Г.В.* О глубинном происхождении вещей. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровский [и др.]. М.: Мысль, 1982. С. 282–290.
- Маковецкий 2004 – *Маковецкий Е.А.* Социальная аналитика ритма: Жиль Делез, или О спасении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
- Свирский 2004 – *Свирский Я.И.* Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делеза: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004.
- Фокин 2002 – *Фокин С.Л.* Жиль Делез и его «метафизические фантазии» на тему «что такое литература?» // Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. С. 216–239.
- Buchanan 2005 – *Buchanan I.* Deleuze and Space. Edinburg: University Press, 2005.
- Herer 2006 – *Herer M.* Gilles Deleuz: struktury – maszyny – kreacje. Krakow: Universitas, 2006.
- Williams 2011 – *Williams J.* Gilles Deleuze Philosophy of Time: A Critical Introduction and Guide. Edinburg: University Press, 2011.

REFERENCES

- Vavilov P.S., 2018. Polyfunctionality of the “Altered State of Consciousness” Phenomenon»: The Experience of the Study of Schizoanalytic Discourse in the Work of J. Deleuze. *Vestnik KazGUKI*, no. 1, pp. 8-11.
- Girenok F.I., 2012. Gilles Deleuze. The Simulacrum Man. *Filosofiya hozhaystva*, no. 6 (84), pp. 211-220.
- Goncharenko A.A., 2013. Dehumanization in the Interpretation of Plato by G. Deleuze. *Gumanizm i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-obrazovat. konf. (8-9 noyabrya 2013 g.)*. Kazan, Kazan. un-t, pp. 40-46.
- Deleuze ZH., 1995. *The Logic of Meaning*. Moscow, Akademiya.
- Deleuze G., 1997. *The Crease. Leibniz and the Baroque*. Moscow, Logos Publ.
- Deleuze G., 1998. *Distinction and Repetition*. Saint Petersburg, Petropolis Publ.
- Deleuz G., 2002. *Criticism and Clinic*. Saint Petersburg, Machina Publ.
- D'yakov A.V., 2017. *Gilles Deleuze: The Philosophy of Difference: monograph*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.; Istoricheskaia kniga Publ.
- Enikeev A.A., 2017. *Introduction to the Reading of J. Deleuze: A Study in the Poetics and Typology*

- of the Philosophical Text: monograph.* Krasnodar, Novaciya Publ.
- Kolomic G.G., 2012. Features of the Models of “Social Machines” in the Materialistic Psychiatry of Zh. Deleuze I.F. Guattari. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3 «Obshchestvennye nauki»*, no. 3 (106), pp. 5-15.
- Koreckaya M.A., 2006. *Perspectives of Ontology in the Optics of Heidegger and Deleuze: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk.* Samara.
- Kuznecov K.N., 2003. *The Category of the Subject in French Poststructuralism: The Theoretical and Literary Aspect of Zh. Deleuze: dis. ... kand. filol. nauk.* Moscow.
- Leibniz G.V., 1982. *About the Deep Origin of Things. Sochineniia. V 4 t. T. 1.* Moscow, Mysl' Publ., pp. 282-290.
- Makoveckij E.A., 2004. *Social Analysis of Rhythm: Gilles Deleuze, or About Salvation.* Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Svirskij Ya.I., 2004. *The Non-Linear World of Post-Non-Classical Science and the Creative Heritage of Zh. Deleuze: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk.* Moscow.
- Fokin S.L., 2002. Gilles Deleuze and His “Metaphysical Fantasies” on “What is Literature?”. *Deleuze, J. Criticism and Clinic.* Saint Petersburg, Machina Publ., pp. 216-239.
- Buchanan I., 2005. *Deleuze and Space.* Edinburg, University Press.
- Herer M., 2006. *Gilles Deleuz: struktury – maszyny – kreacje.* Krakow, Universitas.
- Williams J., 2011. *Gilles Deleuzs Philosophy of Time: A Critical Introduction and Guide.* Edinburg, University Press.

Information About the Author

Yuri L. Sirotkin, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Magistralnaya St, 35, 420108 Kazan, Russian Federation, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Информация об авторе

Юрий Львович Сироткин, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии, Казанский юридический институт МВД России, ул. Магистральная, 35, 420108 г. Казань, Российская Федерация, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.7>

UDC 165.0

LBC 87.25

GROUNDLESSNESS AS A CONSTITUTIVE PROBLEM OF “BIG SCIENCE”**Larisa N. Shadrina**

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Zhanna V. Roslyakova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of the groundlessness of modern scientific knowledge. This problem is investigated in a broad historical and philosophical context: starting from the transcendentalist philosophy of I. Kant, which establishes a fixed boundary between the cognizable object and the cognizing subject, then through the absolute idealism of G. Hegel dialectically removing the line between the finite forms of human thinking and the infinite being of the absolute spirit, and up to the phenomenology of E. Husserl, looking for a solid support of rational knowledge in the a priori structures of human consciousness. The authors also pay attention to other philosophical attempts to solve the problem of the foundation of knowledge. The authors refer to the ontological epistemologies developed by M. Heidegger and S.L. Frank. The researchers emphasize that the principle of transrational unity of opposites developed by Frank allows him to overcome the long-standing epistemological dualism of intuitively irrational and rational principles and not detract from the importance of private scientific knowledge. The article reflects the authors' opinion, that the combination of holistic and personalistic methodological approaches opens up a theoretical possibility not to dissolve a free and creative human personality in the whole being. Raising the question of the correlation of scientific knowledge and religious-metaphysical experience, the only one capable of giving science a solid foundation, the authors turn to the project of “sacred” science by R. Guenon, in which science finds its grounds in a metaphysical doctrine containing absolute intuitively comprehended principles. The concept of “spiritual science” by Guenon is compared with the concept of “living experience” of cognition, developed in the space of the Russian religious-metaphysical paradigm. The essential difference between the two concepts is seen in the interpretation of intellectual intuition. As evidence of the deep crisis of the modern scientific paradigm, which has lost its religious and metaphysical basis, the authors turn to the meta-scientific discourse of modern Western scientists, which is a kind of hybrid of science and theology. It is concluded that nothing else can save the scientific mind from groundlessness, but faith in the revealed Truth, which is not justified by reason.

Key words: science, transcendent base, sense, spirituality, religious metaphysical principle, the Truth.

Citation. Shadrina L.N., Roslyakova Zh.V. Groundlessness As a Constitutive Problem of “Big Science”. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 60-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.7>

УДК 165.0

ББК 87.25

**БЕЗОСНОВНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНАЯ ПРОБЛЕМА
«БОЛЬШОЙ НАУКИ»****Лариса Николаевна Шадрина**

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Жанна Владимировна Рослякова

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема безосновности современного научного познания. Данная проблема исследуется в широком историко-философском контексте: начиная от трансценденталист-

ской философии И. Канта, устанавливающей фиксированную границу между познаваемым объектом и познающим субъектом, далее – через абсолютный идеализм Г. Гегеля, диалектически снимающий грань между конечными формами человеческого мышления и бесконечным бытием абсолютного духа, и до феноменологии Э. Гуссерля, ищущей прочную опору рационального знания в априорных структурах человеческого сознания. Внимание уделяется также и другим философским попыткам решить проблему основания знания. Автор обращается к онтологическим гносеологиям, развиваемым М. Хайдеггером и С.Л. Франком. Подчеркивается, что разработанный последним принцип трансрационального единства противоположностей позволяет ему преодолеть застарелый гносеологический дуализм интуитивно-иррационального и рационального начал и не умалить при этом значения частнонаучного знания. Высказывается мнение, что сочетание холистского и персоналистского методологических подходов открывает теоретическую возможность не растворить свободную и творческую человеческую личность во всецелом бытии. Поднимая вопрос о соотношении научного знания и религиозно-метафизического опыта, единственно способного придать науке твердую основу, автор обращается к проекту «сакральной» науки Р. Генона, в котором наука находит свою основу в метафизической доктрине, содержащей абсолютные интуитивно постигаемые принципы. Концепция «духовной науки» Генона сравнивается с концепцией «живого опыта» познания, развиваемой в пространстве русской религиозно-метафизической парадигмы. Существенное различие той и другой концепции усматривается в трактовке интеллектуальной интуиции. В качестве свидетельства глубокого кризиса современной научной парадигмы, утратившей свою религиозно-метафизическую основу, авторы обращаются к метанаучному дискурсу современных западных ученых, который представляет собой своеобразный гибрид из науки и теологии. Делается вывод, что спасти научный разум от безосновности может не что иное, как вера в необоснуемую разумом богооткровенную Истину.

Ключевые слова: наука, трансцендентная основа, смысл, духовность, религиозно-метафизический принцип, Истина.

Цитирование. Шадрина Л. Н., Рослякова Ж. В. Безосновность как конститутивная проблема «большой науки» // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 60–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.7>

Опыт нашего участия в различных научно-теоретических и научно-практических конференциях, а также наши личные профессиональные контакты со специалистами в области фундаментальных наук приводят нас к печальному выводу, что большая часть наших ученых либо пребывает в счастливом неведении относительно сущности, конститутивных условий существования и смысла научной формы познания, либо имеет довольно таки туманное представление об этих вопросах. Те же из наших коллег, в поле зрения которых попадают эти метанаучные вопросы, пытаются находить ответы в пространстве изжившей себя философской парадигмы, характеризующейся материалистическим монизмом, утратой чувства единства с природой, антитеологизмом и, что важно, полным пренебрежением к высшим и абсолютным метафизическим ценностям.

Современный научный разум-рассудок утратил *духовное* зрение, которое позволяет за видимыми образами конечных вещей непосредственно постигать самое бытие в его истине. Эту ситуацию утраты метафорически ярко выразил С. Лем [Лем 2002, 362–363]. Разум ученого физика он уподобил путеше-

ственнику, бесконечно кружащему по земному шару, не встречающему границ и не подозревающему, что шар конечен. Есть граница того физического мира, к которому обращена научная мысль и которой она сама наделяет известными ей свойствами. Увидеть эту границу и расширить свой горизонт мышления может лишь тот, кто способен подняться на ступень выше, наблюдать из более высокого измерения Разума, как убеждает нас С. Лем [Лем 2002, 362–363].

Избавить научный разум-рассудок от метафизической слепоты призвана философия, возвращающая ему его фундаментальную *трансцендентную* основу, а значит, и высшую, единую и единственную истину, которая стала бы «неустрашимой точкой референции» (П. Дюгем) для научного знания.

Перед современной философией науки встает задача преодоления разрыва между материалистической позитивистской наукой и духовностью, преодоления духовного вакуума, столь характерного для современного научного познания. Задача эта, что важно, имеет не только исключительно теоретическое значение. Дело в том, что научное знание формирует ту реальность, в которой живет совре-

менный человек. Наука либо связывает человека со сверхвременным духовным бытием, с его Истиной, либо разрывает эту связь, отчуждая тем самым человека от духовной составляющей его собственной сущности. В последнем случае она обесмысливает и человеческое пребывание в этом мире, и саму себя в качестве свободной творческой деятельности, направленной на поиск объективной истины.

Главная проблема современной позитивистски ориентированной науки состоит в том, что она не имеет под собой *твердой основы*, ей не на что опереться. Никакие усилия со стороны современных эпистемологов джастификационистов (от англ. *justification* – оправдание) не спасают и в принципе не могут спасти когнитивный авторитет современной *фундаментальной* науки, не имеющей под собой *фундуса*, то есть твердой основы. Апелляция к математической логике К. Геделя и семантике А. Тарского не останавливает бесконечный регресс в доказательстве, возникающий в виде бесконечной иерархии метатеорий. В конечном счете апологеты науки неизбежно упрутся в понятие «действительных первых принципов», самоочевидных и интуитивно убедительных [Лакатос 1996, 130–131].

Эта философская проблема имеет свою историю. Первым, как известно, ее поставил И. Кант. Согласно ему, научный рассудок не имеет под собой твердого начала, он ограничен сферой опыта, поэтому не в состоянии «летать на своих собственных крыльях». Философ утверждает, что научный рассудок опирается на метафизические «высшие максимумы», которые должны лежать в основе самой возможности существования и применения наук [Кант 1998, 831–832].

И. Кант рассматривает проблему обоснования научного рассудка, исходя из трансценденталистской логики «als ob», то есть мы мыслим так, как будто бы существуют метафизические идеи-принципы. При этом он отказывается от традиционной трансцендентной метафизики. Философ снимает сам вопрос о природе нашего сознания, о его происхождении. Об этом возможно было бы судить только с позиции третьей точки, с которой мы могли бы смотреть извне на наше чувственное созерцание и на наш рассудок. Нам нет нуж-

ды искать трансцендентную объективную основу нашего познания, полагает он. Достаточно того, что мы можем показать, что наше познание вещей возможно лишь при условии существования некоторой объективной основы, далее разложить которую оно не может, не разрушив тем самым себя. И. Кант стоит на позиции агностицизма. Высшие метафизические принципы постулируются им, но они имеют в его философии ценность только объяснительной гипотезы, они лишены, что важно, бытийного статуса [Кант 1998, 656–661].

К проблеме основания научного познания обратился в свое время Г. Гегель. Он указал на теоретический тупик безосновности, в который попадает научный рассудок, «резонирующий из оснований»: «Отыскивание и указание оснований, в чем главным образом и состоит *резонирование*, есть поэтому бесконечное шарханье из стороны в сторону, не приводящее ни к какому окончательному определению; относительно всего и каждого можно указать одно или несколько надлежащих оснований, равно как и относительно противоположного этому, и возможно множество оснований, из которых ничего не следует» [Гегель 1998, 515]. Способ объяснения из оснований, к которому прибегают физические науки, философ называет пустым формализмом и тавтологией. Физические науки, обращенные к миру явлений, то есть к определенному и обусловленному наличному бытию, берут за основание то, что само требует обоснования. Они исходят из внешне-причинного, механического понимания отношения между основанием и обоснованным, как справедливо указывает немецкий классик. Ключ к выходу из «дурной бесконечности» обоснований содержится, согласно Г. Гегелю, в разработанной им диалектической логике, которая, расшатывая «окаменелости» рассудка, наделяет движением рассудочное понятие основания, выводит его за рамки частного абстрактного знания к конкретной целокупности всех его определений, то есть к самому «чистому» понятию или, что то же самое у Г. Гегеля, «к самой сути дела» [Гегель 1998, 524–525].

Г. Гегель не останавливается перед кантовской «вещью в себе». Он отвергает трансценденталистскую философию и *снимает грань между трансцендентным и имма-*

нентным. Он дает философско-метафизическое обоснование научного (то есть диалектического, по Гегелю) знания с позиции панлогизма и абсолютного субъективизма. Согласно его учению, формы человеческого мышления, изначально заключенные в действительном духе, способны посредством диалектического метода поднимать конечное человеческое мышление шаг за шагом к «бесконечно-саморазвивающемуся-посредством-конечного» Абсолюту.

Проблема обоснований рационального познания и тесно связанного с ним научного познания не покидает проблемного поля гносеологии и эпистемологии и в XX столетии. В западной философии в это время обнаруживаются 2 принципиально различных подхода к обоснованию познавательной деятельности. Один из них получил развитие в концептуальных рамках феноменологической установки, восходящей к трансцендентальному идеализму И. Канта. Философом, который наполнил новым оригинальным содержанием его трансцендентальный метод, был Э. Гуссерль. Он стремится преодолеть кантовский дуализм «вещи в себе» и «вещи для нас» на основе более последовательного, как он полагает, проведения принципа трансцендентального идеализма, который не останавливается перед «вещью в себе», а идет к познанию априорных допредикативных очевидностей (истин), которые предшествуют всем мыслимым очевидностям и непосредственно воспринимаются субъектом в качестве чистых феноменов [Гуссерль 2000, 339, 521]. Философ отвергает «естественную», наивную установку в эпистемологии, приписывающую объективное бытие самим объектам. Он предлагает искать основание познания в самих *всеобщих структурах сознания*, носителем которых является трансцендентальное Я. «Объективный мир, который есть для меня, который когда-либо для меня был и будет, сможет когда-либо быть, со всеми своими объектами, черпает, как уже было сказано, весь свой смысл и бытийную значимость, которой он для меня обладает, из меня самого, из меня, как трансцендентального Я...» [Гуссерль 2000, 354]. Философ разрабатывает свой феноменологический метод – трансцендентальную редукцию – с помощью которого можно, по его

мысли, прийти к изначальному единству предметности внешнего мира и деятельности человеческого сознания, то есть к трансцендентальной субъективности. Суть этого метода заключается в том, чтобы «вывести из игры» все точки зрения в отношении объективного предданного мира, бытия как такового и «схватить себя как Я вместе с чистой жизнью собственного сознания, в которой и благодаря которой весь объективный мир есть для меня и так, как он есть именно для меня» [Гуссерль 2000, 347].

Критический аргумент против трансценденталистской философии мы находим у В.С. Соловьева в его работе «Критика отвлеченных начал» [Соловьев 1988, 686–687]. Философ верно указывает, что, сводя действительность к факту ее переживания в сознании (созерцание феноменов у Гуссерля), мы теряем само понятие истины и сам критерий для различения истинного и ложного в познании, а следовательно обесмысливаем познавательную деятельность.

Трансцендентальная логика, развиваемая Э. Гуссерлем, не преодолевает бинаризма членов оппозиции *предметный окружающий мир / человеческое сознание, взятое исключительно в виде рефлексивной деятельности*. Она не выводит нас к Третьему связующему их общему началу, которое позволило бы посмотреть на эти противоположности как на незамкнутые и взаимопроникающие модусы этого Третьего. У Э. Гуссерля в качестве Третьего выступает маркированный член оппозиции, человеческое сознание. Уточним, что сказанное выше относится к первому периоду творчества Э. Гуссерля, до его концепции жизненного мира, которая представляет собой попытку философа выйти из тупика трансцендентального идеализма [Мотрошилова 2018, 516–522].

Иначе подходит к проблеме основания научного познания М. Хайдеггер. Философ смотрит на интересующую нас проблему в свете своей метаметафизической философии, бросающей вызов рационалистической философской метафизике, забывшей Бытие в его изначальной и сокровенной истине и заменившей его теорией познания (по мысли М. Хайдеггера, завершение метафизики начинается с философии Г. Гегеля). Согласно М. Хайдег-

геру, не только философская метафизика скользит по поверхности бытия, упуская *бытийную* сущность существующего, таким является и научное мышление, такой является и западноевропейская культура в целом, стремящаяся господствовать над сущим. Сама по себе новоевропейская наука не способна, по мнению философа, найти теоретическое решение «кризиса оснований». Причина тому в ее неспособности выйти за пределы *пред-ставляющего* мышления [Хайдеггер 1993, 250]. Решение проблемы основания теоретического знания, включая научное, философ видит в обращении к дологической, допредикативной структуре (предпонимание), которая изначально, чем наше переживание и рефлексия. По Хайдеггеру, предпонимание обеспечивается открытостью (настроенностью) человека как тут-бытия бытию как таковому. Предпонимание дает слово самому бытию, которое есть основание всего сущего в мире, включая самого человека. Само являясь основанием, целостное и единое бытие остается без основания, оно уклоняется от подобающего научному мышлению вопроса «Почему», который «гонит представление от одного основания к другому» [Хайдеггер 1999, 208]. М. Хайдеггер считает, что постижение-проникновение в бесосновную основу всего сущего возможно, только если само невыразимое бытие («Алетейя») приоткроет свою истину человеку. Для этого теоретическое научное познание должно, преодолев свою падшесть, погрузиться в материнское лоно бытия и стать поэтическим прислушиванием к Священному, исходящему из сферы Божества [Хайдеггер 1993, 242–245].

История русской философии дает нам пример дохайдеггеровского онтологического подхода к проблеме основания знания. Одним из первых русских философов, кто подошел к этой проблеме с позиции новой онтологии, был С.Л. Франк. Принципиальные позиции его онтологии во многом тождественны онтологии М. Хайдеггера. Однако имеются и весьма существенные расхождения. Особенность его онтологии в том, что в ней приоритет интуитивно-иррационального начала не означает полного отрицания логического рационального начала [Евлампиев 2000, 64–71]. Для С.Л. Франка неприемлемо «Потому» М. Хайдеггера, пря-

мо отсылающее к апофатической немецкой мистике [Гайденко 1997, 347–353]. Он, в отличие от М. Хайдеггера, отсылает нас к религиозно-философской форме метафизики. Он мыслит в парадигме русской религиозной философии, развивающейся в русле катафатического богословия с его доверием к одухотворенному разумному слову. Методологической основой онтологии С.Л. Франка является разработанный им принцип трансрационального единства противоположностей. Согласно этому принципу, само мышление, «определяющее и дифференцирующее» бытийную целостность, пытаясь подняться до Абсолютного, сталкивается с необходимостью свернуть антиномичные определения, синтезировать их в металогическом трансрациональном единстве, выводящем сознание человека на уровень всеединого метафизического бытия. Франк *персоналист*, для него человек – это не просто модус бытия, как у М. Хайдеггера. В концептуальных рамках избранной им онтологической парадигмы он смотрит на человека как на свободное творческое существо [Франк 1992, 301–303]. Согласно его учению, человек – соучастник творческой активности Абсолюта, понимаемого как единство покоя и движения, становления, незавершенности. Творческая активность отдельной человеческой личности, включая ее теоретико-познавательную, научную сторону, понимается философом как частная форма реализации абсолютного творчества. С.Л. Франк нисколько не умаляет значение *частнонаучного* знания. Он считает, что наше расчленяющее и дифференцирующее научное знание есть частное и частичное знание «металогического единства бытия», лежащего глубже всех логических принципов и законов [Франк, 1990, 227].

Отсутствие у научного познания бытийной основы – ядро всех эпистемологических проблем, преследующих современную науку. Оно неизбежно ведет не только к теоретическому самоуничтожению фундаментальной науки, но и к теоретическому самоуничтожению субъекта научной деятельности. Ученый, рассматривающий метафизику бытия как род художественной фантазии, сводит самого себя, свое духовное Я к простой эмпирической данности. Такому ученому чуждо чувство духовного единения с природой. Она для него – это

косный объект, которым можно овладеть при помощи различных инструментальных техник, а лаборатория – это место для проведения научных экспериментов, для *испытания* природы. Дух и интеллект его, говоря словами К.Г. Юнга, лежат в разных ящиках письменного стола.

Наш интерес к проблеме фундаментальной природы науки привел нас к оригинальной философии науки французского мыслителя Р. Генона. В его работе «Кризис современного мира» [Генон 2008] мы нашли некоторые идеи, в чем-то созвучные нашим представлениям о соотношении религиозно-метафизического принципа и научного знания. Р. Генон предпринимает смелую и во многом оригинальную попытку вернуть науке ее твердый «супрарациональный» фундамент и высший смысл, которые, как он полагает, были присущи традиционной науке, развивавшейся в лоне религиозной доктрины, и которые традиционная наука постепенно утрачивала под напором секулярных принципов, привнесенных в целом в европейское мировоззрение протестантскими революциями. Р. Генон выдвигает идеал «сакральной» науки, отличающийся от «профанной», утратившей, как он справедливо утверждает, свое духовное значение и смысл [Генон 2008, 51, 60]. В основу своего проекта сакральной науки как общей системы научного знания он помещает метафизическую доктрину, содержащую абсолютные интуитивно постигаемые принципы. Согласно Р. Генону, все частные науки, ограниченные областью относительного знания, призваны к тому, чтобы связать между собой различные уровни реальности и привести их к единству в универсальном синтезе. Они являются подготовительными этапами для получения высшего духовного знания [Генон 2008, 60].

Достоинство представленной философии науки нам видится в том, что в ней наука предстает как *осмысленная* деятельность, нацеленная не только на удовлетворение витальных нужд и интеллектуальных потребностей человека, но на его *духовное* совершенствование [Черткова 2005, 119, 121]. Актуальность развиваемой Р. Геноном концепции «сакральной науки» в том, что она сосредоточена вокруг важнейших вопросов, имеющих прямое отношение к сущности и

перспективам развития современной научно-технологической цивилизации.

Философия науки Р. Генона в определенных важных моментах сближается с философией науки Ж. Маритена, одного из самых значительных метафизиков современности. Оба французских философа, которые были лично знакомы, единодушны в том, что наступает конец позитивистского периода в развитии науки, когда она рассматривалась как единственно возможное знание. Оба обращаются к метафизическому знанию, проникающему в самую природу вещей, открывающему их внутреннее бытие. Однако в отличие от Р. Генона, нигилистически настроенного по отношению ко всей современной науке, Ж. Маритен утверждает правомерность современного научного знания. Он глубокомысленно замечает, что сама по себе современная наука, как бы она ни дистанцировалась от философской метафизики, имплицитно метафизическую философию с ее центральной категорией «бытие». Согласно Маритену, идея бытия является «матрицей всех прочих идей, первым и всеобщим инструментом ума, так что даже *деонтологизированное* знание, такое, как научное в его чистом виде, разрабатывает такие знаки и символы, которые могут быть поняты и использованы интеллектом лишь в форме вторичных существований или вторичных сущностей – *entia rationis*, – которые создаются научным знанием» [Маритен 1997, 109]. Сама по себе наука, даже если она исключает из своей структуры рассмотрение бытия как такового, в конечном счете устремлена к постижению бытия, она руководствуется этим желанием [Маритен 1997, 109].

Ж. Маритен, как можно понять из процитированного выше, ведет речь о «метафизике ученых», то есть о метафизических в своей сущности картинах мира – корпускулярной, энергетической, информационной, – которые являются выражением регулятивной идеи бытия. Эти метафизики представляют собой конвенционально принимаемые научным сообществом, историчные и социокультурно изменяемые онтологические постулаты. Они необходимы науке для того, чтобы придать бытийный статус своим теориям, тем самым заполнив зазор между своим гипотетически-

ми в своей сущности рассуждениями и несомненным знанием.

Р. Генон и Ж. Маритен проводят демаркационную линию между феноменальной в своей сущности наукой и метафизикой. Они единогласны в том, что принципиальные положения науки и метафизики не могут противоречить друг другу в силу того, что они находятся на разных уровнях человеческого опыта. Наука исходит из математически обработанного внешнего опыта, а метафизика апеллирует к внутреннему духовному опыту. Однако это их согласие принимает поверхностный характер, как только мы проясним, о каких метафизиках ведут речь Р. Генон и Ж. Маритен. В то время как последний с полным доверием относится к философской метафизике (разумеется, в ее католическом варианте, согласующем веру и дискурсивное знание), Р. Генон отрицает всю современную философскую метафизику на том основании, что она представляет собой лишь форму спекуляции, лишенную источников сверхчеловеческого «супрационального» откровения [Генон 2008, 36–37, 46]. Он отстаивает идею *сакральной* метафизики, содержащей в себе единую и абсолютную истину, открывающуюся человеку посредством интеллектуальной интуиции, сущность которой он усматривает в отождествлении субъекта познания с высшим трансцендентным и универсальным принципом.

Апелляция Р. Генона к глубинным духовным истокам познавательных способностей человека, его обращение к интеллектуальной интуиции вызывает в памяти гносеологическую концепцию, развиваемую в пространстве русской религиозно-метафизической философии – концепцию познания как живого опыта. В гносеологии, развиваемой П.А. Флоренским, И.А. Ильиным, Н.А. Бердяевым, первейшим орудием метафизического познания является целостная личность человека, «живое существо самого философа» [Ильин 2007, 114], а не «чистый» интеллект, как у Р. Генона. Живой опыт, согласно русским философам, не есть еще само знание. Это предзнание, первичная религиозная интуиция, путь к которой открывается любовью. Живой опыт понимается как непосредственное и одномоментное «касание» предмета во всей его полноте. Он –

ядро интеллектуальной интуиции, суть которой заключается в дифференциации целостной истины, показавшей себя в живом опыте. Интеллектуальную интуицию П.А. Флоренский называет «трудовым отношением к миру» [Флоренский 1990, 313–314], имея в виду, что она кладет начало активному, творческому, волевому, то есть собственно человеческому процессу овладения познаваемым предметом. Этим она отличается от рецептивного живого познавательного опыта, когда душа, по словам И.А. Ильина [Ильин 2007, 73–74], отдается предмету, принимает его в себя, предоставляет ему свои силы и средства с тем, чтобы он сам высказался в ней.

Русская религиозная философия не отрывает рациональное дискурсивное познание от интуитивного проникновения в тайну бытия, как это делает Р. Генон. Такой подход обеспечивается онтологической укорененностью ее гносеологии и этизацией развиваемой ею онтологии. Познание трактуется как функция самого бытия, как онтологический акт, сущность которого в снятии обособленности между познающим и познаваемым на основе их духовного бытийного единства. Благодаря апелляции к фундирующей и возводящей силе Эроса русской философии удается пройти между Сциллой иррационалистической мистической интуиции и Харибдой разумно-логического познания [Шадрин 2014].

О кризисе классической научной парадигмы, утратившей свою религиозно-метафизическую основу и смысловое предназначение, свидетельствует попытка современных ученых создать своеобразный «гибрид» из науки и религии, включить в свой дискурс понятие «Бог». Примером тому может послужить сборник «Бог, наука и покорность» [Херрман 2007]. Это издание состоит из развернутых высказываний современных западных ученых, объединенных общим руководящим принципом – «теологией смирения», предполагающей «скромный научный подход к поиску истины о Боге». Авторы сборника, ученые специалисты в области физики, химии, биологии, генетики, физиологии, психологии, ставят перед собой амбициозную цель – «расширить наши представления о Боге» при помощи «новых научных исследований, имеющих духовное значение» [Херрман 2007, 134].

Обращает на себя внимание, что теология, к которой апеллируют авторы сборника, далека от ее классического варианта. Согласно классической теологии, Бог – Абсолютная Личность, главными атрибутами которой являются всемогущество, всеведение и всеблагость. Он *онтологически трансцендентен* по отношению к миру и непостижим в своей сущности для тварного человека, уму которого доступны только энергичные проявления Его сущности, оформленные в понятийные целостности. Задача традиционной классической теологии помочь человеку приблизиться к Самому Богу. Что касается авторов сборника, то они, очевидно, ориентируются на теологию «открытого теизма», антропоморфизирующую христианского Бога, адаптирующую Его к современным научным представлениям о Нем [Шохин 2015, 64–76]. Вышеназванные западные ученые подправляют и уточняют идею Бога при помощи индуктивного метода, опираясь на экспериментальные данные и прибегая к аргументам, взятым из астрофизики, эволюционной биологии, психологии, экспериментальной физиологии, генетики. Фундаментальные религиозные истины отдаются учеными на суд критически настроенного индивидуального человеческого разума-рассудка, что указывает на глубокие протестантские деистические корни их «теологии смирения».

Не лишним будет отметить, что в церковно-христианской православной традиции добродетель смирения понимается иначе, чем ее понимают авторы данного сборника. Эта добродетель предполагает высокий уровень духовного развития человеческой личности, преклонение перед высочайшей мудростью Бога, которая сознается как предел всех человеческих притязаний, включая научно-познавательные. «...Настоящий ученый, по мере углубления и расширения своих знаний, лишь острее чувствует бездну своего незнания, так что успехи знания сопровождаются для него увеличивающимся пониманием своего незнания, ростом интеллектуального смирения, как это и подтверждают биографии великих ученых», – так, по-христиански глубоко, понял существо «ученого смирения» С.Н. Булгаков [Булгаков 1992, 144]. Применительно к авторам сборника уместно говорить не об интел-

лектуальном смирении, а о духовной незрелости, проявляющейся в горделивой позе и завышенной самооценке.

Наше внимание привлекло еще одно переводное издание под названием «Много миров» [Дик (ред.) 2007], авторы которого стремятся, как они сами это утверждают, «подправить и осовременить христианское учение», прибегая к новым научным данным в области космологии. Так, например, А. Пикок, специалист в области биохимии, прямо и безапелляционно заявляет, что «такие ключевые для христианской теологии понятия, как грехопадение и искупление, в их прежнем значении утратили свою актуальность, и их надлежит переосмыслить в более современной манере» [Пикок 2007, 123–124]. В этом же духе высказывается и физик-теоретик Л. Смолин, призывающий при помощи научных данных обновить идею Бога. По словам ученого, «старая идея всезнающего Творца уже послужила своей цели и теперь может быть вписана в историю» [Смолин 2007, 111].

Подобный дискурс С. Кьеркегор справедливо называл фамилиарничаньем и важничаньем перед Богом, Который есть мера человека и мера его мира [Кьеркегор 1993, 335, 336]. Веру в Бога ни подкрепить, ни осовременить, ни опровергнуть научными доказательствами невозможно. Вера в Бога – это дар человеку от Бога. Принимает этот дар человеческое сердце, которому не требуется опора в виде интеллектуальных доказательств. У него свой порядок и свои основания, которых разум не знает, и которые он тщетно пытается подкрепить или оспорить [Паскаль 2009, 37–38, 106].

Ученых, чьи статьи и высказывания вошли в выше названные издания, объединяет то, что они неправоммерно низводят религиозную онтологию к научным. Религиозная онтология выражает глубинную основу эмпирической реальности. Научные же всегда носят гипотетический характер, они условны и ограничены определенной сферой реальности. Важнейшей особенностью религиозной онтологии является то, что в ней человеческая личность не занимает рефлексивную, то есть внешнюю, позицию по отношению к бытию. В религиозной онтологии бытие человеческой личности находится во внутреннем единстве с бытием

абсолютным. Акт познания бытия понимается как акт откровения, непосредственного самораскрытия абсолютного бытия человеческой личности.

Из поля зрения теоретиков, пытающихся каким-то образом синкретизировать науку и религию, выпадает то, что религия, в отличие от науки, судит о мире и с точки зрения сущего, и с точки зрения должного, рассматривает мир не только в аспекте его бытия, но и в аспекте его морально-нравственной оценки. Религиозная онтология и научные онтологии не соединимы в одной плоскости, и они не могут взаимно пересекаться и взаимно дополнять друг друга. В случае, когда отдельные религиозные понятия выхватываются и переносятся в научно-теоретические построения, они попадают, как справедливо отмечает В.А. Лекторский [Лекторский 2001, 60], в иную семантическую систему, приобретают другой смысл, начинают играть другую роль и приниматься на иных основаниях. Представленные выше попытки синкретизировать веру в Бога и научный разум мотивированы неотрефлексированным стремлением ученых поддержать веру в научный разум, опираясь на веру в Бога.

Какими бы абсурдными эти попытки ни были, за ними явно просматривается некоторый сверхнаучный сверхразумный метафизический принцип, к которому прибегают ученые, чувствуя шаткость своих умозаключений. Науке в целом необходим Абсолютный разум, который гарантировал бы законосообразность природных объектов, на постижение которых она направляет свой поиск. Вера в такой метафизический принцип как в предпосылку научного знания делает возможным выдвигать научные гипотезы, концепции, теории. Непризнание же такого Разума обесмысливает науку.

В критический контекст нашей статьи вписывается идея одухотворения научного знания, высказанная известным современным психологом С. Грофом в сборнике «Революция сознания» [Гроф, Ласло, Рассел 2004]. Сама по себе эта идея верна, актуальна, она приобретает все больший интерес со стороны философствующих ученых, естествоиспытателей и гуманитариев. Однако то, как трактуется духовность отец-основатель трансперсо-

нальной психологии, оставляет тягостное впечатление. Это духовность «по ту сторону добра и зла», не имеющая ничего общего с духовностью, возвышающей человеческую личность. Она понимается С. Грофом как измененное состояние человеческого сознания, характеризующееся нирваной, личным развоплощением. Очевидно, что автор данной идеи одухотворения науки вдохновлялся главным образом политеистическими мистическими представлениями, не знающими дуализма метафизических добра и зла. То, что С. Гроф обозначает термином «духовная трансформация», имеет иное, верное, название – «духовное помрачение» (И.А. Ильин).

В качестве эмпирической базы своего проекта одухотворения науки С. Гроф берет проводимые им опыты по изменению человеческого сознания под воздействием психоделического препарата ЛСД, приводящего, как известно, к наркотической зависимости [Гроф 2002]. Уже сам этот факт говорит о том, что одухотворение современной научной парадигмы, как С. Гроф его трактует, – это путь, ведущий к разрушению человеческой психики, к личностной деградации.

Философ пытается проложить прямой путь от психологии к метапсихологии (попытка разработать трансперсоналистскую парадигму), а от метапсихологии к глубоким философским обобщениям (идея космического разума). Однако идти необходимо в обратном направлении. Начинать с философии, ставящей пределы для «спорной территории психологии» (Л. Витгенштейн), как и для любой другой науки. Место философского незнания-знания одновременно и выше, и ниже по отношению ко всем наукам. Философия отвечает на вопрос о смысле научного знания, в данном случае психологического, и она же фундирует его. Без философии теоретизирования ученых «туманны и неотчетливы». Эту мысль с предельной ясностью и лаконизмом утверждает в своем «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн [Витгенштейн 2018, 44–46].

Будем конкретны и укажем на примеры теоретической «туманности», обнаруженной нами в текстах С. Грофа. Он отождествляет духовное и душевное измерения человеческого бытия, выдает одно за другое. Он отождествляет галлюцинаторные состояния, воз-

никающие при определенных методах воздействия на человеческую психику, и объективную реальность. Очевидно, что мимо С. Грофа прошла современная эпистемология, иначе бы он не связывал напрямую результат экспериментов и исследуемую реальность. Методологическая «невинность» не позволяет психологу подняться до тончайшей диалектики единства раздельности и взаимопроникновения в трактовке человеческой души и ее духовной основы. Пример такой диалектики мы находим в философии С.Л. Франка [Франк 1990, 333–335]. Согласно ему, духовное бытие рождает в себе самом «мне принадлежащее мое собственное бытие», «самобытие», то есть инстанцию, которая противостоит ему самому, пребывая вместе с тем с ним во внутреннем единстве.

Наш интерес к проблеме одухотворения науки привел нас к философии науки Р. Штейнера [Штейнер 2004], немецкого мыслителя-мистика первой трети XX века. Разрабатывая свою концепцию одухотворения науки, Р. Штейнер, в отличие от С. Грофа, не третирует современную науку, но признает ее успешность в познании внешнего мира. При этом он указывает на внутреннюю потребность науки выйти за пределы своего феноменализма и связанного с ним агностицизма в отношении сверхчувственной реальности. Реализацию этой потребности философ связывает с разработкой определенной методологии, которая будет-де способна выводить наше сознание за пределы телесного мышления к точному, формализованному наблюдению духовного мира [Штейнер 2004, 133–134, 164].

Р. Штейнер позиционирует себя христианским мыслителем, стремящимся нести истину христианского учения современному человеку с его сциентизированным мировоззрением. Однако это далеко не так. В дискурсе Р. Штейнера нет места для христианской благодатной Истины, которая открывается верующему и любящему Бога сердцу. Так же, как и С. Гроф, он молчит о том, как отличить благую духовность от духовности злой, губящей человеческую душу.

Обращает на себя внимание то, что обе концепции духовной трансформации современной науки – С. Грофа и Р. Штейнера – характеризуются все тем же *технологизмом*, кото-

рый присущ критикуемой ими научной идеологии. Воплощение своих замыслов оба мыслителя связывают с определенной методически организованной научной практикой, игнорируя при этом всю глубину человеческой личности, фактически обрезая ее сверху, со стороны ее духовности, а значит и творческой свободы, без которой никакой научный поиск в принципе невозможен [Катасонов 2016, 123–124].

Научный разум-рассудок, каким бы гибким он ни был, не дает и в принципе не может дать ответ на вопрос, как заделать дыру в основании научного знания. Современная метанаучная рефлексия прямо констатирует принципиальную невозможность дать научным теориям позитивное обоснование. Единственным ответом на этот судьбоносный, конститутивный для всего научного познания вопрос является «прыжок в веру», веру религиозную. Спасти научный разум от безосновности может только вера в необоснуемую разумом и непроблематизируемую богооткровенную Истину, с которой соотносится частное и частичное научное знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаков 1992 – Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Рус. кн., 1992.
- Витгенштейн 2018 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018.
- Гайденок 1997 – Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология. М.: Республика, 1997.
- Гегель 1998 – Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1998.
- Генон 2008 – Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008
- Гроф 2002 – Гроф С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. М.: АСТ, 2002.
- Гроф, Ласло, Рассел 2004 – Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания: Трансатлантический диалог. М.: АСТ, 2004.
- Гуссерль 2000 – Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Феноменология как строящая наука. М.: АСТ, 2000.
- Дик (ред.) 2007 – Дик С.Дж. (ред.). Много миров. Новая Вселенная, вземная жизнь и богословский подтекст. М.: АСТ, 2007.

- Евлампиев 2000 – *Евлампиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Часть II. СПб.: Алетейя, 2000.
- Ильин 2007 – *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: сочинения. М.: ЭКСМО, 2007.
- Кант 1998 – *Кант И.* Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998.
- Катасонов 2016 – *Катасонов В.Н.* О границах науки: науч. изд. М.: Познание, 2016.
- Кьеркегор 1993 – *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- Лакатос 1996 – *Лакатос И.* Бесконечный регресс и обоснования математики // Современная философия науки: Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: хрестоматия. 2-е изд. М.: Логос. 1996. С. 106–135.
- Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Лем 2002 – *Лем С.* Библиотека XXI века: сборник. М.: АСТ, 2002.
- Маритен 1997 – *Маритен Ж.О.* О человеческом знании // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 106–117.
- Мотрошилова 2018 – *Мотрошилова Н.В.* Ранняя философия Эдмунда Гуссерля. М.: Прогресс-Традиция, 2018.
- Паскаль 2009 – *Паскаль Б.* Мысли. М.: Эксмо, 2009.
- Пикок 2007 – *Пикок А.* Теология перед лицом эволюции: вызов и стимул // Много миров. Новая Вселенная, вземная жизнь и богословский подтекст. М.: АСТ, 2007. С. 113–140.
- Смолин 2007 – *Смолин Л.* Наше отношение ко Вселенной // Много миров. Новая Вселенная, вземная жизнь и богословский подтекст. М.: АСТ, 2007. С. 103–111.
- Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–830.
- Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990.
- Франк 1990 – *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990.
- Франк 1992 – *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- Хайдеггер 1999 – *Хайдеггер М.* Положение об основании. СПб.: Алетейя, 1999.
- Херрман 2007 – *Херрман Р.* Бог наука и покорность: 10 ученых о теологии смирения. М.: АСТ, 2007.
- Черткова 2005 – *Черткова Е.Л.* Наука и научность как аксиологическая проблема // Наука глазами гуманитария: сборник. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 113–131.
- Шадрина 2014 – *Шадрина Л.Н.* Духовная любовь как онтогносеологический принцип // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Философия. Социология и социальные технологии». 2014. № 2. С. 26–31.
- Шохин 2015 – *Шохин В.К.* Теизм или Деизм? Размышления над метафизической теологией Ричарда Суинберна // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 64–76.
- Штейнер 2004 – *Штейнер Р.* Искупление разума: От спиритуальной философии и новейшего естествознания к современной науке о духе. СПб.: Азбука-классика, 2004.

REFERENCES

- Bulgakov S.N., 1992. *Heroism and Asceticism*. Moscow, Russkaya kniga Publ.
- Wittgenstein L., 2018. *Logical and Philosophical Treatise*. Moscow, AST Publ.
- Gaidenko P.P., 1997. *Breakthrough to the Transcendent: A New Ontology of the XX Century*. Moscow, Respublika Publ.
- Hegel G., 1998. *The Science of Logic*. Moscow, Mysl' Publ.
- Genon R., 2008. *The Crisis of the Modern World*. Moscow, Eksmo Publ.
- Grof S., 2002. *Holotropic Consciousness: Three Levels of Human Consciousness and Their Impact on our Lives*. Moscow, AST Publ.
- Grof S., Laszlo E., Russell P., 2004. *The Revolution of Consciousness: Transatlantic Dialogue*. Moscow, AST Publ.
- Husserl E. *Logical Investigations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Humanity and Philosophy. Phenomenology As Rigorous Science*. Moscow, AST Publ.
- Dick S.J. (ed.), 2007. *Many Worlds. New Universe, Extraterrestrial Life and Theological Implication*. Moscow, AST Publ.
- Evlampiev I.I., 2000. *History of Russian Metaphysics in XIX-XX Centuries. Russian Philosophy in Search of Absolute. Part II*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Ilyin I.A., 2007. *Why Do We Believe in Russia*. Moscow, Eksmo Publ.
- Kant I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Minsk, Literature Publ.
- Katasonov V.N., 2016. *On the Boundaries of Scientific Knowledge. Scientific Publication*. Moscow, Poznanie Publ.
- Kierkegaard S., 1993. *Fear and Awe*. Moscow, Respublika Publ.
- Lakatos I., 1996. *Infinite Regression and the Foundations of Mathematics*. *Sovremennaya*

- filosofiya nauki: Znanie, racional'nost', cennosti v trudah myslitelej Zapada: hrestomatiya.* Moscow, Logos Publ., pp. 106-131.
- Lectorsky V.A., 2001. *Classical and Non-Classical Epistemology.* Moscow, URSS Publ.
- Lem S., 2002. *Library of the XXI Century. Collection.* Moscow, AST Publ.
- Mariten Zh., 1997. About Human Knowledge. *Voprosy filosofii*, vol. 5, pp. 106-117.
- Motroshilova N.V., 2018. *Early Philosophy of Edmund Husserl.* Moscow, Progress-Tradiciya Publ.
- Pascal B., 2009. *Thoughts.* Moscow, Eksmo Publ.
- Pikok A., 2007. Theology in the Face of Evolution: Challenge and Incentive. *Mnogo mirov. Novaya Vseleennaya, vnezemnaya zhizn' i bogoslovskij podtekst.* Moscow, AST Publ., pp. 113-140.
- Smolin L., 2007. Our Attitude to the Universe. *Mnogo mirov. Novaya Vseleennaya, vnezemnaya zhizn' i bogoslovskij podtekst.* Moscow, AST Publ., pp. 103-111.
- Soloviev V.S. 1988. *Criticism of Abstract principles. Works in 2 vols. Vol. 1.* Moscow, Mysl' Publ., pp. 686-830.
- Florensky P.A., 1990. *By Watersheds of Thought.* Moscow, Pravda Publ.
- Frank S.L., 1990. *Works.* Moscow, Pravda Publ.
- Frank S.L., 1992. *Spiritual Foundations of Society.* Moscow, Respublika Publ.
- Heidegger M., 1990. *The Statement on the Foundation.* Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Heidegger M., 1993. *Time and Being: Articles and Speeches.* Moscow, Respublika Publ.
- Herman R., 2007. *God, Science, and Obedience: 10 Scholars on the Theology of Humility.* Moscow, AST Publ.
- Chertkova E.L., 2005. Science As an Axiological Problem. *Nauka glazami gumanitariya: sbornik.* Moscow, Progress-Tradiciya Publ., pp. 113-131.
- Shadrina L.N., 2014. Spiritual Love As an Ontognoseological Principle. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii»*, 2014, vol. 22, no. 2, pp. 26-31.
- Shokhin V.K. 2015. Theism or Deism? Reflections on the Metaphysical Theology of Richard Swinburn. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 2, pp. 64-76.
- Steiner R., 2004. *The Atonement of the Mind: From Spiritual Philosophy and Modern Natural Science to the Modern Science of the Spirit.* Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ.

Information About the Authors

Larisa N. Shadrina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, shadrinaln@yandex.ru, volgau@volgau.com, <https://orcid.org/0000-0003-3158-462X>

Zhanna V. Roslyakova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, zhrosliakova@yandex.ru, volgau@volgau.com, <https://orcid.org/0000-0003-3324-1540>

Информация об авторах

Лариса Николаевна Шадрина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, shadrinaln@yandex.ru, volgau@volgau.com, <https://orcid.org/0000-0003-3158-462X>

Жанна Владимировна Рослякова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, zhrosliakova@yandex.ru, volgau@volgau.com, <https://orcid.org/0000-0003-3324-1540>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

UDC 130.2
LBC 87.52

TRANSFORMATION OF LOCAL PRIVACY IN EUROPEAN CULTURE

Lesya V. Chesnokova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The author examines the changes in the local aspect of privacy in European culture. The research is based on the concept of privacy studies, which is actively developing in Western humanities examining the question of how the boundaries between private and public space affect the relationship between a person and society in various socio-cultural contexts. Privacy studies act as an integrative discipline combining research in the field of philosophical and cultural anthropology, sociology of culture, social and cultural history and other human sciences. In this article, the author makes an attempt to trace how changes occur in society consciousness what have expands the boundaries of local privacy, and how they are related to such philosophical categories as freedom, individualism, human dignity, which have been developed in Modern European society. It is argued that there is a reciprocal relationship between the need for a private space and respect for human individuality. In the pre-industrial era the human did not exist as an independent individual, but was included in the family community. The boundaries between public and private life were unclear. The house performed many functions: it provided its residents with physical and social protection, shelter and food, education and work. There was no differentiation of premises by functional purpose, there was no division into the sphere of labor and the sphere of leisure, a rigid separation of male and female activities. In the era of Modernity, changes associated with industrialization and urbanization begin to occur in society. Individualism is developing, which has become the socio-cultural foundation of privacy. The house loses some of its former functions and turns into a private space of a small family based on love and care. There is a differentiation of living spaces, the need for privacy and comfort is growing. Now a woman does not participate in productive work, dealing exclusively with the home and raising children, which is understood as her natural destiny. If in the 19th century private space existed only among the affluent strata, then in the 20th century, along with the growth of well-being, large segments of the population can afford separate housing. In the 21st century, with the advent of the era of globalization, people often change their homes in search of work. The development of Internet technologies blurs the boundaries of local privacy.

Key words: local privacy, private space, traditional culture, bourgeois culture, modern times, individualism, small family.

Citation. Chesnokova L.V. Transformation of Local Privacy in European Culture. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 72-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

УДК 130.2
ББК 87.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ПРИВАТНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Леся Владимировна Чеснокова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается изменение локального аспекта приватности в европейской культуре. Исследование опирается на концепцию *privacy studies*, активно развивающуюся в западной гуманитаристике, в которой изучается вопрос, каким образом границы между приватным и публичным пространствами воздействуют на взаимоотношения человека и общества в различных социально-культурных контекстах. *Privacy studies* выступают как интегративная дисциплина, объединяющая исследования в области философской и культурной антропологии, социологии культуры, социальной и культурной истории и других

наук о человеке. В данной статье предпринимается попытка проследить, каким образом происходят изменения в сознании социума, трансформировавшие границы локальной приватности, и как они связаны с такими философскими категориями, как свобода, индивидуализм, человеческое достоинство, получившими свое развитие в европейском обществе Нового времени. Утверждается, что существует реципрокная связь между потребностью в приватном пространстве и уважением человеческой индивидуальности. В доиндустриальную эпоху человек не существовал как независимый индивид, а был включен в семейную общину. Границы между публичной и приватной жизнью были нечеткими. Дом выполнял множество функций: предоставлял своим жильцам физическую и социальную защиту, кров и пропитание, образование и работу. Не существовало разграничения помещений по функциональному назначению, не было разделения на сферу труда и сферу досуга, жесткого разделения мужской и женской деятельности. В эпоху Нового времени в обществе начинают происходить изменения, связанные с индустриализацией и урбанизацией. Развивается индивидуализм, ставший социокультурным фундаментом приватности. Дом утрачивает часть своих былых функций и превращается в приватное пространство малой семьи, основывающейся на любви и заботе. Происходит дифференциация жилых помещений, растет потребность в уединении и комфорте. Теперь женщина не участвует в производительном труде, занимаясь исключительно домом и воспитанием детей, что понимается как ее природное предназначение. Если в XIX в. приватное пространство существовало только у обеспеченных слоев, то в XX в. вместе с ростом благосостояния отдельное жилье могут позволить себе широкие слои населения. В XXI в. с наступлением эпохи глобализации люди часто меняют жилье в поисках работы. Развитие интернет-технологий размывает границы локальной приватности.

Ключевые слова: локальная приватность, приватное пространство, традиционная культура, буржуазная культура, Новое время, индивидуализм, малая семья.

Цитирование. Чеснокова Л. В. Трансформация локальной приватности в европейской культуре // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.8>

Локальная приватность – наиболее очевидный материальный аспект приватности, который связан с определенным местом, локацией в границах собственных четырех стен. Однако под приватностью домашней жизни имеется в виду нечто большее, нежели некая часть пространства: в обществах Нового времени такие «атрибуты пространства как защищенность и надежность, теплота и укромность, а также возможность уединения связываются с приватностью и противопоставляются публичности» [Beuyvers et al. 2017, 3].

С одной стороны, это место, где можно побыть наедине с самим собой, в уединении, предаваться размышлениям и творчеству, обладая «своей комнатой» в смысле В. Вулф [Вулф 2019]. С другой стороны, приватное жилье является пространством семейных отношений. С XIX в. семья воспринимается как место тепла и уюта, заботы и любви в противоположность холодно-рациональным отношениям внешнего мира, где приходится бороться за выживание во враждебной конкурентной среде. В приватной семейной сфере действуют другие формы взаимоотношений, чем в публичном пространстве. Здесь «господствуют не рациональность, власть и расчет, а отношения любви и заботы» [Ritter 2008, 40–41].

Именно потому, что в приватном пространстве можно расслабиться, снять социальную маску, эти отношения нуждаются в защите со стороны как государственных законов, так и общественных норм.

Социальные нормы, регулирующие границы приватного и публичного, присутствуют практически в каждом обществе. Они влияют на основные сферы жизни индивидов, малых семейных групп и общества в целом. Человек нуждается как в приватном пространстве, так и во взаимодействии с другими членами общества. Однако, по мнению А. Уэстина, «не существует универсальной потребности в приватности» [Westin 2007, 60], поскольку традиции и обычаи всех народов обусловлены различными условиями существования.

Что касается европейской культуры, то в современном понимании она возникает в эпоху Нового времени вместе с развитием индивидуализма. «Будучи человеческой потребностью, приватность во многом зависит от историко-культурного контекста. В разных обществах имеется разная степень потребности в “праве быть оставленным в одиночестве”» [Чеснокова 2020, 440].

Условием возникновения приватности у индивида является наличие собственной тер-

ритории и свободного времени (досуга). Долгое время и то, и другое представляло собой роскошь. В Европе возможность иметь приватное помещение появляется вместе с ростом среднего класса и повышением уровня жизни. В европейском культурном пространстве можно проследить значительные изменения при переходе от семейной общины до возникновения буржуазной малой семьи.

Масштабные сдвиги в сознании социума, изменившие границы между публичным и приватным пространствами, опирались на перемены, связанные с развитием таких философских категорий, как свобода, индивидуализм, неприкосновенность личности, человеческое достоинство, получивших свое распространение в европейском обществе Нового времени. Индивидуализм предполагает как право, так и обязанность принимать решения относительно своей судьбы и нести ответственность за последствия личного выбора. Существует реципрокная связь между потребностью в приватном пространстве и уважением человеческой индивидуальности, прописанной в нормах и обычаях общества.

Право на приватность предполагает защиту личности от нежелательного вмешательства со стороны общества и государства, неприкосновенность тела, территории, убеждений, мыслей, информации о себе. Признание индивидом и обществом права на неприкосновенное личное пространство основывается на западных либеральных ценностях, в которых приоритет отдается суверенности и автономности отдельной личности.

По словам Й. Айбаха, Европа в доиндустриальную эпоху может быть описана как «общество домохозяйств». «В сословном обществе дом – основа хозяйствования и социальной интеграции, а также модель правового и политического порядка» [Eibach 2015, 19]. Дом, существовавший до эпохи Нового времени, понимается историками как единство, целостность – «целый» дом» («das ganze Haus»). Он значительно отличался от дома современной семьи, так как не знал разделения на досуг и работу, приватную и публичную сферы. Человек был включен в семейную общину, а та – в деревенскую или городскую.

В истории Европы до эпохи индустриализации дом имел особое значение, представляя

собой объединение совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство людей, будучи моделью общественной организации и порядка. «Именно эта нормативно-идейная функция превращает дом в символ той эпохи, структурные изменения которой начались в период между 1750 и 1850 годами, когда произошел переход в эпоху Нового времени и возникли различия между «целым домом» и «буржуазной семьей» [Schmidt-Voges 2015, 1].

Домашняя община не была автономной. Она была включена в мир сельской или городской общины и вносила свой вклад в ее защиту и выживание. До наступления эпохи Нового времени образ жизни людей значительно отличался от современного. Большинство населения составляли крестьяне и ремесленники, которые вели тяжелую и полную лишений жизнь. Отсутствие медицинской помощи и гигиены вызывали огромную детскую смертность, поэтому к маленьким детям старались не привязываться. «Ребенок в каком-то смысле оставался анонимным» [Арьес 1999, 9].

В этом мире границы между приватной и публичной жизнью были еще нечеткими, не было локальной приватности в современном значении этого слова. Ранее семья представляла собой более широкое понятие, чем сегодня, в которое входили близкие и дальние родственники хозяев дома, батраки, слуги. Привычный нам сейчас термин «семья», включающий в себя более тесное общество родителей и детей, возникает только к концу XVIII века.

В доиндустриальную эпоху отдельный человек не понимался как индивидуум в современном смысле этого слова, а определялся через домашнюю общину, в которой он жил. «Дом делал человека членом общества. Человек, живущий вне дома, считался бездомным... Только член домашней общины был защищен в правовом смысле. Полноправным членом сословно-феодалного общества считался женатый хозяин дома» [Dülmen 2005, 14], который был официальным представителем дома, принимал все важнейшие решения, обеспечивал защиту и пропитание, решал внутрисемейные конфликты и был ответственен перед обществом за поведение домочадцев. Это касалось всех слоев общества: от крестьян, живущих в деревенской общине, до дворян,

включенных в политические союзы. Домашняя иерархия основывалась на религиозной легитимации, и поэтому непослушание отцу семейства со стороны домочадцев воспринималось как нарушение божественных заповедей.

По словам Р. Ван Дюльмена, в тех условиях «дом должен был брать на себя множество задач и функций, которые сегодня решают различные институты» [Dülmen 2005, 14]. Задачами такой семьи прошлого было сохранение имущества, совместное осуществление хозяйственной деятельности, повседневная взаимовыручка и защита в мире, где предоставленный самому себе человек не смог бы выжить. Любовь и симпатия между членами семьи и даже между мужем и женой еще не были обязательны; приоритет отдавался более материальным вещам.

Существовали активные социальные контакты и за пределами семьи: между соседями, близкими и дальними родственниками, покупателями и продавцами. Дом был открыт для посетителей. «В былые времена уединение понималось совсем не так, как сегодня. Даже в XIX веке разделить одну кровать с незнакомым человеком в гостинице было обычным делом. Слуги нередко спали в изножье хозяйской кровати» [Брайсон 2014, 465].

Х. Хайдрих, исследуя организацию жилого пространства в Европе начала Нового времени, отмечает, что в устройстве дома отсутствовало разграничение помещений по их назначению. «В скудном интерьере нет предметов, которые позволили бы судить об их принадлежности определенному лицу. К тому же, при всех имущественных различиях между жителями деревни, интерьер везде почти одинаков» [Хайдрих 1996, 202], поскольку крестьянин того времени не стремился придать своему жилью индивидуальные черты.

Даже в богатых семьях нельзя было уединиться. Дом состоял из анфилад смежных комнат, используемых для любых целей: еды, сна, встреч с друзьями и клиентами и т. д. Постоянное взаимодействие между людьми никому не давало побыть в одиночестве. По словам Ф. Арьеса, такое «отсутствие личного пространства долгое время мешало развитию чувства семьи» [Арьес 1999, 398].

В соответствии с тогдашними жилищными условиями территория дома служила за-

щитой в большей степени от непогоды, чем от чужих взглядов. Такие интимные, с нашей сегодняшней точки зрения, процессы, как отдых, сон, сексуальная жизнь, рождение, болезни и смерть протекали в помещениях, которые не были закрыты для посторонних глаз. Если влюбленные искали места для уединения, они скорее могли найти его в саду, нежели дома.

До XIX в. редко существовало разделение на публичную и приватную жизнь. В традиционном обществе жилье и труд были тесно связаны между собой. Продуктивный и репродуктивный труд в рамках одного домохозяйства часто происходили на территории дома. Это в первую очередь относилось к тем домохозяйствам, «чей экономический базис был тесно связан с недвижимым имуществом и земельной собственностью, как-то: крестьянское хозяйство, дворянская собственность или ремесленное хозяйство. Но также и в торговых конторах, трактирах, аптеках, врачебных практиках жилье и работа были тесно связаны друг с другом» [Schmidt-Voges 2015, 5].

Поскольку проживание и работа были объединены под одной крышей, «дом был доступен для чужих людей, для покупателей, клиентов, соседей и т. п. Хозяин дома так же принимал участие в домашней жизни, как и хозяйка, и дети помогали в лавке, конторе или мастерской, то есть все домочадцы выполняли разные виды работ» [Hatje 2015, 506].

Хотя женщина в большей степени занималась домашним хозяйством, не существовало жесткого разделения мужского и женского труда. То, что женщина была преимущественно занята в домашнем хозяйстве, не означало, что она была исключена из продуктивной деятельности. Считалось «само собой разумеющимся, что хозяин дома мог рассчитывать на поддержку жены, особенно во время сбора урожая, на ее помощь в ремесленной мастерской или в купеческих делах. Особенно это касалось бедных и средних домохозяйств» [Dülmen 2005, 44]. В целом чем беднее и проще был дом, тем больше вклад женщины в производство, хотя и тогда считалось, что основной ее сферой деятельности является быт и семья.

Исследования, проводимые во многих европейских регионах, показали, что «женщи-

ны в соответствии со своей социальной средой работали в мастерских, вели бухгалтерский учет, организовывали продажу товара, то есть принимали участие в производительном труде» [Schmidt-Voges 2015, 5].

Хозяин дома, как правило, представлял дом вовне. Он осуществлял все официальные внешние контакты, в зависимости от своего социального статуса занимался торговлей и покупкой недвижимости или обрабатывал пашню и ухаживал за крупным скотом. Поскольку мужчина был ответственным за деятельность дома перед обществом, из этого вытекало его главенствующее положение в семье.

Женская деятельность в эпоху раннего Нового времени в обеспеченных слоях общества преимущественно заключалась в управлении домом. По описанию Р. Хабермас, в задачи хозяйки большого дома входил не только присмотр за персоналом, она была ответственна также за производство и обработку продуктов, часть из которых шла на продажу. Хозяйка дома занималась разведением птицы, пчел, выращиванием овощей и фруктов, а также изготовлением одежды. Идеалом был образ матери семейства, неустанно заботившейся о семье. Примечательно, что еще в XVIII в. хозяйка дома описывает в письмах свою трудовую деятельность с гордостью и удовлетворением, она знает, как важна эта работа для благосостояния семьи. И действительно, «она имела все основания гордиться своим трудом, поскольку ее работа по руководству домом требовала значительных профессиональных знаний и не меньших деловых способностей, представляя собой существенный и необходимый источник доходов для семьи» [Habermas 2002, 43].

В эпоху раннего Нового времени в обществе стали происходить значительные изменения. Дом утрачивает свои былые функции физической и социальной защиты. Ранее хозяин дома был обязан защищать домочадцев от внешних врагов. Постепенно с включением дома в деревенскую или городскую общину права и обязанности стали переходить к публичным институтам. Слуги были постепенно исключены из семейной общины. С распространением в XVIII в. больничных касс, помощи вдовам и сиротам произошло освобождение дома от социальных обязанностей.

Защита со стороны хозяина дома постепенно концентрировалась только на членах его малой семьи.

Вместе с процессом индустриализации произошло освобождение семьи от функции производства. С отделением дома от производства, а досуга от рабочего времени семья смогла стать тем, чем она является сегодня: общностью, основывающейся на интимности. Кроме того, семья была освобождена от образовательной обязанности. Ранее дети воспитывались, как правило, дома. Они учились на практике и следовали затем профессии отца. С введением всеобщей народной школы в XVIII в. функции социализации все в большей степени переходили в руки публичных образовательных учреждений.

Результатом социальных перемен было изменение репродуктивного поведения. Изначально до XIX в. люди стремились иметь как можно больше детей, так как смертность была очень высокой, а они рано включались в трудовую жизнь и впоследствии обеспечивали в старости родителей. Позднее развитие медицины и распространение гигиенических навыков уменьшили детскую смертность. В XIX в. начинает практиковаться планирование рождаемости.

Таким образом, домашняя община начинает меняться в результате процессов индустриализации и урбанизации. Усложнение общественной жизни и развитие новых социальных институтов привели к освобождению семьи от многих функций, что создало новые условия жизни и высвободило место и время для других занятий. Р. ван Дюльмен выделяет в этом смысле 2 фактора:

1. Лишение функций защиты, суда и производства уменьшило патриархальную власть отца семейства. Хотя партнерские отношения в семье еще долгое время не возникали, однако ограничение патриархальной власти создавало долговременные условия для эмансипации женщины и детей.

2. С утратой этих функций возникло свободное пространство, создававшее условия для возникновения приватной сферы, которую можно было организовать по своим желаниям [Dülmen 2005, 22]. В результате освободилось место и время для развития на территории дома интимных семейных отношений.

Институты воспитания, образования и медицины в XIX в. получают все большее значение и доверяются профессионалам. Сегодня имеются социальные и медицинские службы, юристы и психологи, то есть множество специалистов, выполняющих те функции, которые в раннее Новое время были делом самих домочадцев, а также их родственников, соседей и церкви.

Теперь общение людей между собой становится все более избранным. «Открытые формы общения в доме на протяжении XIX века все более ограничивались, регулировались и формализовывались. Это относится к тщательному отграничению частных пространств из всех домашних помещений, предназначенных для посетителей, установление четко оговоренных часов для визитов» [Eibach 2015, 34]. Общение становится более социально замкнутым, усиливаются формальность и требования этикета. Более не принято приходить в гости в любое время: в доме устанавливаются специальные приемные дни и часы, ограждающие частное пространство от непрошеного вторжения. Наиболее строго эти правила соблюдаются в буржуазной среде.

Переход от сословного к индустриальному классовому обществу проявился в том числе и в пространственном разделении между продуктивным и репродуктивным трудом. Произошло разделение мужского оплачиваемого труда в конторе или на фабрике и женского неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве. Сфера деятельности женщины существенно изменилась. В буржуазном обществе появились домохозяйки нового типа, основной задачей которых являлось создание интимной домашней атмосферы. «Ценой почти всех социальных отношений, за которые теперь отвечал муж, домохозяйка нового типа стала хранительницей домашнего очага, гарантировавшего детям хорошее воспитание и образование, а мужу – отдых и расслабление после рабочего дня» [Dülmen 2005, 8–49].

Чем больше времени человек взаимодействует в сельской, городской или церковной общине, тем большее влияние на него оказывают соседи, знакомые, дальние родственники. Когда же общение с ними сокращается, приоритет получают отношения внутри малой семьи. «Вслед за чувством семьи развива-

ются понятия о частной жизни и семейной близости. Они не получают никакого развития, когда дом слишком открыт; для них нужен минимум закрытости. Долгое время условия жизни не позволяли семье отгородиться от внешнего мира» [Арьес 1999, 374].

Ф. Арьес связывает с уходом семьи с улицы, с площади, из коллективной жизни, и ее замыканием в домашних стенах новое понимание домашнего пространства. Новая организация дома стала возможной благодаря изоляции комнат, соединявшихся между собой через коридор вместо бывшей анфилады и их специализации в зависимости от назначения (зал, спальня, детская, кухня и т. п.). Дом превращается в жилое пространство малой семьи. В результате возникает большая степень привязанности между родителями и детьми. Распространяется не существовавшая ранее потребность в интимной семейной жизни, а также в уединении.

Вместе с этой потребностью рождается потребность в комфорте как атрибуте личного пространства. Хотя возможность оградить и благоустроить свое частное пространство в то время была только у обеспеченных и образованных слоев общества, а бедняки не могли скрыть свою домашнюю жизнь от чужих глаз, однако с течением времени в домашних культурах Европы начала Нового времени происходила медленная трансформация. «Несмотря на региональные и социальные отличия, дома постепенно становились более солидно построены, лучше отапливаемы и освещены и более богато обставлены. Они насчитывали больше помещений, которые были отделены друг от друга: для людей, для животных и в зависимости от занятий разными видами деятельности» [Sarti 2015, 193]. Изменения соответствовали старым привычкам и потребностям, а также стимулировали новые.

Дифференциация домашних помещений была связана с постепенным усилением роли индивидуума в образованных сословиях. Теперь ему требуется собственное пространство, где бы он мог заняться самообразованием, чтением, размышлениями или общением с друзьями. Наиболее строго свое частное пространство охраняли буржуазные семьи. Для светских приемов существовали особые

репрезентационные помещения, обставленные так, как семья хотела показать себя обществу. Имелись также рабочие и жилые комнаты для членов семьи и, конечно, private пространства, которые были закрыты для чужих взглядов.

Наиболее очевидный признак перехода к Новому времени – «сведение домашнего хозяйства к нуклеарной семье, эмоционализация внутрисемейных отношений, а также разделение жилья и работы. Дом превратился в private убежище, в место отдыха, куда возвращается мужчина, и единственной сферой влияния женщины, чьи задачи были ограничены воспитанием детей и демонстрацией буржуазной добропорядочности в материальном, эстетическом и нравственном смысле» [Natje 2015, 503].

Идеал семьи был центром буржуазной культуры. Семья состояла из родителей и детей, была отгорожена от внешнего мира и производства, основывалась на взаимной любви и заботе. Поддержание семейной атмосферы входило в сферу ответственности буржуазной женщины, которая «считала ее своей задачей и благодаря достаточному доходу супруга и отца, а также наличию слуг, должна была иметь достаточно средств и досуга» [Budde 2009, 25]. Новая семья в гораздо большей степени, чем раньше, основывается на личной симпатии. Теперь немалое значение придается личным качествам человека, а не его имущественному или сословному положению. Большое внимание уделяется духовной и эмоциональной близости супругов.

Сфера private воспринимается как противоположность миру работы, где человек принадлежит не самому себе, а выполняет какую-то функцию, играет социальную роль, будучи вынужденным приспособляться к условиям окружающей среды. В собственном же доме человек может хотя бы на время забыть о своих проблемах и заботах. Происходит идеализация домашней сферы, которая описывается как некое свободное пространство, характеризующейся досугом, комфортом и семейной гармонией. Здесь нет диссонансов, конфликтов, угроз и напряжений внешнего мира.

Разделение гендерных ролей, согласно которому для мужчин был предназначен мир

профессии, а для женщин – мир дома, основывалось на представлениях о «врожденных» половых характерах. «Женщины во взглядах того времени характеризовались как пассивные, эмоциональные, иррациональные, приспособляющиеся, слабые, прилежные и скромные. Мужчины – как активные, самостоятельные, храбрые, рациональные, энергичные и открытые миру» [Budde 2009, 25]. Подобное полярное разделение гендерных характеров служило фундаментом для системы патриархального господства и подчинения.

Разделение гендерных сфер опиралось на идею о природном предназначении женщины для роли матери, жены и домохозяйки. «Как нежная и любящая мать, она определяла семейную атмосферу, дом, в котором она была хозяйкой, был местом отдыха для мужчины, чья активная жизнь протекала в мире работы, экономики и политики» [Mohrman 2001, 388–389].

Социально-экономические изменения в результате промышленной революции привели к разделению сфер работы и досуга, повлияли на отделение дома от тревог и проблем внешнего мира, в результате чего произошло превращение *house* в *home*. Обладание домом имело большое значение для буржуазного самосознания и для общественного признания. Жилье представляло собой пространственное выражение растущей интимности и private семейной жизни. «Кажущаяся сегодня само собой разумеющейся дифференциация различных пространств и наличие private пространства – это результат развития буржуазной жилищной культуры» [Schmidt-Lauber 2003, 161].

Если ранее жилье воспринималось как помещение для любых целей, то с XVIII в. развиваются новые потребности, которые нашли свое отражение в обстановке жилища, в растущей дифференциации жилых помещений и росте private некоторых действий (например, сна, сексуальной жизни, гигиены и т. п.). В конце XIX в. во всех слоях населения (и у мужчин, и у женщин) нарастает желание иметь свое личное пространство. Постепенно появляется «настоячивое желание интимности для семьи, для супружеской пары и для каждого человека в отдельности» [Перро 2018, 117].

Приватность долгое время была привилегией обеспеченных слоев населения, поскольку для нее требуется место, время и финансовые возможности. Это постепенно стало меняться в XX в., когда люди начинают стремиться к индивидуальному обустройству собственной жизни. Изначально элитарный жизненный стиль становится доступен для широких слоев населения.

Середина XX в. характеризуется уходом индивида из публичной сферы в приватную, когда обостряется желание личного покоя и комфорта после тяжелых условий военных лет. В этой ситуации собственный дом превращается в убежище, символ стабильности и надежности. В это время в европейских странах происходит рост общего благосостояния и строительство социального жилья, обеспечивающего комфортное проживание. Возникают массовое производство и массовое потребление.

Домашнее хозяйство претерпело глубокие изменения в связи с благоустройством коммунальной инфраструктуры. «Подключение квартир к системам воды и электроэнергии не только упразднило самую грязную и утомительную работу (ежедневная доставка воды, угля или дров, разжигание огня, вынос золы, грязной воды и экскрементов); оно также позволило частично механизировать домашние работы благодаря бытовой технике» [Лефшер 2015, 460]. Домашний труд был облегчен также благодаря массовому производству полуфабрикатов, консервов, готовой одежды и домашнего текстиля, гигиенических товаров и моющих средств.

Рост материального благосостояния изменил традиционную роль женщины как домашней хозяйки. Благодаря облегчению домашнего труда, развитию системы детских садов, социальных и медицинских учреждений, частично взявших на себя заботу о детях и пожилых людях, женщина теперь могла заняться образованием и карьерой. Исчезает разделение на мужской мир работы и женский мир дома и семьи. Однако, хотя домашний труд был значительно облегчен с помощью техники, одновременно повысились требования – к чистоте дома и одежды, к воспитанию детей и т. п.

Одновременно также менялись нормы совместной жизни. В результате возникнове-

ния «общества всеобщего благоденствия» произошло функциональное снижение роли супружества и семьи как единственного места предназначения женщины. XX в. характеризуется ростом женской независимости. Женщины впервые в истории получили возможность жить отдельно, самостоятельно выбирать себе партнера, регулировать количество детей. В результате возможности получить образование и квалифицированную работу, а также развития социальных служб, увеличилась их независимость от института брака, превратившегося в союз добровольно проживающих друг с другом людей, основанный на личных симпатиях.

XXI в. характеризуется дальнейшим разрушением традиционных ценностей. Дом превращается в «машину для жилья». Приоритет отдается миру работы. Люди часто переезжают, меняют страны и континенты, проживая на съемных квартирах. В результате глобализации утрачивается ощущение индивидуального приватного пространства, наполненного семейными смыслами. Человек более не укоренен в доме, поскольку не имеет времени, чтобы освоить его, наделить чертами своей личности.

В результате развития современных информационных технологий размываются границы между приватным и публичным пространствами. Сегодня из дома можно производить банковские операции, покупки, общаться с друзьями и знакомыми. Растет количество профессиональных занятий, которыми можно заниматься, не покидая своей квартиры.

Однако технический прогресс несет не только облегчение жизни, но и новые страхи, связанные с вторжением в сферу приватного с помощью новейших технологий. Из-за угрозы возможности тотального наблюдения вновь актуальной становится проблема защиты приватного пространства.

Таким образом, на протяжении последних двухсот лет наблюдаются значительные изменения в отношении к приватному пространству в европейской культуре. Приватность зависит от историко-культурного контекста. Потребность в приватном пространстве растет вместе с развитием индивидуалистического начала, что происходит при переходе от

традиционного общества к обществу Нового времени. В эту эпоху вместе с процессами индустриализации и урбанизации происходит разделение сфер работы и дома, публичного и частного, мужской и женской областей деятельности. Дом закрывается от посторонних, превращаясь в уютное частное пространство семьи, основанное на любви и заботе, в противоположность тревогам и стрессам внешнего мира. Если в XIX в. только обеспеченные люди могли позволить себе частность, то в XX в., вместе с внедрением «благополучия для всех» это благо получают широкие слои общества. В последнее время высказываются опасения по поводу повсеместного внедрения цифровых технологий, обеспечивающих возможность надзора над индивидами, поэтому проблема локальной частности не теряет своей актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбус 1999 – *Арбус Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Брайсон 2014 – *Брайсон Б.* Краткая история быта и частной жизни. М.: АСТ, 2014.
- Вулф 2019 – *Вулф В.* Своя комната. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Лефочер 2015 – *Лефочер Н.* Материнство, семья и государство // История женщин на Западе. В 5 т. Т. 5. СПб.: Алетейя, 2015. С. 449–470.
- Перро 2018 – *Перро М.* Функции семьи // История частной жизни. В 5 т. Т. 4. М.: НЛЮ, 2018. С. 101–118.
- Хайдрих 1996 – *Хайдрих Х.* Нарушение границ. Дом и народная культура в Раннее Новое время // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в образах и рефератах. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 200–202.
- Чеснокова 2020 – *Чеснокова Л.В.* Право на уединение как условие оформления опыта частности // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2. Ч. 2. С. 434–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.
- Beyvers et al. 2017 – *Beyvers E., Helm P., Hennig M., Keckeis C., Kreknin J., Püschel F.* Einleitung Räume und Kulturen des Privaten. Darmstadt: WBG, 2017. S. 1–17.
- Budde 2009 – *Budde G.* Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt: WBG, 2009.
- Dülmen 2005 – *Dülmen R. van.* Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit. Bd. 1. Das Haus und seine Menschen. München: Beck, 2005.
- Eibach 2015 – *Eibach J.* Das Haus in der Moderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37.
- Habermas 2002 – *Habermas R.* Frauen und Männer des Bürgertums. Göttingen: V&R, 2002.
- Hatje 2015 – *Hatje F.* Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18-19. Jahrhunderts // Das Haus in der Geschichte Europas. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 503–526.
- Mohrmann R. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Köln: Böhlau, 2001. S. 385–406.
- Ritter 2008 – *Ritter M.* Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden: vs Verlag für Sozialwissenschaften, 2008.
- Sarti 2015 – *Sarti R.* Ländliche Hauslandschaften in Europa in einer Langzeitperspektive // Das Haus in der Geschichte Europas. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 175–194.
- Schmidt-Lauber 2003 – *Schmidt-Lauber B.* Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt: Campus, 2003.
- Schmidt-Voges 2015 – *Schmidt-Voges I.* Das Haus in der Vormoderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 1–18.
- Westin 2007 – *Westin A.* The Origins of Modern Claims to Privacy // Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 56–74.

REFERENCES

- Ariès Ph., 1999. *Centuries of Childhood.* Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Bryson B., 2014. *At Home: A Short History of Private Life.* Moscow, AST Publ.
- Woolf V., 2019. *A Room of One's Own.* Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ.
- Lefocher N., 2015. Motherhood, Family and State. *History of Women in the West. In 5 vols. Vol. 5.* Saint Petersburg, Aleteya Publ., pp. 449-470.
- Perrault M., 2018. Family Functions. *History of Private Life. In 5 vols. Vol. 4.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., pp. 101-118.
- Heidrich H., 1996. Violation of Boundaries. House and Folk Culture in the Early Modern Era. *History of*

- Mentality, Historical Anthropology. Research in Images and Abstracts*. Moscow, Izd-vo RGGU, pp. 200-202.
- Chesnokova L. V., 2020. The Right to Be Let Alone As a Condition for Formalizing Privacy Experience. *Idei i idealy*, vol. 12, no. 2, pt. 2, pp. 434-451. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.
- Beyvers E., Helm P., Hennig M., Keckeis C., Kreknin J., Püschel F. Einleitung. *Räume und Kulturen des Privaten*. Darmstadt, WBG Publ., S. 1-17.
- Budde G., 2009. *Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert*. Darmstadt, WBG Publ.
- Dülmen R. van, 2005. *Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit. Bd. 1. Das Haus und seine Menschen*. München, Beck Publ.
- Eibach J., 2015. Das Haus in der Moderne. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 19-37.
- Habermas R., 2002. *Frauen und Männer des Bürgertums*. Göttingen, V&R Publ.
- Hatje F., 2015. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18-19. Jahrhunderts. *Das Haus in der Geschichte Europas*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 503-526.
- Mohrmann R., 2001. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben. *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Köln, Böhlau Publ., S. 385-406.
- Ritter M., 2008. *Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften Publ.
- Sarti R., 2015. Ländliche Hauslandschaften in Europa in einer Langzeitperspektive. *Das Haus in der Geschichte Europas*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 175-194.
- Schmidt-Lauber B., 2003. *Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt, Campus Publ.
- Schmidt-Voges I., 2015. Das Haus in der Vormoderne. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., S. 1-18.
- Westin A., 2007. The Origins of Modern Claims to Privacy. *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 56-74.

Information About the Author

Lesya V. Chesnokova, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Sociology, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russian Federation, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Информация об авторе

Леся Владимировна Чеснокова, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедры социологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Российская Федерация, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.9>

UDC 111+141
LBC 87.1

THE PLACE OF SYMBOLIZATION IN THE PSYCHOANALYTIC MODEL OF THINKING: VERBAL AND PRE-VERBAL ASPECTS

Larisa V. Velikanova

Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article describes the process of symbol formation from the point of view of psychoanalytic theory. The author considers verbal and pre-verbal thinking and connects these two types with the process of symbol formation. The model of thinking proposed by W. Bion is taken as a foundation. The subject's ability to symbolize is characterized as inherent in a developed mental apparatus with a verbal type of thinking. Thinking is understood as the process of formation of mental elements from the processed somatic experience. Through the concept of object relations the author shows the difference in the functioning of thinking in a paranoid-schizoid and depressive position. The author introduces the concept of containerization and clarifies the difference between the mechanisms of normal and pathological projective identification, which the subject uses in a paranoid-schizoid position instead of repression. It is pointed out that the excessive use of pathological projective identification makes it impossible to develop thinking and symbol formation. The author defines the ability of the subject to endure frustration as the primary condition for the development of thinking. The secondary is the successful communication between a mother and an infant contributing to the infant's introjection of the maternal alpha function. This allows the mental apparatus to develop and makes it possible to acquire verbal thinking, to transit to a depressive position and to use symbols as products of mature symbol formation. The symbol is understood as a verbal form for somatic experiences, while the symbol does not have the characteristics of the original object. The author demonstrates, that in the early stages of development, the subject does not use the symbolization inherent in verbal thinking, but symbolic equalization, in which no distinction is made between the object and the symbol. Verbal thinking is considered as related to the acoustic remnants of words that are transmitted by the primary object due to the alpha function. In the early stages of development and in the case of a violation of symbol formation, subjects do not use symbols that are containers for somatic experiences, but pre-verbal and pre-symbolic elements. The author concludes that the process of symbolization underlies the development of the mental apparatus.

Key words: symbolization, thinking, Kleinian psychoanalysis, verbal thinking, symbolic forms, U. Bion, alpha function.

Citation. Velikanova L.V. The Place of Symbolization in the Psychoanalytic Model of Thinking: Verbal and Pre-Verbal Aspects. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 82-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.9>

УДК 111+141
ББК 87.1

МЕСТО СИМВОЛИЗАЦИИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЫШЛЕНИЯ: ВЕРБАЛЬНЫЙ И ДО-ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Лариса Витальевна Великанова

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье описывается процесс симвообразования с точки зрения психоаналитической теории. Автор рассматривает вербальное и до-вербальное мышление и связывает их с процессом симвообразования. За основу берется модель мышления, предложенная У. Бионом. Способность субъекта к сим-

волизации характеризуется как присущая развитому психическому аппарату, обладающему вербальным типом мышления. Под мышлением понимается процесс образования психических элементов из переработанного соматического опыта. Через концепцию объектных отношений автор показывает различие в функционировании мышления на параноидно-шизоидной и депрессивной позиции. Автор вводит концепт контейнирования и проясняет различие между механизмами нормальной и патологической проективной идентификацией, которыми субъект пользуется на параноидно-шизоидной позиции вместо вытеснения. Указывается, что чрезмерное использование патологической проективной идентификации делает невозможным развитие мышления и симвообразования. Первичным условием для развития мышления автор называет способность субъекта переносить фрустрацию. Вторичным является успешная коммуникация между матерью и младенцем, способствующая интроекции младенцем материнской альфа-функции. Это позволяет развиваться психическому аппарату и делает возможным обретение вербального мышления, переход на депрессивную позицию и использование символов как продуктов зрелого симвообразования. Под символом понимается вербальная форма для соматических переживаний, при этом символ не обладает характеристиками изначального объекта. Автор показывает, что на ранних этапах развития субъект использует не символизацию, свойственную вербальному мышлению, а символическое уравнивание, при котором различия между объектом и символом не проводится. Вербальное мышление рассматривается как связанное с акустическими остатками слов, которые передаются первичным объектом благодаря альфа-функции. На ранних этапах развития и в случае нарушения симвообразования субъекты используют не символы, являющиеся контейнерами для соматических переживаний, а до-вербальные и до-символические элементы. Автор делает вывод, что процесс символизации лежит в основании развития психического аппарата.

Ключевые слова: символизация, мышление, кляйнианский психоанализ, вербальное мышление, символические формы, У. Бион, альфа-функция.

Цитирование. Великанова Л. В. Место символизации в психоаналитической модели мышления: вербальный и до-вербальный аспекты // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 82–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.9>

Вопрос о месте символа в процессе мышления поднимается в философии еще со времен античности, где Платон и неоплатоники занимались поиском возможности трансцендентных форм мышления. Позднее Кант проведет различие символа и схемы, Э. Кассирер введет понятие «символических форм» [Кассирер 2002], а К. Леви-Стросс [Леви-Стросс 1985] сделает символ одним из ключевых понятий своей структурной антропологии, в центре которой будет стоять вопрос о вариациях усложнения мышления.

В психоанализе, начиная от Фрейда и заканчивая современной традицией, символизации отводится особое место. Она является процессом, лежащим в основании мышления. В каком-то смысле история психоанализа разворачивается из попытки Фрейда создать универсальный метод трактовки символов, лежащих в основании психического. Он начинает разговор о бессознательном с описания процесса символизации в «Толковании сновидений», и все дальнейшие разработки психоанализа будут опираться на концепцию «символического».

Современный психоанализ, как справедливо подчеркивает один из представителей

бионианского направления Т. Огден, ставит перед собой вопрос о том, *как* мыслит субъект, а не о том, *что* он мыслит [Ogden 2010, 318] (курсив наш. – Л. В.). Таким образом, мы можем сказать, что современная психоаналитическая мысль интересуется не столько свойствами и характеристиками символа, сколько его ролью в функции и местом в структуре мышления [Ogden 2010; Мани-Кёрл 2008].

В данной статье мы производим попытку описания процесса символизации с точки зрения психоаналитической теории, а также определения его места в организации процесса мышления. Стоит сказать, что своей целью мы не ставим рассмотрение всех имеющихся на сегодняшний день психоаналитических концепций символизации, а ограничиваемся дискурсом одного из направлений британской психоаналитической школы – подходом У. Биона. Кроме того, ограниченность объема статьи не позволяет нам раскрыть полную картину возникновения и развития процесса символизации, поэтому в данном тексте мы осветим лишь один из аспектов и опишем симвообразование, связанное с вербальным мышлением.

**Телесные репрезентанты
как основа психического
в теории британского психоанализа:
истоки бионианской мысли**

Концепция Биона интересна тем, что она переворачивает привычные представления о работе мышления. Мысль, по Биону, не является продуктом мышления, а предшествует ему. Мышление вторично по отношению к мыслям, оно возникает для того, чтобы справиться с ними. Блон говорит, что мышление – это образование, вызванное давлением мыслей, а психопатологии всегда связаны с нарушением мышления и возникают по двум причинам: 1) в связи с нарушениями процесса образования мыслей; 2) в связи с нарушением аппарата, который «мыслит мысли». Мысли, согласно концепции Биона, являются модификациями телесных переживаний и усложняются по мере развития аппарата мышления [Блон 2008б].

Продолжая линию психоаналитического дуализма, Блон делает акцент на связи телесного и психического и говорит о том, что символизация выступает механизмом, позволяющим придать психическую форму телесным переживаниям. Процесс символизации лежит в основании образования психического аппарата и функции мышления. Корни идей Биона восходят к концепции телесности психики Фрейда [Фрейд 2008; Фрейд 2020] и теории М. Кляйн [Кляйн 2007], которая в своих работах указывает на наличие конституциональных факторов психического развития и их роль в формировании психических представлений.

Кляйн, говоря об устройстве психической реальности, вводит концепт «бессознательная фантазия», и эта идея позже будет развита ее последователями [Bronstein 2015; Айзекс 2001]. Можно сказать, что бессознательные фантазии являются психическими репрезентациями телесных ощущений, переводимыми во внутренний план. Влечения и соматические ощущения, которые переживает ребенок, воспринимаются им как наличие в его психической реальности объектов. Например, удовольствие от кормления или тепло материнского тела воспринимаются им как хорошие, удовлетворяющие объекты, обита-

ющие в его реальности, а неудовольствие, вызванное отсутствием кормления или тепла, напротив, будут расцениваться как плохие объекты.

Особое внимание прояснению связи телесного и психического в контексте рассуждения о бессознательной фантазии уделила С. Айзекс – последовательница Кляйн, которая считала бессознательные фантазии первичными элементами психической структуры. Айзекс цитирует Фрейда: «мы представляем себе, что у своего предела оно (Ид) открыто соматическому, вбирая отсюда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психологическое выражение...» и формулирует определение бессознательной фантазии: «с точки зрения современных авторов, это «психологическое выражение» инстинкта¹ есть бессознательная фантазия. Фантазия (в первом приближении) – психическое следствие и представитель инстинкта. Нет влечения, нет инстинктивной потребности или реакции, которые бы не переживались в виде бессознательной фантазии» [Айзекс 2001, 153].

Из концепции бессознательной фантазии Кляйн развивает свою теорию частичных объектов, согласно которой младенец взаимодействует с парой противоположных по свойствам объектов – плохой и хорошей грудью. Термин «грудь» здесь равен понятию «мать» и указывает на функциональность отношений. В этот период раннего развития психики младенца подвержена расщеплению. Это значит, что для младенца на этом этапе развития еще не существует деления на внешнее и внутреннее, не существует целостных объектов, а кроме того, сильна тревога преследования и любые переживания являются чрезмерными по причине отсутствия функции символизации. Матери как целостного объекта на этом этапе для ребенка не существует, вместо нее младенец имеет дело с функциями матери, которые предстают в его реальности как хороший и плохой объекты. Этот период Кляйн, и вслед за ней Блон, называют параноидно-шизоидной позицией. В это время влечение к смерти особенно сильно, и младенец непрерывно подвергается страху аннигиляции (распада, уничтожения). Переживая собственные телесные неудовольствия как нападения плохих объектов, которые могут послужить его

разрушению, младенец пытается избавиться от них свою психику. Эти плохие объекты в его психической репрезентации являются одновременно внешними объектами и его субъективными соматическими переживаниями неудовольствия. Против этих фантазийных² объектов он разворачивает оральные, анальные и уретральные атаки. Благодаря чему он, во-первых, может избавиться от неприятных соматических переживаний, а во-вторых, буквально нападает на эти объекты, используя доступные ему средства для телесной разрядки.

В терминах британского психоанализа этот процесс избавления от плохих объектов называется проективной идентификацией. Это незрелый защитный механизм психики, который позже преобразуется в вытеснение. Проективная идентификация позволяет выталкивать, эвакуировать из своей психики нежелательные элементы, в то время как вытеснение позволяет переместить их в область бессознательного.

Бион выделил 2 типа проективной идентификации: нормальную и патологическую [Бион 2010]. При нормальной проективной идентификации, которая используется всеми людьми в период раннего развития и служит для коммуникации, возможны и проекции и интроекции, то есть и «передача» психического материала и его «принятие», поэтому психика способна развиваться. Патологическая проективная идентификация развивается в ответ на неудовлетворение матерью потребностей ребенка и служит лишь для эвакуации элементов, и ее чрезмерное использование делает невозможным развитие мышления.

Для того чтобы прояснить этот момент, обратимся к модели мышления, предлагаемой Бионом.

Психоаналитическая модель мышления У. Биона

Постулируя, что образование мыслей предшествует возникновению аппарата мышления, Бион отталкивается от тезиса, что в психической реальности младенца существует некое врожденное ожидание груди (как функции удовлетворения), которое он называет прекоцепцией. Этот феномен можно сравнить с платоновскими эйдосами или понимать

его как некую форму, ожидающую принятия содержимого. Бион говорит, что это врожденное ожидание, которое на физическом уровне мы можем наблюдать в форме сосательного рефлекса, возникает еще до столкновения младенца с удовлетворяющей грудью в опыте [Бион 2009].

Прекоцепции, в свою очередь, соединяются с тем, чему Бион дает название «реализация», то есть с содержанием, которое может войти в форму. Реализация, таким образом, способствует удовлетворению потребности. Мы можем изобразить это положение бионовской модели в виде формулы: *«прекоцепция + реализация = удовлетворение»*. Удовлетворение, которое происходит одновременно на физическом, телесном и на психическом уровнях не может способствовать образованию мыслей [Бион 2008д].

Мысль, по Биону, рождается в моменты, когда удовлетворение не может быть достигнуто. Этот момент неудовлетворения называется негативной реализацией или отсутствием реализации, и он, так же как и любые ощущения, является объектом, то есть младенец сталкивается с объектом «нет-груди» или «минус реализация». Неудовлетворение (неудовольствие) рождает фрустрацию и только благодаря тому, что младенец может ее выносить, возникает мысль. Такую раннюю форму мысли Бион называет концепцией. Этот тезис можно изобразить в виде следующей формулы: *«прекоцепция + негативная реализация = концепция»* [Бион 2008д].

От способности младенца переносить фрустрацию, связанную с отсутствием объекта, зависит возможность образования мыслей, которые послужат материалом для строительства аппарата мышления и будут иметь степени усложнения по мере развития психики. Эти положения бионовской теории опираются на введенный Фрейдом «принцип удовольствия», роль которого в развитии мышления он описывает в своей статье «О двух принципах психического события». Фрейд говорит [Фрейд 2020, 13, 32] о тенденциях психического аппарата, который на ранних стадиях подчинен принципу удовольствия и благодаря ему уклоняется от всего, что приносит неудовлетворение. Для концептуализации этого процесса Фрейд использует термин вытеснение, но необходимо при-

нять во внимание, что в бионовской модели мы говорим о проективной идентификации как вариации замены вытеснению на ранних этапах психического развития³.

Младенец, неспособный справиться со своими переживаниями, с помощью механизма проективной идентификации выталкивает их из своей психики, распознавая как нежелательные элементы, приносящие неудовольствие, и помещает их в мать. Блон называет их бета-элементами и определяет как сырой несимволизируемый материал чувственного опыта, пригодный только для эвакуации.

Здесь стоит ввести в наше рассуждение еще один важный концепт, изобретенный Блоном, и, лежащий в основании его подхода к практике [Блон 2008б; Блон 2009; Блон 2010]. [Сегал 1999; Segal 1957]. Мы не будем останавливаться на этом моменте подробнее и лишь скажем, что данная форма символизации характеризуется своей конкретностью и неразличимостью между символом и вещью, которую он обозначает. Эта форма не является символизацией в том смысле, в каком этот термин использует Блон, то есть зрелой символизацией.

Процесс так называемой зрелой символизации зависит от обретения ребенком прочно установленной альфа-функции и перехода на следующий уровень психического функционирования – депрессивную позицию, где появляется возможность для вербального мышления, а также происходит трансформация первичного расщепления, благодаря чему появляется деление психики на сознательную и бессознательную части.

Отметим, что в кляйнианском дискурсе, в отличие от теории Фрейда, мы говорим о двух психических состояниях – о параноидно-шизоидной и депрессивной позициях. Эти позиции не являются фазами или стадиями психического развития, которые закреплены во времени, и изменения при переходах с одной позиции на другую не являются необратимыми. Это значит, что психика постоянно в процессе своего развития проходит последовательные циклы перемещений с параноидно-шизоидной на депрессивную позицию и наоборот.

Блон развивает мысль о сущности этих флуктуаций, подчеркивая их важность, при разработке своей «сетки» [Блон 2009]. Она

представляет собой таблицу, по вертикальной оси которой расположены элементы психического опыта и вместе с тем уровни развития мышления. От более простого уровня, на котором субъект имеет в своем расположении лишь бета-элементы, таблица продвигается ко все более сложным и абстрактным системам элементов – научным системам и математическим вычислениям. Перемещение с одного уровня мышления на другой происходит благодаря циклическим флуктуациям между параноидно-шизоидной и депрессивной позицией. Блон называет этот момент трансформацией и указывает на необычайную болезненность этого перехода.

Главными характеристиками депрессивной позиции являются преодоление расщепления и появление целостности объектов. Хороший и плохой объекты, которые были двумя противоположными функциями матери, теперь объединяются. Происходит их интеграция, мать появляется как целостный объект, сочетающий в себе различные качества. Тревога преследования, всемогущество, спутанность и страх аннигиляции при переходе на депрессивную позицию ослабевают или исчезают, появляется переживание собственной отдельности от объекта и переживание границ своего «Я». В терминах философской антропологии мы можем сказать, что появляется ощущение эксцентричности, то есть возможность «фронтальной расположенности относительно окружающего поля» [Плеснер 2004, 253].

При этом возникают новые тревоги, младенец переживает чувство вины и скорби из-за того, что ранее объект подвергался его атакам и теперь может быть нарушен или утрачен. Младенец начинает предпринимать попытки восстановления объекта, называемые в контексте данной теории репарацией, и проявляет заботу о любимом объекте. Кляйн считала, что этот процесс лежит в основании символизации и в основании творческой способности человека, которые в свою очередь служат защитой от тревоги. Здесь же происходит усложнение психических механизмов, а также появляется способность отделения объекта от его функций и свойств. На депрессивной позиции появляется способность к зрелой символизации. Кроме того,

отдельность от объекта открывает для психики новую перспективу: теперь становятся возможными отношения с объектами и образование между ними связей.

Роль вербального мышления в процессе симвообразования

Как уже говорилось выше, Бион, развивая свою собственную теорию мышления, опирается на идеи Фрейда и Кляйн. Так, одной из важных разработок Фрейда, которой воспользовался в вопросе о сущности символизации Бион, является разнесение концептов вербального и предметного (образного) мышления. Фрейд уделяет внимание этому аспекту в работах по метапсихологии.

Так, в статье «Я и Оно» он выделяет два типа мышления – «мышление в образах» и «вербальное мышление». Первое он называет более древним и принадлежащим инстанции бессознательного, оно имеет дело с предметными репрезентациями (образами вещей), о втором говорит, что оно принадлежит инстанции предсознательного, которая хранит в себе словесные представления [Фрейд 2020, 14, 265–266]. «Эти словесные представления – остатки воспоминаний, когда-то они были восприятиями и, как все остатки воспоминаний, могут снова становиться осознанными» [Фрейд 2020, 14, 264] и «происходят в основном от акустических восприятий, и этим, так сказать, определяется особое чувственное происхождение системы Псз (предсознательного. – Л. В.)... ведь слово, собственно говоря, – это остаток воспоминания об услышанном слове» [Фрейд 2020, 14, 265].

Развивая эту мысль в ключе бионовских идей, мы можем сказать, что возникновение вербального мышления связано с альфа-функцией матери. Мать, облакая в словесные репрезентации переживания ребенка, возвращает их ему с помощью речи. Таким образом она придает форму этим переживаниям и закрепляет за ними определенные значения. Хотя эти элементы еще не принадлежат зрелой символизации (поскольку ребенок еще не обладает своей собственной альфа-функцией), они, тем не менее, относятся к симвообразованию, и мы можем назвать их до-символическими или до-вербальными.

Альфа-элементы являются материалом для сновидений, а также могут развиваться в словесные репрезентации.

Отношения контейнера и контейнируемого, которые складываются между матерью и младенцем, являются первой простой до-вербальной коммуникацией. Способность матери выступать в виде контейнера, обладающего альфа-функцией, является ключевым моментом в развитии мышления. Именно здесь возникают первые факторы, ведущие к торможению развития или патологии мышления. Мать, неспособная принимать и перерабатывать психический материал ребенка, служит развитию у него формы патологической проективной идентификации [Бион 2008а]. Это можно описать следующим образом: младенец, испытывающий неудовольствие и тревогу, проецирует их в виде бета-элементов в мать, а она, будучи неспособной контейнировать их и превратить в альфа-элементы, отправляет их ребенку обратно в искаженном или непереработанном виде, усиливая его фрустрацию, которая теперь, в терминах Биона, превращается в «безымянный ужас». Тревога ребенка повышается до такого уровня, что он начинает с большой агрессией изгонять из себя нежелательные элементы, вместе с ними выталкивая и части своей психики (части «Я» и «Сверх-Я»), обедняя ее. Вместо интроекции материнской альфа-функции и использования ее для переработки психического материала происходит эвакуация, делающая невозможным дальнейшее развитие симвообразования.

Мать, способная исполнять функции контейнера, способствует развитию нормальной проективной идентификации, включающей в себя цикл проекций и интроекций, и позволяет ребенку обрести альфа-функцию. Младенец интроецирует, перенимает материнскую функцию контейнера. Со временем он становится способным перерабатывать свои психические переживания с помощью обретенной альфа-функции, то есть превращать бета-элементы в альфа-элементы. Он начинает находить вербальные репрезентации для этих содержаний, и таким образом облакать переживания в форму-контейнер, в символ. Бион говорит, что символ служит контейнером для психических содержаний, но отношения контейне-

ра и контейнируемого как прототип отношений⁴ появляется в психике лишь при наличии альфа-функции. В том случае, когда интроекции альфа-функции не происходит, субъект не способен осуществлять переработку своих бета-элементов, то есть наделять их символическими значениями, а затем облекать в слова. В этом случае он производит эвакуацию бета-элементов с помощью речи.

Иллюстрацией этого процесса может служить шизофренический бред, свидетельствующий о том, что субъект не способен придавать символическое значение собственным переживаниям. Он пользуется не символами, не языком, который в психоанализе рассматривается как символический порядок и служит для связи (коммуникации) между объектами (людьми), а подбирает слова, которые кажутся ему пригодными для выражения внутренних переживаний, но не понятны никому, кроме него самого.

Соотношение вербального мышления и символизации в теории Биона

Важно сказать, что для Биона символ – это всегда продукт зрелой символизации, возможный лишь при наличии вербального мышления, которое, следуя его идеям, появляется как развитая форма мышления лишь при наличии альфа-функции и переходе на депрессивную позицию.

Бион уделяет вербализации большое значение почти во всех своих работах. В ранних статьях он использует термин «вербальное мышление» и акцентирует внимание на использовании языка в процессе мышления, приводя иллюстрации из анализа психотиков. Так, в статье о шизофреническом языке [Bion 2014 IV, 71–93] он описывает механизмы, задействованные в нарушениях символизации и мышления. Бион говорит здесь, что шизофреник использует язык тремя способами: язык может выступать как способ действия, способ коммуникации или средство мышления. Он подчеркивает, что шизофреник склонен производить действие там, где требуется мысль или слово, и напротив, при необходимости действовать он может прибегнуть к всемогуществу и заменять действие мыслью. При этом, даже пытаясь использовать язык

как средство коммуникации, шизофреник будет обращаться не к зрелому символизму, а к его замене, то есть использовать слова как контейнеры для бета-элементов, не подвергая последние обработке. Можно сказать, таким образом, что у шизофреника отсутствует промежуточный этап в пользовании речью. Если не-психотик использует альфа-функцию, превращая свои переживания (бета-элементы) в то, что можно распознать, то есть символизирует, а затем помещает их в речь, то шизофреник будет использовать слова как контейнеры для бета-элементов.

Примером такого использования может послужить иллюстрация из работы М. Сешей, где она описывает использование языка шизофренической пациенткой. Эта девушка в момент психотического срыва для выражения своего ужаса от преследования использует слова «волк» и «полиция». Она оперирует произвольными элементами языка, эвакуируя в них с помощью механизма проективной идентификации бета-элементы. Она пользуется речью не для коммуникации, а для избавления от непереносимых психических содержаний, с помощью говорения она исторгает их из своей психики.

В статье «Заметки о теории шизофрении» [Bion 2014 VI, 73–84] Бион вновь подчеркивает важность достижения депрессивной позиции в развитии вербального мышления, делающего возможным зрелое символаобразование. Он возвращается к этой мысли и при описании психотической личности: «...в своей статье для Международного конгресса в 1953 году я показал, что осознание психической реальности связано с развитием способности к вербальному мышлению, а формирование последней – с депрессивной позицией. Здесь я не буду об этом распространяться. Я отошлю вас к работе М. Кляйн “О важности формирования символа в развитии Эго”, а также к статье Х. Сигал, подготовленной для Британского психоаналитического общества. В своей статье Х. Сигал показывает важность формирования символа и раскрывает его связь с вербальным мышлением и компенсирующими драйвами, которые обычно относятся к депрессивной позиции» [Бион 2008г, 103]. В другом месте: «...поскольку вербальные мысли зависят от способности к интеграции, то совсем не удивительно,

что их появление тесно связано с депрессивной позицией, которая, как считала Мелани Кляйн, является фазой активного синтеза и интеграции» [Bion 2014 VI, 76].

Это значит, что при переходе на депрессивную позицию субъект обнаруживает целостность объекта, то есть осознает, что частичные плохие и хорошие объекты теперь объединяются в один, с различными свойствами, а также обретает способность справляться с отсутствием объекта. Теперь оно ощущается не как неудовольствие, приобретающее конкретную форму в виде плохого объекта, а как собственно отсутствие, которое можно чем-то наполнить. С помощью вербального мышления субъект способен наделять отсутствие смыслом, значением, то есть осуществить символизацию. Он может осуществить работу альфа-функции, которую ранее для него выполняла его мать. Например, сформировать внутри себя мысль о том, что мать не исчезла безвозвратно и не бросила его, и, что неудовольствие, которое он переживает ввиду ее отсутствия, не будет длиться всегда и не угрожает его существованию.

В этой же статье Бион делает важное замечание, касающееся использования шизофрениками языковых элементов. Некоторые части речи шизофреник склонен использовать конкретно, так, существительное или глагол не символизируют собой вещи и действия, а являются таковыми: «сильное расщепление шизофреника делает для него затруднительным использование символов, а впоследствии существительных и глаголов»⁵ [Bion 2014 VI, 75]. Именно поэтому шизофреник может использовать действие там, где нужен глагол, и наоборот, прибегать к вербализации в момент, когда необходимо действовать. В статье «О галлюцинации» Бион добавляет [Бион 2008в, 123]: «...глаголы, описывающие восприятие посредством органов чувств, имеют двойной смысл для психотиков». Нарушение восприятия, которое связано с обработкой ощущений, принимаемых посредством органов чувств, искажает психическую реальность психотика и не дает возможности развиваться зрелой символизации, которая зависит от трех факторов [Bion 2014 VI, 75–76]:

1. Способность воспринимать объекты целостными.

2. Отказ от расщепления, всемогущества и тревог, свойственных параноидно-шизоидной позиции.

3. Возможность объединить результаты расщепления, свойственного параноидно-шизоидной позиции, с новыми характеристиками, появляющимися на депрессивной позиции.

Последнее означает, что расщепление теперь приобретает новые свойства и становится расщеплением психики на инстанции сознания, предсознательного и бессознательного.

Здесь следует отметить, что, говоря о развитии вербального мышления, которое делает возможной символизацию, Бион предает переосмыслению идеи Фрейда. Напомним, последний считал, что в формировании вербального мышления главную роль играет инстанция предсознательного, которая, как мы помним из его метапсихологических работ, является латентной частью бессознательного (в описательном, но не топическом смысле), расположенного ближе к аппарату восприятия-сознания.

В статье «Положение о двух принципах психического события» Фрейд пишет: «Первоначально мышление, по всей видимости, было бессознательным, поскольку оно поднялось над простым представлением и обратилось к отношениям между впечатлениями от объектов, и получило другие качества, воспринимаемые сознанием, только в результате соединения с остатками слов» [Фрейд 2020, 13, 34]. Бион же убежден, что первое, зачаточное мышление развивается не из остатков слов, воспринятых с помощью слуха, а благодаря зрительному восприятию. Однако развитие этого раннего мышления, по его мнению, возможно только при возможности использования младенцем нормальной проективной идентификации, включающей в себя циклы проекций и интроекций.

Цитируя Фрейда, в статье 1957 г. он вводит предположение, что раннее мышление (до-символическое и до-вербальное) связано не с акустическими остатками, а с «символами и зрением» [Бион 2008г, 103–104]. Ниже он называет эти визуальные элементы идеограммами.

Он пишет: «Теперь я считаю, что именно это мышление, которое З. Фрейд описывал как обращенное к отношениям между объек-

тными представлениями, ответственно за “сознание, связанное с чувственными впечатлениями”. Меня укрепляет в таком мнении его утверждение, сделанное двенадцать лет спустя в статье “Эго и Ид”. В этой статье он говорит, что вопрос “Как нечто становится сознательным?” можно сформулировать более корректно: “Как нечто становится предсознательным?” Ответ может быть таким: “Посредством связывания предмета с относящимися к нему словесными образами”. В своей статье 1953 года я говорил, что вербальное мышление тесно связано с осознанием психической реальности; это же я считаю верным также и для раннего до-вербального мышления, о котором я сейчас веду речь» [Бион 2008г, 104].

Таким образом, Бион отделяет зрелое мышление от раннего, зачаточного. Последнее связано со зрительными остатками восприятий и могут представлять собой в психической реальности ребенка овеществленные объекты, а зрелое – с остатками слов, то есть акустически воспринятых элементов. Мы полагаем, что элементы зачаточного мышления можно назвать бета-элементами и именно они являются, как видно из описаний сессий Биона с психотическими субъектами, элементами визуальных галлюцинаторных образов [Бион 2008в].

Выше мы говорили о важности вербализации матерью элементов, эвакуируемых в нее ребенком. В эти моменты ребенок еще не способен распознавать и запоминать символические значения, которые мать придает его переживаниям, но он интуитивно распознает ее настроение и отношение. Повторимся, что мать для него на этом этапе является не целостным объектом, а переживается функционально, то есть как плохой или хороший объект в зависимости от отношения, удовлетворения потребностей. Слова, которые она произносит, производя работу контейнера, не являются для него символами, но могут быть представлены в качестве хороших объектов, присутствующих в его реальности. Позже, когда он обретет способность к символизации, такая конкретность, выражающаяся в реальном присутствии объектов, станет ненужной, потому как все репрезентации переживаний найдут себя в качестве слов.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о символизации как о процессе, лежащем в основании способности мышления и делающем возможной коммуникацию между субъектами. Мы пришли к выводу, что символизация начинается на самых ранних стадиях психического развития, а успешность этого процесса зависит от формирования первичной коммуникации матери и младенца. На первом этапе мать осуществляет символизацию вместо ребенка, наделяя его переживания символическими значениями с помощью вербализации. Говоря языком Биона, мать исполняет за него альфа-функцию, выступая перерабатывающим контейнером для до-символических содержаний. Успешное исполнение ею этой функции позволяет младенцу обрести собственную альфа-функцию, которая, в свою очередь, делает возможным развитие вербального мышления и, вместе с тем, способность к символизации. Кроме того, мы затронули тему различия вербального и до-вербального мышления и коротко осветили вопрос о мышлении шизофренического субъекта, которому вербальное мышление и символизация оказываются недоступными. Мы рассмотрели факторы, влияющие на сбой в развитии символизации и мышления, однако ввиду ограниченности объема статьи не уделили данной проблеме должного внимания. Вне поля зрения в данном тексте остался вопрос о различиях в процессах формирования психических патологий, связанных с невозможностью символизации и развития вербального мышления. Кроме того, в данном тексте мы не ставили перед собой задачу подробного рассмотрения до-вербального символизации (незрелой символизации). Рассмотрение этих вопросов мы ставим перед собой целью для следующей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «инстинкт» встречается в некоторых вариантах переводов психоаналитических текстов и во избежание путаницы и физикалистского прочтения следует читать его как «влечение».

² В данном случае «фантазийный» следует понимать как принадлежащий бессознательной фан-

тазии. Следует отметить, что термин «бессознательная фантазия» у Кляйн отличается от всех известных определений фантазии и в оригинальном языке эти два термина имеют различие на письме: «phantasy» вместо «fantasy».

³ Предвосхищая идеи Кляйн, Фрейд в одном из примечаний к статье «О двух принципах одного психического события» пишет: «Я сочту это не как поправку, а как расширение рассматриваемой схемы, если для системы, живущей по принципу удовольствия, потребуются приспособления, с помощью которых она сможет избежать раздражителей реального мира. Эти приспособления – лишь «корреляты» вытеснения, которое обходится с внутренними неприятными раздражителями так, если бы они были внешними, то есть относит их к внешнему миру» [Фрейд 2020, 13, 33]. Одним из коррелятов вытеснения является «отбрасывание», совершаемое с помощью механизма проективной идентификации.

⁴ Бион вместо термина «отношения» использует концепт «связь», который лежит в основании возможности объектов вступать в отношения друг с другом, а также участвует в процессе взаимодействия символов, которые вместе образуют символический порядок – язык. В основании этого концепта лежит идея (пре-концепция) о сексуальных отношениях родительской пары, отношениях рта и соска и отношениях между контейнером и контейнируемым. Мышление шизофреника отличается невозможностью формировать связи. Ввиду ограниченности объема данного текста мы не будем останавливаться здесь подробнее на прояснении этого вопроса.

⁵ Заметим, что существительные и глаголы являются частями речи, обозначающими вещи и действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айзекс 2001 – Айзекс С. Природа и функция фантазии // Развитие в психоанализе. М.: Академ. проект, 2001. С. 121–190.
- Бион 2008а – Бион У. Нападения на связь // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. С. 149–167.
- Бион 2008б – Бион У.Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
- Бион 2008в – Бион У. О галлюцинации // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. С. 120–140.
- Бион 2008г – Бион У. Отличие психотической личности от не-психотической // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практи-

ке. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. С. 97–119.

- Бион 2008д – Бион У. Теория Мышления // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. С. 168–179.
- Бион 2009 – Бион У.Р. Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
- Бион 2010 – Бион У.Р. Внимание и интерпретация. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010.
- Кассирер 2002 – Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. М.; СПб.: Унив. кн., 2002.
- Кляйн 2007 – Кляйн М. Психоаналитические труды. В 7 т. Ижевск: ERGO, 2007.
- Леви-Стросс 1985 – Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Мани-Кёрл 2008 – Мани-Кёрл Р. Когнитивное развитие // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 1. С. 56–83.
- Плеснер 2004 – Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Рос. полит. энцикл., 2004.
- Сегал 1999 – Сегал Х. Функция сновидений // Современная теория сновидений. Назрань: АСТ; М.: Рефл-бук, 1999. С. 147–159.
- Фрейд 2008 – Фрейд З. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Фирма СТД, 2008.
- Фрейд 2020 – Фрейд З. Собрание сочинений. В 26 т. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2020.
- Bion 2014 – Bion W.R. The Complete the Work of W.R. Bion. In 16 Vols. L.: Karnac, 2014.
- Bronstein 2015 – Bronstein C. Finding Unconscious Phantasy in the Session: Recognizing Form // The International Journal of Psychoanalysis. 2015. Vol. 96. Iss. 4. P. 925–944.
- Ogden 2010 – Ogden T.H. On Three Forms of Thinking: Magical Thinking, Dream Thinking, and Transformative Thinking // The Psychoanalytic Quarterly. 2010. Vol. 79. Iss. 2. P. 317–347.
- Segal 1957 – Segal H. Notes on Symbol Formation // The International Journal of Psychoanalysis. 1957. Vol. 38 (6). P. 391–397.

REFERENCES

- Isaacs S., 2001. The Nature and Function of Phantasy. *Razvitie v psihoanalize*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., pp. 121-190.
- Bion W., 2008a. Attacks on Linking. *Idey U.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoj praktike*. Moscow, Russkoe psihoanaliticheskoe obshhestvo Publ., pp. 149-167.

- Bion W., 2008b. *Learning from Experience*. Moscow, Kogito-Centr Publ.
- Bion W., 2008v. On Hallucination. *Idei U.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoj praktike*. Moscow, Russkoe psihoanaliticheskoe obshhestvo Publ., pp. 120-140.
- Bion W., 2008g. Differentiation of the Psychotic from the Nonpsychotic Personalities. *Idei U.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoj praktike*. Moscow, Russkoe psihoanaliticheskoe obshhestvo Publ., pp. 97-119.
- Bion W., 2008d. A Theory of Thinking. *Idei U.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoj praktike*. Moscow, Russkoe psihoanaliticheskoe obshhestvo Publ., pp. 168-179.
- Bion W., 2009. *Elements of Psycho-Analysis*. Moscow, Kogito-Centr Publ.
- Bion W., 2010. *Attention and Interpretation*. Saint Petersburg, Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza.
- Cassirer E., 2002. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaja kniga Publ.
- Klein M., 2007. *Psychoanalytic Works. In 7 Vols*. Izhevsk, ERGO Publ.
- Levi-Strauss K., 1985. *Structural Anthropology*. Moscow, Nauka Publ.
- Money-Kyrle R., Cognitive Development. *Zhurnal Prakticheskoy Psihologii i Psihoanaliza*, no. 1, pp. 56-83.
- Plessner H., 2004. *The Levels of Organic Life and the Human: Introduction to Philosophical Anthropology*. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija Publ.
- Segal H., 1999. The function of dreams. *Sovremennaja teorija snovidenij*. Nazran, ACT Publ., Moscow, Refl-buk Publ., no. 1, pp. 147-159.
- Freud S., 2008. *The Complete the Work. In 10 Vols*. Moscow, Firma STD Publ.
- Freud S., 2020. *The Complete the Work. In 26 Vols*. Saint Petersburg, Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza.
- Bion W.R., 2014. *The Complete the Work of W.R. Bion. In 16 Vols*. London, Karnac Publ., 2014.
- Bronstein C., 2015. Finding Unconscious Phantasy in the Session: Recognizing Form. *The International Journal of Psychoanalysis*, 2015, vol. 96, iss. 4, pp. 925-944.
- Ogden T.H., 2010. On Three Forms of Thinking: Magical Thinking, Dream Thinking, and Transformative Thinking. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2010, vol. 79, iss. 2, pp. 317-347.
- Segal H., 1957. Notes on Symbol Formation. *The International Journal of Psychoanalysis*, 1957, vol. 38 (6), pp. 391-397.

Information About the Author

Larisa V. Velikanova, Private Psychoanalyst, Master of Philosophy, Master of Psychology, Ruzovskaya St, 31, Office 407, Saint Petersburg, Russian Federation, laragiant@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7265-6880>

Информация об авторе

Лариса Витальевна Великанова, частнопрактикующий психоаналитик, магистр философии, магистр психологии, ул. Рузовская, 31, оф. 407, 190013 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, laragiant@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7265-6880>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>

UDC 314.17

LBC 60.561.5

**REPRODUCTIVE INTENTIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH
AND ASSESSMENT OF THE POSSIBILITIES OF THEIR REALIZATION¹**

Vladimir N. Archangelsky

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation;
Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health Protection
of the City of Moscow, Moscow, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anna E. Vasilieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The urgency of demographic problems in Russia is being discussed today at the highest level, serious measures have been taken to stabilize the demographic situation by supporting Russian families in a difficult socio-economic situation. Nevertheless, the number of children born per woman remains insufficient not only for growth, but also for maintaining the population. In this situation, it is necessary to study the reproductive behavior and productive attitudes of Russian youth in order to develop effective measures that influence the motivation to marry and give birth to children. This paper examines some aspects of the reproductive behavior of Russian youth under the age of 35, inclusive, based on the data of a quantitative study obtained as part of the first wave of All-Russian monitoring “Demographic well-being of the population of the regions of Russia” (end of 2019 – beginning of 2020, 10 regions of Russia), as well as a qualitative study (beginning of 2021, 17 informants from the Volgograd Region and Stavropol Territory). The sample of the qualitative study did not include informants from socially unadapted families, informants from families whose socio-economic situation is close to the median in the region of residence were selected. The questions for the in-depth interview were formulated in accordance with the following plan: the marital and reproductive attitudes of the parents (the family experience of the informant’s parents); the marital and reproductive attitudes of the informant (their own family and reproductive experience); the impact of federal and regional measures to support the Russian family on making a decision about the birth of a child; the needs of the family and problems that hinder the implementation of reproductive plans. The obtained data allowed us to formulate conclusions about the factors that hinder the growth of the birth rate in the Russian regions, and possible ways to optimize the situation.

Key words: reproductive behavior, youth, family, children, average desired number of children.

Citation. Archangelsky V.N., Vasilieva E.N., Vasilieva A.E. Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 93-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>

**РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ¹****Владимир Николаевич Архангельский**

Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;
Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы, г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Николаевна Васильева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анна Евгеньевна Васильева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность демографических проблем в России обсуждается сегодня на высшем уровне, приняты серьезные меры по стабилизации демографической ситуации, реализуется поддержка российских семей, находящихся в трудной социально-экономической ситуации. Тем не менее число рожденных детей на одну женщину остается недостаточным не только для роста, но и для сохранения численности населения. В этой ситуации необходимо исследование репродуктивного поведения и репродуктивных установок российской молодежи для выработки эффективных мер, оказывающих влияние на мотивацию к заключению брака и рождению детей. В данной работе рассматриваются некоторые аспекты репродуктивного поведения российской молодежи в возрасте до 35 лет включительно на основе данных количественного исследования, полученных в рамках первой волны Всероссийского мониторинга «Демографическое самочувствие населения регионов России» (конец 2019 – начало 2020 г., 10 регионов России), а также качественного исследования (начало 2021 г., 17 информантов из Волгоградской области и Ставропольского края). В выборку качественного исследования не были включены информанты из социально неадаптированных семей, выбирались информанты из семей, социально-экономическое положение которых близко к медианному по региону проживания. Вопросы для глубинного интервью формулировались в соответствии со следующим планом – брачные и репродуктивные установки родителей (семейный опыт родителей информанта); брачные и репродуктивные установки информанта (собственный семейный и репродуктивный опыт); влияние федеральных и региональных мер поддержки российской семьи на принятие решения о рождении ребенка; потребности семьи и проблемы, мешающие реализации репродуктивных планов. Полученные данные позволили сформулировать выводы о факторах, препятствующих росту рождаемости в российских регионах, и возможных направлениях оптимизации ситуации.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, молодежь, семья, дети, среднее желаемое число детей.

Цитирование. Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 93–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>

Исследование репродуктивных намерений молодежи начинается с поиска ценностей, которые лежат в основе репродуктивного поведения. В последнее время активно проводятся эмпирические исследования репродуктивного поведения, позволяющие сделать

вывод о том, что для молодых людей традиционные ценности имеют высокую значимость. Т.К. Ростовская и З.Х. Саралиева выявили, что на первом месте в иерархической системе ценностей – ценность семьи; далее инструментальные ценности – карьера, лю-

бовь; на последнем месте – саморазвитие как пример инновационных ценностных ориентаций [Ростовская, Саралиева 2018]. Сопоставимые с предыдущим исследованием результаты получены А.П. Багировой и О.М. Шубат. Опрос студенток пяти вузов Урало-Сибирского региона дал основание утверждать, что молодые девушки признают высокую значимость семьи как института, выполняющего репродуктивные, социализирующие и психологические функции.

Студентки четко обозначают виды ответственности, которые появляются у людей с рождением детей, и предполагают, что в будущем их собственная реализация в роли родителей доставит им удовольствие (психологическая функция семьи). В то же время возникающие с рождением детей экономические трудности их пугают (экономическая функция). По результатам исследования выявлен многокомпонентный образ родительства, включающий такие категории, как «забота», «полноценность», «героизм» в глазах детей и т. д. [Багирова, Шубарт 2017]. Переложение опыта собственных родителей на «будущих себя» или формирование новых представлений о родительстве – это осмысление деятельности, формирование представлений о нейтрализации дисфункциональных проявлений, построении идеальной модели детско-родительских отношений. Так формируются не только позитивные образы, но и страх экономической ответственности. Кроме того, отмечается стремление молодых людей к такому уровню жизни, который не был достигнут в родительской семье, с целевыми установками – обеспечить ребенка всем необходимым, и, по возможности, сверх того.

Таким образом, можно констатировать: во-первых, высокая ценность семьи и детей автоматически не приводит к увеличению рождаемости; во-вторых, финансовые проблемы становятся одной из самых главных причин откладывания планов по созданию семьи и рождению детей соответственно. Несмотря на уверенность акторов в том, что репродуктивная функция семьи является основной, молодые люди только формируют образ будущей семьи и не задумываются серьезно о собственных детях. Напротив, о финансовых проблемах молодые люди знают из собствен-

ного опыта (это не проектирование будущего, в отличие от размышлений о семье или детях), поэтому уверенно предполагают, что появление детей в молодых семьях приводит к обострению финансовых трудностей, тем более, если супруги не располагают жильем и/или деньгами.

Материальные препятствия подробно рассматриваются А.И. Антоновым, В.М. Карповой, С.В. Ляликовой как фактор, имеющий большое значение при принятии решения о рождении детей [Антонов, Карпова, Ляликова 2021]. Действительно, чем меньше реальный доход, тем выше доля расходов на питание. При увеличении числа детей доход на человека в семье сокращается, а расходы на питание увеличиваются. В итоге рост доходов в многодетной семье не будет гарантировать быстрого и заметного улучшения материального положения, среднестатистические семьи с большим количеством детей менее обеспеченные. Знание об этом является основой того, что молодые люди не готовы брать на себя ответственность за большое количество детей.

Опрос студентов тверских вузов, проведенный С.И. Филиппченковой и Е.А. Евстифеевой, показывает, что оптимальное количество детей для молодежи – два [Филиппченкова, Евстифеева 2020]. Молодые люди достаточно осмысленно подходят к рассуждению о семейной жизни, например, отмечают, что принимать решение о рождении ребенка необходимо обоим партнерам, а в случае незапланированной беременности или появления проблем в сексуальной сфере – обращаться к специалистам. Студенты осознают ответственность за собственное репродуктивное здоровье и ради рождения детей готовы отказаться от вредных привычек, что, с одной стороны, хорошо, а с другой – приводит к излишней тревожности в связи с углублением осознания большой ответственности за будущих детей. В.В. Максимов пишет о возможности возникновения криминологического поведения будущих детей, проявления их неблагодарности, конфликтности в семье [Максимов 2019]. Такие риски могут быть связаны как с непосредственным опытом опрошенных, так и с их сложившимися представлениями о семье. Уравновесить данные проблемы можно толь-

ко формированием поддержки семьи в осуществлении педагогических функций (развитии бесплатного дополнительного образования, психологическое сопровождение и др.).

Наличие негативного семейного опыта молодежи может существенно повлиять на репродуктивные намерения. В.Р. Ушакова, рассматривая феномен чайлдфри, выделяет такую проблему респондентов, обнаруженную в ходе опроса, как психологическая болезненность обсуждения тем, связанных с воспитанием / рождением детей и отцовством / материнством [Ушакова 2020]. Это значительно сокращает возможность полного анализа причин, приводящих людей к чайлдфри. В основном сторонники данной идеи говорят о значимости карьерных достижений и материального благополучия. Поддерживая традиционные представления о семье, ее назначении и определении понятия «счастливая семья», они тем не менее утверждают, что не желают иметь детей.

Причину непротиворечивости мнений сторонников чайлдфри и молодежи, планирующей рождение ребенка, о высокой ценности семьи можно искать в принятии образа семьи, конструирующегося социальными институтами. Так, Л.И. Столярчук, Л.И. Алешина, С.Ю. Федосеева отмечают, что в этом значительную роль играют и образовательные учреждения [Столярчук, Алешина, Федосеева 2020]. Формирование потребности в детях закладывается на начальных этапах социализации в семье, далее подтверждается в процессе получения образования, например при изучении классических произведений литературы. В связи с этим учителя, преподаватели должны обладать высоким уровнем репродуктивной культуры. Именно идеальные образы семьи являются причиной того, что среднее желаемое число детей в итоге выше, чем число рождений. Разница между желаемым и фактическим количеством детей в семье фиксируется не только в России.

Е. Божуан и К. Бергаммер, проведя исследование в европейских странах и США, приходят к выводу, что причин много: «конкурирующие цели» (деторождение или получение образования, карьера, качественный досуг и т. д.); экономические факторы (безработица), проблемы со здоровьем (бесплодие);

инфраструктура (доступность детских садов, условия предоставления отпуска по уходу за ребенком) и социальные установки на родительство в более позднем возрасте (когда реализованы карьерные стратегии и есть финансовая устойчивость) – основные причины уменьшения количества рождений на женщину [Beaujouan, Berghammer 2019].

Э. Божуан и А. Солаз исследуют преемственность демографического поведения, механизмы передачи установок от родителей к детям и приходят к выводу, что на размер семьи влияют: наследственность, социализация (социальное давление, субъективные обязательства, социальное происхождение, религия), а также количество братьев и сестер [Beaujouan, Solaz 2019]. А. Лебано и Л. Джеймисон сделали вывод, что отложенное во времени рождение первого ребенка приводит к снижению вероятности иметь еще одного ребенка по биологическим причинам (снижение фертильности) [Lebano, Jamieson 2020].

А. Лебано, Л. Джеймисон, Л. Салвати, М. Карлучи, П. Сэрра, И. Замбон и другие исследователи (по данным, полученным в Испании и Италии) указывают и такие причины, как распространение постмодернистских ценностей, институциональные ограничения, занятость женщин на рынке труда, гендерное равенство, отложенное взросление современной молодежи и т. д. Экономические причины не рассматриваются западными учеными как доминантные, хотя есть исследования (А. Лебано и Л. Джеймисон), подтверждающие, что неуверенность молодежи в будущем часто обусловлена недостатком финансовых средств и непростой ситуацией на рынке труда [Lebano, Jamieson 2020; Puig-Barrachina et al. 2019; Salvati et al. 2019].

Мониторинг демографической ситуации в российском обществе позволяет выявить новые факторы изменения или закрепления репродуктивного поведения молодежи, тем более в условиях активной государственной семейно-демографической политики, что позволяет не только определить основные проблемы, но и сделать выводы об эффективности. В работе приведены данные двух исследований, выполненных под руководством доктора социологических наук Т.К. Ростовской в 10 регионах России: количественного иссле-

дования, а именно первой волны Всероссийского мониторинга «Демографическое самочувствие населения регионов России», проведенной исследовательским коллективом в конце 2019 – начале 2020 г., а также результаты качественного исследования, проведенного в начале 2021 г. методом глубинного интервью (в работе будут представлены данные на примере двух регионов – Волгоградской области и Ставропольского края, где было опрошено 17 чел. в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих разный репродуктивный опыт).

По результатам количественного исследования число детей, которое современные молодые люди в России в среднем хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий (желаемое число детей) близко к уровню простого воспроизводства населения, при котором на смену одному поколению приходит примерно равное по численности другое. Среднее желаемое число детей у женщин составило 2,28, у мужчин – 2,16. Однако опыт предшествующих исследований в сравнении с реальным числом рожденных детей показывает, что желаемое число детей в среднем дает существенно завышенную его потенциальную оценку.

Число детей, которое опрошенные молодые люди собираются иметь (ожидаемое число детей) в среднем ниже: женщины – 1,98, мужчины – 1,92. Однако и эти репродуктивные намерения вряд ли будут реализованы в полной мере.

Среди поколений женщин, недавно завершивших или близких к завершению репродуктивного периода, наибольшее среднее число рожденных детей в России у женщин 1978 и 1979 г. рождения. По оценке на начало 2020 г., оно составляет соответственно 1,65 и 1,66. Итоговая величина этого показателя будет у них немного больше, но, видимо, не превысит 1,70. Несколько большим может быть сред-

нее число рожденных детей у женщин поколений середины 1980-х гг. рождения. Однако и у них оно, вероятно, не превысит 1,75, то есть эти величины существенно ниже среднего ожидаемого числа детей.

Результаты исследования показали в среднем относительно более низкое желаемое число детей у более молодых респондентов. Если в возрастной группе 30–35 лет оно составляет 2,41 у женщин и 2,24 у мужчин, то у тех, кто моложе 20 лет – соответственно 2,11 и 1,92 (табл. 1).

Если у женщин среднее ожидаемое число детей мало различается по возрастным группам, то у мужчин различия более существенны. И опять же можно говорить о более низкой величине этого показателя у молодых респондентов: в возрастной группе 25–29 лет оно составляет 2,13; 20–24 года – 1,90 (почти такое же оно у 30–35-летних респондентов (1,89)); до 20 лет – 1,74 (табл. 1). Перспективы и степень осуществления репродуктивных намерений молодых людей в значительной мере зависят от того, как они оценивают возможные помехи к их реализации (см. табл. 2).

К числу основных помех к рождению желаемого числа детей респонденты традиционно относят материальные (как очень мешающие их отметили 34,2 % женщин и 32,4 % мужчин) и жилищные (соответственно 22,8 % и 24,6 %) трудности, неуверенность в завтрашнем дне (28,3 % и 24,3 %).

У молодежи к ним добавляются еще две, в большей степени имеющие возрастную специфику, а потому у многих, вероятно, носящие временный характер. Одна из них – отсутствие работы у мужчин – занимает второе место (по доле отметивших эту причину как очень мешающую) после материальных трудностей, а у женщин – третье, уступая еще и неуверенности в завтрашнем дне. Другая – отсутствие мужа (жены). О возрастной спе-

Таблица 1

Среднее желаемое и ожидаемое число детей по возрастным группам молодежи

Возраст (лет)	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
До 20	2,11	1,92	2,02	1,74
20–24	2,23	2,12	1,93	1,90
25–29	2,30	2,24	1,95	2,13
30–35	2,41	2,24	2,00	1,89

Оценка помех к рождению желаемого числа детей, %

Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?	Женщины			Мужчины		
	очень мешает	мешает	не мешает	очень мешает	мешает	не мешает
Материальные трудности	34,2	36,6	20,3	32,4	35,4	19,5
Неуверенность в завтрашнем дне	28,3	34,8	28,6	24,3	33,5	28,3
Отсутствие работы	24,6	25,9	37,2	27,1	25,0	32,3
Жилищные трудности	22,8	33,3	35,3	24,6	34,4	26,1
Отсутствие мужа (жены)	21,8	18,6	37,6	17,6	15,8	42,5
Большая занятость на работе	16,4	33,4	37,6	16,6	33,8	33,7
Стремление достичь успехов в работе	13,8	26,8	48,5	12,3	24,0	47,6
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (детей)	12,2	22,2	45,9	11,6	21,1	48,0
Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	12,1	18,0	58,4	12,4	22,1	48,1
Нежелание мужа (жены)	11,2	17,5	48,2	10,4	20,4	42,4
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому, сильно устаю (жена сильно устает) из-за «двойного рабочего дня»	11,1	31,1	41,2	11,5	29,6	35,1
Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	11,0	33,8	40,5	12,3	33,7	35,5
Неудобный режим работы	10,9	24,5	50,2	13,1	26,8	41,3
Неудовлетворительное состояние моего здоровья	10,6	25,6	45,6	7,0	18,3	55,5
Сложности во взаимоотношениях в семье	10,0	14,6	59,3	9,4	18,4	52,5
Стремление интереснее проводить досуг	9,7	15,5	64,5	11,6	18,2	54,6
Трудно устроить ребенка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	8,6	18,2	56,3	11,7	26,6	40,2
Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены)	7,8	17,5	51,1	8,2	19,6	51,5
Боязнь ущемить интересы имеющихся детей	5,8	16,1	58,7	8,5	19,4	52,2
Родственники пока против рождения еще ребенка (детей)	3,5	6,9	69,1	5,8	8,6	61,1

Примечание. Помехи ранжированы в порядке сокращения доли ответов «очень мешает» у женщин. Сумма ответов раздельно по женщинам и мужчинам менее 100 %, так как не приведены доли ответивших «затрудняюсь ответить».

цифике этих помех к рождению желаемого числа детей свидетельствует то, что их оценка существенно различается в зависимости от возраста молодежи (см. табл. 3).

Среди мужчин в возрасте до 20 лет свыше половины опрошенных (55,7 %) отметили, что отсутствие работы очень мешает иметь желаемое число детей, и только 9,0 % – что не мешает. В возрастной группе 30–35 лет уже 42,8 % отметили, что отсутствие работы не мешает, и «только» 15,9 % – что очень мешает. Среди женщин в возрасте до 20 лет только каждая пятая (19,5 %) отметила, что отсутствие работы не мешает иметь желаемое число детей, а среди 30–35-летних таковых свыше половины (50,4 %). Отсутствие мужа как причину, очень мешающую иметь желаемое число, чаще всего отмечали 20–24-лет-

ние респондентки (31,9 %). В возрастной группе 30–35 лет таковых 12,2 %. Среди мужчин отсутствие жены в качестве такой причины отметили 28,2 % в возрастной группе до 20 лет и 10,9 % среди 30–35-летних.

Оценивая ответы респондентов о том, что им мешает иметь желаемое число детей, нужно иметь в виду, что такие ответы могут детерминироваться разными причинами. Во-первых, те или иные жизненные обстоятельства, указываемые в качестве помех к рождению желаемого числа детей, могут в действительности иметь место и в этом случае репродуктивные намерения могут быть реализованы в большей степени в случае оказания помощи, направленной на устранение негативного влияния этих обстоятельств на репродуктивное поведение или по крайней

Таблица 3

**Оценка отсутствия работы и мужа (жены) как помех к рождению
желаемого числа детей в зависимости от возраста, %**

Возраст (лет)	Женщины			Мужчины		
	очень мешает	мешает	не мешает	очень мешает	мешает	не мешает
Отсутствие работы						
До 20	29,0	42,3	19,5	55,7	25,7	9,0
20–24	34,7	22,2	29,5	26,5	28,0	29,2
25–29	22,5	22,5	41,0	24,7	28,7	36,4
30–35	16,5	20,9	50,4	15,9	20,3	42,8
Отсутствие мужа (жены)						
До 20	26,1	24,5	33,2	28,2	11,5	42,6
20–24	31,9	18,8	24,6	23,8	20,4	29,0
25–29	22,1	19,2	41,3	12,8	20,1	46,9
30–35	12,2	14,6	46,8	10,9	11,8	49,8

Примечание. Сумма ответов раздельно по женщинам и мужчинам менее 100 %, так как не приведены доли ответивших «затрудняюсь ответить».

мере на смягчение этого влияния. Во-вторых, в качестве помех могут указываться так называемые социально одобряемые, защитные мотивы [Антонов 2005; Грушин 1967; Трухан 2019], причины отказа от рождения большего числа детей. В-третьих, следует, видимо, иметь в виду, что, отвечая на вопрос о том, что мешает иметь желаемое число детей, часть респондентов отмечают, что им вообще мешает по жизни безотносительно конкретно к детям (просто в данном исследовании у них есть возможность высказать это в связи с репродуктивным поведением). Анализируя мотивы ограничения числа детей в семье, В.А. Белова и Л.Е. Дарский пишут, что «к выдвигаемым мотивам следует подходить очень осторожно и, конечно, нельзя их трактовать как причины ограничения числа детей в семье» [Белова, Дарский 1972]. В-четвертых, на восприятие тех или иных жизненных обстоятельств как помех к рождению желаемого числа детей может влиять соотношение их значимости для респондента со значимостью того или иного числа детей. Если дети более значимы, чем тот или иной аспект жизнедеятельности, то при прочих равных условиях он, видимо, в меньшей степени будет восприниматься как помеха к рождению желаемого числа детей.

Данные анализируемого в статье исследования «Демографическое самочувствие населения регионов России» позволяют подробнее остановиться на оценке взаимосвязи восприятия тех или иных жизненных обстоя-

тельств с соотношением значимости ценностей, соответствующих этим обстоятельствам, и ценностей детей. Те, кому материальные трудности очень мешают иметь желаемое количество детей, ниже оценивают уровень жизни, а наиболее высокая его оценка у тех, кто ответил, что они не мешают: очень мешает – 6,84 балла (по 10-балльной шкале) у женщин и 6,34 балла у мужчин; мешает – соответственно 7,20 и 6,93; не мешает – 7,92 и 7,59. Однако и соотношение значимости ценностей материального благополучия и детей различается в зависимости от оценки материальных трудностей как помехи к рождению желаемого числа детей. В большей степени это проявилось у женщин (см. табл. 4).

Молодые женщины, которым материальные трудности очень мешают иметь желаемых двоих детей, оценивают значимость материального благополучия семьи значительно выше, чем двоих детей (разница 0,91 балла по 5-балльной шкале). Для тех, кто ответил «мешает» или «не мешает», материальное благополучие тоже более значимо, чем двое детей, но разница в оценке значимости существенно меньше (соответственно 0,33 и 0,48). У тех, кому материальные трудности очень мешают иметь желаемых троих детей, разница в значимости материального благополучия и троих детей составляет 1,27 балла; «просто» мешают – 1,03; не мешают – 0,40.

Уверенность в завтрашнем дне, безусловно, важна при принятии решения о рождении

Ценностные ориентации женщин в зависимости от оценки материальных трудностей как помехи к рождению желаемого числа детей

Мешают ли материальные трудности иметь желаемое число детей	Желаемое число детей = 2			Желаемое число детей = 3		
	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости материального благополучия и двоих детей	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости материального благополучия и троих детей
	материального благополучия семьи	вырастить двоих детей		материального благополучия семьи	иметь троих детей	
Очень мешают	4,89	3,98	0,91	4,95	3,68	1,27
Мешают	4,81	4,48	0,33	4,83	3,80	1,03
Не мешают	4,63	4,15	0,48	4,68	4,28	0,40

детей. Однако и здесь имеют место различия в соотношении значимости ценностей в зависимости от того, в какой степени неуверенность в завтрашнем дне оценивается как помеха к рождению желаемого числа детей (табл. 5).

У женщин, которые хотели бы иметь двоих детей, но отметили, что неуверенность в завтрашнем дне очень мешает им в этом, значимость уверенности в завтрашнем дне существенно (на 0,44 балла) выше, чем желание иметь двоих детей. У тех же, кому указанный фактор не мешает, значимость двух этих ценностей практически совпадает (формально значимость желания иметь двоих детей даже выше на 0,04 балла). Такие же, но еще более выраженные различия имеют место у тех, кто хотел бы иметь троих детей. У мужчин, которые хотели бы иметь двоих детей, но отметили, что неуверенность в завтрашнем дне очень мешает в этом, значимость уверенности в завтрашнем дне намного (на 0,78) больше, чем желание иметь двоих детей, а у тех, кому этот фактор не меша-

ет, наоборот, желание иметь двоих детей важнее (на 0,18 балла) уверенности в завтрашнем дне (табл. 5). Если, как фиксировалось выше, у самых молодых респондентов отсутствие работы часто отмечалось как помеха к рождению желаемого числа детей, то у тех, кто несколько старше, – наоборот, профессиональная деятельность. Для тех, кому стремление достичь успехов в работе очень мешает иметь желаемое число детей, все ценности, связанные с профессиональной деятельностью в среднем намного более значимы, чем желание иметь двоих-троих детей.

У тех, кому стремление достичь успехов в работе «просто (не очень)» мешает иметь желаемое количество детей, значимость, особенно, двоих детей – ближе к профессиональным ценностям. У мужчин она формально (на 0,01 балла) даже выше, чем «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу» и «получить хорошее образование и заниматься интеллектуальной деятельностью».

Ценностные ориентации в зависимости от оценки неуверенности в завтрашнем дне как помехи к рождению желаемого числа детей

Мешает ли неуверенность в завтрашнем дне иметь желаемое число детей	Желаемое число детей = 2			Желаемое число детей = 3		
	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости уверенности в завтрашнем дне и двоих детей	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости уверенности в завтрашнем дне и троих детей
	уверенности в завтрашнем дне	вырастить двоих детей		уверенности в завтрашнем дне	иметь троих детей	
Женщины						
Очень мешает	4,56	4,12	0,44	4,70	3,75	0,95
Мешает	4,55	4,23	0,32	4,57	3,85	0,72
Не мешает	4,29	4,33	-0,04	4,25	4,27	-0,02
Мужчины						
Очень мешает	4,64	3,86	0,78	4,47	3,76	0,71
Мешает	4,34	3,91	0,43	4,57	3,59	0,98
Не мешает	3,93	4,11	-0,18	4,22	3,63	0,59

Наконец, среди тех женщин, которым стремление достичь успехов в работе, не мешает иметь желаемых двоих детей, значимость двоих детей превосходит все профессиональные ценности и уступает только материальному благополучию (эта ценность с определенной степенью условности рассматривается в данном случае как связанная с профессиональной деятельностью, ибо можно предположить, что одним из основных мотивов стремления достичь успехов в работе является обеспечение материального благополучия). Даже значимость троих детей у тех женщин, которые хотели бы их иметь и кому стремление достичь успехов в работе не мешает в этом, выше в среднем значимости «карьерного роста» и «получения хорошего образования и занятия интеллектуальной деятельностью» (табл. 6). У тех женщин, кому большая занятость на работе очень мешает

иметь желаемых троих детей, значимость карьерного роста и «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу» в среднем существенно выше значимости троих детей (соответственно на 1,05 и 1,00 баллов по 5-балльной шкале). У тех, кому она «просто» мешает, разница в значимости этих ценностей меньше (соответственно 0,53 и 0,70 баллов), а у тех, кому большая занятость не мешает, значимость троих детей на 0,11 балла больше, чем карьерного роста, и лишь на 0,09 балла меньше, чем «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу».

Женщины, которые отметили, что им мешают иметь желаемых троих детей трудности совмещения работы вне дома и по дому, существенно выше в среднем оценили значимость карьерного роста и «много работать, но и получать высокую заработную плату за

Таблица 6

Значимость ценностей в зависимости от оценки стремления достичь успехов в работе как помехи к рождению желаемого числа детей (средний балл по 5-балльной шкале)

Мешает ли стремление достичь успехов в работе иметь желаемое число детей	Желаемое число детей = 2				
	Карьерный рост	Много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	Получить хорошее образование и заниматься интеллектуальной деятельностью	Материальное благополучие семьи	Вырастить двоих детей
Женщины					
Очень мешает	4,40	4,29	4,77	4,79	3,56
Мешает	4,51	4,47	4,40	4,84	4,20
Не мешает	4,28	4,20	4,20	4,75	4,39
Мужчины					
Очень мешает	4,46	4,49	4,65	4,76	3,91
Мешает	4,35	4,10	4,10	4,52	4,11
Не мешает	4,18	4,33	4,09	4,66	4,02

Окончание таблицы 6

Мешает ли стремление достичь успехов в работе иметь желаемое число детей	Желаемое число детей = 3				
	Карьерный рост	Много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	Получить хорошее образование и заниматься интеллектуальной деятельностью	Материальное благополучие семьи	Иметь троих детей
Женщины					
Очень мешает	4,58	4,47	4,08	4,71	3,53
Мешает	4,30	4,40	4,63	4,84	3,88
Не мешает	3,97	4,21	4,02	4,78	4,09
Мужчины					
Очень мешает	4,45	4,37	4,60	4,70	3,48
Мешает	4,35	4,25	3,86	4,59	3,57
Не мешает	4,18	4,43	4,13	4,73	3,80

свою работу», чем троих детей (очень мешает – соответственно на 0,58 и 0,69 баллов; мешает – на 0,72 и 0,96). У тех, кому трудности совмещения работы вне дома и по дому не мешают иметь желаемых троих детей, значимость троих детей (4,15 баллов) такая же, как карьерного роста (4,12) и «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу» (4,23). Аналогичная ситуация соотношения значимости ценностей у женщин, которые хотели бы иметь троих детей, в зависимости от оценки как мешающего обстоятельства того, что не с кем будет оставить ребенка после начала работы (то есть выхода из отпуска по уходу за ребенком). Очень мешает: карьерный рост – 4,31 баллов, «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу» – 4,36, иметь троих детей – 3,50; мешает – соответственно 4,13, 4,43 и 3,70; не мешает – 4,23, 4,32 и 4,15. С соотношением значимости ценностей связана и оценка стремления интереснее проводить досуг как помехи к рождению желаемого числа детей (табл. 7).

У тех женщин, которым стремление интереснее проводить досуг очень мешает иметь желаемое число детей, разница в значимости интересного досуга и желаемого числа детей очень велика: двое детей – 1,33 балла, трое – 1,73. У тех, кто выбрал вариант ответа «мешает», эта разница существенно меньше: соответственно 0,38 и 1,15. У тех, кому стремление интереснее проводить досуг не мешает иметь желаемых двоих детей, средний балл значимости интересного досуга (4,38) и двоих детей (4,37) почти совпадает. У тех, кто хотел бы иметь троих детей и считает, что стремление интереснее проводить досуг не мешает их иметь, разница в ценнос-

тях досуга и троих детей (0,30 балла) значительно меньше, чем у оценивающих это обстоятельство как помеху к рождению желаемых троих детей.

Соотношение значимости ценностей влияет и на оценку молодежью тех или иных жизненных обстоятельств как причин откладывания рождения ребенка. Среди причин откладывания рождения первого ребенка молодые респонденты в среднем выше всего оценили значимость необходимости более оплачиваемой работы. Женщины столь же высоко оценили значимость того, что они пока не замужем. На втором месте у мужчин и на третьем у женщин причина, сильно перекликающаяся с первой, – пока не позволяют материальные возможности. Еще одной важной причиной откладывания рождения первого ребенка, по мнению респондентов, является отсутствие собственного жилья. Учитывая потенциальный возраст родителей при рождении первого ребенка, значимой причиной его откладывания является необходимость закончить образование (см. табл. 8).

Особого внимания заслуживают еще две причины откладывания рождения первого ребенка, значимость которых респонденты оценили сравнительно высоко. Если отмеченные выше причины можно отнести к числу социально-экономических [кроме, конечно, отсутствия супруга(-и)], то эти скорее к психологическим – «воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени» и «хочется хоть какое-то время пожить для себя». Причины откладывания рождения ребенка, связанные с социально-экономическими обстоятельствами, с большей вероятностью могут носить временный характер, и их устранению (или по крайней мере

Таблица 7

Ценностные ориентации женщин в зависимости от оценки стремления интереснее проводить досуг как помехи к рождению желаемого числа детей

Мешает ли стремление интереснее проводить досуг иметь желаемое число детей	Желаемое число детей = 2			Желаемое число детей = 3		
	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости интересного проведения досуга и двоих детей	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)		Разница в значимости интересного проведения досуга и троих детей
	интересно проводить досуг	вырастить двоих детей		интересно проводить досуг	иметь троих детей	
Очень мешает	4,43	3,10	1,33	4,78	3,05	1,73
Мешает	4,61	4,23	0,38	4,70	3,55	1,15
Не мешает	4,38	4,37	0,01	4,39	4,09	0,30

**Причины откладывания рождения первого и второго ребенка
(средний балл по шкале от 0 до 5; в скобках место в ранжированном ряду
по убыванию величины среднего балла)**

В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами?	Откладывание рождения ребенка			
	первого		второго	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Необходимо найти более оплачиваемую работу	4,07 (1–2)	4,18 (1)	3,14 (2)	2,88 (3)
Я пока не замужем (не женат)	4,07 (1–2)	3,39 (6)	1,66 (17)	1,63 (15)
Пока не позволяют материальные возможности	3,90 (3)	3,80 (2)	3,38 (1)	2,76 (5)
Нужно закончить образование	3,78 (4)	3,50 (5)	1,92 (14)	1,51 (18)
Воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени	3,71 (5)	3,63 (3)	2,94 (4)	2,71 (6)
Отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка	3,64 (6)	3,56 (4)	2,73 (6)	3,09 (1)
Хочется хоть какое-то время пожить для себя	3,51 (7)	3,09 (7)	1,89 (15)	2,05 (9)
Муж (жена) пока хочет подождать с рождением ребенка	2,68 (8)	2,87 (8)	2,88 (5)	3,02 (2)
Трудно совмещать работу и уход за ребенком (основная работа по дому лежит на мне) / Жене трудно совмещать работу и уход за ребенком (основная работа по дому лежит на ней)	2,58 (9)	2,50 (9)	2,58 (7)	2,16 (8)
Нет твердой уверенности в том, что нам нужен еще ребенок	2,55 (10)	2,26 (13)	1,99 (13)	2,04 (10)
Не уверен(-а) в прочности брака	2,22 (11)	1,98 (16)	1,72 (16)	1,61 (16)
Не хочу (жена не хочет) оставлять интересную работу хотя бы на время	2,06 (12)	2,18 (15)	1,55 (18)	1,68 (14)
Там, где я живу, нет благоприятных условий, облегчающих уход за ребенком (мало хороших магазинов, плохо развито бытовое обслуживание, нерегулярно работает транспорт и т. д.)	2,03 (13)	2,25 (14)	2,16 (10)	1,93 (12)
Трудно устроить ребенка в учреждение дошкольного образования	1,99 (14)	2,39 (10)	2,12 (11)	1,95 (11)
Необходимость выплачивать кредиты, которые не позволяют мне (жене) хотя бы на время оставить работу	1,96 (15–16)	2,38 (11)	2,45 (8)	2,39 (7)
Нет надежды на то, что родственники смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком (или родственников нет)	1,96 (15–16)	2,29 (12)	2,20 (9)	1,86 (13)
Пока не позволяет состояние здоровья (состояние здоровья жены)	1,75 (17)	1,67 (17)	2,09 (12)	1,53 (17)
Младший ребенок пока слишком маленький	1,23 (18)	1,50 (18)	2,99 (3)	2,86 (4)

Примечание. Причины ранжированы в порядке убывания значимости у женщин, откладывающих рождение первого ребенка.

существенному смягчению) могут способствовать меры поддержки молодых семей. Причины психологического характера, видимо, более долговременны и менее подвержены влиянию мер демографической и семейной политики, так как, вероятно, в большей мере обусловлены ценностными ориентациями.

Среди причин откладывания рождения второго ребенка для многих респондентов значимым является то, что первый ребенок пока слишком маленький (3-е место по среднему баллу значимости у женщин и 4-е место у мужчин). Как и в отношении откладывания первого рождения, значимо, по мнению респондентов, отсутствие материальных возможностей (1-е место у женщин и 5-е место у муж-

чин), необходимость более оплачиваемой работы (соответственно 2-е и 3-е места), отсутствие собственного жилья (6-е место у женщин и 1-е место у мужчин).

Относительно более значимой причиной откладывания рождения второго ребенка (по сравнению с откладыванием первого рождения) является необходимость выплачивать кредиты, что не позволяет женщине хотя бы на время оставить работу. Среди отмеченных выше причин психологического характера значимость того, что хотелось бы какое-то время пожить для себя, снижается (особенно у женщин). Средний балл оценки значимости того обстоятельства, что воспитание ребенка является достаточно трудным делом, тре-

бует много сил и времени, в отношении откладывания рождения второго ребенка существенно ниже, чем в отношении первого рождения, но касательно других причин почти на том же месте по значимости, что и по первым рождениям (см. табл. 8).

Рассмотрим связь оценки значимости тех или иных причин откладывания рождения ребенка в сочетании с ценностными ориентациями в отношении откладывания первого рождения. У тех, кто оценил значимость того, что «пока не позволяют материальные возможности», как причину откладывания рождения первого ребенка, на 1–2 балла (то есть относительно слабо влияет), разница в значимости материального благополучия и воспитания ребенка составляет 0,19 балла (по 5-балльной шкале) у женщин и 0,26 у мужчин; при оценке значимости этой причины откладывания рождения первого ребенка на 3 балла (средне влияет) – соответственно 0,33 и 0,23 балла; на 4–5 баллов (относительно сильно влияет) – на 0,52 у женщин и 0,45 у мужчин. Так, у тех, кто считает отсутствие материальных возможностей относительно сильно влияющим фактором откладывания рождения первого ребенка, материальное благополучие по значимости превосходит воспитание ребенка в существенно большей степени, чем у тех, кто считает этот фактор относительно слабо влияющим.

Причины откладывания рождения первого ребенка у женщин, обусловленные профессиональной деятельностью, связаны с соот-

ношением значимости воспитания ребенка, большого внимания к работе, карьерного роста. Женщины, у которых трудность совмещения работы с уходом за ребенком относительно слабо (1–2 балла) влияет на откладывание рождения первого ребенка, значимость воспитания ребенка оценили существенно выше, чем «много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу» и карьерный рост (соответственно на 0,56 и 0,59). Те, у кого эта причина относительно сильно влияет на откладывание первого рождения в среднем, наоборот, воспитание ребенка считают менее значимым, чем профессиональную деятельность. Это же имеет место и при оценке такой причины откладывания первого рождения, как «не хочу оставлять интересную работу хотя бы на время» (табл. 9).

Соотношение значимости ценностей различается и в зависимости от того, как воспринимаются с точки зрения откладывания рождения первого ребенка те причины, которые выше были отнесены к числу психологических (есть все основания добавить к ним и такую причину, как «нет твердой уверенности в том, что нам нужен ребенок»). У респондентов, оценивших трудности воспитания ребенка как фактор, относительно слабо (1–2 балла) влияющий на откладывание рождения первого ребенка, значимость воспитания ребенка в среднем выше, чем по всем остальным ценностям, представленным в таблице 10. У женщин это имеет место и среди тех, кто оценил степень влияния этого фактора

Таблица 9

Ценностные ориентации женщин в зависимости от оценки профессиональной деятельности как причины откладывания рождения первого ребенка

В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами?	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале)			Разница в значимости воспитания ребенка и	
	воспитать ребенка	много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	карьерный рост	много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	карьерного роста
Трудно совмещать работу и уход за ребенком					
1–2 балла	4,55	3,99	3,96	0,56	0,59
3 балла	4,05	3,99	4,55	0,06	-0,50
4–5 баллов	4,25	4,39	4,58	-0,14	-0,33
Не хочу оставлять интересную работу хотя бы на время					
1–2 балла	4,40	3,98	4,13	0,42	0,27
3 балла	4,72	4,51	4,70	0,21	0,02
4–5 баллов	3,89	4,27	4,61	-0,38	-0,72

Ценностные ориентации в зависимости от оценки «психологических» причин откладывания рождения первого ребенка

В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами?	Значимость (средний балл по 5-балльной шкале):					
	Воспитать ребенка	Уделять себе достаточно внимания	Путешествовать по разным странам	Карьерный рост	Интересно проводить досуг	Быть свободной(-ым), независимой(-ым) и делать то, что хочется
<i>Воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени</i>						
Женщины						
1–2 балла	4,68	4,62	4,20	3,61	4,63	3,20
3 балла	4,59	4,22	4,54	4,41	4,45	3,95
4–5 баллов	4,18	4,43	4,57	4,45	4,64	3,92
Мужчины						
1–2 балла	4,33	3,97	4,02	3,42	4,27	3,59
3 балла	4,04	3,35	3,80	4,20	4,15	2,58
4–5 баллов	4,26	3,95	4,29	4,36	4,33	3,74
<i>Хочется хоть какое-то время пожить для себя</i>						
Женщины						
1–2 балла	4,80	4,28	4,30	3,82	4,73	3,53
3 балла	3,92	4,36	4,53	4,28	4,36	3,56
4–5 баллов	4,26	4,55	4,58	4,51	4,65	4,03
Мужчины						
1–2 балла	4,37	3,40	3,83	3,86	4,30	2,59
3 балла	4,35	3,87	4,32	4,22	4,13	3,56
4–5 баллов	3,99	4,10	4,25	4,34	4,33	4,04
<i>Нет твердой уверенности в том, что нам нужен ребенок</i>						
Женщины						
1–2 балла	4,54	4,47	4,38	4,05	4,69	3,65
3 балла	4,21	4,33	4,62	4,31	4,58	3,91
4–5 баллов	4,07	4,50	4,69	4,61	4,54	3,80
Мужчины						
1–2 балла	4,25	3,64	4,03	4,09	4,28	3,05
3 балла	4,51	3,98	4,30	4,17	4,41	3,70
4–5 баллов	3,85	4,11	4,29	4,18	4,11	3,92

средне (3 балла). У мужчин при такой оценке этого фактора воспитание ребенка по значимости уступает только карьерному росту и интересному досугу.

У тех, кто считает, что трудности воспитания ребенка относительно сильно (4–5 баллов) влияют на принятие решения об откладывании рождения первого ребенка, наоборот, воспитание ребенка уступает по значимости интересному досугу, заграничным путешествиям, карьерному росту, а у женщин – еще и уделению себе достаточного внимания (табл. 10). Аналогичная ситуация с причиной откладывания рождения первого ребенка – «хочется хоть какое-то время пожить для себя». У тех, кто оценивает ее влияние как относительно слабое, воспитание ребенка превосходит по значимости все ценности, представленные в таблице 10. У мужчин это име-

ет место и при средней оценке (3 балла) ее влияния. У женщин при оценке степени влияния этой причины как средней или относительно высокой (4–5 баллов) значимость воспитания детей, наоборот, ниже, чем других ценностей, и превосходит по среднему баллу только «быть свободной, независимой и делать то, что хочется». У мужчин при относительно высокой оценке степени влияния этой причины на откладывание рождения первого ребенка значимость воспитания ребенка в среднем ниже ценностей карьерного роста, досуга, путешествий, внимания к себе и независимости.

Видимо, еще более выраженная причина длительного откладывания и потенциально возможного отказа от рождения даже единственного ребенка – «нет твердой уверенности в том, что нам нужен ребенок» – оценена

молодыми респондентами как несколько менее значимая, по сравнению с рассмотренными выше. Однако и это связано с соотношением значимости ценностей. Для тех, кто оценил ее влияние как относительно слабое (1–2 балла), значимость воспитания ребенка в среднем выше внимания к себе, независимости, путешествий, карьерного роста. Уступает она только интересному проведению досуга. При оценке влияния этой причины как относительно сильной (4–5 баллов) у мужчин значимость воспитания ребенка в среднем ниже всех перечисленных ценностей, а у женщин она выше только по сравнению с оценкой значимости независимости (см. табл. 10).

Представленные результаты свидетельствуют о том, что соотношение значимости ценностей (во многом определяемая ими система потребностей) зачастую являются значимым фактором, влияющим на восприятие тех или иных жизненных обстоятельств как мешающих или не мешающих иметь желаемое число детей причин откладывания рождения ребенка. Это, вероятно, нужно иметь в виду при разработке мер демографической политики, направленных на создание для молодежи более благоприятных условий реализации репродуктивных намерений. С одной стороны, влияние ценностных ориентаций будет накладывать существенные ограничения на возможную результативность этих мер. С другой стороны, проведенный анализ позволяет предположить возможность достижения лучших показателей при их направленности на совершенствование условий жизнедеятельности молодежи, молодых семей, так и на их ценностные ориентации, систему потребностей.

Уточнить результаты, полученные методом количественного исследования, позволяет качественный подход. Для выявления моделей репродуктивного поведения было опрошено 17 информантов, проживающих в Волгоградской области и Ставропольском крае. В опросе приняли участие мужчины и женщины в возрасте до 35 лет, представители молодых семей, только планирующие рождение детей; молодые семьи и семьи без статуса «молодая семья», где уже родился ребенок (несколько детей); одинокие родители и представители идеи чайлдфри. Качествен-

ные исследования позволяют выявить глубинные установки и мотивы, которые объясняют некоторые количественные данные. Анализ текстов интервью проводился с помощью метода осевого кодирования («репродуктивное поведение»).

Устойчивость семьи как социального института зависит от внешних условий (социально-экономическая, политическая ситуация в конкретный временной промежуток) и внутренних установок акторов, их опыта взаимоотношений в семье, наличия сестер и братьев, материальных условий проживания и т. д. Установки каждого из супругов формируются в процессе социализации и являются как основой, так и препятствием реализации репродуктивного поведения. При опросе представителей категории «молодая семья», были получены данные, позволяющие констатировать, что представления о репродуктивном поведении формируются в родительской семье. Молодежь, в свою очередь, долгое время остается под влиянием родительской семьи и, если сложились доверительные отношения, спрашивает совета у представителей старшего поколения. На вопрос о репродуктивных планах молодых семей, не имеющих детей, получены следующие ответы: *«Особенно мама мне говорила, сначала закончить университет, чтобы было образование, как-то более-менее состояться в жизни и только потом заводить детей... <...> ...Мне говорили с этим быть осторожнее»* (информант – женщина, 24 года, в браке, детей нет, Волгоградская область); *«Эту тему мы пока не поднимали, да и не думаю, что в ближайшее время нас это будет волновать... <...> ...В целом, а уж многодетное так особенно, довольно тяжелая ноша»* (информант – мужчина, 19 лет, в браке, детей нет, Волгоградская область); *«В отношении детей – родить в ближайшие года два... <...> ...Чтобы в финансовом плане быть стабильными... <...> ...Они в принципе молодые (о своих родителях. – В. А., Е. В., А. В.), чтобы нас темой внуков постоянно обременять... <...> ...наверное, хотели бы уже бабушки-дедушки, чем родители (чтобы в молодой семье появился ребенок. – В. А., Е. В., А. В.)»* (информант – женщина, 22 года, в браке, детей нет, Ставропольский край).

Многодетное родительство имеет под собой два основания. Первое – это сознательное планирование: *«Так как у меня не было родных братьев или сестер, как я раньше уже сказала, я мечтала о том, чтобы у меня была своя большая семья, и материнство...»* (информант – женщина, 27 лет, в браке, трое детей, Волгоградская область); *«Мы сошлись с супругой во мнении, что мы хотим троих детей, ну, еще изначально, до брака даже»* (информант – мужчина, 34 года, в браке, трое детей, Волгоградская область).

Второе – случайная беременность заканчивается родами, если для молодых людей аборт неприемлем; в иных случаях убежденность в том, что экономическое положение многодетных семей неблагоприятное, становится мотивом к прерыванию беременности: *«Я не задумывалась никогда о многодетной семье. Ну, если честно, я думала, один-два ребенка. Была больше склонна к одному ребенку»* (информант – женщина, 35 лет, в браке, трое детей, Волгоградская область).

Глубинные интервью раскрывают первичные планы: *«Детей планировала, наверное, двое-трое хотела, чтобы было, как у моих родителей в нашей семье»* (информант – женщина, 27 лет, разведена, один ребенок, Ставропольский край). Кроме того, информанты отмечают причины, по которым планы не реализуются, – распад семьи, ухудшение здоровья, материальные трудности и др. (более полную информацию можно получить из интервью с представителями старших возрастных групп).

Информанты подтверждают выводы российских ученых о том, что рождение первого ребенка произойдет вне зависимости от назначения мер поддержки и материнского капитала: *«Если честно, никак не повлияли. Хорошая поддержка, я не спорю, но так, чтобы колоссально, – такого нет»* (информант – женщина, 35 лет, в браке, трое детей, Волгоградская область). Остается еще один вопрос, актуальность которого состоит в том, чтобы повышать вероятность рождения второго и последующих детей, – позволит ли введение материнского капитала сдвинуть возраст рождения первого ребенка? Интересна проблема повышения рождаемости в семьях ради получения мер материальной поддерж-

ки. Если рассматривать ее, основываясь на данных опроса представителей семей с медианным доходом по региону, то материальное стимулирование не является причиной увеличения количества детей в семье. Более того, однодетные и двухдетные семьи, где оба супруга делают практически равный вклад в семейный бюджет, а также имеют доход, сопоставимый со средним по региону, отмечают: *«Опять-таки в большинстве своем мы рассчитываем на себя, на собственные силы. В конце концов это наш ребенок и нам его обеспечивать»* (информант – женщина, 22 года, в браке, один ребенок, Ставропольский край); *«Я и не собирался как-то получать эту помощь. Как по мне – слишком много бюрократии»* (информант – мужчина, 34 года, разведен, один ребенок (проживает с отцом), Волгоградская область).

В целом супруги и семьи, имеющие стабильные доходы, подтверждают, что увеличение количества детей связано не только с радостью, но и финансовыми проблемами: *«...были какие-то трудности, сталкиваюсь то есть постоянно, но это в порядке нормы, я думаю»* (информант – мужчина, 34 года, в браке, трое детей, Волгоградская область); *«...конечно есть нюанс, вот, который я не думал, что будет так, а оказалось все намного сложнее... <...> ...Есть семья, есть дети, конечно, есть там какие-то нюансы, тяжело конечно бывает временами...»* (информант – мужчина, 31 год, в браке, трое детей, Ставропольский край). Конечно, семьи с пограничными доходами нуждаются в поддержке: *«Единственное, всегда обидно было, что детские пособия, чтобы получать, должен быть МРОТ на члена семьи, а мы по нему всегда не проходили на 200 рублей или на маленькие суммы»* (информант – женщина, 28 лет, замужем, двое детей, Ставропольский край).

Отдельно стоит рассмотреть установки молодых людей, разделяющих идею чайлдфри: *«Это обременительно, так как это времязатратно (о детях. – В. А., Е. В., А. В.)... <...> ...К тому же мы с женой хотели бы попутешествовать... <...> ...К примеру, сходить в тот же в бар, сходить куда-то ночью или вечером поздно уже не получится... <...> ...Ну, и самое важное, наверное,*

это ответственность как минимум за другого человека... <...> ...Чтобы этот человек вырос, ладно хорошим – это относительно, вырос нормальным человеком, который сможет социализироваться. Я считаю, что это очень и очень трудоемкий процесс. Наверное, так» (информант – мужчина, 28 лет, женат, детей нет, Волгоградская область); *«У меня немного другие цели в жизни. Я хочу свое внимание направить больше на карьерный рост, хочу больше заботиться о себе, увидеть мир, поэтому я думаю, что дети будут мешать таким целям»* (информант – женщина, 20 лет, не в браке, детей нет, Волгоградская область); *«Я, возможно, никогда не буду готова к этому. Это еще огромная ответственность, я за себя-то постоять не могу, мне до сих пор кажется, что мне лет 17»* (информант – женщина, 23 года, не в браке, детей нет, Ставропольский край); *«Я с детства не люблю детей. Я не знаю. Мне не нравится их запах. Мне не нравятся их крики, и тем более, как ни воспитывай ребенка, все равно не известно, что из него вырастет в конечном итоге, и поэтому это просто игра в рулетку»* (информант – мужчина, 28 лет, не в браке, детей нет, Ставропольский край). Причины, которые указывают информанты, классические для обоснования более позднего рождения ребенка или отказа от рождения большего количества детей, только возведенные в абсолют. Тем не менее некоторые информанты, разделяющие идею чайлдфри, допускают, что их решение может со временем измениться (информанты отбирались через социальные сети, критерий отбора – актер состоит в сообществе, где обсуждаются идеи чайлдфри, активно принимает участие в дискуссии). Таким образом, молодежь ищет пути самореализации, возможно, данные вопросы лучше обсуждать с молодежью открыто, в образовательных учреждениях.

На основании анализа 17 конкретных жизненных историй семей можно сделать вывод, что представления о репродуктивном поведении в семье в основном формируются до брака. Выявлено два типа установок: создать семью, подобную родительской; создать семью, которая отличается от родительской. Положительный опыт детско-родитель-

ских отношений, лежащий в основе первого намерения, приводит к тому, что молодые семьи находятся продолжительное время под влиянием старшего поколения, а следовательно, воспроизводится стандартная российская модель одно- или двухдетной семьи.

Данные массового опроса также не дают оснований для прогноза роста численности населения – молодые люди собираются иметь менее 2 детей, при этом даже такие репродуктивные намерения не всегда могут быть реализованы. Идеальное желаемое количество детей чуть выше, но, оценивая возможность реализации репродуктивных планов, молодые люди называют традиционные препятствия, такие как материальные и жилищные трудности, ведущие к снижению числа планируемых детей. В ходе массового опроса выявлены специфические причины отложенных рождений: у мужчин – отсутствие работы, у женщин – неуверенность в завтрашнем дне. Не менее значимым фактором для снижения репродуктивных намерений является стремление достичь успехов на работе. Выявлена корреляционная зависимость ценности карьерного роста (по 5-балльной шкале) и желаемого числа детей, а также ярко прослеживаются зависимости по другим индикаторам (образование, досуг и др.). Для российской молодежи существенной причиной становится психологическая неготовность к воспитанию ребенка. Данные, полученные в массовом опросе, уточняются в ходе глубинного интервью с последователями идеи чайлдфри, у которых психологическая неготовность – один из ведущих факторов отказа от деторождения.

Влияние таких причин, как материальные и жилищные трудности, ведет к отложенному родителству или отказу от рождения последующих детей. Если же откладывать рождение ребенка достаточно длительное время, то последующие рождения могут не состояться из-за объективных причин другого порядка – потеря фертильности, распад семьи («отсутствие супруга»). Причины отложенного рождения первого ребенка имеют ту же иерархию, что и причины отказа от последующих детей, но ценность для акторов рождения первого ребенка в среднем существенно выше, чем ценность рождения последующих детей.

Только рассматривая два показателя во взаимосвязи, можно объяснить факт того, что даже если материальное благополучие полностью не удовлетворят акторов, то рождение первого ребенка все-таки происходит.

Таким образом, рассматривая комплекс причин, мешающих реализации репродуктивного поведения (материальные, жилищные, карьерные, психологические и т. д.), во взаимосвязи с оценками по фиксированным шкалам конкретных репродуктивных намерений (рождение первого, второго, третьего ребенка и т. д.) можно создавать гибкую систему мотивации к деторождению, разрабатывать эффективные меры поддержки семьи, изменять правила назначения этих мер для многодетных семей, подготавливать программы нематериального стимулирования рождаемости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, RSF, in the framework of the scientific project no. 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of Russia’s national security”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов 2005 – Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Антонов, Карпова, Ляликова 2021 – Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. № 1. С. 121–131.
- Багирова, Шубарт 2017 – Багирова А.П., Шубарт О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7 (399). С. 126–131.
- Белова, Дарский 1972 – Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.
- Грушин 1967 – Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во полит. лит., 1967.
- Максимов 2019 – Максимов В.В. Рискологический анализ репродуктивного поведения студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 146–149.
- Ростовская, Саралиева 2018 – Ростовская Т.К., Саралиева З.Х.М. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) // Вестник ВЭГУ. 2018. № 3 (95). С. 89–96.
- Столярчук, Алешина, Федосеева 2020 – Столярчук Л.И., Алешина Л.И., Федосеева С.Ю. Формирование репродуктивной культуры как аспекта психического здоровья учащейся молодежи: целостный и гендерный подходы // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 65.
- Трухан 2019 – Трухан Е.А. Проблема достоверности результатов при использовании личностных опросников // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 134–140.
- Ушакова 2020 – Ушакова В.Р. Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 3. С. 322–328.
- Филиппченкова, Евстифеева 2020 – Филиппченкова С.И., Евстифеева Е.А. Поведенческие аттитюды и демографические экспектации современной студенческой молодежи: опыт исследования // Образование XXI века в ситуации неопределенности: традиционализм, инноватика, многовекторность развития. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2020. С. 182–186.
- Beaujouan, Berghammer 2019 – Beaujouan E., Berghammer C. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach // Population Research and Policy Review. 2019. No. 38. P. 507–535. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.
- Beaujouan, Solaz 2019 – Beaujouan E., Solaz A. Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century // Demography. 2019. No. 56. P. 595–619. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>.
- Lebano, Jamieson 2020 – Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement Narratives // Population and Development Review. 2020. No. 46 (1). P. 121–144. DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12313>.
- Puig-Barrachina et al. 2019 – Puig-Barrachina V., Rodriguez-Sanz M., Dominguez-Berjon M.F., Martin U., Luque M.A., Ruiz M., Perez G. Decline in Fertility Induced by Economic

- Recession in Spain // *Gaceta Sanitaria*. 2019. No. 34 (3). P. 238–244. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gaceta.2019.05.011>.
- Salvati et al. 2019 – Salvati L., Carlucci M., Serra P., Zambon L. Demographic Transitions and Socioeconomic Development in Italy, 1862–2009: A Brief Overview // *Sustainability*. 2019. No. 11 (1). P. 242. DOI: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/1/242>.
- REFERENCES**
- Antonov A.I., 2005. *Microsociology of the Family*. Moscow, INFRA-M.
- Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V., 2021. The Gap Between Desired and Actual Level of Families Well-Being According to the Results Sociological and Demographic Married Couples Survey. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 1, pp. 121-131.
- Bagirova A.P., Shubat O.M., 2017. Family and Parenting in the Light of the Students Views. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7 (399), pp. 126-131.
- Belova V.A., Darskii L.E., 1972. *Opinion Statistics in the Study of Fertility*. Moscow, Statistika.
- Grushin B.A., 1967. *Opinions About the World and the World of Opinions*. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literatury.
- Maksimov V.V., 2019. Riskological Analysis of Reproductive Behavior of Students Youth. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 1, pp. 146-149.
- Rostovskaya T.K., Saralieva Z.Kh., 2018. Value Orientations of the Youth of Nizhny Novgorod Region (Results of Regional Sociological Research). *Vestnik VEGU*, no. 3 (95), pp. 89-96.
- Stolyarchuk L.I., Aleshina L.I., Fedoseeva S.Y., 2020. Formation of Reproductive Culture As an Aspect of Mental Health of Students: Holistic and Gender Approaches. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2, p. 65.
- Truhan E.A., 2019. The Problem of Validity Results When Using Personality Inventories. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, no. 1, pp. 134-140.
- Ushakova V.R., 2020. Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, vol. 20, no. 3, pp. 322-328.
- Filippchenkova S.I., Evstifeeva E.A., 2020. Behavioral Attitudes and Demographic Examinations of Modern Students: A Research Experience. *Obrazovanie XXI veka v situatsii neopredelennosti: traditsionalizm, innovatika, mnogovektornost razvitiya*. Lipetsk, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tian-Shanskogo, pp. 182-186.
- Beaujouan E., Berghammer C., 2019. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. *Population Research and Policy Review*, vol. 38, pp. 507-535. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.
- Beaujouan E., Solaz A., 2019. Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century. *Demography*, no. 56, pp. 595-619. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>.
- Lebano A., Jamieson L., 2020. Childbearing in Italy and Spain: Postponement Narratives. *Population and Development Review*, vol. 46 (1), pp. 121-144. DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12313>.
- Puig-Barrachina V., Rodriguez-Sanz M., Dominguez-Berjon M.F., Martin U., Luque M.A., Ruiz M., Perez G., 2019. Decline in Fertility Induced by Economic Recession in Spain. *Gaceta Sanitaria*, vol. 34 (3), pp. 238-244. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gaceta.2019.05.011>.
- Salvati L., Carlucci M., Serra P., Zambon L., 2019. Demographic Transitions and Socioeconomic Development in Italy, 1862–2009: A Brief Overview. *Sustainability*, vol. 11 (1), p. 242. DOI: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/1/242>.

Information About the Authors

Vladimir N. Archangelsky, Candidate of Sciences (Economics), Head of Department of the Fertility and Reproductive Behavior, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, 119333 Moscow, Russian Federation; Leading Research Fellow, International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82/5, 119571 Moscow, Russian Federation; Researcher, Department of Demography, Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health Protection of the City of Moscow, Sharikopodshipnikovskaya St, 9, 115088 Moscow, Russian Federation, archangelsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilievaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Anna E. Vasilieva, Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, vasilievaanev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0755-4773>

Информация об авторах

Владимир Николаевич Архангельский, кандидат экономических наук, руководитель отдела рождаемости и репродуктивного поведения, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, 119333 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82/5, 119571 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник отдела демографии, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, ул. Шарикоподшипниковская, 9, 115088 г. Москва, Российская Федерация, archangelsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilievaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Анна Евгеньевна Васильева, студент социологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, vasilievaanev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0755-4773>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

UDC 316.4.06
LBC 60.52

THE PHENOMENON OF ENVIRONMENTAL ACTIVISM IN THE PERSPECTIVE OF SOCIOLOGICAL DISCOURSE¹

Larisa V. Loginova

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation

Veronika V. Scheblanova

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of environmental activism through the prism of significant sociological concepts. In the logic of social action theories, environmental activism is understood as proactive, goal-oriented social actions and interactions of citizens and organizations carried out in the interests of solving environmental problems. The emphasis is on self-organization, mobilization and coordination of joint actions of communities carried out to achieve relevant environmental goals. The concept of social justice reveals the connection of environmental activism with the fight against environmental discrimination in society for the expansion of rights to a favorable environment; considers it as a “public environmental resistance” to actions / inactions of government and/or business that lead to environmental degradation, the movement for environmental justice. From the standpoint of the theory of social conflict eco-activism is considered a product of the socio-ecological split in a society based on inequality, a manifestation of the negative effects of the environmental crisis on civic activity, a consequence of high conflict tension due to deep contradictions between the ecological ideal and reality. Within the framework of risk sociology eco-activism is justified by the society’s desire to minimize social risks and destructions determined by environmental factors. The analysis of eco-activism through the prism of sociological concepts creates a general idea of the diversity of scientific approaches to the consideration of rapidly changing forms of public participation in the protection of the ecosystem under the influence of the coming digital age. The conclusion is made about the need for an integrative understanding and the study of social eco-activism as proactive goal-oriented collective actions of pro-environmentally minded agents undertaken in order to optimize the relationship between society and nature through positive and destructive social practices of eco-protective participation in the real environment and the Internet space.

Key words: environmental activism, social activism, pro-environmental civic participation, environmental discrimination, radical eco-activism, online eco-activism.

Citation. Loginova L.V., Scheblanova V.V. The Phenomenon of Environmental Activism in the Perspective of Sociological Discourse. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 112-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

УДК 316.4.06
ББК 60.52

ФЕНОМЕН ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

Лариса Викторовна Логинова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Вероника Вячеславовна Щепланова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ экологического активизма через призму значимых социологических концепций. В логике теории социального действия под экологическим активизмом понимаются ини-

циативные целеориентированные социальные действия и взаимодействия граждан, организаций, осуществляемые в интересах решения экологических проблем. Акцент делается на самоорганизации, мобилизации и координации совместных действий общностей, направленных на достижение актуальных экологических целей. Концепция социальной справедливости раскрывает связь экологического активизма с борьбой против экологической дискриминации в обществе, за расширение прав на благоприятную окружающую среду; рассматривает его как «общественное экологическое сопротивление» действиям / бездействиям власти и/или бизнеса, приводящим к ухудшению экологической обстановки, движение за экологическую справедливость. С позиций теории социального конфликта эоактивизм – это продукт социально-экологического раскола в основанном на неравенстве обществе, проявление негативных эффектов воздействия экологического кризиса на гражданскую активность, следствие высокой конфликтной напряженности из-за глубоких противоречий между экологическим идеалом и действительностью. В рамках социологии риска эоактивизм обосновывается стремлением общества минимизировать детерминированные экологическими факторами общественные риски и деструкции. Анализ эоактивизма через призму социологических концепций создает общее представление о разнообразии научных подходов к рассмотрению стремительно меняющихся под влиянием наступающей цифровой эпохи форм общественного участия в защите экосистемы. Сделан вывод о необходимости интегративного понимания, изучения социального эоактивизма как инициативных, целеориентированных коллективных действий проэкологически настроенных агентов, предпринимаемых в целях оптимизации отношений между обществом и природой через позитивные и деструктивные социальные практики экозащитного участия в реальной среде и интернет-пространстве.

Ключевые слова: экологическая активность, социальная активность, проэкологическое гражданское участие, экологическая дискриминация, радикальный эоактивизм, онлайн-эоактивизм.

Цитирование. Логинова Л. В., Щебланова В. В. Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 112–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

Введение

Глобальные экологические проблемы лидируют в списке вызовов и угроз планетарного масштаба. С обострением экологических ситуаций, их эпидемиологического значения и осознанием социальной ценности природы динамично возрастает уровень экологической обеспокоенности общества, социальной эоактивности созидательной и деструктивной направленности. Экологический нигилизм российского общества под влиянием экологизации общественного сознания трансформируется в социальный эоактивизм, предъявляющий государству общественный заказ на благоприятную и безопасную среду обитания, экологически ориентированную политику развития регионов, минимизирующую экологические риски.

Связанные с экологической обстановкой накапливающиеся социальное напряжение и неудовлетворенность в российском обществе подтверждают и статистические данные российских исследовательских центров. Опрос ФОМ об отношении россиян к экологической ситуации в мире (октябрь 2019 г.; $N = 1500$) показал, что только 4 % опрошенных оценивают

как хорошую, тогда как 50 % – как плохую. Готовность выйти на митинги в защиту окружающей среды демонстрируют 34 % (40 % из них – в возрастной когорте 18–30 лет) опрошенных [Глобальные проблемы экологии... web]. По данным опроса «Левада-Центра» (февраль 2020 г.; $N = 1614$), экология и утилизация мусора (наряду с проблемами коррупции и недостаточным социальным обеспечением) оказались в числе самых острых общественных проблем, требующих большего освещения в СМИ, Интернете [Волков web].

Интервьюируемые студенты-активисты, в числе которых были волонтеры, члены экологических движений (июнь – июль 2019 г.; $N = 40$), демонстрируют готовность выступить в поддержку протестных акций с требованиями усиления мер по экологической защите населения. Согласно данным опроса экспертов (август – сентябрь 2019 г.; $N = 31$), в перспективе риск деструктивности в развитии гражданского активизма будет обусловлен усугублением проблем экологического характера [Логинова, Щебланова, Суркова 2019, 251–252].

Разочарованные реформистскими мерами, радикальные экологические группы (по-

литические экологи) все чаще используют тактику прямого действия (сидячие забастовки «деревьев», дорожные блокады, таран судов и «экотаж») (или саботаж оборудования и имущества)). В результате этих действий экологически разрушительная деятельность становится экономически нежизнеспособной [Alberto 2020]. Сторонники эоактивизма инициируют не только в оффлайн-, но и в онлайн-пространстве социально-политические экособытия, дискурсы, действия, междисциплинарная оценка которых вызывает необходимость проведения социологических исследований [Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева 2020].

Целью данного исследования выступает социологическая концептуализация экологической активности населения на основе комплексного анализа теоретических подходов в объяснении развития эоактивизма как формы социальной активности. Достижение этой цели позволяет определить социальный механизм конструирования экологического активизма, основные элементы и ресурсы его сетевой инфраструктуры, причины и формы проявления, учитывающего формирование новых дискурсов экологической угрозы и признаков радикализации как в реальной, так и виртуальной среде.

Экологический активизм в логике теорий социального действия

В рамках концепции социального действия (М. Вебер, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, А. Шюц) в экосоциальных исследованиях экологический активизм рассматривается как экологически ориентированное социальное действие, предполагающее направленность (положительную, отрицательную) и опыт эоактивистской деятельности [Ефременко 2009; Шатилов 2019]. Конструирование экологического активизма происходит через осуществляемые субъектами экологического действия социально-экологические связи и взаимодействия со средами их обитания и друг с другом, различные формы солидарного общественного участия в решении экологических проблем. С учетом этих особенностей категорию «экологический активизм» правильнее обозначить как «социальный эоактивизм».

С учетом кризисных тенденций социально-экологической динамики и в условиях нарастания темпов техногенного и антропогенного воздействия на окружающую среду возникает социальный феномен, который можно назвать социально-экологической деструктуризацией, предполагающей проактивные действия по трансформации структуры социально-экологических отношений. Это может отражаться как в формировании новых проэкологических личных практик, так и в формах проявления радикального эоактивизма.

В соответствии с деятельностным подходом социальная эоактивность анализируется в контексте экологических установок, ценностей и интересов, обуславливающих различные модели экологического участия субъектов: от традиционной экологической активности общественности (эосоциальный активизм) до индивидуального (частного) инвайронментализма, продвигающего практики раздельного сбора бытовых отходов, установки «умных» счетчиков, приобретения энергосберегающей техники, «органических» продуктов, и проэкологического поведения организаций, предприятий, нацеленного на снижение вреда от хозяйственной деятельности, антропогенного воздействия и на восстановление природы. Необходимо принимать во внимание и антиэкологическое поведение в виде социальных практик и действий, связанных с нерациональным природопользованием, потребительским отношением к природе, хищническим использованием ресурсов, приводящим к их истощению и накоплению большого количества отходов [Ермолаева П., Ермолаева Ю. 2019, 326].

Особенности практик социально-экологических взаимодействий обусловлены спецификой условий их формирования. Социальный эоактивизм развивается на территории конкретного местного сообщества – своеобразного экопространства интересов совместного проживания, обуславливающих установление социального порядка использования ресурсов в хозяйственной деятельности и выступающих объединяющей силой образования регионального сообщества, интегрального мезосубъекта национальной общественной системы [Логина 2012, 102]. В этой связи социальный эоактивизм представляется закономерным

результатом развития местного сообщества, осознания им экологических угроз, роста беспокойности из-за деградации экологической обстановки, порождаемой бездействием властей, несоординированной экологической политикой на федеральном и региональных уровнях, а также на уровне хозяйствующих субъектов. На волне роста интереса общественности к природоохранной проблеме рождаются новые партии и общественные движения, целенаправленно обостряющие экологические вопросы, способствующие радикализации общественных настроений.

Радикальный экологический активизм предполагает социальные действия против антиэкологического поведения. Существует деление экоактивистов на «светло-зеленых», или «реалистичных защитников окружающей среды» (Всемирный фонд дикой природы), и «темно-зеленых», или «фундаменталистов – защитников окружающей среды», менее склонных вести переговоры с государством, стремящихся противостоять правительствам, корпоративным силам и разрушать их. Эти активисты используют наиболее провокационные методы демонстрации протеста, их методы инакомыслия менее предсказуемы, часто незаконны (с точки зрения государства) [Hasler, White, Walters 2019].

Таким образом, как и любая форма социальной активности, экоактивизм складывается из человеческих взаимодействий и отношений, которые проявляются в экоориентированном образе жизни и проэкологическом общественном участии, вплоть до эко-радикализма.

Экологический активизм за восстановление экологической справедливости

В зарубежной экосоциологии широкое распространение получила парадигма социально-экологической справедливости как проявления более общей универсалии – «социальной справедливости». Экоактивизм рассматривается как деятельность против экологической дискриминации в обществе, за защиту права на благоприятную окружающую среду всех членов общества, восстановление экологической справедливости. Социально-экологи-

ческая дискриминация проявляется в меньших шансах реализовать права на благоприятную окружающую среду для малообеспеченных социальных групп. Депрессивные территории не привлекательны для инвестиционных вложений в улучшение жизненной среды, а их жители оказываются «привязанными» к неблагоприятной рискованной зоне, так как не могут сменить место жительства из-за отсутствия для этого средств [Taylor 2000]. Так, малочисленные народы Севера, несмотря на обилие защищающих их интересы нормативных актов, на практике в противостоянии с газодобывающими компаниями оказываются бессильными [Магомедов, Токунага 2020, 76].

Используя грязные технологии бизнес целенаправленно размещает производство на «слабых» территориях, где местные сообщества недостаточно активны, не имеют ресурсов сопротивления. Пользуясь этой «слабостью», не проявляя заботу об экологическом будущем, продолжая загрязнять природу, бизнес избегает уголовного преследования, ограничиваясь небольшими штрафами. Реализация экологической политики, по сути, носит локальный характер, а ее качество зависит от препятствий на уровне конкретных местных сообществ, их социальной экоактивности [Rootes 2007]. В противостоянии местных сообществ и крупного бизнеса государство часто принимает сторону бизнеса, руководствуясь интересами обеспечения условий для экономического роста в ущерб природной среде. На волне этого противоборства и формируется социальный экоактивизм. Разрушение природной среды, как правило, происходит на территориях, не обладающих активами для консолидации местного сообщества на противостояние «хищническому» бизнесу [Saitta 2012]. Некоторые авторы предлагают условия, в которых компромисс может сыграть позитивную роль в продвижении проэкологической повестки дня вперед в духе социальной экосправедливости [Dereniowska, Matzke 2017].

В русле парадигмы экологической справедливости радикальный экологический активизм – это своеобразное «народное экологическое сопротивление» действиям / бездействию власти и/или бизнеса, приводящим к экологической дискриминации в обществе,

каким стали, например, такие движения, как «Экологическая справедливость», «Движение за экологическую справедливость», «Назад к Земле» [Taylor 1995].

Считается, что более эффективным способом решения экологической проблемы может стать расширение экологических прав для местных сообществ с высокими экологическими рисками и угрозами. В этом случае достижение экологической справедливости возможно при соблюдении следующих условий: 1) общественное распределение экологических рисков; 2) учет экоразнообразия местных сообществ и их опыта социальной экоактивности; 3) политизация экологических рисков территорий за счет участия местных сообществ в формировании и проведении экологической политики [Schlosberg 2004]. При отсутствии возможности для общественности выразить недовольство экологической ситуацией демократическими способами, перспектив решения накапливающихся экологических проблем происходит радикализация социального экоактивизма.

Радикальный экологический активизм как результат социально-экологического раскола

Основываясь на теории социального конфликта (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг, М. Крозье, А. Турэн), экоактивизм рассматривается как проявление социально-экологического конфликта, означающего противостояние несовместимых интересов социальных общностей, групп, выражающееся в борьбе за контроль природных ресурсов, за благоприятные условия окружающей среды. В исследованиях О.Н. Яницкого дается прогноз, что на Земле уже в обозримом будущем произойдет значительное сужение пригодных для жизни пространств на фоне роста территорий, занятых промышленными и бытовыми отходами, добычей природных ископаемых, военными конфликтами [Яницкий 2014]. Ресурсная конкуренция ведет к экологической деградации, увеличению числа новых экополитических конфликтов, о чем свидетельствуют «ресурсные войны» первых двух десятилетий XXI в. на Ближнем Востоке; появление «экофашистских» группировок, выступающих

под лозунгами защиты природы за установление экологической диктатуры, нередко прибегающих к силовым методам [Вититнев, Козьякова 2018, 273–274].

Деструктивные и экстремистские аспекты идеологии экологизма, функционирования экологических организаций в России и за рубежом раскрываются многими авторами в контексте «зеленой» темы. А.Б. Шатилов выделяет следующие формы политической и квазиполитической активности современных «зеленых» с деструктивной направленностью (радикальных экоактивистов): 1) экополитические и экоидеологические манипуляции; 2) поддержание нездорового «экологического алармизма» в целях дезориентации общества; 3) прямые акции в отношении крупных, стратегически важных бизнес-игроков; 4) участие в свержении неугодных их спонсорам политических режимов (в «цветных революциях»); 5) экотерроризм; 6) прикрытие для разведывательной деятельности государств на иностранной территории, промышленный и экологический шпионаж под видом международного научного сотрудничества [Шатилов 2019, 71].

Критерием, градусом радикализации экоактивизма является уровень социальной эконапряженности общества, характеризующий обусловленное экологической ситуацией психологическое состояние людей, степень удовлетворенности социума состоянием дел или ходом развития событий в экологической сфере, осознания конкретной общностью экологических угроз [Сосунова 2005, 98]. Ущемление социально-экологических интересов мобилизует к протестным действиям, приводит к групповой консолидации и оказанию сопротивления.

В конфликтологической теории причин радикального социального экоактивизма ключевой категорией выступает социальное неравенство. Экологический раскол рассматривается как продукт социального раскола. Механизмы и формы формирования экоактивистских групп обусловлены неравномерным распределением между территориями экологических выгод и рисков. В силу этого одни поселения (территории экологических рисков) остаются депрессивными, другие (территории экологических выгод) процветают за счет активной эксплуатации природных ресурсов, или использования благоприятной экологической среды

как имиджевого ресурса, становясь центрами притяжения для новых жителей [Mih 2011].

В современных условиях роли эоактивистов изменяются. С одной стороны, их ресурсы и технологии используются государственными органами для содействия выявлению, мониторингу и судебному преследованию экологических преступлений. Социальный эоактивизм стал квазиинструментом государственной политики в предупреждении экологической преступности. С другой стороны, экологические активисты стали мишенью для правоохранительных органов как «экоотеррористы» и идеологические борцы, препятствующие экономическому процветанию частного предпринимательства. В этих случаях экологические активисты воспринимаются как угроза для стремящихся получить прибыль за счет эксплуатации природных ресурсов корпораций и государственных структур. Таким образом, отношения между теми, кто стремится защитить окружающую среду, и государством парадоксальны – предполагают сотрудничество и принуждение, динамизм и опасность [Hasler, White, Walters 2019]. Отмечается рост числа эоактивистов, которые были убиты, привлечены к уголовной ответственности, подвергнуты травле, судебному преследованию или иным формам запугивания за деятельность по защите окружающей среды и экологических прав человека. По данным правозащитной организации «Global Witness», наибольшее число убийств эоактивистов зафиксировано в 2019 г. (212 человек) [Defending Tomorrow... web].

В обществах с высоким уровнем коррупции закрепляется своеобразная культура безнаказанности в отношении лиц, убивающих защитников окружающей среды, отстаивающих интересы горнодобывающей промышленности, агробизнеса, мафии, занимающейся незаконными вырубками леса, строительством плотин. Следовательно, радикальный эоактивизм – это своеобразное соревнование в осмыслении природы и социальной конструкции активности, девиантности и вреда. Активистские экологические акции осуществляются в конкретных географических регионах, где «девиантное» и «преступное» являются «дрейфующими» понятиями; сами активисты живут в окружающей среде, ко-

торая порождает различные социальные объяснения тому, как они и общество в целом должны взаимодействовать с остальной природой [Cianchi 2016].

Экологические конфликты в силу своей двойственности, как все социальные конфликты, выполняют не только деструктивные функции (углубление враждебности в обществе, снижение эффективности деятельности предприятий), но и конструктивные, становясь источником социального сплочения вокруг экологического вопроса, привлечения внимания к экологическим проблемам и в последующем позитивного влияния на экологическую ситуацию.

Перспективы и аналитические возможности интегративной теории социального эоактивизма

Экологическая реальность XXI в. актуализирует вопрос о способности человечества снизить уровень рискогенности из-за экологических угроз, обостряющихся под влиянием глобализации, углубления неравенства, появления новых видов неравенства, новых страт – риск-производителей и риск-потребителей. Поиски ответа на этот вопрос привели к попыткам создания интегрированного подхода к изучению социоэкологических проблем, синтезирующего достижения социологии, биологии, экологии, экономики, географии. В этой связи следует отметить теорию О.Н. Яницкого, согласно которой общество представляет собой социобиотехническую систему (СБТ-систему), рискогенный характер которой обусловлен взаимодействием природного, технического и социального факторов с ведущей ролью человеческого фактора, отличающегося внутренней асимметрией. Социально-демографические, социально-экономические, социально-политические явления и процессы испытывают воздействие «полезности» / «неполезности» метаболических трансформаций, порождаемых иницируемыми человеком изменениями. Такие трансформации периодически сопровождаются критическими ситуациями, рисками глобального характера. Поэтому социологическая методология должна включать комплексный анализ локального и глобального с использова-

нием метода изучения случая (уровень локальных местных сообществ и их экоинтересов) в контексте общемировых тенденций глобального развития и межгосударственных противоречий [Яницкий 2016].

В фокусе интегративного подхода прослеживаются следующие стратегии развития социального экоактивизма: 1) социально-политическая экспансия – выход за пределы локального уровня, политизация местного экологического вопроса и его решение на уровне политики государства [Rootes 2013]; для привлечения внимания широкой общественности местные экоактивисты локальную экологическую угрозу включают в политическую повестку дня, характеризуя ее как всеобщую, универсальную [Johnson, Frickel 2011]; 2) расширение экоактивизма на низовом уровне за счет вовлечения широкой общественности – местные экоактивисты актуализируют экологические проблемы в контексте экологической несправедливости, неравенства, создают социальные группы для сбора ресурсов, обмена опытом [Schlosberg 1999]; налаживание тесных связей между экоактивистами, формирование структурной организации ограничиваются локальностью проблем и отсутствием ресурсов [Nicholls 2009].

В разнообразных социологических работах актуализировано изучение экологического дискурса в социальных сетях, представлены попытки квалифицировать дискурс, применяя методы наблюдения и сравнения. Выявлено, что тема экологии зачастую становится центральной в социально-политическом (чаще всего оппозиционном) российском дискурсе [Ефременко 2009; Щепланова, Логинова, Суркова 2020].

Политизированный социальный экоактивизм использует разные формы гражданского участия: создание онлайн-петиций, формирование экогрупп в социальных сетях [Гольбрайх 2016]; ведение экоблогов (Гринпис и WWF); вовлечение новой аудитории посредством сторителлингов (занимательные истории из реальной жизни), геймификации (викторины, тесты), эффектов перформанса и визуализации с ориентацией на массовость и зрелищность [Хакимова 2018; Сергеева 2019]; сетевые экопротесты («Голос тундры» в социальной сети «ВКонтакте») [Магомедов, То-

кунага 2020, 76]; климатические онлайн-протесты («digital strike» или «climate strike online», инициированные Гретой Тунберг в связи с пандемией); онлайн-митинги (размещение жителями Ростова-на-Дону комментариев на карте платформы «Яндекс.Навигатор», относящихся к зданию местной администрации, с распространением практики на другие регионы). Перечисленные механизмы могут использоваться властью с целью сублимации экопротестных настроений.

Социальный экоактивизм как механизм реагирования общества на социально значимые проблемы развивается и в форме событийного экологизма. В этом случае экологические организации образуют сетевые экосообщества, инициирующие и формирующие оппозиционный дискурс, наполняя контент информацией об экологических происшествиях, сопровождающихся нанесением вреда, угрожающего жизни и здоровью людей; об инициируемых властными структурами управленческих решениях, противоречащих интересам большинства граждан. Как правило, событийный экологический дискурс наполнен различного рода информацией, обличающей власти в некомпетентности, коррупции [Каминская 2019].

Таким образом, потребность в интегративной социологической интерпретации социального экоактивизма исходит из необходимости и целесообразности понимания различных социальных контекстов и дискурсов, углубляющих представление о социальном механизме проэкологического поведения, формах проявления, факторах и рисках радикализации.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет отметить, что в русле социологических концепций социальный экоактивизм рассматривается прежде всего как порождение экологического кризиса в обществе, являющегося кризисом социальным по своим причинам и сущности. Социальный экоактивизм – это выражение коллективного недовольства, общественного несогласия с экологической ситуацией, действиями / бездействиями власти и бизнеса в этой сфере, оно порождает волны направленного на нейтрализацию экологических угроз социального экопротеста.

С ростом экологической напряженности в обществе экоактивность нередко перерастает в массовый социальный экопротест и экологический радикализм. Причиной, как правило, становится обострение противоречий интересов местных сообществ, властных структур и бизнеса в вопросах текущего состояния экологии и перспективах его улучшения; неспособность власти наладить конструктивный диалог с обществом при попытке урегулировать актуальные экологические проблемы города, района, исправить социально-экологическую несправедливость. Социальный экопротест приобретает массовый характер за счет мобилизации местных сообществ в поддержку экологических требований, выдвигаемых представителями власти или бизнесу. Возглавить социальные экопротесты могут как общественные группы, отстаивающие экологические интересы, так и политические партии, проэкологические организации. В условиях деиндустриализации страны экологические протесты, блокирующие инвестиционные проекты в депрессивных регионах и городах (в Саратовской области, Челябинской области, Асбесте Свердловской области, Кузбассе, Пскове), становятся существенными препятствиями для социально-экономического развития территорий.

Экологическая социальная активность может протекать как в реальной среде в форме различных способов демонстрации гражданского неповиновения, пикетов, протестных акций, так и в интернет-пространстве (цифровой экоактивизм в формах «кликтивизм», «ботивизм», «хактивизм», «цифровые петиции», сетевые протесты). При этом можно выделить форму позитивной социальной экоактивности, призванную координировать организацию гражданских инициатив для решения экологических проблем (по спасению о. Байкал, р. Волга), интернет-мобилизации в условиях природных катастроф (создание карт помощи пострадавшим от пожаров, наводнений). В условиях пандемии коронавирусной инфекции наблюдается смещение социальной активности в интернет-пространство. Все это расширяет мониторинговое поле социально-экологических проблем, противоречий, конфликтов через включение в исследовательскую повестку проэкологического онлайн-активизма, экологических дискурсов, присутствующих в

старых и новых медиа, на интернет-порталах, форумах сетевых сообществ.

Развитие методологии социологических исследований социального экоактивизма видится в применении гибридных исследовательских стратегий, предусматривающих междисциплинарность, триангулятивность, взаимосвязанность анализа социального экоактивизма в реальной и цифровой среде. Такая комплексная методология позволяет дать объективную оценку социальной эконпряженности в обществе, степени остроты экологических проблем, обуславливающих уровень экоактивизма, его позитивную или деструктивную направленность; обеспечить поиск наиболее эффективных путей устранения экологической дискриминации в обществе, сохранения социального экоравновесия, согласования противоречивых социально-экологических интересов различных социальных групп и общностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31219 «Деструктивная гражданская активность студенческой молодежи в регионе: диагностика и модель».

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the ANO EISS in the framework of the scientific project No. 19-011-31219 «Destructive civic activity of students in the region: diagnosis and model».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вититнев, Козьякова 2018 – *Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С.* Экоциальные риски и деструкции современности в осмыслении перспектив гармонизации отношений человека и природы в идеологии «зеленого» движения в ФРГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. №4. С. 272–284. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284.
- Волков web – *Волков Д.* Гражданская активность и общественные проблемы [Пресс-выпуск «Левада-Центр». 27.04.2020] // <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnosti-obshhestvennye-problemy/>.
- Глобальные проблемы экологии... web – Глобальные проблемы экологии. Мнения россиян об

- изменении климата и других мировых экологических проблемах [«ФОМнибус». 31.10.2019] // <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281>.
- Гольбрайх 2016 – *Гольбрайх В.Б.* Экологический активизм: новые формы политического участия // *Власть и элиты*. 2016. Т. 3. С. 98–120.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева 2020 – *Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О.* Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю. 2019 – *Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В.* Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.
- Ефременко 2009 – *Ефременко Д.В.* Экоциальные исследования и анализ эколого-политических дискурсов // *Социологический ежегодник*. 2009. С. 357–375.
- Каминская 2019 – *Каминская Т.Л.* Коммуникативные тренды российского экологического PR // *Мир русского слова*. 2019. № 2. С. 32–36.
- Логинава 2012 – *Логинава Л.В.* Региональная политика как механизм реализации интересов регионального сообщества // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2012. № 1. С. 102–106.
- Логинава, Щепланова, Суркова 2019 – *Логинава Л.В., Щепланова В.В., Суркова И.Ю.* Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 6 (131). С. 246–255.
- Магомедов, Токунага 2020 – *Магомедов А.К., Токунага М.* Истоки и предпосылки протеста коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // *Социологические исследования*. 2020. № 11. С. 76–83. DOI: 10.31857/S013216250012509-2.
- Сосунова 2005 – *Сосунова И.А.* Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценок // *Социологические исследования*. 2005. № 7. С. 94–104.
- Сергеева 2019 – *Сергеева О.В.* Игровой сеттинг поля политики // *Культура и технологии*. 2019. Т. 4, вып. 3. С. 113–121.
- Хакимова 2018 – *Хакимова Е.М.* Об инструментах продвижения организации в интернете на примере НКО «Гринпис России» // *Гуманитарная парадигма*. 2018. № 4 (7). С. 33–37.
- Шатилов 2019 – *Шатилов А.Б.* Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций // *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019. № 4. С. 70–77.
- Щепланова, Логинава, Суркова 2020 – *Щепланова В.В., Логинава Л.В., Суркова И.Ю.* Дискурсы городского сообщества интернет-мемов: между конструктивной и деструктивной гражданской активностью молодежи // *РСБОЗМБ. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 3. С. 136–155. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.
- Яницкий 2014 – *Яницкий О.Н.* Современные войны: социально-экологическое измерение // *Вестник института социологии РАН*. 2014. № 4 (11). С. 115–116.
- Яницкий 2016 – *Яницкий О.Н.* Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 3 (15). С. 13–14. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.3.4574.
- Alberro 2020 – *Alberro H.* “Valuing Life Itself”: On Radical Environmental Activists’ Post-Anthropocentric Worldviews // *Environmental Values*. 2020. № 29 (6). P. 669–689. DOI: 10.3197/096327120X15752810324093.
- Cianchi 2016 – *Cianchi J.* Radical Environmentalism and the Role of Nature // *The Geography of Environmental Crime*. 2016. № 11. P. 33–57. DOI: 10.1057/978-1-137-53843-7_3.
- Defending Tomorrow... web – *Defending Tomorrow. Land and Environmental Defenders. L., 2020* // <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/environmental-activists/defending-tomorrow/>.
- Dereniowska, Matzke 2017 – *Dereniowska M., Matzke J.P.* On Compromise in Radical Environmental Activism // *Humanistyka i Przyrodoznawstwo*. 2017. № 24. P. 9–38. DOI: 10.31648/hip.2595.
- Hasler, White, Walters 2019 – *Hasler O., White R.D., Walters R.* In and Against the State: The Dynamics of Environmental Activism // *Critical Criminology*. 2019. № 53. DOI: 10.1007/s10612-019-09432-0.
- Johnson, Frickel 2011 – *Johnson E.W., Frickel S.* Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998 // *Social Problems*, 2011. Vol. 58, № 3. P. 305–329.
- Mix 2011 – *Mix T.L.* Rally the People: Building Local-Environmental Justice Grassroots Coalitions and Enhancing Social Capital // *Sociological Inquiry*. 2011. Vol. 81, № 2. P. 174–194.
- Nicholls 2009 – *Nicholls W.* Place, Networks, Space: Theorizing the Geographies of Social Movements // *Transaction Institute British Geography*. 2009. Vol. 34, № 1. P. 78–93.
- Taylor 1995 – *Taylor B.* The Global Emergence of Popular Ecological Resistance, Ecological

- Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.
- Taylor D. 2000 – *Taylor D.E.* The Rise of the Environmental Justice Paradigm: Injustice Framing and the Social Construction of Environmental Discourses // *American Behavior Science*. 2000. Vol. 43, № 4. P. 508–580.
- Rootes 2007 – *Rootes C.* Acting Locally: The Character, Contexts and Significance of Local Environmental Mobilizations // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 722–741.
- Rootes 2013 – *Rootes C.* From Local Conflict to National Issue: When and How Environmental Campaigns Succeed in Transcending the Local // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 95–114.
- Saitta 2012 – *Saitta P.* History, Space, and Power: Theoretical and Methodological Problems in the Research on Areas at (Industrial) Risk // *Journal of Risk Research*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 1299–1317.
- Schlosberg 2004 – *Schlosberg D.* Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13, № 3. P. 517–540.
- Schlosberg 1999 – *Schlosberg D.* Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement // *Environmental Politics*. 1999. Vol. 8, № 1. P. 122–148.
- obozrenie*, vol. 19, no. 3, pp. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.
- Ermolaeva P.O., Ermolaeva Y.V., 2019. Critical Analysis of Foreign Theories of Environmental Behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 4, pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.
- Efremenko D.V., 2009. Ecosocial Research and Analysis of Ecological and Political Discourses. *Sociologicheskij ezhegodnik*, pp. 357–375.
- Kaminskaya T.L., 2019. Communicative Trends in Russian Environmental PR. *Mir russkogo slova*, no. 2, pp. 32–36.
- Loginova L.V., 2012. Regional Policy As a Mechanism for Implementing the Interests of the Regional Community. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 1, pp. 102–106.
- Loginova L.V., Shcheblanova V.V., Surkova I. Yu., 2019. Conceptual Model of Students Destructive Civic Activity (Based on the Research Materials in the Saratov Region). *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, no. 6 (131), pp. 246–255.
- Magomedov A.K., Tokunaga M., 2020. Origins and Backgrounds of Indigenous Resistance in the Yamal-Nenets Autonomous District. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 76–83. DOI: 10.31857/S013216250012509-2.
- Sosunova I.A., 2005. Socio-Ecological Tension: Methodology and Methodology of Assessments. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 94–104.
- Sergeeva O.V., 2019. Game Setting of the Policy Field. *Kul'tura i tekhnologii*, vol. 4, iss. 3, pp. 113–121.
- Hakimova E.M., 2018. About the Tools for Promoting an Organization on the Internet on the Example of the NGO «Greenpeace of Russia». *Gumanitarnaya paradigma*, no. 4 (7), pp. 33–37.
- Shatilov A.B., 2019. Ecology and Politics: Destructive Aspects of the Ideology of Environmentalism and the Activities of Environmental Organizations. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta*, no. 4, pp. 70–77.
- Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Surkova I. Yu., 2020. Discourses of the Urban Community of Internet Memes: Between Constructive and Destructive Civic Activity of the Youth. *RSBOZMB. Problemy vizual'noj semiotiki*, no. 3, pp. 136–155. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.
- Yanitsky O.N., 2014. Modern Wars: The Socio-ecological Dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, no. 4 (11), pp. 115–116.
- Yanitsky O.N., 2016. Socialisticheskii System: A New Look at the Interaction Between Man and Nature. *Sociologicheskaya nauka i social'naya*

REFERENCES

- Vititnev S., Kozyakova N., 2018. Eco-Social Risks and Destruction of Modernity and Comprehension of the Prospects of Human and Nature Relations Harmonization in the Ideology of the “Green” Movement in Germany. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, no. 4, pp. 272–284. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284.
- Volkov D. Civic Activism and Public Issues. *Press-vypusk «Levada-Centr»*, April 27, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshchestvennye-problemy/>.
- Global Environmental Problems. Russian Views on Climate Change and Other Global Environmental Issues. “*FOMnibus*”, October 31, 2019. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281>.
- Golbraih V., 2016. Environmental Activism: New Forms of Political Participation. *Vlast' i elity*, vol. 3, pp. 98–120.
- Ermolaeva P., Ermolaeva Yu., Basheva O., 2020. Digital Environmental Activism As the New Form of Environmental Participation. *Sotsiologicheskoe*

- praktika*, no. 3 (15), pp. 13-14. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.3.4574.
- Alberro H., 2020. "Valuing Life Itself": On Radical Environmental Activists' Post-Anthropocentric Worldviews. *Environmental Values*, no. 29 (6). DOI: 10.3197/096327120X15752810324093.
- Cianchi J., 2016. Radical Environmentalism and the Role of Nature. *The Geography of Environmental Crime*, no. 11, pp. 33-57. DOI: 10.1057/978-1-137-53843-7_3.
- Defending Tomorrow. Land and Environmental Defenders*. London, 2020. URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/environmental-activists/defending-tomorrow/>.
- Dereniowska M., Matzke J.P., 2017. On Compromise in Radical Environmental Activism. *Humanistyka i Przyrodznawstwo*, no. 24, pp. 9-38. DOI: 10.31648/hip.2595.
- Hasler O., White R.D., Walters R., 2019. In and Against the State: The Dynamics of Environmental Activism. *Critical Criminology*, no. 53. DOI: 10.1007/s10612-019-09432-0.
- Johnson E.W., Frickel S., 2011. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998. *Social Problems*, vol. 58, no. 3, pp. 305-329.
- Mix T.L., 2011. Rally the People: Building Local-Environmental Justice Grassroots Coalitions and Enhancing Social Capital. *Sociological Inquiry*, vol. 81, no. 2, pp. 174-194.
- Nicholls W., 2009. Place, Networks, Space: Theorizing the Geographies of Social Movements. *Transaction Institute British Geography*, vol. 34, no. 1, pp. 78-93.
- Taylor B., 1995. The Global Emergence of Popular Ecological Resistance, Ecological Resistance Movement. *The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism*. Albany, State University of N.Y. Press.
- Taylor D.E., 2000. The Rise of the Environmental Justice Paradigm: Injustice Framing and the Social Construction of Environmental Discourses. *American Behavior Science*, vol. 43, no. 4, pp. 508-580.
- Rootes C., 2007. Acting Locally: The Character, Contexts and Significance of Local Environmental Mobilizations. *Environmental Politics*, vol. 16, no. 5, pp. 722-741.
- Rootes C., 2013. From Local Conflict to National Issue: When and How Environmental Campaigns Succeed in Transcending the Local. *Environmental Politics*, vol. 22, no. 1, pp. 95-114.
- Saitta P., 2012. History, Space, and Power: Theoretical and Methodological Problems in the Research on Areas at (Industrial) Risk. *Journal of Risk Research*, vol. 15, no. 1, pp. 1299-1317.
- Schlosberg D., 2004. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories. *Environmental Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 517-540.
- Schlosberg D., 1999. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement. *Environmental Politics*, vol. 8, no. 1, pp. 122-148.

Information About the Authors

Larisa V. Loginova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Legal Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Veronika V. Scheblanova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Legal Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>

Информация об авторах

Лариса Викторовна Логинова, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Вероника Вячеславовна Щебланова, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.12>

UDC 316.342

LBC 60.524–60.56

RURAL RESIDENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA ABOUT THE PRESENT AND FUTURE OF THE VILLAGE (ANALYSIS OF THE 2018 QUESTIONNAIRE SURVEY)¹

Ludmila V. Namrueva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

Abstract. The modern Russian village has been going through difficult times for more than three decades. This was manifested in the elimination of a huge number of agricultural enterprises, the growth of socio-economic problems, and the irrevocable migration of the rural population. The social and property differentiation of farms and the villagers themselves indicates different economic models of behavior, different adaptive capabilities of the population, and the presence / absence of rural resources. Some rural areas are leaders, profitable; others, on the contrary – are outsiders, weak. The author analyzed the regions of the Republic of Kalmykia, Astrakhan oblast, Volgograd oblast, Stavropol Krai – has traditionally been a barn, providers, suppliers of primary agricultural products – meat, grain, milk, oil, grease, wool, vegetables, and fruits. At present, when all financial flows are concentrated in the capital and several major cities, these southern Russian regions, while continuing to supply all the same products, are in an unequal position with the leaders of the country's economic development. On their territories, of course, there are profitable agricultural enterprises, but most rural settlements do not belong to such, on the contrary, they are depressed and gradually disappear. The article deals with the problems of the rural population of the agrarian regions of the South of Russia. The prolonged crisis and the simultaneous decline in agricultural production led to the degradation of rural areas and a decline in the standard of living of the rural population. The main problems remain the lack of employment, low incomes, and the active outflow of the rural population.

Key words: rural territories, rural population, agricultural sector, unemployment, migration, southern Russian territories.

Citation. Namrueva L. V. Rural Residents of the South of Russia About the Present and Future of the Village (Analysis of the 2018 Questionnaire Survey). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 123-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.12>

УДК 316.342

ББК 60.524–60.56

СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ЮГА РОССИИ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ СЕЛА (АНАЛИЗ АНКЕТНОГО ОПРОСА 2018 г.)¹

Людмила Васильевна Намруева

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Современное российское село переживает затянувшийся на 3 десятилетия кризис, который проявился в ликвидации огромного числа сельхозпредприятий, безвозвратной миграции сельского населения, обезлюдении огромных территорий. К счастью, некоторые села не исчезли, продолжают функционировать, часть даже весьма успешно. Социальная, имущественная дифференциация хозяйств, самих сельчан свидетельствует о разных экономических моделях поведения, об отличающихся адаптационных возможностях населения, наличии / отсутствии ресурсов деревень. Одни сельские территории – лидеры, являются рентабельными; другие, наоборот, – аутсайдеры, оказываются слабыми. Если сельские жители первых материально благополучны, то во второй категории бедствуют. Анализируемые автором регионы – Республика Калмыкия, Астраханская область, Волгоградская область, Ставропольский край – традиционно являлись житницами, кормильцами в государстве, поставщиками основных сельс-

кохозяйственных продуктов – мяса, зерна, молока, шерсти, овощей, фруктов. В настоящее время, когда все финансовые потоки сосредоточены в столице и нескольких крупных городах, указанные южнороссийские регионы, продолжая поставлять всю ту же продукцию, находятся в неравном положении с лидерами экономического развития страны. На их территориях, конечно, находятся рентабельные сельхозпредприятия, однако большинство сельских поселений не относятся к таковым, напротив, они депрессивны и постепенно исчезают. В статье рассмотрены проблемы сельского населения аграрных регионов Юга России. Продолжительный кризис и одновременно с ним происходящий упадок сельхозпроизводства привели к деградации сельских территорий, снижению уровня жизни сельского населения. Главными проблемами остаются отсутствие занятости, низкие доходы, активный отток сельского населения. Вместе с тем анкетирование показало, что респонденты в сложных сельских реалиях ориентируются в первую очередь на себя. По мнению 40 % опрошенных, в селе заметно улучшение жизни, а также отдельных сторон социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: сельские территории, сельские жители, аграрная отрасль, безработица, миграция, южнороссийские регионы.

Цитирование. Намруева Л. В. Сельские жители Юга России о настоящем и будущем села (анализ анкетного опроса 2018 г.) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 123–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.12>

Введение

С начала нового столетия отечественные социологи активно исследуют сельские территории, социально-экономические ресурсы сел, демографический потенциал реализации программ по продовольственной безопасности России, внешние и внутренние миграционные процессы [Бадмаева 2017; Бадмаева 2018; Великий 2019; Калугина 2016; Namrueva 2019; Nuskhaeva 2019]. В нашей статье проанализированы данные анкетного опроса, проведенного в вышеуказанных южнороссийских регионах.

Невозможно анализировать состояние сельских территорий без понимания их как части социальной системы. Совершенно верно В. Жалсанова замечает, что «село не может существовать автономно и соответственно является полноправным субъектом всех социальных преобразований, и процессов социальной трансформации в том числе» [Жалсанова 2016, 11]. Селу не хватает имеющихся социальных, экономических, инфраструктурных ресурсов, это не позволяет ему равноценно отвечать постоянно возникающим вызовам (санкции западных государств, диспаритет цен на сельхозпродукции и т. д.). Задачи нашего исследования направлены на то, чтобы рассмотреть оценку, данную сельскими жителями на ситуацию в селе, разнообразных факторов, влияющих на настоящее и будущее сельских территорий южного макрорегиона.

На основе массового анкетного опроса уточнены факторы, оказывающие влияние на жизнедеятельность сельского населения Республики Калмыкия, Астраханской и Волгоградской областей, Ставропольского края. В статье проанализированы данные пилотажного социологического исследования, проведенного осенью 2018 г. в вышеуказанных регионах. Опрошено 400 человек, по сотне – в каждом, мужчины и женщины представлены в равной мере. Отметим, что на Юге России отсутствует опыт проведения аналогичных исследований по данной проблематике [Намруева 2020, 78]. В Калмыкии опрос провел сам автор статьи, в остальных регионах он осуществлен студентами, которые обучаются на социологов в вузах Астрахани, Волгограда, Ставрополя. В силу того, что выборочная совокупность недостаточна для анализа в региональном распределении, полученный материал автором проанализирован в гендерном разрезе. Результаты анкетирования позволили выделить наиболее значимые проблемы села в условиях нестабильности: финансовые условия развития хозяйств, государственная политика в аграрной отрасли.

Рабочей гипотезой нашего исследования является предположение об усилении кризиса в сельских районах, скептического отношения населения к изменениям в сельской местности, об упадке сельхозпроизводства, о снижении уровня жизни сельского населения и росте патернализма у селян.

Оценка сельским населением ситуации в южнороссийских селах

Непродуманные бесконечные преобразования аграрной сферы обрекли десятки тысяч сел на исчезновение с карты страны. Еще в 2009 г. известный социолог села А.А. Хагуров, цитируя демографов, констатировал, что «в России каждый день вымирает по 2 деревни» [Хагуров 2009, 95]. Несмотря на эти катастрофические явления, оставшиеся сельские жители стали постепенно адаптироваться к аграрным реформам, у них значительно трансформировались потребности, жизненные установки, поведение. В связи с этим растет число тех, кто, принимая изменчивую сельскую действительность, стремится здесь реализовать свой потенциал, продвинуться по социальной лестнице.

Один из закрытых вопросов анкеты определял, на кого более всего полагаются сельские жители в решении злободневных вопросов. Результаты показали, что 82,4 % рассчитывают в первую очередь только на себя. Можно заключить, что постепенно исчезают патерналистские ожидания сельских жителей, они стали больше полагаться на собственные силы и возможности. Причем среди них женщин (85 %) несколько больше, чем мужчин (80 %). И те, и другие во вторую очередь полагаются на своих родственников и друзей (38,6 %). В этом случае наблюдается обратная картина: мужчин, надеющихся на родственные и дружеские связи (40 %), незначительно больше, нежели женщин (37,3 %). Третьим институтом народной надежды выступает российское правительство, этот ответ сильно уступает предыдущим (10,8 %). Остальные институты, предложенные нами – «местные (районные и сельские) власти» (5,6 %), «региональная власть» (3,5 %), «этническая и религиозная община» (2,2 %) – набирают малое количество респондентов. При этом женщины в меньшей степени, чем мужчины, рассматривают указанные институты в качестве значимых в своей жизни. Исходя из полученных данных, можно резюмировать, что происходит такое явление, как отчуждение власти, которая занята своими управленческими функциями, особо не вникая, каким образом выживают простые сельские

сировых рыночных условиях. Можно заключить, что аутсайдеры нашего списка реально не участвуют в оказании помощи сельскому населению.

Мнение опрошенных сельчан относительно положительных изменений в селе за последние 3 года оказалось противоречивым. Так, половина опрошенных (49,8 %) и мужчин, и женщин считают, что жизнь в селе никак ни улучшилась. Другая половина, напротив, видит положительные изменения. Женщины склонны замечать в большей степени, чем мужчины, улучшения в социальной сфере (наличие водопровода, газоснабжения, ремонт асфальтированной дороги) (мнение 26,2 %) и также повышение доходов односельчан (10,7 %). Мужчины отмечают такие позитивные результаты, как развитие личных подсобных хозяйств (14,8 %), получение молодыми специалистами жилья (10 %).

Респондентами независимо от гендерной принадлежности отмечены в равной степени такие важные изменения, как рост цен на сельскохозяйственную продукцию – зерно, мясо, шерсть – (14,1 %), улучшения в социальной инфраструктуре (15,3 %). В некоторых селах открыты детские дошкольные учреждения, построены стадионы, где местное население охотно занимается.

Бесспорно, кардинальные преобразования в стране, связанные с увеличением финансовой поддержки агропромышленной отрасли (значительные инвестиции, субсидии, направленные на развитие сельских территорий, семейно-потребительского уклада (ЛПХ), семейно-предпринимательского уклада (КФХ)), оказали положительное влияние на многие стороны жизнедеятельности селян, их социальное самочувствие. Согласно разделяемому нами мнению М.Н. Мухановой, «ЛПХ, фермерские хозяйства... на селе выполняют важную социальную функцию. Они канализуют издержки социального развития российского общества в виде поглощения трудовых ресурсов, которые остались бы не у дел. Это одно из объяснений причин относительной социальной стабильности на российском селе» [Муханова 2018, 132]. Вместе с тем следует отметить, что нерешенными остаются проблемы, связанные с повышением доходов, трудовой занятостью сельчан, предоставле-

нием жилья молодым специалистам, приобретением новой сельхозтехники.

Итоги анкетного опроса позволяют определить мнение селян о том, в чем в первую очередь нуждается село, основная его сфера – сельское хозяйство. Исходя из полученных результатов, сформируем список приоритетных задач сельских населенных пунктов исследуемых южнороссийских регионов. К ним отнесены: достойная оплата труда сельских тружеников (мнение 36,3 %), хороший руководитель, который способен вывести хозяйство на новый уровень развития (24,2 %), закрепление молодежи на селе (17,7 %). Ответы мужчин и женщин особо не различаются. По мнению 14,7 % респондентов, село и аграрная сфера нуждаются в обновлении техники, в передовых технологиях (12,3 %). Имеющиеся в настоящее время слабые инвестиционные ресурсы не способны обеспечить прорыв отечественного АПК, который сильно зависит от техники и технологий, приобретаемых из дальнего зарубежья.

Полученные итоги анкетирования показывают, что более трети нашего массива важным считают обеспечение достойной оплаты труда сельчан. По утверждению А.И. Алтухова, академика РАН, «уровень оплаты труда работников сельскохозяйственной отрасли составляет лишь 57 % к среднему показателю по экономике. Почти у 40 % работающих в сельскохозяйственных организациях зарплата ниже прожиточного минимума трудоспособного населения» [Алтухов 2018, 6]. Н.Н. Минеева в своей статье развивает эту тему: «Номинальная заработная плата населения сельских территорий, занятого в сельском хозяйстве, почти в 2 раза ниже среднего показателя по экономике страны в целом. При этом оплата труда практически не связана с качественными характеристиками рабочей силы, образованием и квалификацией работника, условиям и труда, организационно-техническим оснащением, а обусловлена, в основном, уровнем экономического развития региона или отрасли» [Минеева 2020, 146].

Низкая заработная плата, отсутствие занятости сельчан приводят к росту бедных. Так, исследователи отмечают, что «доля малоимущих среди сельского населения всего по

стране составляет 23,5 %, а доля малоимущих среди городского населения – 9,1 %. Таким образом, доля малоимущих в сельской местности представляет почти четверть сельского населения, что почти в два раза больше, чем таковая в целом по всему населению страны и почти в три раза больше, чем соответствующая доля среди горожан» [Сальников 2020, 15]. Используя расчеты С.Г. Сальникова, остановимся на анализе доли малоимущих в исследуемых нами регионах. Так, «в Астраханской области доля малоимущих составляет 28,5 % от сельского населения, в Волгоградской области – 31,9 %, в Ставрополье – 29,6 %, в Калмыкии – 30,8 %» [Сальников 2020, 15]. Как видим, доля малоимущих в анализируемых нами регионах превышает таковую долю среди сельчан по всей стране (23 %).

Полученные результаты свидетельствуют, что одной из приоритетных задач изменения жизни села является наличие руководителя, знающего, как обустроить жизнь на селе. К сожалению, в сельскохозяйственной отрасли катастрофически не хватает руководителей, которые способны вывести коллективное предприятие из тупика, предложив новые направления развития. Наше исследование показывает важность такого фактора, как эффективный менеджмент на селе. В связи с этим полностью разделяем выводы авторитетных социологов села – П.П. Великого, Е.В. Бочаровой – о том, что «менеджмент крупхозов и фермеры ограничиваются заботой о небольшой доле сельских сообществ, которой посчастливилось получить работу, и они входят в производственный персонал. Современный крупхоз очень мал и по масштабам производства, и по числу занятых – не более вчерашней колхозной бригады или отделения совхоза. Люди, оставшиеся вне вновь созданной системы (8 из 10 млн, ранее имевших рабочие места), должны были позаботиться о себе сами, находить каналы источников выживания» [Великий, Бочарова 2014, 31]. В начале данной статьи акцентировали внимание на том, что жители современных сел стали больше полагаться на свои силы и возможности, нежели на помощь со стороны, в решении важных проблем, избавляясь от патерналистских ожиданий.

Острой социальной проблемой для многих российских субъектов, в том числе и анализируемых регионов, является безвозвратная миграция за пределы сельских территорий, исчезновение сел. Н.В. Бадмаева отмечает, что «стремление жить в городах имеет глубокое социально-экономическое обоснование: уровень занятости населения, развитие различных форм социальной защиты, жилищных условий в городе выше, чем в сельской местности» [Бадмаева 2017, 113]. Однонаправленные урбанизационные процессы, к сожалению, нарастают, наиболее сильным миграционным настроениям подвержены молодые люди. В связи с этим проблема закрепления молодежи на селе по итогам нашего анкетирования названа одной из самых насущных.

Банкротство, ликвидация сельхозпредприятий, потеря работы, отсутствие источников выживания способствуют тому, что селяне, окончательно разуверившись в благополучие села, активно мигрируют, стремясь решить множество своих злободневных проблем. По мнению Н.В. Бадмаевой, наиболее притягательными регионами для мигрантов из рассматриваемых регионов являются Центральный (г. Москва), Северо-Западный (г. Санкт-Петербург), Уральский федеральные округа [Бадмаева 2018, 158].

Результаты на закрытый вопрос анкеты показали, каково миграционное поведение сельских респондентов рассматриваемых регионов.

Жизнь в сельских населенных пунктах, в большей степени не удовлетворяющая его жителей, усиливает их мотивацию на отъезд (см. таблицу). В этом стремлении обнаружены различия в гендерном разрезе. Так, опрошенные мужчины в большей степени, чем женщины, настроены на отъезд из села. Возможно, у них меньше скреп, связывающих с родной землей, нежели у женщин, хранительниц очага. У мужчин также сильнее проявля-

ется миграционная устремленность: 42 % мужчин и 33 % женщин категорически стремятся покинуть село. Эти респонденты не связывают себя с сельским укладом жизни, считая, что здесь нет возможности для создания комфортных условий жизни (24,6 %), их дети не желают жить в деревне (13,2 %). Поэтому бесперспективность, затянувшаяся деградация села усиливают миграцию селян.

Определенная часть респондентов, почти пятая часть, свои оптимистичные ожидания связывают с тем, что придет хороший руководитель, который способен эффективно вести хозяйство. В таком случае эти респонденты не покинут сельские просторы.

Полученные результаты свидетельствуют, что более трети опрошенных (39,3 %), наоборот, хотят жить в родном селе, где условия жизни приближены к городским (13,2 %), предоставлены возможности для личностного развития (12,6 %). Мнение мужчин и женщин по этим позициям совпадает. Однако заметим, что относительно перспектив самореализации на родной земле более позитивно настроены женщины (17,7 %), нежели мужчины (9,3 %).

Заключение

Собранный автором в рамках настоящего исследования эмпирический материал показал, что селяне, хотя и полагаются на свои силы, нуждаются в поддержке властей территориально-поселенческого, регионального, федерального уровней. Гипотеза нашего исследования об усилении кризиса в сельских южнороссийских районах, упадке сельхозпроизводства, низком уровне жизни сельского населения подтвердилась. По самооценке, 59 % опрошенных селян являются бедными и обездоленными. Несмотря на улучшение состояния зерноводства, животноводства, увеличение инвестиций в развитие сельских тер-

**Распределение ответов на вопрос
«Связываете ли Вы свою жизнь с сельской местностью?» (в %)**

Варианты	Мужчины	Женщины	Среднее значение
Да, связывают (сумма положительных вариантов)	35,1	43,5	39,3
Позиция ожидания	20,2	16,2	18,2
Миграционная устремленность	42,2	33,4	37,8

риторий, в отрасли не решены важные проблемы: падение без того низких доходов населения, отсутствие рабочих мест, слабая внедряемость новых технологий, рост цен на продовольствие и в то же время инфляция.

Гипотеза о скептическом отношении населения к изменениям в сельской местности также подтвердилась. Половина опрошенных не видят позитивных изменений в селе, где они проживают. Поэтому они не связывают свое настоящее и будущее с сельским укладом, многие из них готовы выехать из села, стремясь решить насущные проблемы, которые связаны в первую очередь с отсутствием средств для удовлетворения жизненных потребностей. Лишь пятая часть опрошенных живет ожиданиями положительных изменений, их решение об отъезде зависит от эффективности ведения хозяйства. Но если не будут преодолены указанные проблемы, то будущее южнороссийских сел печально: ситуацию их исчезновения, заброшенности сельских территорий не остановить с помощью одних деклараций громких программ различных уровней по развитию сельских территорий, аграрной отрасли.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» Рег. Но НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8.

The article was prepared within the framework of the state task of the KalmSC RAS “Development of rural territories of the South of Russia: integrated socio-economic and environmental monitoring».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухов 2018 – *Алтухов А.И.* Проблемы развития АПК страны и необходимость их ускоренного решения // Экономика сельского хозяйства России. № 4. С. 2–14.
- Бадмаева 2017 – *Бадмаева Н.В.* Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южнороссийских регионов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 2 (2). С. 110–118.
- Бадмаева 2018 – *Бадмаева Н.В.* Миграция сельского населения южнороссийских регионов: проблемы, тенденции, направления // *Oriental Studies*. 2018. № 3 (37). С. 152–164.
- Великий 2019 – *Великий П.П.* Хозяйства сельских территорий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 48–60.
- Великий, Бочарова 2014 – *Великий П.П., Бочарова Е.В.* Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 1. С. 30–37.
- Жалсанова 2016 – *Жалсанова В.Г.* Сельские территории современной России: подходы к исследованию // Социодинамика. № 10. С. 10–15.
- Калугина 2016 – *Калугина З.И.* Многоукладность аграрной экономики в контексте рационального использования ресурсов // Интерэкспо ГЕО-Сибирь 2016. Т. 3, № 1. С. 128–132.
- Минеева 2020 – *Минеева Н.Н.* Диверсификация экономики как фактор нейтрализации причин бедности // Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2020. С. 145–146.
- Муханова 2018 – *Муханова М.Н.* Сельское население в структурах неформального сектора на рынке труда АПК // Власть. 2018. № 5. С. 125–132.
- Намруева 2020 – *Намруева Л.В.* Занятость в личных подсобных хозяйствах южнороссийских регионах: итоги исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3 (31). С. 77–97. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7488.
- Сальников 2020 – *Сальников С.Г.* Уровень и структура бедности сельского населения // Бедность сельского населения России: генезис, пути преодоления, прогноз. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2020. С. 15–19.
- Хагуров 2009 – *Хагуров А.А.* Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 95–101.
- Namrueva 2019 – *Namrueva L.* Transformation of Collective Patterns in Southern Russian Villages In Early 21st Century // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. № 58. P. 2399–2406. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.321.
- Nuskhaeva 2019 – *Nuskhaeva B.B.* Economic Situation of the Rural population in the Southern Regions of Russia // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. № 58. P. 2503–2509. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.335.

REFERENCES

- Altukhov A.I., 2018. Problems of Development of the Country's Agro-Industrial Complex and the Need for Their Accelerated Solution. *Ekonomika sel'skogo khozyajstva Rossii*, no. 4, pp. 2-14.
- Badmaeva N.V., 2017. Demographic Potential and Problems of Employment of the Rural Population of the Southern Regions. *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN*, no. 2 (2), pp. 110-118.
- Badmaeva N.V., 2018. Migration of the Rural Population of the Southern Russian Regions: Problems, Trends, Directions. *Oriental Studies*, no. 3 (37), pp. 152-164.
- Veliky P.P., 2019. The Owners of Rural Farmsteads: Differentiation, Problems, and the Future. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 48-60.
- Veliky P.P., Bocharova E.V., 2014. Dynamics of Formation of Multichannel Sources of Rural Family Survival. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*, vol. 14, no. 1, pp. 30-37.
- Zhalsanova V.G., 2018. Rural Territories of Modern Russia: Approaches to Research. *Sotsiodinamika*, no. 10, pp. 10-15.
- Kalugina Z.I., 2016. Diversity of the Agricultural Economy in the Context of Resource Management. *Interespo GEO-Sibir'*, vol. 3, no. 1, pp. 128-132.
- Mineeva N.N., 2020. Economic Diversification As a Factor of Neutralizing the Causes of Poverty. *Bednost' sel'skogo naseleniya Rossii: genezis, puti preodoleniya, prognoz*. Moscow, VIAPI Named after A.A. Nikonov, pp. 145-146.
- Mukhanova M.N., Rural Population in the Structures of the Informal Sector in the Labor Market of Agriculture. *Vlast'*, no. 5, pp. 125-132.
- Namrueva L.V., 2020. Employment in Private Farms of the South Russian Regions: The Results of the Study. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, vol. 8, no. 3 (31), pp. 77-97.
- Salnikov S.G., 2020. The Level and Structure of Rural Population Poverty. *Bednost' sel'skogo naseleniya Rossii: genezis, puti preodoleniya, prognoz*. Moscow, VIAPI Named after A.A. Nikonov, pp. 15-19.
- Hagurov A.A., 2009. Some Methodological Aspects of the Study of the Russian Village. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 95-101.
- Namrueva L., 2019. Transformation of Collective Patterns in Southern Russian Villages In Early 21st Century. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, no. 58, pp. 2399-2406. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.321.
- Nuskhaeva B.B., 2019. Economic Situation of the Rural population in the Southern Regions of Russia. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, no. 58, pp. 2503-2509. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.335.

Information About the Author

Ludmila V. Namrueva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Leading Researcher, Department for Complex Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ilishkina St, 8, 358000 Elista, Russian Federation, lnamrueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7805-8710>

Информация об авторе

Людмила Васильевна Намруева, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр РАН, ул. Илишкина, 8, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, lnamrueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7805-8710>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13>

UDC 314.7.044

LBC 60.52

DYNAMICS OF STUDENTS MIGRATION INTENTIONS AS A RESPONSE TO THE DEVELOPMENT OF VOLGOGRAD AGGLOMERATION

Elena V. Melnikova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Natalia V. Kazanova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Andrey V. Shtyrov

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The development of urban agglomerations is one of the leading modern urbanistic trends. In Russia this trend has a number of features: the “pumping” of resources, including human resources, between the agglomerations, and the rapid growth of a few agglomerations due to the degradation of the rest. Among them is the Volgograd agglomeration, which once claimed the role of the industrial, logistic and intellectual center of the South of Russia. In the context of considering this problem, the authors investigated the migration intentions of the most mobile part of the population, the student youth. The authors systematized scientific publications on the topic of research and carried out a comparative analysis of statistics from open sources and official statistics. These data were compared with the results of the monitoring of students opinions carried out by the authors in the period from 2012 to 2019. A total of 1 312 people were interviewed. The average age of respondents is 22–24 years. Analysis of students responses to the questionnaire showed that a significant part of the students would like to leave Volgograd. The volume of such answers in questionnaires grows year by year. Monitoring data revealed trends in the migration intentions of young people. According to the results of the poll, the main reasons for the intention of respondents to leave the Volgograd agglomeration are: the depressed state of the agglomeration economy and dissatisfaction with the quality of life. Comparison of the picture of students migration sentiments with Rosstat data on migration in Volgograd shows that the declared intentions of students coincide with reality. Young people from country areas of the region mainly come to Volgograd, and from the regional center they leave for other regions. The pace of development of the Volgograd agglomeration, low in comparison with other large agglomerations, leaves Volgograd little chance of improving the demographic situation in the coming years. The problem is so acute that it requires specific urgent actions and fundamental changes in the management systems of the city and urban agglomerations. The main goal of these actions should be to equalize the quality of life in the regions while adhering to the principle of diversifying regional development, taking into account the unique economic, cultural, and geographical characteristics of each agglomeration.

Key words: urban agglomeration, migration, demographic situation, the quality of life, students, poll.

Citation. Melnikova E. V., Kazanova N. V., Shtyrov A. V. Dynamics of Students Migration Intentions As a Response to the Development of Volgograd Agglomeration. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 130-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13>

УДК 314.7.044

ББК 60.52

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ СТУДЕНТОВ КАК ОТВЕТ НА РАЗВИТИЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Елена Витальевна Мельникова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Витальевна Казанова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Вячеславович Штыров

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Развитие городских агломераций – один из ведущих современных урбанистических трендов. В России ему присущ ряд особенностей, среди которых отметим «перекачивание» ресурсов, в том числе человеческих, бурный рост одних агломераций за счет других, переживающих деградацию и депопуляцию. К числу последних относится Волгоградская агломерация, некогда претендовавшая на роль промышленного, логистического и интеллектуального центра Юга России. В контексте рассмотрения данной проблемы авторы исследовали миграционные настроения наиболее мобильной части населения – студенческой молодежи. Были систематизированы научные публикации по теме исследования и проведен сравнительный анализ статистических данных из открытых источников и официальной статистики. Эти данные были сопоставлены с результатами проведенного авторами в период с 2012 по 2019 г. мониторинга мнений студентов двух вузов Волгограда (ВолгГТУ и ВГСПУ). Всего было опрошено 1 312 человек. Средний возраст опрошенных – 22–24 года. Анализ данных мониторинга показал, что значительная часть респондентов не связывает свое будущее с Волгоградом, и доля таких ответов в анкетах год от года растет. По данным мониторинга, основными причинами задекларированного респондентами намерения покинуть Волгоградскую агломерацию являются депрессивное состояние экономики агломерации и неудовлетворенность качеством жизни. Сопоставление картины миграционных настроений студентов с данными Росстата по миграции в Волгограде показывает совпадение заявленных намерений студентов с реальностью: молодежь из области в основном приезжает в Волгоград, а из областного центра уезжает в другие регионы. Темпы развития Волгоградской агломерации, низкие по сравнению с другими крупными агломерациями, оставляют Волгограду мало шансов на улучшение демографической ситуации в ближайшие годы. Проблема является настолько острой, что требует конкретных экстренных действий и кардинальных изменений в системах управления городом и городскими агломерациями, главной целью которых должно стать выравнивание уровня качества жизни в регионах при одновременном соблюдении принципа диверсификации регионального развития с учетом уникальных экономических, культурных, географических особенностей каждой агломерации.

Ключевые слова: городская агломерация, миграция, демографическая ситуация, качество жизни, студенты, миграционные настроения.

Цитирование. Мельникова Е. В., Казанова Н. В., Штыров А. В. Динамика миграционных настроений студентов как ответ на развитие волгоградской агломерации // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 130–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.13>

Введение

Формирование городских агломераций является одним из ведущих мировых трендов. В 2009 г. количество людей, живущих в городских районах (3,42 млрд), впервые в истории превысило количество людей, проживающих в сельских районах (3,41 млрд), то есть с данного момента мир стал более городским, чем сельским [Urban and Rural... web]. По данным Всемирного банка, на 2019 г. доля городского населения в мире составляет 55,71 % [Urban population... web].

В странах с активно развивающимися экономиками картина еще более выразительна, чем в целом по миру. Так, в Китае с 1978 по 2009 г. уровень урбанизации вырос с 17,4 % до 46,6 %. С 2000 г. города Китая разраста-

ются примерно на 10 % ежегодно [Calabro web]. В Индии число людей, живущих в городских районах, выросло на 31,2 % в период с 1991 по 2001 год. Общая численность городского населения в стране по данным переписи 2011 г. составила более 377 млн, что составляет 31,16 % от общей численности населения [Census... web]. В Бразилии, по данным переписей населения, опубликованных Бразильским институтом географии и статистики, в 2000 г. в городах было сконцентрировано 81,19 % населения страны, а в 2010 – 84,36 % [Population Census... web].

Существенный вклад в возникновение и развитие феномена городских агломераций внес научно-технический прогресс, который способствовал развитию индустрии и автоматизации производства. Резкий рост численно-

сти городского населения в 30-е гг. XX в. был обусловлен началом индустриализации и ростом промышленности. Рост агломераций как в мире, так и в России, приходящийся на конец 90-х гг., связан с формированием, становлением и развитием информационного общества. Наличие научных и учебных центров, притягивающих молодое поколение, и в наше время остается одним из основных факторов развития городских агломераций [Карачурина, Мкртчян 2017; Вяльшина, Дакирова 2020; Миронова 2017].

Положение в России, с одной стороны, соответствует общемировой тенденции: около 49 млн человек, или 34 % населения страны, проживают в 20 крупнейших городских агломерациях [Экономика... web], а общая доля городского населения в России составляет 74,43 %. Тенденция снижения доли сельского населения продолжается.

С другой стороны, в развитии городских агломераций в России есть существенная особенность. В результате закрытия промышленных предприятий, трудностей ведения бизнеса и низкой покупательной способности населения среди российских городских агломераций наблюдается неравномерность развития. Только 3 крупнейших агломерации – Московская, Санкт-Петербургская и Екатеринбургская – показывают опережающие показатели по совокупной производительности в сравнении со среднероссийским уровнем, а для агломераций нижней части двадцатки (Омская, Саратовская, Волгоградская) характерны процессы деградации экономики и оттока населения. Условно назовем данные агломерации «депрессивными». Разрыв между самой «богатой» и самой «бедной» по объему валового городского продукта на душу населения (соответственно, Московской и Волгоградской) агломерациями составляет 2,75 раза [Экономика... web].

В депрессивных агломерациях наблюдаются процессы, характерные скорее для малых поселений и моногородов, в частности, отрицательные миграционные потоки: вместо того, чтобы быть точкой притяжения, такая агломерация становится донором мигрантов для более успешных, динамично развивающихся агломераций. В результате складывается ситуация, когда вместо равномерного

развития городских агломераций и возникновения новых в России мы наблюдаем картину «перекачивания» ресурсов из одних агломераций в другие, бурного роста немногих агломераций за счет деградации остальных.

Изучение миграционных настроений части волгоградского студенчества, предпринятое в настоящей работе, может оказаться полезным для преодоления негативных тенденций в развитии городских агломераций России.

Обзор литературы

Формирование городских агломераций вызывает пристальный интерес ученых, особенно в странах с бурно развивающимися городами и городскими агломерациями: США [Рубл 2013; Walker 2015], Испании [Feria Toribio web; Olazabal, Bellet 2018], Китая [Chong, Qin, Ye 2016], Японии [Mori web].

В Индии после переписи 2011 г. был законодательно закреплён термин «городская агломерация», определяющий интегрированный городской район, состоящий из центрального города вместе с его смежными, преимущественно сельскохозяйственными, пригородами [Census... web].

Изучение процесса формирования городских агломераций в России долгое время было затруднено в силу отсутствия строгого определения соответствующего понятия [Лаппо, Полян, Селиванова web]. Так, Н.Р. Ижгузина в 2014 г. собрала и проанализировала 45 различных определений понятия «агломерация» из российских источников [Ижгузина 2014]. В.А. Шабашев с соавторами в 2016 г. указывали: «Не существует общепринятых критериев выделения городских агломераций» [Шабашев (ред.) 2016, 4]. П.В. Терелянский и А.С. Мельников тогда же отмечали, что понятие агломерации «не закреплено законодательно» [Терелянский, Мельников 2016, 62]. Только в 2019 г. в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» зафиксированы понятия «крупной агломерации» и «крупнейшей агломерации» [Стратегия... web].

Среди основных критериев городской агломерации исследователи отмечают: наличие крупного города-ядра, к которому примыкают города-спутники [Шабашев (ред.) 2016,

10]; высокую концентрацию трудовых ресурсов и плотность населения [Lee 2015, 18]; интенсивность, плотность и непрерывность застройки, наличие единой инфраструктуры и транспортной сети; маятниковую миграцию населения между ядром и периферией агломерации [Хуснутдинова, Балина, Развалова 2019]; высокий процент населения, занятого в несельскохозяйственном секторе [Harrison, Heley 2015].

В последние годы исследования развития агломераций в России активизировались. В центре внимания авторов такие вопросы, как функционально-территориальная структура агломераций [Хуснутдинова, Балина, Развалова 2019]; перспективы их развития [Кузнецов, Межевич, Шамахов 2019; Лапин, Вуйко 2019] и препятствующие этому развитию проблемы [Павлов 2019]. Проблеме регионального неравенства в России, которая накладывает свой отпечаток на специфику развития российских агломераций, посвящено исследование Р.Ф. Туровского и К.Ю. Джаватовой [Туровский, Джаватова 2019]. Е.В. Антонов и А.Г. Махрова отмечают, что число развитых агломераций в России остается низким, население имеет тенденцию к концентрации в ядрах крупнейших агломераций, и обращают внимание на начало формирования первой в России наднагломерационной структуры – Центрально-Российского мегалополиса, ядром которого является Московская агломерация [Антонов, Махрова 2019]. И.А. Морозова отмечает важность человеческих факторов, обращая особое внимание на трудовые ресурсы, образование, здравоохранение, культуру [Морозова 2005]. В этом свете особо следует отметить исследования миграционных процессов, в том числе интеграции мигрантов, позволяющие выделить их зависимость от экономической ситуации в регионе, наличия и качества учебных заведений, климата и географического положения [Ермакова, Варшавер, Иванова 2020; Пруель, Липатова, Градусова 2020; Бахлов, Кильдюшкина, Липатова 2020].

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют данные о молодежной миграции. Мировые и российские исследования отмечают, что агломерации выступают центрами притяжения для молодежи. Однако в целом по России интенсивная

миграция молодых людей характерна для малых городов и сельских поселений [Бадмаева 2018, 160; Мкртчян 2017, 226; Мкртчян 2018]. На формирование устойчивых миграционных трендов основное влияние, по мнению исследователей, оказывают закрытие промышленных предприятий, трудности ведения бизнеса, низкая покупательная способность в большинстве регионов России, а также очень разные темпы развития производства, роста заработной платы и уровня жизни в российских регионах [Бадмаева 2018, 154–156; Чернышев 2017, 261; Vasilieva, Danilova, Tokareva 2017]. Л.Б. Карачурина и Н.В. Мкртчян рассматривают возрастной профиль межрегиональной миграции, уделяя значительное внимание феномену молодежной миграции с целью получения высшего образования [Карачурина, Мкртчян 2017]; А.А. Вяльшина и С.Т. Дакирова провели исследование миграционных настроений выпускников сельских школ [Вяльшина, Дакирова 2020]. Миграционные настроения студентов Астрахани исследовала Ю.Г. Миронова [Миронова 2017]. А.Л. Рочева и Е.А. Варшавер изучили зависимость миграционных намерений молодежи от наличия или отсутствия миграционного опыта [Рочева, Варшавер 2020]. Авторы настоящего исследования ранее рассматривали проблемы и особенности развития агломераций Юга России [Мельников, Казанова, Мельникова 2015; Мельников, Мельникова, Казанова 2017].

Материалы и методы

На основе анализа статистических данных Росстата сделан вывод о возможности рассмотрения миграционной ситуации в Волгоградской городской агломерации как модели миграционных процессов в депрессивных агломерациях России.

Для уточнения миграционных настроений молодежи и выяснения их причин на протяжении 2012–2019 гг. авторы проводили мониторинг миграционных настроений студентов выпускных курсов Волгоградского государственного технического университета (далее – ВолГГТУ) и Волгоградского государственного социально-педагогического университета (далее – ВГСПУ), обучающихся по программе бакалавриата и магистратуры.

Основной целью мониторинга было выявление динамики миграционных настроений и причин, побуждающих выпускников волгоградских вузов к переезду в другие регионы России и за рубеж.

Задачи мониторинга предполагали: сбор и анализ информации о миграционных настроениях и предпочтениях при выборе будущего места для переезда; приоритет выпускников при оценке места работы и проживания после окончания вуза; мнение о сложившихся тенденциях и темпах экономического развития Волгограда и Волгоградской агломерации; восприятие уровня жизни в Волгограде в сравнении с рядом других городов России.

Мониторинг проводился с 2012 по 2019 г., в ходе количественного исследования было опрошено 1 312 человек (табл. 1). Поиск респондентов осуществлялся с помощью метода случайного отбора среди студентов выпускных курсов бакалавриата и магистратуры ВолгГТУ и ИАиС ВолгГТУ¹, а также ВГСПУ.

Сбор первичной социологической информации проводился в виде опроса в форме раздаточного анкетирования. Средний возраст опрошенных – 22–24 года; 48 % – юноши, 52 % – девушки. 54 % опрошенных студентов до поступления в вуз проживали в Волгограде, 22 % – приезжие из населенных пунктов Волгоградской области, 15 % приехали из других регионов России. Среди них были представители Астраханской и Ростовской областей, Республики Калмыкия, Республики Дагестан, Республики Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарской Республики, Чеченской Республики и Ямало-Ненецкого автономного округа. Из стран бывшего Советского Союза было опрошено 5 % респондентов (Азербайджан, Украина, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан). 4 % респондентов приехали в Волгоград из стран дальнего зарубежья: Афганистан, Вьетнам, Гана, Китай, Нигерия, Сирия.

Студентам задавались следующие вопросы: «Где вы планируете жить по окончании вуза?»; «Планируете ли вы работать по спе-

циальности после окончания вуза?»; «Что привлекает вас в будущей работе?»; «Какие факторы могут побудить вас уехать из Волгограда на длительный срок?»; «Если вы планируете уехать из Волгограда, то куда именно?»; «Как вы оцениваете условия жизни в Волгограде?»; «Как вы оцениваете тенденции развития Волгограда в последние годы?»; «Есть ли среди Ваших знакомых те, кто уехал или собирается уехать из Волгограда по причине неудовлетворенности качеством жизни?»; «Есть ли среди Ваших знакомых те, кто приехал или собирается приехать в Волгоград на длительный срок, так как их привлекает уровень жизни в городе?»

Мониторинг позволил сравнить миграционные настроения части студентов, постоянно проживающих в Волгограде и приезжих студентов, выяснить причины миграционных настроений и проследить их изменения в период с 2012 по 2019 год.

Результаты мониторинга сопоставлялись с данными Росстата по миграции в Волгоградской области и официальными данными по экономическому развитию Волгограда. Сравнительный анализ позволил увидеть достаточно рельефную картину динамики и причин миграционных настроений волгоградского студенчества. В связи с особенностями формирования статистической отчетности в Российской Федерации, которая группируется по административно-территориальным единицам, мы вынуждены судить о процессах, происходящих в агломерации, на основе анализа процессов, протекающих в городе-ядре, рассматривая его в качестве зеркала развития всей агломерации.

**Результаты исследования
(основные выводы, полученные
по результатам мониторинга)**

В прошлом Волгоградская область имела развитые отрасли машиностроения, нефтедобычи и нефтепереработки, химической про-

Таблица 1

Распределение опрошенных по годам

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество опрошенных	154	161	160	168	170	166	167	166

мышленности и электроэнергетики, свидетелем становившиеся о высоком уровне индустриализации. Значительная доля предприятий была сконцентрирована в областном центре, ядре Волгоградской агломерации, в которую кроме собственно Волгограда входят города-спутники Волжский и Краснослободск, а также несколько поселков городского типа. Крупный технологически сложный индустриальный комплекс требовал высококвалифицированных кадров, что привело к возникновению в городе ряда высших учебных заведений, также способствующих привлечению в город молодежи.

Однако в период после 1990 г., когда крупные промышленные предприятия, находившиеся в государственной собственности, не смогли адаптироваться к рыночным условиям, статус индустриально развитого региона Волгоградской областью был утерян, и сегодня область стабильно входит в список 10 депрессивных регионов России [Чернышев 2017, 262]. Совокупность сформировавшихся в регионе условий определила неблагоприятные тенденции миграционных потоков: отток из региона людей трудоспособного возраста, обладающих хорошими профессиональными навыками, и приток низкоквалифицированных трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья [Бадмаева 2018, 154; Мкртчян 2018, 78; Vasilieva, Danilova, Tokareva 2017; Мельников, Казанова, Мельникова 2015; Мельников, Мельникова, Казанова 2017; Кониная, Мельникова, Мельников 2014; Игнатова, Николенко 2011]. Полагаем, что отмеченная на протяжении нескольких лет динамика миграции снижает качество населения, лишая регион готовности к инновационным преобразованиям. В результате Волгоградская область и соответственно ее центр – Волгоградская городская агломерация – сегодня являются типичными представителями «депрессивных регионов, находящихся в поисках собственной модели роста» [Лапин, Вуйко 2019, 24].

Индекс рынка труда в Волгоградской области в 2014 г. составлял 58,2, в 2015 снизился

до 53,2, в 2016 продолжил падение до 52,6. По итогам 2017 г. индекс труда составил 56,2, что обеспечило Волгоградской области 31 место в рейтинге регионов [Рынок труда... web].

Население Волгограда в 2019 г., по оценочным данным Волгоградстата, составило 1 011 тыс. человек – это порядка 40 % от численности населения Волгоградской области (общая оценочная численность населения области 2 499 272 человек, доля городского населения 77,2 %) [Оценка... web]. Для сравнения, в 2016 г. население Волгограда составляло 1 016 тыс. человек, около 40 % от численности населения Волгоградской области, которая насчитывала 2 545 937 человек при доле городского населения 76,6 % [Волгоградская область... web].

Таким образом, налицо сокращение населения как всей области, так и областного центра, причем можно предположить, что сокращение это происходит прежде всего именно за счет оттока жителей из Волгограда. Это предположение подтверждается также данными Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», согласно которым динамика численности населения Волгограда в период 2012–2018 гг. (табл. 2), то есть за время нашего исследования, представляла собой следующую картину [Города... web].

Кроме Волгограда, из центров крупнейших российских городских агломераций устойчивую отрицательную динамику прироста населения в этот период показала только Самара (население сократилось с 1 169 тыс. чел. в 2012 г. до 1 163 тыс. чел. в 2018 г.).

Остальные агломерации можно поделить на 2 группы. К первой отнесем агломерации с выраженной тенденцией к положительному приросту населения (от 5 до 18 % в 2018 г. по отношению к 2012 г.), в порядке убывания выраженности динамики: Краснодар, Красноярск, Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск, Казань, Екатеринбург, Воронеж, Челябинск, Пермь [Города... web]. Вторую составляют агломерации, демонстрирующие демографичес-

Таблица 2

Численность населения Волгограда в 2012–2018, тыс. чел.

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность населения, тыс. чел.	1019	1019	1018	1017	1016	1016	1014

кую стагнацию (прирост менее 5 %): Уфа, Ростов-на-Дону, Омск, Саратов, Нижний Новгород. При этом в Омске в 2018 г. наблюдалось сокращение населения по сравнению с 2017 г. (1 172 тыс. чел. против 1 176), а в Нижнем Новгороде с 2015 г. установился устойчивый тренд к сокращению населения (1 259 тыс. чел. в 2018 г. против 1 268 в 2015 г.) [Города... web].

Таким образом, можно констатировать, что в Волгограде сложилась довольно тревожная демографическая ситуация, которая в перспективе может привести не только к утрате им статуса города-миллионника, но и к потере его значения как ядра городской агломерации, а соответственно, к ее распаду.

Наибольшую тревогу вызывает усиливающийся на протяжении ряда лет отток из Волгограда молодежи. Мировые и российские исследования отмечают, что агломерации выступают центрами притяжения для молодежи, но Волгоградский регион, судя по всему, является исключением из данного правила.

Сложившаяся ситуация, нетипичная для агломераций, подтверждается данными, полученными нами в результате мониторинга, проводившегося среди студентов ВолгГТУ и ВГСПУ в 2012–2019 годах.

Большинство опрошенных студентов (65 %) планируют работать по специальности, что говорит об осознанном выборе профессии. При этом 28 % респондентов не

уверены в дальнейшем трудоустройстве по специальности, что может свидетельствовать как об их профессиональной неуверенности, так и о дефиците привлекательных мест для трудоустройства в Волгоградской агломерации.

По данным 2012 г. к четвертому курсу обучения только 25,97 % респондентов заявили о намерении покинуть регион. В 2019 г. переезд в другой город планировали уже 39,76 % опрошенных студентов (рис. 1). В приоритетном списке для переезда города: Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург. В 2017 г. к списку городов добавился Калининград по причине его близости к европейским странам.

В 2019 г. по сравнению с 2012 г. выросла с 5,19 % до 21,69 % доля студентов, предполагавших уехать из региона, если не будет найдена работа в Волгограде в течение шести месяцев после окончания вуза.

В 2019 г. твердую уверенность в том, что останутся жить и работать в Волгограде, высказали 33,13 % респондентов; в 2012 г. таких ответов было 62,34 % (рис. 1). По общим результатам мониторинга, 18 % студентов, приехавших из малонаселенных городских и сельских поселений, планируют остаться в Волгограде; их доля по годам практически не меняется.

По результатам опроса 2019 г., 14 % респондентов планировали переезд на постоянное место жительства в другую страну, в

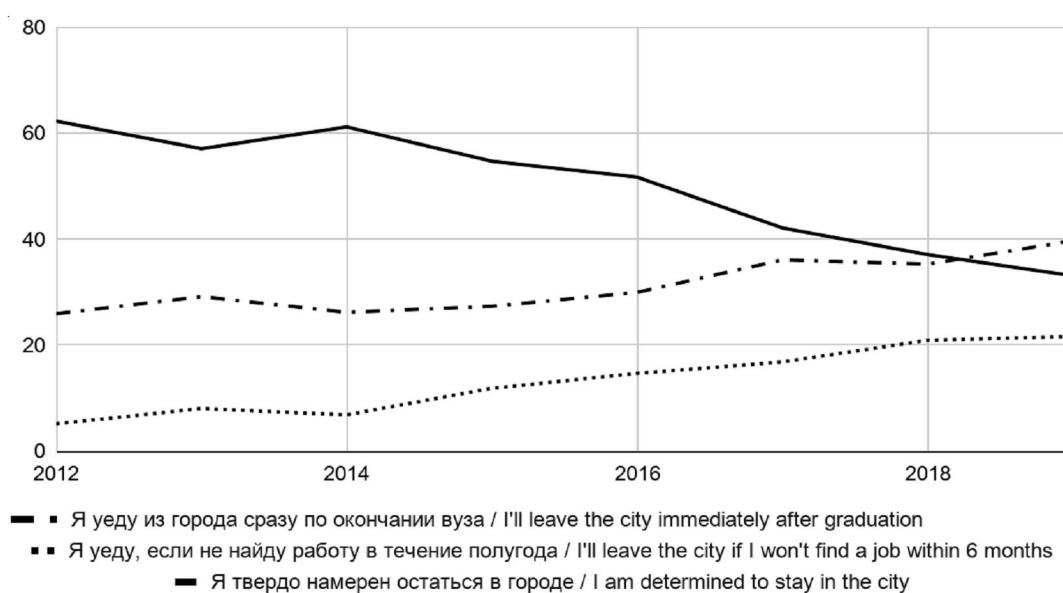

Рис. 1. Миграционные настроения волгоградских студентов (в процентах к числу опрошенных)

2012 г. таких ответов было зафиксировано 7 %. Наиболее привлекательными для продолжения обучения и дальнейшего трудоустройства названы Чехия, Англия, США, Канада, Германия (перечислены в порядке убывания частоты в ответах).

Среди студентов-иностранцев (представителей стран дальнего зарубежья), получающих образование в ВолгГТУ и ВГСПУ, подавляющее большинство (96 %) собираются вернуться на Родину.

Ответы студентов, выходцев из стран бывшего СССР, дают иную картину: 21 % планируют после окончания вуза вернуться на родину, 69 % собираются остаться в России, но переехать в Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Ростов, и только 10 % планируют остаться в Волгограде.

В основном студентов побуждает уехать из Волгограда более высокое качество жизни (эту причину называют 40 % опрошенных) и более высокая заработная плата (24 % опрошенных в среднем за весь период проведения опросов) в других регионах. В 2018–2019 гг. респондентами острее стала ощущаться диспропорция в уровне развития регионов, а основной причиной, побуждающей планировать переезд, респонденты назвали «депрессивное состояние экономики Волгоградской области». Точечные изменения, которые были сделаны к чемпионату мира по футболу (2018 г.), не оказали существенного влияния на уровень развития Волгоградской агломерации.

В 2019 г. 65 % опрошенных ответили, что «многие знакомые уехали или собираются уехать из города по причине неудовлетворенности качеством жизни», и 54 % – что «нет примеров, когда люди хотели бы приехать в Волгоград».

В течение всего периода мониторинга миграционных настроений 2012–2019 гг. респондентами выражалось недовольство тем, что местная власть реагирует только на распоряжения высшего руководства страны, создавая видимость улучшений, при этом принципиально не меняя положения (68 % респондентов).

В целом можно отметить, что в 2019 г., по сравнению с результатами опроса 2012 г., негативные настроения среди опрошенных нами представителей студенческой молоде-

жи усилились. Респонденты проявляют недовольство местными органами управления, состоянием промышленности, низким уровнем развития инфраструктуры, отсутствием возможностей профессионального развития и форм досуга.

Среди опрошенных студентов, выросших в Волгограде, отмечается тенденция к смене места жительства после окончания вуза. В Волгограде склонны остаться студенты, приехавшие из небольших городских и сельских поселений. По результатам мониторинга можно сделать вывод, что сельские жители едут в Волгоград, а городские жители – в более крупные и развитые регионы России или в другие страны.

Сопоставление картины миграционных настроений студентов ВолгГТУ и ВГСПУ с данными Росстата по миграции в Волгограде показывает совпадение заявленных в ходе мониторинга намерений с реальным трендом.

Так, на протяжении с 2012 по 2019 г. по данным Федеральной службы государственной статистики в Волгограде фиксировалась положительная внутрорегиональная миграция при одновременной отрицательной межрегиональной миграции, причем оба показателя демонстрируют тенденцию к отрицательному росту [Витрина... web] (см. рис. 2).

Еще более выразительную картину наблюдаем при отдельном рассмотрении данных по миграции в возрастных группах 20–24 года (условно возраст студентов) и 25–29 лет (выпускники вузов) (см. рис. 3–4) [База данных... web].

Данные Росстата убедительно демонстрируют, что молодежь из области в основном приезжает в Волгоград, а из областного центра, в свою очередь, наблюдается стабильный отток молодежи в другие регионы, что соответствует миграционным настроениям, выявленным нами в ходе опросов студентов.

Заметно, что показатели оттока выше в возрастной группе 25–29 лет, то есть среди молодых специалистов. Показатели межрегиональной миграции молодежи студенческого возраста более «спокойные», хотя резкое увеличение количества покинувших город в 2019 г. настораживает.

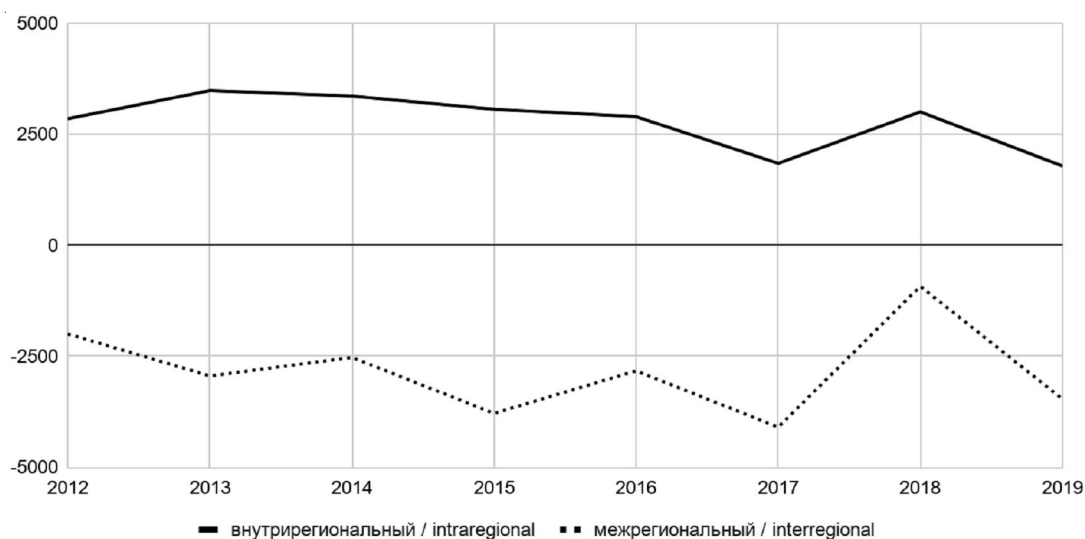

Рис. 2. Миграционный прирост населения в Волгограде в период исследования

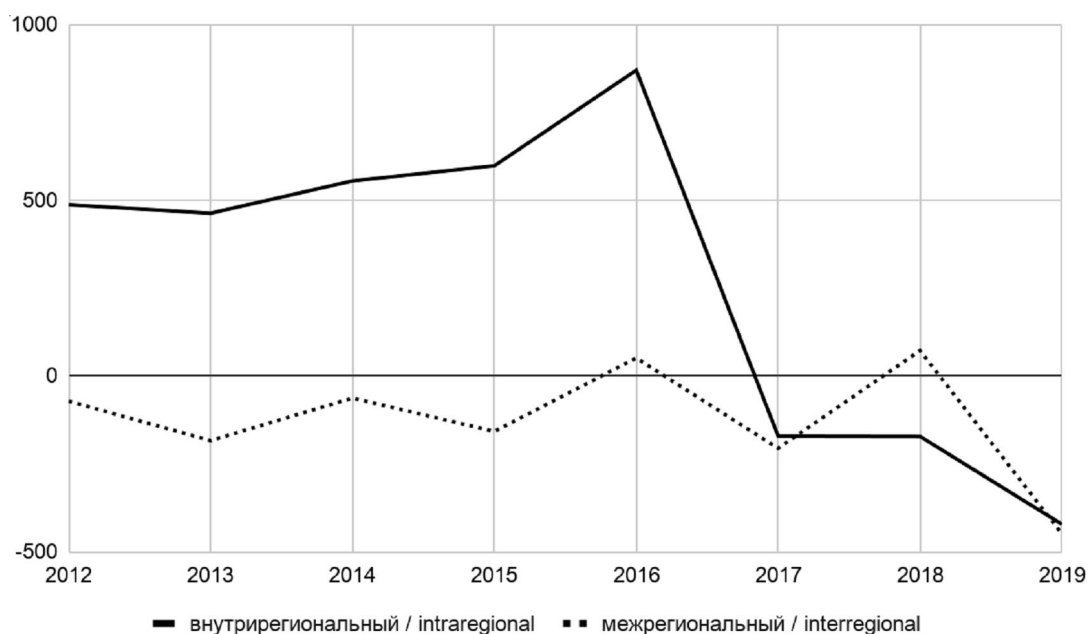

Рис. 3. Миграционный прирост населения в возрасте 20–24 года в Волгограде в период исследования
[База данных... web]

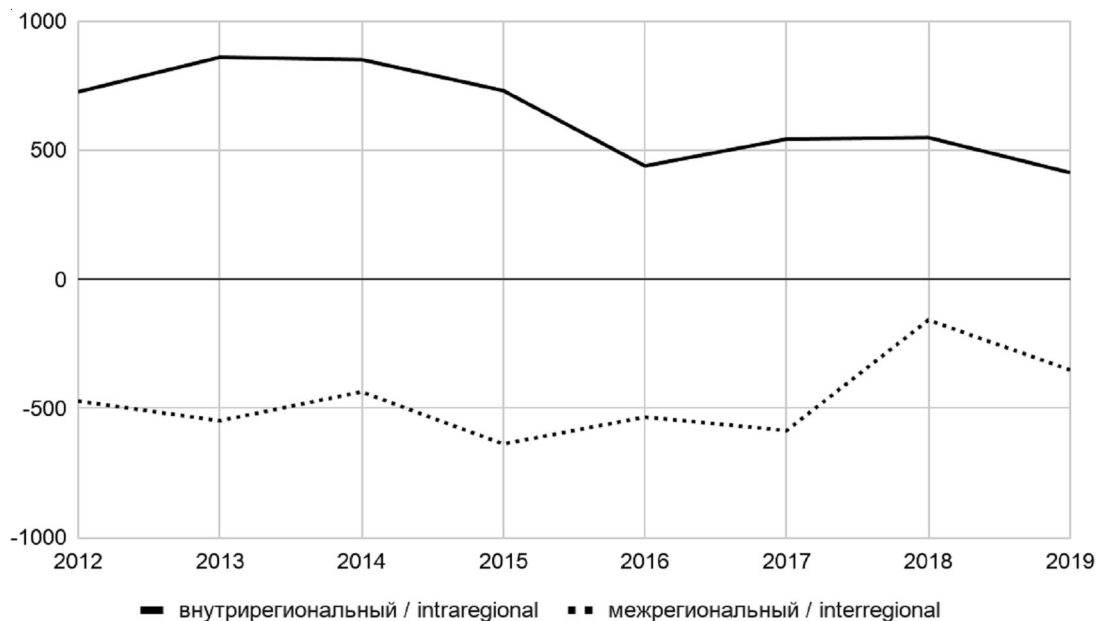

Рис. 4. Миграционный прирост населения в возрасте 25–29 лет в Волгограде в период исследования [База данных... web]

Заключение

Учитывая, что мониторинг миграционных намерений студентов проводился нами на протяжении восьми лет в двух крупнейших вузах Волгограда, один из которых (ВолГТУ) является опорным университетом региона, а полученные результаты сопоставлялись с данными Росстата, подтверждающими их, можно сделать вывод, что выявленный негативный тренд в миграционных настроениях характерен для волгоградской молодежи в целом. Среди формирующих его причин особое внимание следует обратить на депрессивное состояние экономики агломерации и неудовлетворенность качеством жизни. Респонденты отмечали: недовольство местными органами управления; низкий уровень развития инфраструктуры; ограниченный набор форм досуга; отсутствие возможностей трудоустройства по специальности и профессионального развития.

Фиксируя низкие по сравнению с крупными агломерациями темпы развития, полагаем, что у Волгоградской агломерации в ближайшие годы мало реальных перспектив к улучшению демографической ситуации. Проблема становится настолько насущной, что требует не только пристального внимания и обсуждения, но и конкретных экстренных дей-

ствий и кардинальных изменений в системах управления городом и городскими агломерациями [Павлов 2019].

Локальные мероприятия, направленные на решение обострившихся проблем, отдельные программы и проекты поддержки конкретного региона или муниципалитета, способны обеспечить кратковременное положительное влияние в местах оказания помощи или реализации программ поддержки, однако не могут стать стимулом к эффективному росту. Так как детерминантом региональной мобильности выступает уровень развития экономики, понятно, что регионы-аутсайдеры не смогут конкурировать с лидерами, которые ускоряют темпы и повышают потенциал роста. По-прежнему концентрация общественной, политической и экономической жизни будет сфокусирована в нескольких агломерациях-доминантах, при этом для большинства агломераций вероятны стагнация и депрессия. Учитывая сформировавшееся недоверие к местной власти, а также усиливающийся запрос среди молодежи на административную открытость, прозрачность бюджетных трат, на социальную справедливость, стоит определить направления развития, которые будут отвечать современным запросам и способствовать росту доверия. Например, перспективной выглядит практика «совместного ве-

дения бюджета», которую описывает Б. Рубл: местное правительство бразильского города Порту-Алегри с 1989 г. выделило «часть бюджета на строительство и обслуживание и пригласило горожан определить приоритетные направления использования этих средств, выбрать делегатов для разработки совместно с экспертами конкретных предложений по расходам и проголосовать за финансирование получившихся в итоге предложений» [Рубл 2013, 281–282]. Как подчеркивает исследователь, опыт оказался настолько успешным, что сходные программы были запущены не только в других городах Бразилии, но и «растиражированы по всему миру» [Рубл 2013, 282].

Итак, мы полагаем, что главной целью преобразований городских агломераций должно стать выравнивание уровня качества жизни в регионах. Территориальное развитие необходимо выстраивать таким образом, чтобы в каждом регионе или агломерации состояние системы здравоохранения, образования, культуры, транспортной инфраструктуры и возможности трудоустройства соответствовали современным потребностям. При этом необходимо соблюдать принцип диверсификации регионального развития, учитывая уникальные экономические, культурные, географические особенности каждой агломерации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ До 2016 г. самостоятельный вуз – Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, с 2016 г. структурное подразделение ВолгГТУ – Институт архитектуры и строительства ВолгГТУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов, Махрова 2019 – Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационном уровне в России // Известия РАН. 2019. № 4. С. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>.
- Бадмаева 2018 – Бадмаева Н.В. Миграция сельского населения южнороссийских регионов: проблемы, тенденции, направления // Oriental Studies. 2018. Т. 11, № 3. С. 152–164. DOI: [10.22162/2619-0990-2018-37-3-152-164](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-152-164).
- База данных... web – База данных показателей муниципальных образований: Волгоградская область [Федеральная служба государственной статистики] // <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst18/DBInet.cgi>.
- Бахлов, Кильдюшкина, Липатова 2020 – Бахлов И.В., Кильдюшкина И.Г., Липатова Л.Н. Интеграция и социальная адаптация мигрантов: основы государственной политики и опыт Республики Мордовия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 66–78. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/66-78>.
- Витрина... web – Витрина статистических данных: Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более (Волгоград) [Федеральная служба государственной статистики] // https://showdata.gks.ru/report/279006/?&filter_1_0=2012-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2013-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2014-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2015-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2016-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2017-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2018-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2019-01-01+00%3A00%3A00%7C-52&filter_2_0=131204%2C131200&filter_3_0=109103&rp_submit=t.
- Волгоградская область... web – Волгоградская область. Население // <http://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/naselenie.php>.
- Вяльшина, Дакирова 2020 – Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. 2020. Т. 28, № 1. С. 159–183. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183>.
- Города... web – Города в Российской Федерации с численностью населения 100 тысяч человек и более (тысяч человек, в порядке убывания численности населения) // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_urban100.php.
- Ермакова, Варшавер, Иванова 2020 – Ермакова М.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 363–381. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.
- Игнатова, Николенко 2011 – Игнатова Ю.Е., Николенко Н.А. Влияние региональных условий на адаптационные процессы трудовых мигрантов (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 43–48.

- Ижгузина 2014 – *Ижгузина Н.Р.* Концептуальные аспекты понятия «городская агломерация»: актуальные тенденции // *Перспективы науки.* 2014. № 6 (57). С. 25–34.
- Карачурина, Мкртчян 2017 – *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // *Регион: экономика и социология.* 2017. № 4 (96). С. 101–125. DOI: 10.15372/REG20170405.
- Кони́на, Мельникова, Мельников 2014 – *Кони́на О.В., Мельникова Е.В., Мельников А.С.* Роль миграционных процессов в формировании региональной конкурентоспособности // *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания.* 2014. Т. 18, № 16 (143). С. 82–85.
- Кузнецов, Межевич, Шамахов 2019 – *Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Шамахов В.А.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций // *Управленческое консультирование.* 2019. № 6 (126). С. 10–18.
- Лапин, Вуйко 2019 – *Лапин А.Е., Вуйко М.Б.* Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии // *Регионология.* 2019. Т. 27, № 1. С. 10–29. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>.
- Лаппо, Полян, Селиванова web – *Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И.* Городские агломерации России [Демоскоп Weekly. 2010. № 407–408] // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>.
- Мельников, Казанова, Мельникова 2015 – *Мельников А.С., Казанова Н.В., Мельникова Е.В.* Миграционные процессы как проблема устойчивого развития агломерации // *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания.* 2015. Т. 22, № 8 (171). С. 38–41.
- Мельников, Мельникова, Казанова 2017 – *Мельников А.С., Мельникова Е.В., Казанова Н.В.* Проблемы развития современных агломераций на юге России // *Социология города.* 2017. № 4. С. 41–46.
- Миронова 2017 – *Миронова Ю.Г.* Миграционные установки современной молодежи: региональный аспект // *Социология города.* 2017. № 4. С. 58–63.
- Мкртчян 2017 – *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2017. № 1. С. 225–242. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>.
- Мкртчян 2018 – *Мкртчян Н.В.* Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // *Региональные исследования.* 2018. № 1 (59). С. 72–81.
- Морозова 2005 – *Морозова И.А.* Проблемы управления социально-экономическими процессами (человеческим развитием) региона // *Регионология.* 2005. № 2 (51). С. 27–35.
- Оценка... web – Оценка численности постоянного населения Волгоградской области на 1 января 2020 года и среднем за 2019 год: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области // https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/wEosM7Zb/population_2020.pdf.
- Павлов 2019 – *Павлов Ю.В.* Развитие городских агломераций: проблемы и решения // *Среднерусский вестник общественных наук.* 2019. Т. 14, № 5. С. 112–140.
- Прюель, Липатова, Градусова 2020 – *Прюель Н.А., Липатова Л.Н., Градусова В.Н.* Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // *Регионология.* 2020. Т. 28, № 1. С. 133–158. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158>.
- Рочева, Варшавер 2020 – *Рочева А.Л., Варшавер Е.А.* Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2020. № 3. С. 295–334. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.
- Рубл 2013 – *Рубл Б.* Мировой опыт в эпоху городских агломераций. Уроки для управления Москвой // *Логос.* 2013. № 4 (94). С. 267–287.
- Рынок труда... web – Рынок труда в регионах России – индекс 2018 // <http://riarating.ru/infografika/20180911/630104345.html>.
- Стратегия... web – Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п // <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>.
- Терелянский, Мельников 2016 – *Терелянский П.В., Мельников А.С.* Факторы, определяющие инновационное развитие городской агломерации // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента.* 2016. № 4 (12). С. 62–67.
- Туровский, Джаватова 2019 – *Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю.* Региональное неравенство в России: Может ли централизация быть лекарством? // *Политическая наука.* 2019. № 2. С. 48–73. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.03>.
- Хуснутдинова, Балина, Развалова 2019 – *Хуснутдинова С.Р., Балина Т.А., Развалова А.А.* Изме-

- нения функционально-территориальной структуры городской агломерации на рубеже XX–XXI веков (на примере Казанской агломерации) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2019. № 3 (35). С. 68–78. DOI: 10.15593/2409-5125/2019.03.05.
- Чернышев 2017 – *Чернышев К.А.* Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 4. С. 259–273. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.4.52.15>.
- Шабашев (ред.) 2016 – *Шабашев В.А.* (ред.). Городская агломерация: состояние, проблемы, пути развития (на примере Кемеровской области). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016.
- Экономика... web – Экономика Российских городов и городских агломераций // http://www.urbanomics.ru/sites/default/files/ekonomika_rossijskih_gorodov_i_gorodskih_aglomeracij_vypusk_1_iyul_2017.pdf.
- Calabro web – *Calabro J.* Chinese Urbanization: Efforts to Manage the Rapid Growth of Cities [Global Majority E-Journal. 2012. Vol. 3, № 2. P. 75–85] // https://www.american.edu/cas/economics/ejournal/upload/calabro_accessible.pdf.
- Census... web – Census of India 2011 Urban Agglomerations and Cities // http://censusindia.gov.in/2011-prov-results/paper2/data_files/India2/1.%20Data%20Highlight.pdf.
- Chong, Qin, Ye 2016 – *Chong Z., Qin C., Ye X.* Environmental Regulation, Economic Network and Sustainable Growth of Urban Agglomerations in China // Sustainability. 2016. Vol. 8, № 5. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.3390/su8050467>.
- Feria Toribio web – *Feria Toribio J.* Nuevas periferias urbanas y planificación pública // [La ciudad. Tamaño y crecimiento: ponencias, comunicaciones y conclusiones del III Coloquio de Geografía Urbana. Málaga, Departamento de Geografía de la Universidad, 1999. P. 309–316] // http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/nuevas-periferias-urbanas-y-planificacin-pblica-0/html/0040e3a2-82b2-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_0_.
- Harrison, Heley 2015 – *Harrison J., Heley J.* Governing Beyond the Metropolis: Placing the Rural in City-Region Development // Urban Studies. 2015. Vol. 52, № 6. P. 1113–1133. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098014532853>.
- Lee 2015 – *Lee C.-I.* Agglomeration, Search Frictions and Growth of Cities in Developing Economies // Annals of Regional Science. 2015. Vol. 55. P. 421–451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0708-7>.
- Mori web – *Mori T.* Monocentric Versus Polycentric Models in Urban Economics [KIER Discussion Papers Series. 2006. № 611. P. 1–6] // https://www.researchgate.net/publication/5161657_Monocentric_Versus_Polycentric_Models_in_Urban_Economics.
- Olazabal, Bellet 2018 – *Olazabal E., Bellet C.* Procesos de urbanización y artificialización del suelo en las aglomeraciones urbanas españolas (1987–2011) // Cuadernos Geográficos. 2018. Vol. 57, № 2. P. 189–210. DOI: <https://doi.org/10.30827/cuadgeo.v57i2.5920>.
- Population Census... web – Population Census IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística): // <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/social/population/18521-2000-population-census.html?edicao=18523&t=downloads>.
- Urban and Rural... web – Urban and Rural Areas 2009 // <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/urbanization/urban-rural.asp>.
- Urban population... web – Urban Population (% of Total Population) // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>.
- Vasilieva, Danilova, Tokareva 2017 – *Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S.* Migration Attractiveness Of The Social And Economic Spaces: Volgograd Case Study // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2017. Vol. 12, № 1. P. 5–20.
- Walker 2015 – *Walker R.* Building a Better Theory of the Urban: A Response to “Towards a New Epistemology of the Urban?” // City. 2015. Vol. 19, № 2–3. P. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1024073>.

REFERENCES

- Antonov E.V., Makhrova A.G., 2019. Largest Urban Agglomerations and Super-Agglomerations in Russia. *Izvestiya RAN*, no. 4, pp. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>.
- Badmaeva N., 2018. Migration of Rural Population in Southern Russian Regions: Problems, Trends, Directions. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 152–164. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-152-164>.
- Database of Municipalities: Volgograd Region. *Federal State Statistics Service*. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst18/DBInet.cgi>.
- Bakhlov I.V., Kildiyshkina I.G., Lipatova L.N., 2020. Integration and Social Adaptation of Migrants: The Basics of Public Policy and the Experience

- of the Republic of Mordovia. *Ojkumena. Regional Researches*, no. 1, pp. 66-78. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/66-78>.
- Showcase of Statistical Data: Migration Population Growth in Cities with a Population of 100 Thousand People or More (Volgograd). *Federal State Statistics Service*. URL: https://showdata.gks.ru/report/279006/?&filter_1_0=2012-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2013-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2014-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2015-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2016-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2017-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2018-01-01+00%3A00%3A00%7C-52%2C2019-01-01+00%3A00%3A00%7C-52&filter_2_0=131204%2C131200&filter_3_0=109103&rp_submit=t.
- Volgograd region. Population*. URL: <http://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/naselenie.php>.
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T., 2020. Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates. *Regionologiya*, vol. 28, no. 1, pp. 159-183. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183>.
- Cities in the Russian Federation with a Population of 100 Thousand People or More (Thousands of People, in Descending Order of Population)*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_urban100.php.
- Ermakova M.A., Varshaver E.A., Ivanova N.S., 2020. Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow and the Moscow Region. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociology*, vol. 20, no. 2, pp. 363-381. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.
- Ignatova Yu.E., Nikolenko N.A., 2011. Influence of Regional Conditions on Adaptable Processes of Labor Migrants (Case Study of the Volgograd Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*, no. 3 (15), pp. 43-48.
- Izhguzina N.R., 2014 Conceptual Aspects of the Term "Urban Agglomeration": Current Trends. *Perspektivy nauki*, no. 6 (57), pp. 25-34.
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., 2017. Age Specific of Interregional Migration in Russia. *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4 (96), pp. 101-125. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170405>.
- Konina O.V., Melnikova E.V., Melnikov A.S., 2014. Role of Migration Processes in the Formation of Regional Competitiveness. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya*, vol. 18, no. 16 (143), pp. 82-85.
- Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Shamakhov V.A., 2019. Strategy of Spatial Development of the Russian Federation and Prospect of Seaside Agglomerations Development. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 6 (126), pp. 10-18. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-10-18>.
- Lapin A.E., Vuiko M.B., 2019. Models of Regional Development in the Russian Federation and Investment Strategies. *Regionologiya*, vol. 27, no. 1, pp. 10-29. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>.
- Lappo G.M., Polyan P.M., Selivanova T.I., 2010. Urban agglomerations of Russia. *Demoskop Weekly*, no. 407-408. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>.
- Melnikov A.S., Kazanova N.V., Melnikova E.V., 2015. Migration Processes as a Problem of Sustainable Development of Agglomeration. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya*, vol. 22, no. 8 (171), pp. 38-41.
- Melnikov A.S., Melnikova E.V., Kazanova N.V., 2017. Problems of the Development of Contemporary Agglomerations in the South of Russia. *Sociologiya goroda*, no. 4, pp. 41-46.
- Mironova Yu.G., 2017. Migration Directives of the Modern Youth: Regional Aspect. *Sociologiya goroda*, no. 4, pp. 58-63.
- Mkrtchan N.V., 2017. The Youth Migration From Small Towns in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 1, pp. 225-242. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>.
- Mkrtchyan N.V., 2018. Age Profile of Russian Internal Labor Migration and Other Forms of Spatial Population Mobility. *Regional'nye issledovaniya*, no. 1 (59), pp. 72-81.
- Morozova I.A., 2005. Problems in Managing Social and Economic Processes (Personality Development) in the Region. *Regionologiya*, no. 2 (51), pp. 27-35.
- Estimate of the Permanent Population of the Volgograd Region as of January 1, 2020 and the Average for 2019: Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Volgograd Region*. URL: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/wEosM7Zb/population_2020.pdf.
- Pavlov Y.V., 2019. Development of Urban Agglomerations: Problems and Solutions. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, vol. 14, no. 5, pp. 112-140. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-5-112-140>.
- Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N., 2020. Migration in Modern Russia: Scope, Main

- Directions and Problems. *Regionologiya*, vol. 28, no. 1, pp. 133-158. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158>.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., 2020. Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: A Russian Case. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 3, pp. 295-334. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.
- Ruble B., 2013. Lessons from Around the World for Moscow Governance in a Global Metropolitan Age. *Logos*, no. 4 (94), pp. 267-287. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6609>.
- Labor Market in the Regions of Russia – Index 2018*. URL: <https://riarating.ru/infografika/20180911/630104345.html>.
- Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r Dated February 13, 2019*. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.
- Terelyansky P.V., Melnikov A.S., 2016. Factors Determining Innovative Development of Urban Agglomerations. *Actual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta*, no. 4 (12), pp. 62-67.
- Turovsky R.F., Dzhavatova K.Yu., 2019. Regional Disparity in Russia: Can Centralization Become a Remedy? *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 48-73. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.03>.
- Khusnutdinova S.R., Balina T.A., Razvalova A.A., 2019. Changes in the Functional-Territorial Structure of Urban Agglomeration at the Turn of the XXI Century (by the Example of Kazan Agglomeration). *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Prikladnaya ekologiya. Urbanistika*, no. 3 (35), pp. 68-78. DOI: [10.15593/2409-5125/2019.03.05](https://doi.org/10.15593/2409-5125/2019.03.05).
- Chernyshev K.A., 2017. The Study of Permanent Migration of Economically Depressed Regions. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 10, no. 4, pp. 259-273. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.4.52.15>.
- Shabashev V.A. (ed.), 2016. Urban Agglomeration: State, Problems, Development Paths (by the Example of the Kemerovo Region). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ.
- Economy of Russian Cities and Urban Agglomerations*. URL: http://www.urbanomics.ru/sites/default/files/ekonomika_rossiyskih_gorodov_i_gorodskih_aglomeraciy_vypusk_1_iyul_2017.pdf.
- Calabro J., 2012. Chinese Urbanization: Efforts to Manage the Rapid Growth of Cities. *Global Majority E-Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 75-85. URL: https://www.american.edu/cas/economics/ejournal/upload/calabro_accessible.pdf.
- Census of India 2011 Urban Agglomerations and Cities*. URL: [bhttp://censusindia.gov.in/2011-prov-results/paper2/data_files/India2/1.%20Data%20Highlight.pdf](http://censusindia.gov.in/2011-prov-results/paper2/data_files/India2/1.%20Data%20Highlight.pdf).
- Chong Z., Qin C., Ye X., 2016. Environmental Regulation, Economic Network and Sustainable Growth of Urban Agglomerations in China. *Sustainability*, vol. 8, no. 5, pp. 1-21. DOI: <https://doi.org/10.3390/su8050467>.
- Feria Toribio J., 1999. New Urban Peripheries and Public Planning. *The City. Size And Growth: Presentations, Communications and Conclusions of the III Colloquium of Urban Geography*. Málaga, Departamento de Geografía de la Universidad, pp. 309-316.
- Harrison J., Heley J., 2015. Governing Beyond the Metropolis: Placing the Rural in City-Region Development. *Urban Studies*, vol. 52, no. 6, pp. 1113-1133. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098014532853>.
- Lee C.-I., 2015. Agglomeration, Search Frictions and Growth of Cities in Developing Economies. *Annals of Regional Science*, vol. 55, pp. 421-451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0708-7>.
- Mori T., 2006. Monocentric Versus Polycentric Models in Urban Economics. *KIER Discussion Papers Series*, no. 611, pp. 1-6. URL: https://www.researchgate.net/publication/5161657_Monocentric_Versus_Polycentric_Models_in_Urban_Economics.
- Olazabal E., Bellet C., 2018. Urbanisation Processes and Land Artificialisation in Spanish Urban Agglomerations (1987–2011). *Geographical Notebooks*, vol. 57, no. 2, pp. 189-210. DOI: <http://dx.doi.org/10.30827/cuadgeo.v57i2.5920>.
- Population Census web IBGE (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística)*: URL: <https://www.ibge.gov.br/en/statistics/social/population/18521-2000-population-census.html?edicao=18523&t=downloads>.
- Urban and Rural Areas 2009*. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/urbanization/urban-rural.asp>.
- Urban population (% of Total Population)*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>.
- Vasilieva E., Danilova E., Tokareva S., 2017. Migration Attractiveness of the Social and Economic Spaces: Volgograd Case Study. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, vol. 12, no. 1, pp. 5-20.
- Walker R., 2015. Building a Better Theory of the Urban: A Response to “Towards a New Epistemology of the Urban?” *City*, vol. 19, no. 2-3, pp. 183-191. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1024073>.

Information About the Authors

Elena V. Melnikova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Economics and Management, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, evm.34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8914-2181>

Natalia V. Kazanova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, nvkazanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4306-7593>

Andrey V. Shtyrov, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Methods of Teaching Mathematics and Physics, and IT, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation, an.shtyrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9090-7516>

Информация об авторах

Елена Витальевна Мельникова, кандидат социологических наук, доцент, кафедра экономики и управления, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, evm.34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8914-2181>

Наталья Витальевна Казанова, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nvkazanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4306-7593>

Андрей Вячеславович Штыров, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания математики и физики, ИКТ, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, an.shtyrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9090-7516>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.14>

UDC 316.42
LBC 60.56

THE EVOLUTION OF THE SEMANTIC PERCEPTION OF THE PHENOMENA AND PROCESSES IN THE MEDICAL AND SOCIAL SPHERE

Artem A. Boboshko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Public Chamber of the City of Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the analysis of the evaluation of the semantic perception of the processes in society, which deal with health, medical services, the quality of life in the period of social transformation at the end of 20th century and the beginning of the 21st. The author finds out the main reasons of changing of society attitude to social and personal health. Based on the analysis of social-philosophic approaches towards understanding the value of health and person's attitude to his own life and are revealed dynamic of meanings in medical and social sphere, the sources of the formation of modern concepts of the social significance of health. Having justified the versatility of the modern understanding of health, which isn't limited to the studying of the physical condition of the body, but it is also included mental, physic and social well-being, the author relies on the world organization of Health Care (WON), so the health means as a resource of everyday life, not so the health as am. Beyond the boundaries of the definition, those needs remain that are characteristic of a healthy person. In this regard the discussions haven't been stopping around the concept of health and currently, continuing that many concepts, based on different understanding of the essence of health. Health is priceless as a subjective factor, but it has an economic component from the point of view of social protection. According to the author's opinion, these factors prove the need for a new social model of medical services for the population. In the historic context the perception of meanings, related to the health and medical service, was formed by each specific epoch of development, manifesting itself in the ideas of the philosophers. Modern sociological science allows us to identify public opinion about medical-social sphere and based on its analysis, to correct the policy in this area, relying on the knowledge of social needs.

Key words: social value, social construction, quality of life, health, medical care, social practice.

Citation. Boboshko A.A. The Evolution of the Semantic Perception of the Phenomena and Processes in the Medical and Social Sphere. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 146-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.14>

УДК 316.42
ББК 60.56

ЭВОЛЮЦИЯ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Артем Андреевич Бобошко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Общественная палата г. Севастополя, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюционирования смыслового восприятия в обществе процессов, связанных со здоровьем, медицинским обслуживанием и качеством жизни в период социальных трансформаций конца XX – начала XXI века. Автор выявляет основные причины изменений отношения социума к общественному и индивидуальному здоровью. На основе анализа социально-философских подходов к осмыслению ценности здоровья и отношения человека к собственной жизни выявляется динамика смыслов в медико-социальной сфере, источники формирования современных концепций социальной зна-

чимости здоровья. Обосновывая многогранность современного понимания здоровья, которое не ограничивается изучением физического состояния тела, а включает в себя психическое, душевное и социальное благополучие, автор опирается на определение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), основывающееся на понимании здоровья как ресурса повседневной жизни, а не цели жизни. Однако при этом за границами определения остаются те потребности, которые свойственны здоровому человеку. В связи с этим дискуссии вокруг понятия здоровья не прекращаются и в настоящее время, порождая множество концепций, основанных на различном понимании его сущности. Здоровье бесценно как субъективный фактор, но имеет и вполне вычисляемую экономическую составляющую с точки зрения социальной защиты. Эти факты, по мнению автора, доказывают необходимость появления новой социально адаптированной модели медицинского обслуживания населения. В историческом контексте восприятие смыслов, относящихся к здоровью и медицинскому обслуживанию, формировалось каждой конкретной эпохой развития, проявляясь в идеях мыслителей. Современная социологическая наука позволяет выявить общественное мнение о медико-социальной сфере и на основе его анализа корректировать политику в этой области, опираясь на знание общественных потребностей.

Ключевые слова: социальная ценность, социальный механизм, качество жизни, здоровье, медицинское обслуживание, социальная практика.

Цитирование. Бобошко А. А. Эволюция смыслового восприятия явлений и процессов в медико-социальной сфере // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 146–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.14>

Трансформация медицинского обслуживания в постиндустриальном (информационном) обществе в России и мире в целом вызвана изменениями в системе социальных отношений, инверсией в отношении к здоровью и к медицине, диверсификацией коммуникаций с работниками медицинской сферы и т. д. Стало очевидно, что модели медицинского обслуживания предыдущих общественных формаций устарели. Доказательством этого являются многочисленные попытки адаптации медицинского обслуживания к требованиям времени. Увы, технические приемы в виде модернизации, изменения каналов финансирования, оптимизации различных рангов, цифровизации не дают каких-либо существенных результатов в улучшении здравоохранения. Пандемия 2020 г., охватившая значительное количество стран мира, вызванная возбудителем SARS-CoV-2, которая в большей степени имеет социальные последствия, нежели медицинские, является прямым доказательством необходимости появления новой модели медицинского обслуживания населения, построенной на медико-социальных критериях, а не экономической целесообразности.

Даже находясь в смысловых рамках определенной общественной системы, социолог не всегда достигает более или менее очевидного понимания связей и взаимодействий различных аспектов теоретического и эмпирического восприятия изучаемого объекта. Однако эти затруднения многократно возрастают во

время глобальных исторических изменений. Зрелище получается масштабным, завораживающим своим величием, недаром, древнекитайская мудрость предупреждает нас: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!»

На рубеже XX–XXI вв. Россия пережила период социально-политических, экономических и культурных трансформаций, изменивших общественную ситуацию в стране, систему ценностей, парадигмы осмысления смысла жизни и существования человека. Само понятие «жизнь» приобрело новое социальное измерение, а вместе с этим иными смыслами наполнились понятия «качество жизни», «здоровье», «охрана здоровья». На первый взгляд может показаться, что нет суждений более близких и понятных человеку, чем перечисленные, но иллюзия сразу исчезает, как только от привычной рассудочности мы отваживаемся выйти на простор теоретического исследования, временной масштаб которого – историческое время в целом, тогда как рассудок оперирует в рамках определенного временного интервала. Сознание пытается «частное» представить как «общее» и ставит перед исследователем серьезную социологическую задачу: найти такую систему социальных индикаторов, которая бы надежно репрезентировала социальные связи и взаимодействия в базовых социальных институтах, вырабатывающих главный продукт истории – человека. И тогда становится ясно, что вопросы человеческого здоровья превращаются в важное поле исследования.

Масштаб проблемы не исключает, а предполагает выделение отдельных этапов решения, выстраивания динамики различных точек зрения и, в конечном итоге, построение логики понимания процесса, которую можно создать путем выработки комплекса взаимосвязанных гуманитарных замыкающих абстракций. Об общественной актуализации этой задачи можно судить по тому, с какой настойчивостью в последнее время представители разных отраслей гуманитарного знания стали говорить о неотложности решения задачи выработки формы и содержания «общенациональной идеи». Очевидно, что интегрировать различные области знания воедино без выделения базовых смыслов осевого времени невозможно [Ясперс 1991, 32]. Поэтому любопытно представить даже краткий очерк подобных попыток, предпринятых разными культурами в разные времена с целью достижения смыслового согласования различных задач социальной практики. Оговоримся, что наш исторический экскурс не претендует на широту и всеохватность. Мы лишь постарались, насколько возможно, определить узловые смыслы, важные для настоящего изложения. В этой связи мы элиминировали фрагменты истории Древней Индии, Китая, Египта и тому подобных не по причине признания их несущественности, но только по соображениям сохранения определенной, скорее формальной однородности.

Уже античная интеллектуальная практика пришла к выводу о необходимости выделения вопроса о том, что «есть и почему» такое понятие, как «качество жизни» (заметим попутно, что разные античные авторы, говоря об одном и том же явлении, нередко называли его по-разному). Это обстоятельство кардинально отличало античный характер спекулятивных построений от предшествующего мифологического опыта, заложив тем самым основы научной европейской традиции. Гераклит, Демокрит, Аристотель – особенно в своей «Никомаховой этике» [Аристотель 1984, 65], уже стремились к созиданию научного понимания смыслов жизни и истории, которое было бы открыто для научной критики. И эта интенциональная характеристика античного научного знания не замедлила проявиться в космологических идеях Демокрита [Лурье

1970, 207], диалектических идеях Гераклита, которые своеобразно связывали мир человека и мир космоса и, наконец, Аристотель в своих «Аналитиках» [Аристотель 1952] достиг высот античного понимания необходимости бережного отношения к здоровью как одной из величайших социальных ценностей. В целом, античность стремилась к тому, чтобы охватить смыслы взаимодействия «человек-природа-космос» на уровнях всеобщего (космические связи) и индивидуального (судьба).

Космологическая идея античности со временем уступает место теоцентристской идее средневековья. Попытки античных авторов облагородить космологическую идею, вложить в нее гуманистическое содержание наталкивались на объективно существующие базовые связи античной экономики, которые, как известно, формально-юридически были рабовладельческими, следовательно, неизбежно базировались на насилии, то есть на внеэкономическом принуждении к труду. Отсюда рождалась социальная оппозиция «господин – раб», преодолеть которую античность в условиях наличного существования не сумела. Получалось так, что о проблемах человека, его жизни и здоровье говорить в общезначимых смыслах, с одной стороны, было культурно притягательно, но с другой, социально-экономической, попросту невозможно: очевидно, что единого социального измерения в условиях оппозиции «раб – господин» не создать.

Вот почему снятие этого противоречия исторически происходит, как говорилось выше, в форме теоцентризма, когда диаметрально меняются декорации истории и «мир справедливости и добра навсегда поселяется на небе». Со времени Августина Блаженного идея о «граде Божиим» и «граде земном» [Августин Блаженный 1998] претерпевает значительные видоизменения, сохранив неизменным стремление связывать все сущее, в том числе качество индивидуальной жизни, ее благополучие исключительно с идеей божественного начала как всеопределяющего. Казалось, что «золотой ключик» ко всем проблемам найден, но торжествовать победу пришлось недолго.

По мере роста общей численности и, главное, плотности населения резко обострились многие проблемы социальной жизни, которые и ранее доставляли немало хлопот

(организация скорой медицинской помощи, госпитальное дело, медицинское образование, аптечное дело и так далее). Кроме того, появились принципиально новые формы социальной активности (торговля, банковские сети, массовые профессиональные армии и так далее), которые на первый план выдвигали вопросы организации массовой санитарии и гигиены, акушерства, эпидемиологии и т. п. Могло показаться, что источник бед и волнений находится где-то вовне и с самими людьми непосредственно не связан. С внешней же угрозой злых сил мира люди привыкли справляться с помощью умиловительных молитв.

Историческое время заставило успокоившегося в канонах веры человека вздрогнуть, когда ему был предъявлен схоластический парадокс о том, что всемогущий Господь, если он действительно всемогущ, должен создать камень такого веса, который он не сможет поднять. Кончина теоцентристской идеи, которая предполагала решить все земные проблемы (благополучие, здоровье, счастливая жизнь) либо в Боге, либо посредством Бога, произошла именно тогда, когда усилиями Пьера Абеляра и Фомы Аквинского [Гусейнов, Иррилиц 1987, 50] была создана концепция «ангельского доктора», но поставить победную точку история не смогла, поскольку сама идея отнесенного «вовне» решения всех проблем, увы, оказалась несостоятельна по чисто логическим основаниям.

Оказавшись на очередном историческом переломе, культура Возрождения и Нового времени резко меняет смысловые акценты, переселяет субъекта исторических драм с небес на землю, где он и должен искать разрешение противоречий своего социального бытия. Наиболее подходящей и в теоретическом и в практическом плане оказалась доктрина антропоцентризма, которая и заменяет собой парадигму теоцентризма.

Суть этих изменений наиболее полно выразил в своих работах Н. Кузанский, определив человека как исходную точку вселенной. Он практически все замкнул на человека. В этой ситуации Кузанскому не оставалось иного пути, кроме дороги абстрактного гуманизма. Однако абстракция как таковая означает отбрасывание лишних признаков. Стремясь подчеркнуть вселенские черты челове-

ческого «Я», Кузанский оставлял в стороне «мелкие подробности» его бытия, в число которых входили и образование, и здравоохранение, и воспитание, то есть то, что и лежит в основе процесса обработки людей людьми, наполняет историческое время конкретикой, делает его узнаваемым [Кузанский 1937].

Последующие шаги общества Нового времени как раз и были связаны с внесением в способ понимания человеческого блага в том числе и здоровья, уже явно различимых оттенков инструментализма, подчеркивающих роль и значимость конкретно-социальных параметров человеческой личности, закрепленных в нормах общественного права.

Сравнивая Новое время с античностью, мы замечаем, что произошел исторический сдвиг эпох, изменились нравы, язык, законы и многое другое, однако историческая сердцевина сумела сохранить себя в своей сути: насилие как таковое продолжало оставаться доминантой истории. Однако от ничем не ограниченного насилия Древнего мира цивилизация Европы XVII в. приблизилась к реализации ограниченного, хоть и частично, права насилия. Поэтому логика общественного договора Томаса Гоббса знаменовала собой наступление новой исторической эпохи. Эта доктрина уже напрямую связывает природное, естественное состояние индивидуальных проявлений человека с юридически закрепленными возможностями (подчеркнем, только возможностями) обретения им гражданских качеств, которые он получает в процессе социализации.

Простые и ясные истины, совпадающие и по форме и по содержанию с нормами естественной, простой этики и нормами естественного гражданского права совсем не органично вписывались в мир реальный.

Следует отметить, что Новому времени, помимо правовой манифестации ценностей и последующего включения в перечень естественных прав вопросов жизнестойкости, нужно было еще и научиться таким областям социальной практики, как обмен видов деятельности, организация распределения и потребления, социальное функционирование семей и так далее. И здесь оказалось, что практики духовного и материального производства расходятся. Нормы абстрактного гуманизма Кузанского плохо согласовывались с суровы-

ми законами нарождающегося рынка: оказалось, что здоровье – такой божественный дар, за который надо платить. Если это так, то тогда возникает множество острых вопросов: кто, сколько, когда, кому, гарантии и так далее.

Обозначившееся социально-экономическое неравенство приняло облик революционных идей. Из дальнейшего изложения станет ясно, что возникает любопытный парадокс: люди все глубже запутываются в связях и отношениях, которые создают сами.

Очарование революционной фразой оказалось таким захватывающим, что, забыв скептицизм Монтеня, логический рационализм Декарта и субстанциональную проницательность Спинозы, Европа пала жертвой революционного романтизма и нетерпеливости, когда вместе с правом на жизнь, свободу и труд (в будущем эта ценностная триада трансформируется в девиз Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство»), в числе естественных прав стали мыслиться и права охранять свое здоровье, заботиться о здоровье старших и младших поколений и так далее. Таким образом, люди достигли уровня развития, когда важность задачи надо было согласовывать с ресурсным обеспечением и благовременностью [Конституции... 1957, 232].

Поставленные Томасом Гоббсом задачи [Гоббс 1989, 327] в целом совпадали с вызовами исторического времени. Однако их надо было не только обозначить, но и как-то реализовать, сообразуясь с созданной жизнью конкретикой, то есть различать их в своеобразном переплетении вкусов, запахов, звуков.

Развивая эту идею, Иммануил Кант дает ее философское завершение (актуальное, кстати, и сегодня, но подробнее об этом скажем ниже) в виде утверждения единства добродетели и благополучия [Кант web].

При всем многообразии гуманитарных идей Нового времени обращает на себя внимание неприкрытое стремление ставить логическое ударение на «естественном» праве людей на жизнь и здоровье, подчеркивая его историческую автономность. В результате вопросы о зонах ответственности, модификации общественного устройства жизни людей, определении глубины и границ государственного правового регулирования и социальной политике отодвигались куда-то вдаль. Попут-

но заметим, что обретенное в истории социальное качество отнюдь не утрачено, а продолжает сохраняться, пусть и в несколько измененном виде, в современном воплощении в жизнь либеральной идеи. Достаточно оглянуться на социальные волнения XXI в. в США, Франции, ФРГ, чтобы понять какую подлинную цену приходится платить за постижение очередности философских и социологических истин, столь далеких от житейских установок текущего времени.

Вернемся к Новому времени, чтобы сделать одно существенное, на наш взгляд, дополнение. Мы уже отмечали, что Европа, нащупав социальную продуктивность естественно-правовой идеи, пусть и не очень уверенно, но все-таки двинулась по этому пути. Однако правовая эйфория длилась относительно недолго по следующим основаниям.

Первое и самое главное затруднение заключалось в том, что естественно-правовой идеал изначально мыслился как некое универсальное средство от всех бед [Гоббс 1991, 98], которое на глазах теряло свои волшебные свойства, сталкиваясь с канонами национальных правовых систем. Таким образом, правовая форма вступила в острое противоречие с правовым содержанием. До конца разобрать эти завалы не удастся до настоящего времени, о чем можно судить по политическому развитию современной России. Став правовым государством, она, тем не менее сталкивается в медицинско-правовой области с серьезными проблемами и противоречиями. Справедливости ради, заметим, что она далеко не одинока в этом отношении.

Второе открытие состояло в том, что проблема здравоохранения оказалась бинарной, то есть помимо прямой связи «государство – врач – пациент», существовала и обратная, ведущая от пациента к врачу. В тексте Библии, видимо, не случайно присутствует строгий императив: «Врачу исцелися сам...» (Лк. 4:23), и тем не менее Европа все же решительно вступила на этот оказавшийся тернистым путь развития.

Достигнув высот эпохи Просвещения, Западная Европа всерьез поверила, что в конце XVIII в. уже не за горами вступление в вожделенное царство Разума, где Мировой Логос определяет все, начиная от установления

законов небесной механики и кончая точными указаниями в области оптимальной организации лечебного дела вплоть до правил посещения лазаретов (античному Гераклиту в сей момент, видимо, стало светло на небесах). Захваченным революционным вихрем европейцам дела земные казались не сложнее бинорма Ньютона.

Действительно, в то время задача не казалась такой головокружительно сложной. В качестве возможных препятствий виделась известная медико-биологическая недосказанность (гносеологический оптимизм эпохи с этими опасениями легко справлялся), некоторое ослабление исторической воли к действию, с которым Владимир Маяковский чуть более века спустя предлагал бороться прямым понуканием: «Клячу истории загоним! – Левой, левой, левой!» [Маяковский 2019, 193] Исторические перспективы радовали, поскольку были явно ощутимы революционные напор и решительность. Может быть, потому и возникает идея Артура Шопенгауэра о воле как главном двигателе истории [Шопенгауэр 2016, 3]. Российская интеллектуальная молодежь XIX в. буквально зачитывалась Шопенгауэром.

Мы недаром так пристально оглядываемся в дела давно минувших лет, ибо часть подобных ошибок в отечественной социальной практике мы уже совершили, а некоторые еще впереди и, может быть, мы будем о них только помнить, но не переживать.

Однако Европе XVIII в. еще предстояла встреча с «историческим» дьяволом, который, как известно, кроется в мелочах. И он не замедлил явиться тогда, когда его появления совсем не ожидали.

Мы уже частично коснулись вопроса о роли перемен в динамике восприятия медико-социальной сферы. Не обошли они стороной и начало XIX в., совпавшего с целым рядом глобальных процессов. Начавшаяся индустриализация, подвижки в организации и ведении сельского хозяйства, массовые социальные миграции как по вертикали, так и по горизонтали, формирование нового социального портрета семьи, тотальная урбанизация и многое другое были порождением этого времени. Меновый рынок, задававший до этого значения основных социальных показателей (образ и качество жизни), стал уступать мес-

то рынку капиталов, что означало вступление исторического человека в эру отчуждения. Не вдаваясь в подробности, отметим, что “Homo sapiens” (продукт эпохи Просвещения), встретившись с “Homo faber” (индустриальный продукт), незаметно для себя утратил свою самость. Произошло это прежде всего потому, что отношения стали всезначимыми и оттеснили человека и присущие ему по своей природе проблемы (здоровье, благополучие и т. д.) на историческую периферию. Таким образом, человек отчуждается от всего, всех и самого себя, все заслоняет собой капитал, становясь молохом современности. Идея «выгода, ничего, кроме выгоды» превратились в альфу и омегу истории, вобрав в себя ее смыслы и значения.

В соответствии с указанным сдвигом в мировосприятии произошли и кардинальные изменения в системе социальных ориентаций человека, которые привели к серьезным деформациям представлений о качестве жизни. Глубинная суть произошедших изменений отразилась в системе взглядов, получивших название философии утилитаризма. Джон Милль, ее основоположник, решительно отходит от принципов культуры, характерных для античности и эпохи Возрождения. Он прямо и бесповоротно говорит о том, что только принцип пользы может служить в качестве истинного универсального мерила всех без исключения желаний и устремлений [Прокофьев 2008а, 118; 2008б, 137]. Возникшая чуть позже моральная арифметика Иеремии Бентама окончательно определила метод количественной калькуляции счастья как способ подсчета количества людей, которые считали, что необходимый по их мнению и согласно общественным стандартам счастья (вспоминается смысловое клише «американская мечта») уровень жизни уже достигнут [Философский энциклопедический словарь 1983, 49]. Любопытно отметить то обстоятельство, что примерно в это же время (1-я треть XIX в.) возникает и наука под названием социология – выдающееся достижение Огюста Конта, который в своем детище, в первую очередь, видел инструмент социального измерения [Конт 2011, 54].

Огюст Конт одним из первых оценил методологический и прогностический потенциал социологической науки, которая благода-

ря своим инструментальным возможностям смогла измерять социальные факторы, явления, процессы. Мир социологических выкладок своей цифровой конкретикой убеждал человеческие массы быстро и доходчиво. Так начиналось очарование цифрой, которое длится и поныне. Оно дало удивительные результаты, порой ошарашивающие. Подробнее на этом остановимся ниже.

Индустриальная Европа и Америка XIX–XX вв., достигнув своего имперского величия, видимо, полагали, что сумеют освоить социально-гуманитарную тематику без принципиальных затруднений, но в начале XX в. в России произошла цепочка социально-экономических революций, которая решительно изменила ход мировой истории. Оставляя в стороне разбор социально-экономических проблем (это выходит за рамки поставленной в статье задачи) революционной эпохи, отфиксируем одно из важнейших ее достижений в гуманитарной сфере. Речь пойдет о системе защиты населения и охране здоровья, разработанной Н.А. Семашко в послереволюционные годы [Решетников и др. 2014]. Система (модель здравоохранения в СССР) активно обсуждается в современной научной литературе. Несмотря на различие точек зрения экспертов, они сходятся во мнении, что эта система и сегодня впечатляет своей эффективностью. Скажем прямо: ее сохранившиеся отдельные механизмы продолжают эффективно действовать и сегодня. Достаточно сказать, что успехи Российской Федерации в борьбе с COVID-19 в немалой степени достигнуты благодаря элементам указанной системы. Она, конечно, не может рассматриваться как образцовая модель общественной защиты здоровья, но ее базовые ценности и стандарты заслуживают самого серьезного внимания. Это тем более важно, потому что западный мир в это же самое время достигал своих результатов. Однозначно о них судить трудно, там были и свои победы и свои поражения. Нашупав социальную продуктивность естественно-правовой идеи, западные страны, а теперь и Россия, заявившая в своей Конституции о том, что является правовым государством, пусть и не очень уверенно, но все-таки свою социальную политику строит по рецептам Гоббса и Монтескье, предпочитая не вспоминать Карла Маркса. До

настоящего времени казалось, что рецепт процветания найден и главное теперь – не сойти с этого пути. Однако перемены не заставили себя долго ждать. Прежние уклады жизни: и индустриальный капитализм, и социалистическая экономика, и постиндустриальное общество, и турбокапитализм – вынужденно уступили историческую дорогу информационным технологиям, которые создали прежде всего новый темп реальности, в котором цифровой и физический миры слились воедино, сделав границу, их разделяющую, почти неразличимой.

Изменения коснулись и медицинской сферы, традиционная медицина серьезно потеснена нетрадиционной, лечить стали не болезнь, а симптомы, охрана здоровья из медицинской сферы переместилась в социально-правовую.

Наука, издревле соединявшая себя с социальной практикой посредством философской объективации, ныне осознается и закрепляется в общественном сознании напрямую, проходя при этом фильтры социально-психологической оценки. О качестве жизни, например, стали говорить как о чем-то таком, что фиксируется на уровне чувственного восприятия.

К этому следует добавить, что такая исконная ценность буржуазного толка как деньги, эволюционировав, превратилась в универсальное мерило всего: на полном серьезе в ходе судебных слушаний на Западе устанавливается средняя (интересно для кого вопрос) стоимость человеческой жизни.

Поддавшись обаянию идеи универсализма, мы стремимся к обобщению повсюду, начиная от рационализации наполненности финансовых потоков (одно только таргетирование бюджетных средств чего стоит) и кончая оптимизацией кадрового менеджмента (еще недавно это называли проще – «сокращение штатов»).

В современном мире здоровье, будучи оцифрованным, определяется по величине денежного эквивалента защищающего его полиса. В этой системе социального измерения уже начинает волновать не само здоровье, а размер суммы полиса, источники финансирования, банковские гарантии. Глядя на серьезные социальные волнения, например, в США, в последнее время, нельзя не заметить, что именно противоречия в системе полисной организации национального здравооу-

ранения поставили страну на грань гражданской катастрофы.

Очень не хотелось бы сводить существующие проблемы только к количественной стороне дела: подсчет страховых сумм полисов, их коррекция и так далее. Или углубляться в бесконечные перечисления и уточнения соответствующих правовых актов. Безусловно, эти вопросы важны, иногда болезненны, но куда более важным представляется вопрос о том, что такое милосердие? Это профессиональная компетенция социального работника со своим укладом, тарифной сеткой, должностной инструкцией? Или коснемся совсем уж запутанного вопроса о волонтерстве, которое должно быть олицетворением жертвенности, филантропии, с одной стороны, а с другой, становится придатком службы спасения «911».

Казалось бы, и первые и вторые озабочены вопросами опеки, помощи пострадавшим людям. Но попробуйте хотя бы скоординировать одновременно работу тех и других. Скорее всего не получится.

Современная модель либерального толка, охватывая собой новые регионы и социальные солидарности живущих в них людей (социальные конвексии и консорции, социальные слои, профессиональные группы, страны), стала все больше напоминать своей губительной силой чуму, но уже XXI века.

По своей сути современная социальная практика создает своего рода социальные оксюмороны типа «горячий снег», «добрый волк» и так далее. Почему это происходит? Отважimsя дать свою версию ответа.

Мы не случайно начали наше изложение с сетования на времена перемен и связанные с ними перестройки смыслов, которые глубоко меняли исторические формы культуры в общем и связанные с ними формы организации гуманитарного знания в частности. Мы все еще пытаемся в логике событий былого найти подсказку действий в будущем. Отсюда и наш экскурс в историю гуманитарных взглядов, как-то само собой в памяти всплывает грозное предостережение Гегеля, что история ничему не учит человека.

Тогда приходится соглашаться с тем, что в условиях наступившей цифровизации, демографической «гармошки», мультикультурности и всепроникающей толерантности мы в боль-

шей степени, нежели наши предки, обречены на историческое одиночество. Стоя на семи ветрах системы вызов-ответ, мы должны твердо помнить, что нам не избежать общей исторической участи: в эпоху перемен надо создавать новые научные теории, новые подходы к решению социальных проблем.

В процесс обновления социальных и гуманитарных наук стягивается вся цивилизация без остатка. Причина этого заключается в испуге «цивилизованного» человека перед творением рук своих. Снося социальные конструкции прошлого, сторонники «новой волны», охваченные безудержной страстью стремления к социальной новизне, безжалостно разрушают ценностную базу традиционной культуры. Рушится все: начиная от ценностей, привитых литературой и искусством, и заканчивая семейными ценностями (нет уже в ряде социальных систем статусов «муж» и «жена», а есть «однополоый и двуполоый брак»), гендерными характеристиками (помимо статусов «мужское» и «женское» появился статус «трансвестит»). Поэтому в социальной практике возникают неразрешимые вопросы. Например, включать трансвестита в систему мужского или женского здравоохранения или одновременно в обе. За всем этим стоит не только серьезное медико-биологическое различие, это одновременно и целые пласты истории со своим языком, устоями, нормами. Попытка при этом спрятаться за словами «политкорректность» и «толерантность» поневоле заставляет думать о преднамеренном искажении культурных ценностей целых народов.

В начале XXI в. западная цивилизация пришла к выводу, что метод прямой экстраполяции истории перестает работать [Хобсбаум 2004, 13]. До недавней поры «прошлое» незаметно перетекало в «настоящее» и затем превращалась в «будущее». И это обстоятельство воспринималось как непреложный закон естественной и социальной истории.

Первый тревожный звонок раздался в 1945 г., когда губительное атомное пламя впервые вспыхнуло над Хиросимой. Хибакусы стали символами не только военной жестокости, но и удручающей человеческой глупости. Чем дальше и глубже люди проникали во тьму времен, тем очевиднее как для цивилизации в целом, так и для ее национальных сегментов становилась задача овладения новым уровнем

не только естественного, но и гуманитарного знания, поскольку все острее и беспощаднее становились проблемы социальной биологии человечества, о которых мы уже говорили.

Осознавая для себя эту задачу, западные страны посчитали, что могут решить ее самостоятельно. Россия, таким образом, как это уже не раз бывало в истории, должна была снова искать внутренние силы для нахождения достойного ответа. А они действительно были прежде всего в динамике научной мысли, в развитии технологий.

Однако не будем забывать, что историческая изменчивость решительно меняет и форму и содержание таким образом, что уровень нагрузок на людей вырос до таких пределов, преодолеть которые можно лишь создав культуру нового типа. Речь не идет о возрождении ницшеанских социальных проектов или каких-то иных подобных ему, но мы говорим о формировании философско-социологической интегральной концепции человека, в которой философское онтологическое понимание органически сольется с конкретно социологическим объяснением сложных механизмов социального и экологического развития *Homo sapiens*.

Таким образом, смысловая нагрузка понятий, связанных со здоровьем и медицинской наукой напрямую зависит от социокультурной матрицы и тем самым определяет эволюцию понимания здоровья индивидуумом как ценности и экономической категории. Здоровье уже не является определением физического состояния тела, оно включает в себя психическое, душевное и социальное благополучие. Здоровье бесценно как субъективная категория, но имеет и вполне вычисляемую экономическую составляющую с точки зрения социальной защиты. Эти факты, с нашей точки зрения, доказывают необходимость появления новой социально адаптированной модели медицинского обслуживания населения, опирающейся на анализ результатов многомерного социологического изучения потребностей людей в сфере здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Блаженный 1998 – *Августин Блаженный*. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божиим. Кн. I–XIII. Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.
- Аристотель 1952 – *Аристотель*. Аналитики первая и вторая. Ленинград: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Аристотель 1984 – *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
- Гоббс 1989 – *Гоббс Томас*. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
- Гоббс 1991 – *Гоббс Томас*. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
- Горшков, Крумм, Тихонова 2013 – *Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е.* Готово ли российское общество к модернизации? М.: Весь Мир, 2010.
- Гусейнов, Иррлитц 1987 – *Гусейнов А.А., Иррлитц Г.* Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.
- Кант web – *Кант И.* Метафизика нравов. Введение в учение о добродетели [Гражданское общество в России] // https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_4.pdf.
- Конституции... 1957 – Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957.
- Конт 2011 – *Конт О.* Общий обзор позитивизма. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Кузанский 1937 – *Кузанский Н.* Избранные философские сочинения. М.: Соцэкгиз, 1937.
- Лурье 1970 – *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970.
- Маяковский 2019 – *Маяковский В.В.* Стихи и поэмы. Подробный иллюстрированный комментарий к избранным произведениям. М.: Проспект, 2019.
- Прокофьев 2008а – *Прокофьев А.В.* Идея справедливости в «Утилитаризме» Дж.С. Милля // *Философия и культура*. 2008. № 10. С. 118–133.
- Прокофьев 2008б – *Прокофьев А.В.* Идея справедливости в «Утилитаризме» Дж.С. Милля // *Философия и культура*. 2008. № 11. С. 137–144.
- Решетников и др. 2014 – *Решетников В.А., Невсвижский Ю.В., Касимовская Н.А.* Н.А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения // *История медицины*. 2014. № 3. С. 24–29.
- Философский энциклопедический словарь 1983 – *Философский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1983.
- Хобсбаум 2004 – *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004.
- Шопенгауэр 2016 – *Шопенгауэр А.* Феномен воли. С комментариями и объяснениями. М.: АСТ, 2016.
- Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991.

REFERENCES

- Augustin the Blessed, 1998. *Creations. In 4 vols. Vol. 3. About the City of God. Books I-XIII*. Kiev, UCIMM – PRESS.
- Aristotle, 1952. *Analysts the First and the Second*. Leningrad, Gos. izd-vo polit. lit.
- Aristotle, 1984. *Essays. In 4 vols. Vol. 4*. Moscow, Mysl' Publ.
- Gobbes T., 1989. *Essays. In 2 vols. Vol. 1*. Moscow, Mysl' Publ.
- Gobbes T., 1991. *Essays. In 2 vols. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ.
- Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova H.E. 2013. *Is the Society Ready for Modernization?* Moscow, Ves' Mir Publ.
- Huseynov A.A., Irrlicht G., 1987. *A Brief History of Ethics*. Moscow, Mysl' Publ.
- Kant I. *Metaphysics of Moral. Introduction to the Doctrine of Virtue. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_4.pdf.
- Galanza P. N. (ed.), 1957. *Constitution and Legislative Acts of the Bourgeois States XVII–XIX Center*. Moscow, Gosurizdat Publ.
- Kont O., 2011. *General Overview of Positivism*. Moscow, Librokom Publ.
- Kusanskiy N., 1937. *Selected Philosophical Works*. Moscow, Sotselkgiz Publ.
- Lurie S.Y., 1970. *Democritus. Texts. Translation. Researches*. Leningrad, Nauka. Leningrad. otd-nie.
- Mayakovskiy V.V., 2019. *Verses and Poems. Detail Illustrated Commentary on Selected Works*. Moscow, Prospect Publ.
- Prokofiev A.V., 2008a. The Idea of Justice in «Utilitarianism» G.S. Mill. *Philosophy and Culture*, no. 10, pp. 118-133.
- Prokofiev A.V., 2008b. The Idea of Justice in «Utilitarianism» G.S. Mill. *Philosophy and Culture*, no. 11, pp. 137-144.
- Reshetnikov V. A., Nesvizhskiy V. A., Kasimovskaya N.A., 2014. N.A. Semashko – Theorist and Organiser of Public Health. *Istoria Medicine*, no. 3, pp. 24-29.
- Philosophical Encyclopedic Dictionary*, 1983. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ.
- Hobsbaum A., 2004. *The Age of Extremes: The Short 20th Century (1914–1991)*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ.
- Schopenhauer A., 2016. *The Phenomenon of Will. With Comments and Explanations*. Moscow, AST Publ.
- Jaspers K., 1991. *The Meaning and Purpose of the History*. Moscow, Respublica Publ.

Information About the Author

Artem A. Boboshko, Candidate for a Degree, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400042 Volgograd, Russian Federation; Member of the Public Chamber of the city of Sevastopol, Lenina St, 4, 299011 Sevastopol, Russian Federation, artembobo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-7282>

Информация об авторе

Артем Андреевич Бобошко, соискатель кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; член Общественной палаты г. Севастополя, ул. Ленина, 4, 299011 г. Севастополь, Российская Федерация, artembobo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-7282>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.15>

UDC 141.7(430)

LBC 87.3(4Нем)6+60.02

MODERN GERMAN PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL SCIENCES ABOUT THE “RISK SOCIETY”

Svyatoslav V. Shachin

Secondary School Molochnenskaya, Molochny, Murmansk region, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideas of a number of Austrian and German social philosophers on the problem of social risk, its correlation with danger taking into account the time component of decisions made under conditions of uncertainty. At the same time, it is important for the author to establish clear criteria for distinguishing between what depends on the actions of the person or community and what does not. On the one hand, we can talk about the risk, both justified and unjustified, and on the other hand, we mention the danger. It is the danger that is the opposite of stability, and the risk implies both, new chances and dangers that occur if actions have side effects that were not foreseen by the initiators of the actions. The differences in risk management on the part of those who make decisions and those whose interests are affected by these decisions are also analyzed. While the former may consider the situation as risky, the latter as dangerous due to the fact, that they do not have the ability to influence social processes. However, if decision-makers spread knowledge about the danger, delegate some of the resources and powers to overcome risks to society, then it will gradually learn flexible risk management, which implies a variety (and not rigidly fixed) ways of behavior. The society will also be able to take into account the mobile nature of the border separating risky behavior from dangerous: in what conditions and for whom the risk is justified, and for whom and when the danger occurs. Competent risk management leads to an increase in the reflexivity of society, which implies the creation of a favorable social environment for the spread of creativity. At the same time, each individual faces the task of constantly finding himself and self-development. It is reflexivity and creativity that allow society to get out of the state of stagnation, which is characterized by the primacy of the security mindset.

Key words: risk, danger, reflexivity, management, opportunity, time-limitation, solidarity.

Citation. Shachin S.V. Modern German Philosophical and Sociological Sciences About the “Risk Society”. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 156-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.15>

УДК 141.7(430)

ББК 87.3(4Нем)6+60.02

СОВРЕМЕННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ОБ «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Святослав Вячеславович Шачин

Молочненская СОШ, пос. Молочный, Мурманская область, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу идей ряда австрийских и немецких социальных философов по проблеме социального риска, его соотношения с опасностью с учетом временной составляющей решений, принимаемых в условиях неопределенностей. При этом важно установить четкие критерии разграничения между тем, что зависит от действий самого человека или сообщества, и тем, что не зависит. В первом случае

можно говорить о риске как оправданном, так и неоправданном, а во втором – об опасности. Именно она является противоположностью стабильности, а риск несет в себе как новые шансы, так и опасности, которые наступают в случае, если действия имеют побочные эффекты, непредусмотренные инициаторами действий. Также анализируются различия в обращении с риском со стороны тех, кто принимает решение, и тех, чьи интересы ими затрагиваются. При этом первые могут рассматривать ситуацию как рискованную, а вторые – как опасную в силу того, что не имеют возможности оказывать воздействия на социальные процессы. Однако если принимающие решения будут распространять знания об опасности, делегировать часть ресурсов и полномочий по преодолению рисков обществу, то оно будет постепенно учиться гибкому обращению с рисками, что предполагает разнообразные (а не жестко фиксированные) способы поведения. Также общество сумеет учесть подвижный характер границы, отделяющей рискованное поведение от опасного: в каких условиях и для кого риск оправдан, а для кого и когда наступает опасность. Грамотное обращение с риском ведет к повышению рефлексивности общества, что подразумевает создание благоприятной социальной среды для распространения креативности. При этом перед каждым индивидом встает задача постоянного нахождения себя и саморазвития. Именно рефлексивность и креативность позволяет обществу выйти из состояния застоя, для которого характерен примат установки на безопасность.

Ключевые слова: риск, опасность, рефлексивность, управление, возможность, временность, солидарность.

Цитирование. Шачин С. В. Современные немецкие философские и социологические науки об «обществе риска» // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 156–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.15>

К критике обыденного понимания риска и методологии его научного понимания

Роль философии в социальных науках состоит в выработке методологии мышления, на основе которой возможны глубокая постановка проблемы и определение темы исследования. После этого могут быть сформулированы исходные понятия и раскрыто их содержание как раз на базе предложенной методологии. При недостаточной проработке методологии в науку рискуют проникнуть обыденные суждения, которые не станут предметом критической рефлексии.

В обыденном сознании понятие риска часто употребляется в том смысле, что риск есть выражение какой-то опасности или вероятности ее наступления (что уже более сложно, так как тут мы начинаем «включать» вероятностное мышление, но мы еще не покидаем пространство обыденного сознания: оно настраивает нас мыслить сам социальный мир в таких категориях, что порог «научности» мы еще не преодолели). То есть в привычной жизненной практике все, что чревато опасностью, мы считаем рискованным; если же мы задумаемся о том, что жить вообще опасно, то с позиции вероятностного мышления скажем, что рискованным будет то, что превосходит некий привычный для нас и для нашего окружения порог опасности. Альтер-

нативой риска является состояние стабильности, в пределе – счастья как максимума субъективного благополучия.

При этом обыденное сознание еще не вполне освободилось от социал-дарвинистского содержания, согласно которому благополучие приходит к самым умным, трудолюбивым, удачливым, сильным и проч., а остальные могут жить в зоне рисков, но если будут упорно работать, учиться и пр., то постепенно начнут жить все лучше и лучше. Эта точка зрения страдает односторонностью, поскольку подразумевает, что весь тот огромный комплекс социальных отношений, в которые включен человек, зависит от его субъективной воли и действий. Поэтому в условиях, когда вырастает нестабильность социального мира, люди начинают понимать односторонность этой предпосылки. Но все равно обладатели больших объемов экономического или политического капитала склонны считать себя достойными благополучной жизни, а не входящих в свою страту – теми, кому в лучшем случае не повезло, так как они не успели или не решились рискнуть вовремя и воспользоваться возможностями социального продвижения. То есть обыденный подход углубляется до рефлексивности и тем самым подбираться к научному, но все равно в нем остается недостаток в том смысле, что остается жестким противоречие между риском как зоной неопределенности и стабильностью (благопо-

лучием) как зоной желательной обеспеченной жизни [Матюх 2012; Столярова 2020].

Это противоречие необходимо проанализировать для того, чтобы наметить переходы между риском и стабильностью и тем самым установить между ними сложный комплекс взаимных отношений. Это можно сделать за счет более детального анализа самого риска, выделения в нем сложного комплекса социальных феноменов и выработки соответствующих понятий для обозначения каждого из них. В этом и заключается методология анализа социальных рисков, которую мы реализуем в данной статье, опираясь на идеи ряда немецкоязычных социальных философов и социологов, недостаточно известных в отечественной научной культуре.

В отечественной науке также предприняты усилия в этом направлении – в качестве примера может быть приведено следующее определение риска из статьи волгоградских авторов: «Социальный риск есть осознание индивидом на базе своих знаний, информации и жизненного опыта вероятности возникновения какого-либо ущерба для своего потенциала в результате оценки ожидаемой социальной ситуации в качестве “опасной” в условиях неопределенности современного общества» [Василенко, Ткаченко, 2014, 42]. Однако имеются тонкие различия в содержании понятий риска и опасности, которые как раз и были открыты немецкими учеными, на базе чего возникает понимание рамочных условий, внутри которых возможны сознательные действия каждого индивида с целью улучшения своего социального положения в частности и содействия прогрессивным изменениям общества в целом.

Волгоградские авторы при этом продолжают подход О.Н. Яницкого, который еще в статье 2003 г. выразил опасение, что российское общество постепенно трансформируется в общество всеобщего риска, последствием чего является астенический синдром – привыкание к жизни в экстремальных условиях; однако в качестве ответа на этот вызов используется всемерное разрастание силовых структур, призванных обеспечивать общественную безопасность. В результате «не развитие, а безопасность становится главным ориентиром деятельности соци-

альных акторов и социальных институтов» [Яницкий 2003, 31]. Каким же образом сменить ориентиры? Ответ на этот фундаментальный вопрос может быть найден, если мы более детально проанализируем социальные риски и найдем в них такие, что оказываются следствием активных действий, в ходе которых человек или люди были или становятся субъектом (индивидуальным или коллективным) социальных изменений или содержат возможности для них; поэтому именно активные действия и нуждаются в новых ориентирах, а каких именно – покажет дальнейший анализ. В результате сами риски могут быть преобразованы в конструктивном ключе.

Обсуждение проблемы риска и опасности

Начнем с критики исходного пункта обыденного мышления, противопоставляющего рискам благополучие. Мы будем опираться на идеи ученых из университета Линца (Австрия), изложенных в тексте [Dibold et al. web].

Прежде всего это разграничение риска и благополучия не может быть четко проведено: если мы имели выбор между двумя альтернативами и выбрали одну, чреватую максимумом благополучия и минимумом потерь, то мы не можем знать, не лишились ли мы чего-нибудь, если отказались от выбора другой альтернативы; к тому же от рискованного поведения нельзя с уверенностью отказаться, так как отказ может повлечь за собой упущенные возможности, о которых мы даже можем не знать после совершения выбора в надежную сторону. Отсюда становится ясным, что риск – это не опасность вреда, как считает обыденное сознание; риском также может быть отсутствие риска. Следовательно, более глубоко было бы считать риск зоной неопределенности, в которой может быть как раз все, что угодно: в пределе – как максимум вреда, так и максимум блага; и узнать мы это сможем только тогда, когда совершим выбор и наступят последствия нашего действия. Поэтому решать и действовать, учитывая риск, означает прежде всего уметь каким-то образом обращаться с неопределенностью.

Поэтому указанные авторы предлагают модифицировать исходные понятия, чтобы точнее разобраться с риском. Они уточняют исходное противопоставление: безопасности будет противоположен не риск как таковой, а риск или опасность. Разница тут вот в чем: если какой-либо вред будет результатом чьих-то сознательных решений, то надо будет говорить о том, что решения содержат в себе риск; а вот если он будет результатом каких-либо непредвиденных последствий, которые приходят из окружающего мира, то можно говорить об опасности. Поэтому риски от опасностей отличаются как раз степенью предсказуемости и соответственно рассчитываемости: за риски могут нести ответственность принимавшие решение лица, поскольку можно было их избежать; риски можно рассчитывать как раз в момент принятия решения; а вот опасности можно рассматривать как вызовы самой неопределенности, как внешние факторы, которые можно только максимально стараться минимизировать, но никогда невозможно до конца предсказать и предвидеть. То есть риски становятся определяемыми, а вот опасности остаются в области неопределенного, и мы тем самым уже продвинулись вперед в нашем исходном анализе [Dibold et al. web].

К проблеме соотношения риска и опасности

Но тут авторы приходят к интересной диалектике: дело в том, что риски и опасности также невозможно до конца отделить друг от друга; а особенно сложен тот случай, когда какой-либо вред имеет своим источником как риск, так и опасность одновременно: если бы не было рискованного решения, то не пришли бы в действие некие еще не познанные обществом факторы и не внесли бы свой вклад, проистекающий уже из опасности. То есть максимальный вред приносят не рискованные решения как таковые, а такие, которые приводят к действиям, что уже лежат в зоне опасности. Отсюда вытекает: сам по себе риск еще не может быть однозначно расценен как нечто негативное, но надо стремиться к тому, чтобы при принятии рискованных решений оценивать как раз степень

опасности, то есть срыва в неконтролируемые последствия, и постараться минимизировать именно такой вариант развития событий. Что же касается существования опасности, то надо оценить, откуда она может прийти, то есть какой фактор за пределами нашей социальной системы может быть ответственен за такое воздействие на нашу систему извне, которое нами не было предусмотрено, и постараться этот фактор нейтрализовать [Dibold et al. web].

Данный анализ может помочь при объяснении социальной ситуации, связанной с ограничениями в условиях пандемии. Можно говорить об опасности вируса и разрастания экономического кризиса в результате ограничений. Но при этом кризис несет в себе также сознательную составляющую в том смысле, что от решений экономических субъектов до определенной степени зависит его глубина. Поэтому он относится не только к зоне опасности, но еще и к зоне риска, а вот рост активности вируса – к зоне опасности. Способы воздействия на риск могут быть только узконаправленными, то есть проводящими те решения субъектов, которые минимизируют потери и используют появившиеся новые возможности. Отсюда становится понятным, что необходимо стимулировать переориентацию экономической активности, а не простое ее сохранение, чреватое ее сворачиванием. С опасностью же можно справиться в том случае, если использовать те позитивные возможности, которые открываются как раз благодаря риску. В противном случае опасность накладывается на риск и возрастает.

Риски и опасности: от решений к вопросу о росте сознательности

Следующая понятийная пара, которую предлагают австрийские ученые, – это различие между теми, кто принимает управленческие решения, и теми, кого настигают их последствия. Дело в том, что те, кто стоят наверху социальной иерархии, часто принимают решения, негативные последствия которых они стремятся переложить на тех, кто стоит ниже, а выгодами решений стремятся воспользоваться сами. В то же время те, кто на-

ходится внизу иерархии, оказываются в ситуации внешней опасности, то есть принимаемые наверху решения ими воспринимаются именно как внешние факторы, на которые они не могут повлиять. Возникает интересная диалектика риска и опасности: то, что для принимающих решения предстает как риск, для тех, кто этими решениями затронут, выступает как опасность. Получается, что риск и опасность тесно переплетены, если рассматривать общество в целом: риски есть опасности, а опасности есть риски. Поэтому вместо того, чтобы продвинуться вперед в понятийном анализе, мы оказываемся запутанными, и нам надо все-таки призвать на помощь диалектику феноменологии, то есть обратиться к тому, каким образом сами принимающие решения и затрагиваемые решениями воспринимают реальность, чтобы все-таки отделить друг от друга решения и риски.

Дело вот в чем: готовность пуститься на риск зависит от того, насколько принимающие решения лица оценивают свою способность держать ситуацию под контролем или насколько они имеют ресурсов, которые могут мобилизовать для возмещения вреда, если события пойдут по непредусмотренному сценарию; и только если принимающие решения лица переоценивают свою компетентность или недооценивают компетентность других, а также если недооценивают возможность появления непредусмотренных последствий их деятельности, то именно это переводит рискованное решение в плоскость опасного. Но принимающие решения лица всегда имеют привилегию в том, чтобы посмотреть в глаза опасности, оценить уровень своего знания сути дела, свою способность к самообладанию и владению ситуацией, свои ресурсы и т. п., то есть они могут встретить вред во всеоружии. Что же касается тех лиц, чьи интересы затрагиваются решениями, то они должны полагаться на веру, что принимающие решение обладают такими способностями; в случае ее отсутствия они могут совершенно иначе оценивать уровень риска и видеть опасность, чем те, кто принимает решение. Простой пример: человек чувствует себя более защищенным, когда он сам ведет автомобиль, чем когда он летит на самолете (тут он находится во власти чужого), хотя опасность поездок на маши-

не в целом выше, чем полетов на самолете. Поэтому уровень оценки опасности и готовность пуститься на риск значительно варьируется сообразно тому, принимает ли человек решения сам или выступает объектом чьих-то решений, а также варьируется сообразно уровню его (ее) знаний о ситуации и о положении дел: дилетанты могут видеть опасность там, где ее нет, и просмотреть там, где она действительно есть. У страха глаза велики; и в то же время именно приобщение к опыту принятия решений позволяет человеку лучше понять разницу между оправданным риском и неоправданным возрастанием опасности. Также человек может выработать более адекватную реакцию на опасность и на риск, обращаясь к сокровищнице коллективного опыта, то есть постепенно усваивая и осмысливая все больший объем информации в той сфере, в которой его интересы оказываются затронутыми. Подлинное образование освобождает человека от лишних страхов и делает его способным совершать оправданные риски; в то же время оно препятствует и ненужной самонадеянности, которая может привести к срыву в область опасности там, где от человека при принятии решений требовалось не допустить этого [Dibold et al. web].

Отсюда вытекает предложение делегировать самим людям часть прав, касающихся определения их поведения в условиях повышенной опасности. Если им навязываются определенные образцы поведения, то за последствия опасности с них тем самым снимается ответственность. Они могут вести себя в соответствии с поведенческими клише в ситуации подконтрольности и предполагать себя вышедшими из зоны опасности вместе с выходом из-под контроля (что может совсем не соответствовать действительности). В результате соблюдение предписанных норм будет давать краткосрочный эффект при нарастании опасных негативных долгосрочных последствий. Если же человеку будет делегирована ответственность, то он будет постепенно вырабатывать адекватные опасности поведенческие способы, позволяющие снизить опасность даже за счет повышения риска. Борьба с опасной болезнью, например, будет успешной из-за того, что люди будут сами заботиться над повышением своего им-

мунитета, а это подразумевает самые разные способы достижения такой цели. Навязываемые же извне поведенческие формы вводят поведенческие клише, в которых может не учитываться богатство и разнообразие способов реального решения проблем.

К проблеме перехода опасности в риск: анализ фактора времени

И еще одно интересное предложение австрийских авторов: рассматривать модель опасности и риска с позиции времени – тут уже чувствуется влияние философии М. Хайдеггера [Пилипенко 2015]. С одной стороны, все наше будущее в современных обществах можно рассматривать как рискованное, потому что оно не до конца предусмотрено; с другой стороны, прошлое также является нестабильным, что мы знаем из истории (мы вообще можем спросить себя: были ли времена, когда люди жили в состоянии максимума благополучия и минимума опасности?). В то же время то, что случилось в прошлом, мы знаем хотя бы потому, что оно завершилось; а будущее еще открыто для появления новых возможностей, в том числе тех, которые мы не предусмотрели. Поэтому оценка социальных рисков зависит от нашего настоящего, более того, сама эта оценка в состоянии передвигать наше настоящее в прошлое и в будущее. Дело в том, что наша оценка рисков зависит именно от того, наступили ли в настоящем те негативные последствия, тот вред, который содержался в потенциально опасном поведении, или еще нет; в первом случае мы будем говорить об оправданном риске, а во втором случае – о неоправданном. Точно так же наша оценка риска зависит и от того, насколько наш субъективный жизненный проект предусматривает способность справиться с опасностями, насколько мы высоко мы оцениваем эту самую нашу компетентность, знание дела или вообще способны к решимости (которая может и не зависеть от когнитивных способностей и возможностей). В результате то, что в одних ситуациях, для одних обществ, социальных групп или конкретных людей будет рискованным, для других станет опасным и наоборот.

И еще интересный результат анализа: в современном обществе все то, что раньше представлялось привычным, может вдруг стать рискованным, если наступит осознание опасностей, которые в нем таятся, а также если станет понятно, что определенное состояние повседневной жизни является следствием сделанных в прошлом сознательных решений, за которые также будут найдены ответственные лица или социальные группы. Это приведет к осознанию вариативности самого пространства решения и поведения в настоящем: расширение пространства решения ведет к превращению опасности в риск – весь социальный мир во все большей мере становится зависимым от сознательных решений, то есть общество постепенно движется от стихийности к управляемости. Об этом пишут и отечественные представители критической мысли, имея в виду преодоление капитализма с его культом так называемого «свободного» (а на самом деле – неуправляемого) рынка, где господствует всеобщая разобщенность [Бузгалин, Булавка, Колганов 2020, 205–206, 213–215]. Такие воздействия на общество и на социально-природные процессы могут себе позволить социальные объединения или отдельные люди с большим объемом различного (экономического, политического, символического, и пр.) капитала: в экономике это – транснациональные корпорации, в политике – сверхдержавы и объединения государств, а также их лидеры, в сфере общественности – главы масс-медиа, а также так называемые лидеры мнений и т. п. Чем больше пространство выбора, тем больше и ответственности, а значит меньше оснований считать негативные результаты следствием непредусмотренных последствий, а не сознательного выбора [Dibold et al. web].

Применяя эти размышления к актуальной ситуации, следует сначала оценить временной горизонт наших решений. Об этом уже писалось: меры реагирования на опасность, которые могут давать позитивный краткосрочный эффект, в будущем окажутся связанными с нарастающими негативными побочными последствиями, и наоборот, меры, которые в краткосрочном отношении кажутся рискованными, в будущем предстанут как адекватными опасности и способствовавшими ее пре-

одолению. Именно рискованные решения позволяют повысить уровень наших знаний об опасности в результате анализа тех последствий, которые наступают в результате нашего рискованного поведения. Так, будет установлена граница оправданного риска и неоправданной опасности. Также общество сумеет учесть подвижный характер этой границы: для кого и в каких условиях риск оправдан, а для кого наступает опасность. И еще один момент, связанный с временным характером решений, если на этот раз учесть уже прошлое: надо обратиться к историческому опыту, рассмотреть аналогичные ситуации и понять, за счет чего общество справлялось с непостижимой опасностью и переводило ее в пространство управляемых рисков, как оно постепенно овладевало знаниями об опасности и как перестраивало поведение на этой основе, делая его более дифференцированным в зависимости от распределения рисков и опасностей. Необходимо далее проанализировать, какие признаки позволяют провести аналогию между актуальным состоянием общества и прошлым, и чем больше будет оснований для такой аналогии, тем в большей мере можно будет воспользоваться опытом эффективных управленческих решений в прошлом. Также можно извлечь уроки из бездействия, избегания рисков или их преуменьшения, а также из ошибочных решений прошлого.

**К описанию
новых социальных феноменов
в условиях общества риска**

Проанализируем некоторые новые социальные феномены, наступающие в условиях нарастания рискованности социальных решений. В этой связи хотелось бы процитировать только одно место из статьи в «Шпигеле» от 3 января 2015 г., посвященной смерти У. Бека (автор знаменитой концепции «общества риска» умер в первый день 2015 г. от инфаркта, как бы подтвердив свою концепцию своим собственным примером): «Современный индивид, который больше не встречает предзаданный порядок, нуждается вместо эмансипации и освобождения в креативности и в открытии себя – это есть постоянное испытание того, что не было предметом опыта» [Leick

web]. Поэтому ячейкой воспроизводства общества, как ни парадоксально это звучит, становится не семья, а отдельный индивид – об этом пишут уже авторы из университета Линца [Dibold et al. web]. Если же говорить о современной семье, то она становится таким же пространством постоянной креативности (что вовсе не отменяет традиционные ценности и не ведет к проповеди безответственности). Семья, состоящая из творцов, вместо семьи, состоящей из представителей фиксированных социальных страт – это явление все больше распространяется в обществе. Это означает рост возможностей формирования демократической семьи, где каждый из ее членов будет поддерживать других в их неповторимом субъективном жизненном проекте и тем самым улучшать шансы на реализацию своих собственных целей. Такие семьи будут более прочными, чем те, что характерны для традиционного общества, и в то же время именно такие семьи будут способными по-настоящему противостоять разрушительным социальным тенденциям [Honneth 2000].

И еще одна характеристика «общества риска», на этот раз из статьи Давида Гугерли: «Общество риска – это не только такое общество, которое знает множество рисков и которое от них, возможно, погибнет. Это – общество, которое хотело бы утверждать о себе, что оно умеет успешно обращаться с рисками или с ними свыклось. Это, несмотря ни на что, имеет утешительное воздействие» [Gugerli web]. За счет чего же общество может обходиться с рисками? Только за счет повышения уровня своей собственной рефлексивности, то есть знания о самом себе, о мире вокруг нас, о других сообществах, которые будут затронуты принятыми решениями и т. п., и за счет того, что на основе этих знаний будут тщательно обдуманы принятые решения, а потом будут контролироваться их последствия (как об этом говорится в еще одной русской поговорке: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»). То есть тут речь идет опять о повышении уровня управляемости обществом, о проникновении разума в общественные процессы и тем самым о дальнейшей реализации универсального проекта Просвещения. На базе исследования рисков и опасностей возникла огромная сфера деятельности, которая

занимается их оценкой и путями преодоления, от научно-исследовательских институтов, работающих на МЧС, до рейтинг-агентств, которые рекомендуют инвесторам способы вложения капиталов и указывают на опасности, таящиеся за вложениями в ценные бумаги целых государств...

Однако методология научного исследования рисков подчеркивает: все зависит от тех исходных принципов, по которым строится эта сфера деятельности. Данные принципы позволяют верно устанавливать границы между риском и опасностью и адекватным образом передвигать эти границы в зависимости от состояния общества; проводить разграничения между оправданными и неоправданными рисками, а также предвидеть опасность потери благоприятных возможностей в условиях трансформации социальной системы, когда как раз возникают оправданные риски. А также надо учитывать радикальную возможность возникновения ситуаций, когда эти исходные принципы будут все больше расходиться с реальностью. Тогда сама деятельность по преодолению рисков (или бездействие в ситуации оправданного риска) будет таить в себе угрозу нарастания рисков или рисков второго порядка. Тогда вместо обсуждения проблемы рисков по существу внимание общественности может отвлекаться на несущественные детали, и вообще может возникнуть ситуация полной потери ориентиров, по словам А. Зиновьева: «Падение в бездну будет представляться взлетом в небеса» [Зиновьев web].

Заключение

Таким образом, анализ риска в его соотношении с опасностью и с учетом временной составляющей решений, принимаемых в условиях неопределенностей, позволяет сделать вывод о том, что каждый из нас постоянно пребывает в пограничной ситуации, когда надо находить верные ориентиры для поведения. При этом ведущую роль должны играть критерии разграничения между тем, что зависит от действий самого человека, и тем, что не зависит. Выработка таких критериев будет возможна при условии, если широкая общественность будет привлекаться к обсуждениям решений по поводу способов действий в ситуациях рис-

ка, чреватых нарастанием всеобщей опасности. Также в ходе таких обсуждений может быть выработано понимание того, каким образом риски могут быть преобразованы в шансы обретения нового в результате сознательных действий, а в каком случае последние поведут к усилению опасности. Также преодоление опасности возможно за счет того, что действия по ее предотвращению станут солидарными. Это предполагает приобщение к опыту других научных культур, которые осмыслиют ситуацию внутри своих обществ. Необходима миграция философских идей через границы разных обществ, чтобы обогатить отечественную культуру новым инструментарием, позволяющим осмыслить и исследовать общество риска как планетарный феномен.

Другими словами, чтобы научиться жить в социальном мире, где любое действие может иметь множество побочных (непредусмотренных инициатором действия) последствий (которые тем не менее надо постараться постигнуть, почему надо действовать, думая, и думая, действовать), надо научиться тому, что в синергетике называется динамической стабилизацией. Это означает сохранять спокойствие в момент наивысшего напряжения сил, когда возникает своего рода пространство стабильных действий, соответствующих ритмам изменений, диктуемых игрой социокультурных сил. Тут и появится шанс превратить риски в инновации, неблагоприятную обстановку кризиса – в источник творческого вдохновения. Благодаря рискам могут быть обнаружены и развиты новые способности как на индивидуальном, так и на родовом уровне. Но для этого необходимо сформировать тонкую, дифференцированную позицию по отношению к риску, что и породит особую настроенность на творчество. Именно научный анализ риска, проведенный австрийскими и немецкими социальными философами и социологами, может содействовать пониманию возможностей прогрессивных социальных трансформаций в условиях выхода общества в режим нестабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузгалин, Булавка, Колганов 2020 – Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. Маркс online:

- Будущее марксизма и марксизм будущего. М.: Ленанд, 2020.
- Василенко, Ткаченко, 2014 – *Василенко И.В., Ткаченко О.В.* Социальный риск: к определению понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 32–43.
- Зиновьев web – *Зиновьев А.* Русская трагедия // <http://www.apmath.spbu.ru/cnsa/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf>.
- Матюх 2012 – *Матюх Е.Т.* Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 33–37.
- Пилипенко 2015 – *Пилипенко Е.А.* Время в философии М. Хайдеггера: субъективация объективного // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 2 (28). С. 19–25.
- Столярова web – *Столярова К.Н.* Общество риска: тупики и проблемы [Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 715–717] // <https://moluch.ru/archiv/313/71044/>.
- Яницкий 2003 – *Яницкий О.Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
- Dibold et al. web – *Dibold E., Humer Ch., Kaiserseder W., Reitbauer B., Wilhelm H.* Gegenwart und Zukunft der Risikogesellschaft [Gesellschaft und Lebensführung an der Schwelle zum neuen Jahrtausend. Gegenwart und Zukunft der Erlebnis-, Risiko-, Informations- und Weltgesellschaft. Linz: Universität Linz, Institut für Soziologie. S. 59–73] // <http://soziologie.soz.uni-linz.ac.at/sozthe/staff/moerthpub/STSGesellschaft.pdf>.
- Gugerli web – *Gugerli D.* The Risk of the Risk Society. [Neue Züricher Zeitung] // <https://www.nzz.ch/feuilleton/das-risiko-der-risikogesellschaft-1.18053406>.
- Honneth 2000 – *Honneth A.* Zwischen Gerechtigkeit und affektiver Bindung: Familie im Brennpunkt moralischer Kontroversen // Das Andere der Gerechtigkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2000. S. 193–215.
- Leick web – *Leick R.* Die Zukunft ist offen: Zum Tode Ulrich Becks [Spiegel] // <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/ulrich-beck-ist-tot-ein-nachruf-a-1011138.html>.
- Buzgalin A.V., Bulavka L.A., Kolganov A.I., 2020. *Marx Online: The Future of Marxism and Marxism of the Future*. Moscow: Lenand Publ.
- Vasilenko I.V., Tkachenko O.V., 2014. The Social Risk: to the Definition of the Concept. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*, no. 3 (23), pp. 32–43.
- Zinovjew A. *The Russian Tragedy*. URL: <http://www.apmath.spbu.ru/cnsa/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf>.
- Matyukh E.T., 2012. Theories of “Risk Society” in Modern Humanities. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 7, pp. 33–37.
- Pilipenko E.A., 2015. A Time in the Philosophy of M. Heidegger: Subjectivation of the Objective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii*, 2015, no. 2 (28), pp. 19–25.
- Stolyarova K.N., 2020. About the Risk Society: Dead Ends and Problems. *Molodoj uchenyj*, 2020, no. 23 (313), pp. 715–717. URL: <https://moluch.ru/archive/313/71044/>.
- Yanitsky O.N., 2003. The Sociology of Risk: Key Ideas. *Mir Rossii*, 2003, no. 1, pp. 3–35.
- Dibold E., Humer Ch., Kaiserseder W., Reitbauer B., Wilhelm H. Gegenwart und Zukunft der Risikogesellschaft. *Gesellschaft und Lebensführung an der Schwelle zum neuen Jahrtausend. Gegenwart und Zukunft der Erlebnis-, Risiko-, Informations- und Weltgesellschaft*. Linz: University of Linz, Institute of Sociology, pp. 59–73. URL: <http://soziologie.soz.uni-linz.ac.at/sozthe/staff/moerthpub/STSGesellschaft.pdf>.
- Gugerli D. The Risk of the Risk Society. *Neue Züricher Zeitung*. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/das-risiko-der-risikogesellschaft-1.18053406>.
- Honneth A., 2000. Zwischen Gerechtigkeit und affektiver Bindung: Familie im Brennpunkt moralischer Kontroversen. *Das Andere der Gerechtigkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag Publ., pp. 193–215.
- Leick R., 2015. Die Zukunft ist offen: Zum Tode Ulrich Becks. *Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/ulrich-beck-ist-tot-ein-nachruf-a-1011138.html>.

Information About the Author

Svyatoslav V. Shachin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Teacher of History and Social Studies, Secondary School Molochnenskaya, Torgovaya St, 19, 184355 Molochny, Murmansk Region, Russian Federation, s_shachin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

Информация об авторе

Святослав Вячеславович Шачин, кандидат философских наук, доцент, учитель истории и обществознания, Молочненская СОШ, ул. Торговая, 8, 184365 пос. Молочный, Мурманская область, Российская Федерация, s_shachin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.16>

UDC 37.06

LBC 74.04

THE INCREASING ROLE OF EDUCATIONAL TOURISM IN THE TRAINING SYSTEM OF THE WORLD TOURIST INDUSTRY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL INQUIRY¹

Vasily V. Gerneshiy

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the theoretical generalization of educational tourism as a social phenomenon of modern society. It is shown that educational tourism is now an integral part of the international systems of higher education for training in tourism. Educational tourism is seen as a particular social institution included in the life of the modern state and aimed at continuous modernization and stratification. The specificity of educational tourism, consisting of the synergistic unity of education and tourism, pedagogical principles, and forms of organization of tourist activity, is deduced. Methodologically, the work is done based on a comparative analysis of the training system for the tourism industry in the Russian Federation with relevant educational institutions of some European countries (in particular, Great Britain, France, Germany, Switzerland). The author reveals the specifics and characteristics of Russian and European educational systems, considering modern societies' economic, technological, and cultural features for training professional staff for the tourism industry. It is emphasized that European educational institutions have significant historical experience in training specialists for the tourism industry. In this regard, proposals for the use of positive foreign experience in training specialists for the tourism industry in the educational activities of Russian universities are outlined. External and internal conditions and factors influencing the educational systems of tourism and hospitality training have been revealed. Particular attention is paid to the requirements imposed on such systems by the professional community. The article reveals the goals, objectives, and forms of implementation of educational tourism in European and Russian systems of training for tourism and hospitality. The most crucial goal of educational tourism at the state level, according to the author, is the formation of a multilateral personality, capable of active and constructive activities in a multi-ethnic and multi-religious environment, with the ability to live in peace and harmony with people of different ethnic cultures and religions.

Key words: social institution of tourism, educational tourism, competence model of education, migration factors of tourism, Russian and European educational models, globalization.

Citation. Gerneshiy V.V. The Increasing Role of Educational Tourism in the Training System of the World Tourist Industry: A Socio-Philosophical Inquiry. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 166-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.16>

УДК 37.06

ББК 74.04

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ МИРОВОЙ ТУРИНДУСТРИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹

Василий Васильевич Гернеший

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического обобщения исследований образовательного туризма как социального феномена современного общества. Показано, что образовательный туризм является сегодня неотъемлемой составной частью международных систем высшего образования по подго-

товке кадров для сферы туризма. Образовательный туризм рассматривается как особый социальный институт, включенный в жизнедеятельность современного государства и нацеленный на постоянную модернизацию и стратификацию. Выявлена специфика образовательного туризма, заключающаяся в синергичном единстве образования и туризма, педагогических принципов и форм организации туристской деятельности. Методологически работа выполнена на основе компаративного анализа системы подготовки кадров для туристской индустрии в Российской Федерации с соответствующими образовательными институтами некоторых европейских стран (в частности, Великобритании, Франции, Германии, Швейцарии). Автор раскрывает специфику и характерные черты российских и европейских образовательных систем, учитывающих экономические, технологические и культурные особенности современных обществ для подготовки профессиональных кадров для сферы туристской индустрии. Подчеркивается, что европейские образовательные учреждения имеют значительный исторический опыт в этой сфере. В связи с этим изложены предложения по использованию положительного зарубежного опыта подготовки специалистов для туристской индустрии в образовательной деятельности российских университетов. Выявлены внешние и внутренние условия и факторы, влияющие на образовательные системы подготовки кадров для области туризма и гостеприимства. Особое внимание уделено требованиям, предъявляемым к таким системам профессиональным сообществом. В статье раскрываются цели, задачи и формы реализации образовательного туризма в европейских и российской системах подготовки кадров для сферы туризма и гостеприимства. Важнейшей целью образовательного туризма на государственном уровне, по мнению автора, является формирование многосторонней личности, способной к активной и конструктивной деятельности в многоэтнической и полирелигиозной среде, обладающего умением жить в мире и согласии с людьми различных этнокультур и вероисповеданий.

Ключевые слова: социальный институт туризма, образовательный туризм, компетентностная модель образования, миграционные факторы туризма, российская и европейская образовательные модели, глобализация.

Цитирование. Гернеший В. В. Возрастаение роли образовательного туризма в системе подготовки кадров мировой туристской индустрии: социально-философский анализ // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 166–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.16>

Образовательный туризм как фактор формирования качественного потенциала мировой туристской индустрии

Одной из отличительных характеристик начала XXI столетия явилось глобальное распространение туризма. Динамичное развитие и рост мирового туризма позволили промышленно развитым и развивающимся странам приобрести ощутимые экономические выгоды, увеличить рост занятости во многих смежных секторах – от строительства до сельского хозяйства и телекоммуникаций. За период 2010–2019 гг. объем доходов от оказанных туристских услуг приблизился к объемам экспорта нефти, продуктов питания или автомобилей (а иногда и превосходил их). Туризм стал одним из основных игроков в международной торговле и источников дохода для многих развивающихся стран.

Несмотря на определенный спад, вызванный пандемией коронавируса COVID-19 в 2020 г., в среднесрочной перспективе специалисты Всемирной туристской организации (UNWTO) уверенно прогнозируют дальнейший устойчивый

рост международного туризма. Такая тенденция характеризуется не только большим потенциалом для развития мировой экономики, но и обуславливает появление ряда проблем, связанных с человеческим потенциалом.

Возможности заключаются в увеличении доли инвестирования и создании качественных рабочих мест в мировой туристской индустрии. Особенно это важно для развивающихся стран. Проблема же состоит в том, что для поддержки ожидаемого роста, а также для достижения конкурентоспособности и устойчивости туристического сектора потребуется адекватная база человеческого капитала в сфере туризма. При планировании развития человеческого капитала в сфере туризма важно также учитывать, что сегодняшние потребности туристической индустрии в таком капитале не совпадают с соответствующими потребностями в 2030 г. и в более отдаленной перспективе. Через 5–7 лет мы увидим появление новых видов туристического бизнеса, продуктов, услуг и профессий, требующих различных компетенций, знаний и личностных качеств.

Высокая потребность в специализированном человеческом капитале для удовлет-

ворения условий национальных туристических агентств и частных компаний является одной из основных проблем, с которыми сталкиваются туристические направления в настоящее время. Кадровый потенциал мировой туристической индустрии главным образом формируется качественным образованием. Однако с определенной долей уверенности можно утверждать, что не все национальные туристические образовательные школы способны готовить специалистов туристической индустрии, соответствующих потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня.

В настоящее время выпускники туристических вузов в своей профессиональной деятельности оказываются в условиях, когда они должны уверенно владеть востребованными и актуальными компетенциями не только на национальном уровне, но и на уровне мировой туристической индустрии. Свобода выбора и многообразие потребностей человека обусловили появление в мировом образовательном пространстве весьма широкого спектра образовательных услуг. Среди них и *образовательный туризм*, ставший в короткие сроки динамично развивающимся сектором экономики с растущей глобальной популярностью и признанием. Существует множество определений этого понятия. Мы будем опираться на определение Всемирной туристической организации (UNWTO) – «поездки с целью “образование и профессиональная подготовка”», связанные с такими основными видами деятельности, как «посещение краткосрочных курсов, прохождение определенных программ обучения (формальных или неформальных) или приобретение определенных навыков с помощью формальных курсов» [Пономарева 2015, 12].

В статье рассматривается только основной вид *образовательного туризма*, цель которого – получение *профессионального образования*, в конечном счете стимулирующего интеллектуальную миграцию молодежи. Разновидности образовательного туризма, в которых путешествие направлено на познание отдельных объектов или характеристик этнической культуры того или иного народа (например, экскурсии по культурно-историческим достопримечательностям, мастер-классы по народным промыслам и т. д.), являются лишь дополнением к основной программе туристического маршрута и в данной статье не рассматриваются.

Говоря о туризме, в том числе образовательном, следует учитывать, что его феномен содержательно гораздо шире общепринятого понимания путешествия, так как он обладает собственной бытийной сущностью, ценностным наполнением, знаковой природой, коммуникативным и когнитивным потенциалом. Он фокусирует в себе наиболее существенные изменения и тенденции развития современного общества, такие как мобильность, акцентирование потребительских приоритетов, виртуализация, визуализация, информатизация, глобализация [Чистякова 2010, 7].

Рассматривая характерные черты образовательного туризма, следует отметить прежде всего его интегративную природу, которая проявляется в результате объединения и взаимопроникновения образовательной и туристической деятельности. Можно утверждать, что по своей функциональной сути образовательный туризм является особой формой организации образовательной деятельности, осуществляемой *вне* границ образовательного учреждения. Разумеется, что в основе привлекательности такого вида туризма лежит не путешествие в традиционном его понимании, не новые впечатления, а содержательные и востребованные образовательные программы профессионального уровня.

При этом следует учитывать, что образовательный туризм рассматривается как высокоэффективная технология обучения и одновременно форма обеспечения учебного процесса. Грамотное проектирование этого вида деятельности выявляет туристско-ресурсный потенциал и степень attractiveness территорий в целях развития образовательного туризма. В этом контексте последний можно рассматривать как фактор международной интеллектуальной миграции молодежи и лиц, решивших получить дополнительное специальное образование.

Очевидно, что образовательный туризм в современном обществе представляет собой особый социальный феномен, связывающий в единство образование и туризм для получения профессионального образования в сфере индустрии туризма и гостеприимства. Социально-философский анализ проблемы становления образовательного туризма в современном мировом пространстве позволяет гово-

речь о том, что процессы глобализации способствовали усложнению структур общественного бытия, но вместе с тем способствовали и формированию качественно новой социальной стратегии познания и освоения новых территорий при посредстве образовательного туризма. Учитывая современные реалии технологически развитых обществ, следует отметить, что этот вид туризма уже приобрел значимость важнейшего элемента подготовки кадрового потенциала, адекватного требованиям современной туристической индустрии.

Основные формы и задачи современного образовательного туризма

Исходя из того, что образовательный туризм является динамично развивающимся сектором туристической индустрии, имеющим признание во всем мире, многие исследователи относят его к числу лидирующих и перспективных суботраслей туризма. По оценкам специалистов Бизнес-школы Сколково, рост количества студентов, участвующих в образовательном туризме, в мире выглядит впечатляющим и к 2025 г. достигнет 8 млн человек. Такая тенденция прослеживается и в российских вузах. В 2019 г. количество иностранных студентов в российских вузах превысило 240 тыс. чел., а к 2025 г. по прогнозам этот показатель достигнет 710 тыс. чел. [Сероштан, Кетова 2020, 14].

Динамика мирового образовательного туризма вполне сопоставима с динамикой ведущих отраслей экономики. Привлечение иностранных студентов – значимый фактор международной деятельности российских университетов, их социальной ответственности и экономической устойчивости. Очевидно, что это один из главных путей интеграции отечественных университетов в мировое образовательное пространство. Доходы от экспорта российского образования достигают до 95 млрд руб. в год [Сероштан, Кетова 2020, 8]. Немаловажным является и то, что часть иностранных выпускников трудоустраиваются в нашей стране, а мы получаем квалифицированные кадры для отраслей экономики.

Принадлежа к институту образования, этот вид туризма представляет собой определенную форму организации учебного процесса со своими специфическими целями и задача-

ми. Фундаментальная цель образовательного туризма состоит в формировании человека, способного к активной и конструктивной деятельности в многоэтнической и полирелигиозной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей и вероисповеданий.

Указанная цель определяет важнейшие задачи, реализация которых способствует ее достижению и подтверждает предположение, что образовательный туризм является сегодня самодостаточной суботраслью индустрии туризма, нацеленным на решение ряда задач:

- формирование у студентов понимания качества образовательной мобильности, которое нацеливает на поиск образовательных ресурсов, соответствующих современным социальным запросам;

- повышение культурной грамотности, которая является первичной для подготовки кадров для сферы туризма и обеспечивает компетенцию получать образование в разных культурных средах. Культура в этих условиях становится основой социального действия и коммуникативной компетентности;

- формирование умений и навыков самообразования. Изыскания, которые обучающиеся должны предпринимать во время реализации программы образовательного туризма, – это, по существу, индивидуальные образовательные траектории, во многом самостоятельные исследования [Гришаева 2016, 35].

Образовательный туризм в определенной степени решает и задачу сглаживания социального неравенства. В условиях неравномерности социального и экономического развития регионов зачастую возникает невозможность для значительной части молодежи знакомиться с историческими достопримечательностями других городов, с туристскими дестинациями, относящимися к различным этнокультурам и религиям. В реализации образовательного вида туризма эта проблема частично решается посредством целевого получения образования и одновременного познавательного освоения нового пространства. При этом образовательный туризм оказывает намного более эмоциональное воздействие на учебный процесс, особенно на освоение новых знаний, чем традиционные педагогичес-

кие методы. Прежде всего, это связано с непосредственностью восприятия исторического места или культурного события.

Исходя из сказанного, очевидно, что рассматриваемый тип туризма может стать не только качественным инструментом профессионального образования, но и эффективным фактором воспитания. В этом и состоит его главная цель. В этом контексте российский исследователь образовательного туризма С.Ю. Житинев отмечает, что развитие и становление образовательного туризма на современном этапе адекватно общемировым тенденциям развития образования, а потому он может стать важным элементом дополнения действующих образовательных программ и практик, существенным стимулом совершенствования индивидуального обучения и усвоения знаний учащимися [Житинев 2018, 6].

Как интегративный продукт, включающий собственно туристскую составляющую и учебный компонент в контексте туристской инфраструктуры, образовательный туризм находит свою имплементацию посредством многообразных синтетических форм. Сюда относятся учебные поездки с целью изучения общеобразовательных или специальных предметов, обучающие языковые туры, практические поездки в учреждения, организации и на предприятия для повышения квалификации, научные и учебные стажировки в научных учреждениях и образовательных организациях, получение академического образования со степенью, участие в семинарах и конференциях.

Конечно, в различных странах существует свой потенциал для развития образовательного туризма. Обратимся к европейским традициям, имеющим богатый опыт подготовки специалистов для туристической индустрии.

Особенности европейских образовательных систем подготовки кадров для туристической индустрии

Все вышеперечисленные аспекты наложили свой отпечаток на мировые образовательные системы подготовки кадров для туристической индустрии, обусловили наличие общих черт, но при этом позволили сохранить различия национальных образовательных систем. Ряд

зарубежных стран, таких как Великобритания, Франция, Германия, Швейцария накопили значительный опыт профессиональной подготовки персонала для сферы туризма.

Рейтинг конкурентоспособности стран в области туризма (ТТСИ), ежегодно рассчитываемый экспертами Всемирного экономического форума, показывает, что страны-лидеры в области подготовки отраслевых кадров занимают также высокие позиции по совокупным показателям конкурентоспособности.

Франция, как известно, относится к странам активного туристского въезда (насчитывается более 85 млн туристских прибытий ежегодно). Проведя краткий анализ французской образовательной системы подготовки, приходим к следующим выводам:

- профессиональное образование в сфере туризма представлено на уровнях второй, третьей ступенях и послевузовского образования;
- на уровне второй ступени функционируют профессиональные училища и центры профессиональной подготовки со сроками обучения 2–3 года;

- реализуются в основном практикоориентированные образовательные программы с присвоением квалификации по диплому двух видов: CAP – диплом о присвоении квалификации по профессии; BEP – диплом об общей профессиональной подготовке.

На следующем уровне второй ступени работают техникумы и технологические институты со сроками обучения 2 года. Выпускникам выдается диплом о присвоении квалификации. Иногда эту ступень называют «короткий цикл высшего образования»; в туризме – BTS (4-й квалификационный уровень профессии: гид, организатор путешествий, консультант по путешествиям).

На уровне высшего образования существуют 2 ступени *лицензиата* – аналог бакалавриата и магистратуры. В лицензиате обучение длится 3 года. На эту ступень обучения может поступить лицо, имеющее диплом бакалавра, полученного в результате успешной пройденной итоговой аттестации по результатам обучения на длинном (лицейском) цикле старшей школы.

Бакалавры выпускаются с гуманитарной, естественно-научной и экономической профилизацией. Отдельная траектория уровня ли-

ция позволяет сдать экзамен на диплом STT, подтверждающий освоение компетенций в сфере обслуживания. Магистерские программы также предлагают варианты: 60 ЗЕ – одногодичные магистерские программы (без профилизации) и 120 ЗЕ – двухгодичные магистерские программы (с профилизацией); широко представлены программы «делового администрирования» (МВА).

На разных уровнях профессионального образования в сфере туризма Франции присутствует вариативность: длинный или короткий цикл обучения, профилизация, различные траектории освоения компетенций [Organisation de l'école... web]. Особенность французской модели подготовки кадров для туристической индустрии заключается в развитой системе межинституциональных связей, обеспеченной в нормативно-правовом плане, и регламентации содержания образовательной деятельности в сфере туризма.

Отличительной особенностью модели управления туризмом в Великобритании является ее определенная автономия. Задачи развития туризма и проектирование туристической деятельности возложены на независимые от государства туристские организации и бизнес-сообщества (Local Enterprise Partnerships). Система профессионального образования в сфере туризма Великобритании базируется на профессиональных стандартах (National Occupational Standards), определяющих содержание образовательных программ в сфере туризма [The Travel & Tourism... web]. В Великобритании создана централизованная система имплементации квалификационно-профессиональной структуры в содержании профессионального образования. Образовательные программы разрабатываются на основе *Рамки квалификаций и кредитов* (Qualifications and Credit Framework). Квалификации состоят из разделов, представляющих собой содержание ключевых компетенций, выраженных в кредитах. Занимая уверенные конкурентные позиции в сфере туризма в мире, Великобритания имеет высокие показатели занятости в туристической индустрии и существенный опыт подготовки кадров для туризма. Британская система отличается жесткой привязкой к национальным профессионально-квалификационным стандартам, в которых каждый квалификационный уровень вы-

ражен в конкретной академической и практической нагрузке, требуемой для его освоения.

Британская модель образования в сфере туризма нацелена на удовлетворение актуальных потребностей в компетентностных характеристиках работников туризма. Одной из отличительных черт британской модели является ее ориентация на индивидуальный выбор обучающегося. Механизмы профессиональной ориентации, по сути, являются в британской модели саморегулируемыми, не управляемыми со стороны государства. Однако, следует подчеркнуть, что в британской системе в меньшей степени выражены гуманизирующие начала, такие как ранняя профориентация, нацеленность на индивидуальное развитие в течение всей жизни, чем, например, это наблюдается в австрийской или норвежской моделях.

Положителен опыт Швейцарии в подготовке кадров для туристической индустрии. Особенностью швейцарского образования является его активный экспорт в другие страны. Экспорт швейцарских образовательных услуг, в первую очередь в отельном менеджменте, свидетельствует об их высоком качестве. Фактически за рубеж вывозятся образовательные технологии, а жизнеспособность последних за границей подтверждает доверие потребителей к швейцарским образовательным программам. Это является свидетельством их высокого уровня и конкурентоспособности. По статистике национального швейцарского офиса, в Швейцарских высших учебных заведениях 30 % студентов составляют иностранные студенты. Швейцарское образование в сфере туризма является востребованным в рамках академических уровней бакалавриата, магистратуры, а также специалитета.

Состояние структуры и содержания образования в сфере туризма Швейцарии позволяет утверждать, что обучение персонала средних квалификационных уровней обеспечивается на основе исключительно практикоориентированного подхода. Особое внимание государства к системе подготовки кадров для туризма Швейцарии уделяется среднему сегменту (3–4-й квалификационные уровни), что представляется вполне обоснованным. Статистика занятости в туризме европейских стран показывает, что именно в

этом сегменте занято наибольшее число сотрудников. Швейцарская система подготовки кадров для туризма обладает высокой степенью интегрированности и институциональной прочности, основываясь на взаимодействии профессиональной области, профильных государственных структур и образовательных учреждений.

Проведенный краткий компаративный анализ европейских образовательных систем подготовки кадров для туристической индустрии показывает, что, несмотря на их национальные различия, все они имеют один общий признак – практикоориентированность. Предприятия туризма достаточно широко интегрированы в процесс образовательной деятельности. При этом передача опыта, технологий обучения систематизируется и регламентируется на национальном уровне так же, как и процесс квалификации по результатам профессионального обучения.

**Возможные направления
совершенствования качества
и привлекательности
туристского образования в России**

Несмотря на то что туристское образование в системе подготовки кадров для нашей страны достаточно новое направление, ему присущи все современные тенденции развития высшего образования в России: конкурентоспособность, инновационность, эффективность, свобода выбора формы получения образования, гуманизация [Артамонова 2010, 14]. В последние годы в Российской Федерации в туристском и гостиничном бизнесе произошли существенные качественные изменения, усовершенствовались технологии, выросла степень информатизации, компьютеризации и пр. Все это обусловлено качественными и динамичными изменениями в туристическом бизнесе России. Разумеется, что в таких условиях подготовка кадров для туристической индустрии не может не носить инновационный и опережающий характер.

В настоящее время в образовательных организациях высшего образования подготовка кадров для туристической отрасли ведется по установленным Министерством науки и высшего образования РФ трем направлениям под-

готовки укрупненной группы специальностей (УГСН 43.00.00) «Сервис и туризм» – Сервис, Туризм, Гостиничное дело по уровням бакалавриат и магистратура. Следует отметить, что в основу подготовки положена компетентностная модель подготовки специалиста туристической индустрии, тесно привязанная к профессиональным стандартам области предстоящей профессиональной деятельности.

Несмотря на определенную регламентацию деятельности при реализации образовательных программ указанных выше направлений подготовки федеральными образовательными стандартами высшего образования, университеты и институты имеют право самостоятельно устанавливать профиль (направленность) программы. Такой подход существенно диверсифицирует количество и качество образовательных программ, позволяет адекватно реагировать на требования регионального туристического бизнеса, своевременно адаптировать программы к изменяющимся условиям отечественной и мировой экономики. Положительным в туристском образовании РФ является то, что структурно-логическая схема освоения образовательных программ построена с учетом принципов междисциплинарности и мультидисциплинарности. Ведущие университеты страны уже успешно реализуют принцип трансдисциплинарности [Пирогова 2016, 9].

Туристское образование в России достигло определенных успехов за относительно короткое время. Однако ему предстоит еще серьезные изменения, обусловленные новыми трендами в мировом образовании, влияющими на подготовку кадров в сфере туризма. Это глобализация образования, кластеризация вузов, бизнеса и профессиональных сообществ, геймификация в образовании, гиперконкуренция, быстрое развитие отраслей и др. В мировой экономике наблюдается устойчивая тенденция постепенной трансформации труда. Всем очевиден мировой тренд неоднократной смены профессии одним человеком за период трудовой деятельности.

Технологии в современном туризме меняются слишком быстро и, как следствие, устаревают и профессиональные знания. Часть полученных умений и навыков в университете может устареть до его окончания.

Ежегодно в мире «умирает» более 500 профессий, возникает более 600 новых, при этом динамика только нарастает [Пирогова 2016, 12].

В связи с вышеперечисленными тенденциями возникают требования к формированию новых компетенций. По существу, система подготовки специалистов для туристической индустрии сталкивается с новыми вызовами, которые потребуют новых решений в реализации образовательных программ и нестандартных подходов (методов) подготовки кадров. В связи с этим в современных условиях одним из ключевых факторов конкурентоспособности становится человеческий капитал и его высокое качество.

Современные процессы трансформации общества все более активно будут использовать новые образовательные технологии. В этих условиях университеты столкнутся с необходимостью разрабатывать новые образовательные программы и грамотно управлять новыми образовательными траекториями. Потребуется оперативно реагировать на изменения в туристической отрасли и своевременно вносить адекватные требования времени и туристической бизнес-индустрии изменения в структуру и содержание подготовки кадров. Процессы глобализации уже предопределили процесс интеграции вузов туристической России в международную образовательную среду.

В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. определено, что достижение высокого уровня оказываемых услуг, сервиса и обслуживания клиентов требует комплексного подхода, в первую очередь в части создания условий обеспечения отрасли достаточным количеством квалифицированных кадров [Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р... web]. Кроме того, для повышения эффективности функционирования отрасли в целом за счет обеспечения качества сервиса оказываемых услуг, формируемых туристских продуктов, а также гостеприимства на уровне лучших мировых практик необходимы настройка механизмов удовлетворения будущих потребностей в кадрах, долгосрочное планирование и построение системы подготовки кадров всех уровней.

С учетом сложившегося международного опыта профессионального образования пер-

сонала для индустрии туризма и гостеприимства, прежде всего в странах – лидерах туристической индустрии, требований Стратегии развития туризма года мы можем полагать, что концепция профессионального туристского образования, предполагающая непрерывность, цикличность, поэтапность обучения и многоуровневость, повышение квалификации, профессиональную переподготовку, подтвердила свою жизнеспособность в изменяющихся условиях и может быть приемлема в качестве ориентира при совершенствовании систем подготовки кадров. Однако с учетом складывающихся тенденций в развитии национальных образовательных систем ведущих стран мира этого уже недостаточно.

Для сохранения и поддержания статуса ведущей образовательной системы подготовки кадров для туристической индустрии в международной образовательной среде, обеспечения и удержания конкурентных преимуществ в мировом туристском образовании российской высшей школе, на наш взгляд, целесообразно опираться на ряд принципов в развитии туристского образования. Выделим некоторые из них:

– создание современных условий для обучения, соответствующих постоянно изменяющейся производственной среде в индустрии туризма и гостеприимства и росту конкуренции;

– углубление специализации профессиональной подготовки в условиях производственной гибкости, позволяющей специалисту быстро адаптироваться при любых изменениях производственной среды и требующей профилирования обучения, учебно-методических материалов, преподавательских кадров;

– интернационализация системы туристского образования, связанная с переходом индустрии туризма и гостеприимства от национального к многонациональному характеру [Chistyakov 2019, 2188], повышением уровня требовательности потребителей к качеству и ассортименту туристского продукта, ростом стандартов и требований к туристскому персоналу;

– развитие системы дополнительного образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров, в том числе на основе новых форм образования, дистанционного образования [Распо-

ряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р... web].

– интеграция систем туристского образования с производством в туризме и гостеприимстве в действующую учебно-производственную систему.

Опираясь на передовой международный опыт подготовки кадров туризма и исходя из прикладного характера, гибкости и динамично меняющейся сферы туриндустрии в отечественных образовательных системах, следует поддержать тот факт, что туристская деятельность требует инновационных и нетрадиционных подходов в обучении. Одним из таких подходов может быть реализация рекомендаций Министра науки и высшего образования РФ В. Фалькова о предоставлении студентам возможности выбирать за пределами вуза 25 % курсов и возложении на вуз обязанности обеспечить реализацию такого выбора. Возможно даже встраивать курсы лучших мировых университетов в российские образовательные программы или делать их комплементарными. Такой подход может стать отчасти революционным в качестве высшего образования и позволит сделать его еще более привлекательным и конкурентноспособным.

Следующее направление повышения престижа и привлекательности отечественного туристского образования – открытие туристскими вузами значительного количества онлайн-курсов. Это обусловлено тем обстоятельством, что по оценкам Международной ассоциации университетов (IAU) только 2 % студентов могут воспользоваться возможностью обучения за рубежом [Салми 2019, 45]. С ростом качества программ электронного перевода, а этот процесс в эпоху цифровизации неизбежен, студенты получают доступ к образовательным ресурсам на любом языке. В этих условиях наличие качественных онлайн-курсов может снизить количество непосредственно прибывающих в нашу страну иностранных студентов, но вместе с тем существенно увеличить число студентов, осваивающих наши образовательные программы в режиме онлайн-курсов.

Сегодня в педагогическом сообществе существует много споров о преимуществах и недостатках онлайн-курсов. Но уже неоднократно мы получали убедительные доказатель-

ства, что таким путем материал действительно усваивается на порядок лучше по сравнению с обычной лекцией. Передовые университеты, как правило, группируют онлайн-курсы по 15–20-минутным модулям в целях не превышения психологического порога усталости от усвоения.

Сама специфика туризма предопределяет широкое международное сотрудничество и в этой связи важным может быть совместная реализация образовательных программ с наиболее известными туристскими зарубежными вузами, привлечение к преподаванию отдельных курсов ведущих профессоров этих университетов. Российский университет дружбы народов уже достаточно длительное время практикует такой подход, показавший свою высокую эффективность. Студенты более 157 стран обучаются в РУДН на разных направлениях подготовки, в том числе и по туризму. Все они имеют возможность за период обучения прослушать курсы профессоров зарубежных вузов, изучать образовательные программы, реализуемые университетом совместно с зарубежными партнерами, обучаться определенное время в зарубежном вузе-партнере.

Наш опыт работы показал и все возрастающую значимость летних (зимних) школ как одного из важных видов образовательного туризма. Программы этих школ сохраняют популярность среди студенческой молодежи и демонстрируют устойчивую динамику. Даже в условиях пандемии, когда работа школ проводилась в дистанционном режиме, количество реализованных программ и доля слушателей практически не изменились по отношению к обычному формату.

Такая образовательная практика показала, что количество принимаемых в университет студентов (как отечественных, так и зарубежных) ежегодно возрастает, а сам РУДН стал весьма авторитетным, узнаваемым и привлекательным университетом в международном образовательном пространстве, что, в свою очередь, не преминуло отразиться на существенном росте его позиций в международных рейтингах университетов.

Важным представляется и международная аккредитация образовательных туристских программ, что наряду с профессиональ-

но-общественной аккредитацией придает этим программам высокую привлекательность, конкурентноспособность в международном образовательном пространстве. Они делают полученное образование в университете «брендовым». Именно эти программы привлекают молодые умы и таланты со всего мира. В связи с этим существенной является и позиция, занимаемая университетом в глобальных рейтингах. Чем выше позиции в ключевых рейтингах, тем выше и доверие к университету, а соответственно, и востребованность его программ.

Российское туристское образование обладает значительным потенциалом, опирается на опыт и прочную репутацию отечественной высшей школы. Оно вполне способно решить задачу обеспечения высокого уровня его конкурентноспособности в мировом образовательном пространстве, востребованности выпускников профессиональным сообществом и обеспечения российской туристической индустрии высокопрофессиональным кадровым потенциалом. Активная трансформация ведущих университетов нашей страны привела к переосмыслению своих образовательных моделей, в основе которых лежала очная коммуникация преподавателя и студента, позволила обновить старую и создать новую инфраструктуру, нарабатывать новые компетенции. Такое положение в определенной степени предопределило снижение падения спроса на образование, позволило минимизировать дополнительные риски для университетов. Сохранение высокого уровня конкурентноспособности и привлекательности образовательных программ российских университетов послужит основой для дальнейшего развития образовательного туризма в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00045 А «Влияние этнокультурных, религиозных, коммуникативных, образовательных и миграционных факторов на развитие современной индустрии туризма: опыт социально-философского анализа».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00045 А “The Influence of

Ethnocultural, Religious, Communicative, Educational and Migration Factors on the Development of the Contemporary Tourism Industry: Socio-Philosophical Inquiry.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова 2010 – *Артамонова Е.И.* Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 10–20.
- Гришаева 2016 – *Гришаева С.А.* Миграционный потенциал иностранных студентов // Актуальные проблемы управления. 2016. № 3. С. 15–21.
- Житинев 2018 – *Житинев С.Ю.* Образовательный туризм в России М.: Юрайт, 2018.
- Пирогова 2016 – *Пирогова О.В.* Перспективы развития туристского образования // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 10–19.
- Пономарева 2015 – *Пономарева Т.В.* Образовательный туризм: сущность, цели и основные сегменты потребителей // Проблемы современной экономики. 2015. № 2. С. 11–23.
- Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р... web – Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. // Собрание законодательства РФ. 2019. № 27. Ст. 3314.
- Салми 2019 – *Салми Д.* Обеспеченность равного доступа к высшему образованию в разных странах // Международное высшее образование. 2019. № 98. С. 43–49.
- Сероштан, Кетова 2020 – *Сероштан М.В., Кетова Н.П.* Современные Российские университеты: позиционирование, тренды, возможности наращивания конкурентных преимуществ // Высшее образование в России. 2020. № 2. С. 12–33.
- Чистякова 2010 – *Чистякова О.В.* Проблемы этнокультурной политики в «национализирующемся» государстве // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 4. С. 5–12.
- Chistyakov 2019 – *Chistyakov D.* Media Praxis in Constructing Symbolic Space: Intercultural Approach // Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. P. 2176–2179.
- Organisation de l'école... web – Organisation de l'école. Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse

et des Sports // <https://www.education.gouv.fr/organisation-de-l-ecole-12311>.

The Travel & Tourism... web – The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. The World Economic Forum // <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>.

REFERENCES

- Artamonova E.I., 2010. Academic Mobility As a Means of Integrating Russian Universities into the Global System of Higher Education. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 1, pp. 10-20.
- Grishaeva S.A., 2016. Migration Potential of Foreign Students. *Aktual'nye problemy upravlenija*, no. 3, pp. 15-21.
- Zhitinev S.Y., 2018. *Educational Tourism in Russia*. Moscow, Jurajt Publ.
- Pirogova O.V., 2016. Prospects for the Development of Tourism Education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, no. 6, pp. 10-19.
- Ponomareva T.V., 2015. Educational Tourism: Essence, Objectives, and Main Segments of Consumers. *Problemy sovremennoj jekonomiki*, no. 2, pp. 11-23.
- Decree of the Government of the Russian Federation from 20.09. 2019 № 2129-r “On the Strategy of

Tourism Development in the Russian Federation for the Period up to 2035”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, no. 27, art. 3314.

- Salmi D., 2019. Ensuring Equal Access to Higher Education in Different Countries. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*, no. 98, pp. 43-49.
- Seroshtan M.V., Ketova N.P., 2020. Modern Russian Universities: Positioning, Trends, Possibilities to Increase Competitive Advantages. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 2, pp. 12-33.
- Chistyakova O.V., 2010. Problems of Ethno-Cultural Policy in the “Nationalizing” State. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*, no. 4, pp. 5-12.
- Chistyakov D., 2019. Media Praxis in Constructing Symbolic Space: Intercultural Approach. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, pp. 2176-2179.
- Organisation de l'école. *Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports*. URL: <https://www.education.gouv.fr/organisation-de-l-ecole-12311>.
- The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. *The World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2017>.

Information About the Author

Vasiliy V. Gerneshiy, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Director of the Hotel Business and Tourism Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, v.gerneshij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3288-814X>

Информация об авторе

Василий Васильевич Гернеший, кандидат военных наук, доцент, директор института гостиничного бизнеса и туризма, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, v.gerneshij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3288-814X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

UDC 162.6
LBC 67.1

THE TRIAL OF SOCRATES LIKE THE STRUGGLE OF SOPHISTRY AND DIALECTICS

Gennady A. Pechnikov

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Sergey D. Nazarov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Peter P. Smolyakov

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the ideological conflict between the views of the sophists, based on the fact that everything is relative, there is no objective truth and objective dialectical patterns (and the measure is all people) and taught rhetorical art of dispute and winning the case (eristic) and Socrates sharply opposed the absolute relativism of the sophists and proving the existence of objective truth. The article shows the principled position of Socrates in the Athenian court. It is noted that the relativistic views of ancient Greek sophists are reflected in the modern adversary Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which the art of speaking, the ability to be stronger, more convincing than its procedural adversary is also important. The authors of the article criticize relativism of the modern adversary criminal process, which denies objective truth and believes that the criminal process with an objectively true concept of legal proceedings is a higher, more advanced type (model) of the criminal process than the competitive (win-loss) process in which the triumph of the right and justice of the strong.

Key words: Socrates, sophists, dialectics, relativism, sophistry, the art of dispute, competitive (winning-losing) model of the criminal process, objectively true model of criminal proceedings.

Citation. Pechnikov G.A., Nazarov S.D., Smolyakov P.P. The Trial of Socrates Like the Struggle of Sophistry and Dialectics. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 177-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

© Печников Г.А., Назаров С.Д., Смольяков П.П., 2021
УДК 162.6
ББК 67.1

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД СОКРАТОМ КАК БОРЬБА СОФИСТИКИ И ДИАЛЕКТИКИ

Геннадий Алексеевич Печников

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Дмитриевич Назаров

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Петр Павлович Смольяков

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен идейный конфликт между взглядами софистов, исходящих из того, что нравственные ценности относительно, объективной истины и объективных диалектических закономерностей.

тей не существует (поскольку человек задает меру вещам), и Сократом, резко выступавшим против абсолютного релятивизма софистов и доказывавшем существование объективной истины. В статье показана принципиальная позиция Сократа в афинском суде, доказывавшего противоречивость и необоснованность предъявленных ему обвинений. По мнению авторов, афинский суд представлял собой состязательный процесс, в котором судьи разделяли софистические взгляды и использовали софистические приемы. Показано, что релятивистские взгляды древнегреческих софистов нашли свое отражение и в современном состязательном уголовно-процессуальном кодексе РФ, в котором также важно искусство судоговорения, умение быть сильнее, убедительнее своего процессуального противника. Авторы статьи критикуют релятивизм современного состязательного уголовного процесса, отрицающего объективную истину, и доказывают, что уголовный процесс с объективно-истинной концепцией судопроизводства – это более высокий, более совершенный тип (модель) уголовного процесса, чем состязательный (выигрышно-проигрышный) процесс, в котором торжествует право и справедливость сильного.

Ключевые слова: Сократ, софисты, диалектика, релятивизм, искусство спора, состязательная модель уголовного процесса, объективно-истинная модель уголовного судопроизводства.

Цитирование. Печников Г. А., Назаров С. Д., Смольяков П. П. Судебный процесс над Сократом как борьба софистики и диалектики // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 177–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.17>

Принципиально выступивший против релятивизма софистов Сократ отстаивал объективную истину, добродетель и справедливость как «общие определения», абсолютные понятия, абсолютные ценности. В соответствии с учением софистов человек есть мера всех вещей. Истина относительна, различна для каждой культуры, человека и ситуации. Ценность любого мнения можно определить только исходя из практической пользы, которую оно может принести в жизнь человека. «В конце концов, – утверждали софисты, – каждое понимание есть субъективное мнение. Подлинная объективность невозможна. Всякое постижение, на которое можно претендовать, – лишь вероятность, а не абсолютная истина» [Гарнас 1995, 28]. Софисты доказывали, что не существует определенных норм истинного и ложного, то есть невозможно четко разграничить истину и ложь, добро и зло, справедливость и несправедливость и т. д.

Напротив, Сократ доказывал, что некоторые нормы являются абсолютными и действительными для всех [Философия 2000, 80], что следует отделять добро от зла, истину от лжи, справедливость от несправедливости и, соответственно, виновного от невиновного, презумпцию невинности от презумпции виновности, доказанное от недоказанного в судебном процессе.

Осуждение Сократа произошло по причинам, в большей степени связанным с его критикой софистики – основной в рассматриваемую эпоху системы древнегреческого об-

разования, нацеленного на обучение навыкам аргументации и защиты любого утверждения – верного или неверного. Сократу не могли простить доказательства того, что эта система не имела под собой прочного основания [Хесс 1999, 21].

Критикуя релятивистские установки софистов, Сократ показал, что «гибкость» понятий и демонстрация софистами на ее основе семантического «тождества» противоположных суждений является безрезультатным процессом и лишь начальным этапом позитивного постижения истины («сущности вещей»). Убеждение Сократа базируется на имплицитной презумпции объективного существования intersubъективного истинного знания [История философии 2002].

Сократ был обвинен в том, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество, а наказание за это – смерть» [Диоген Лаэртский 1980, 116]. В суде Сократ указал своим обвинителям на необоснованность пунктов обвинения о развращении молодежи и непризнании богов. Во-первых, нелепо считать его развратителем молодежи и одновременно признавать, что все другие граждане, в том числе судьи и сами обвинители, никого не развращают, а воспитывают. Во-вторых, если версия о развращении действительно допустима, то еще требуется доказать, что оно было умышленным, так как невольного развратителя к суду не привлекают, а частным образом наставляют и исправляют.

По второму пункту обвинения Сократ доказывал противоречивость утверждений «о непризнании богов» и «введении новых богов». «Отвергать одних богов и признавать других, заметил он, – вовсе не значит быть безбожником, в чем его обвиняет Мелет. И если Мелет согласен, что «гениев-то я признаю», а гении – дети богов, то какой же человек, признавая детей богов, не будет признавать самих богов?» [Кесседи 1999, 277; Нерсисянц 1977, 119–139; Платон 1999, 70–96].

Однако, несмотря на то, что Сократ отрицал свою вину по всем пунктам обвинения, он был признан судом виновным. В Древней Греции у обвиняемого было право выбора для себя вида наказания. Перед такой альтернативой оказался и Сократ. Гегель в своей «Эстетике» описывает это так: «Согласно афинским законам обвиняемый, после того как гелиасты – своего рода английский суд присяжных – вынесли ему обвинительный приговор, имел право противопоставить наказанию, предложенному обвинителем, *противооценку*... которая, не будучи формально апелляцией, заключала в себе смягчение наказания; это – превосходный институт афинского судопроизводства, свидетельствующий о его гуманности». Следовательно, речь идет, при этой оценке не о наказании вообще, а лишь о роде наказания; поскольку судьи уже постановили, что Сократ заслуживает наказания. Но именно тем, что признанный виновным делается своим собственным судьей, подразумевалось, что он подчиняется приговору суда и признает себя виновным; Сократ же отказался выбрать для себя наказание, которое могло быть денежным штрафом или изгнанием. Имея выбор между этими наказаниями и смертью, которую предлагали обвинители, он отказался от выбора наказания, потому что как сообщает Ксенофонт [Платон 1999, 23] формальностью *противооценки* он признал бы, как он говорил, свою вину [Гегель 1973, 4, 188]. Сократ не согласился на «делку с правосудием».

Философия софистов была прямой противоположностью диалектической философии Сократа. В суде Сократ твердо отстаивал свои философские позиции и не отступал от них, хотя, возможно, предвидел, что он проиграет судебный процесс, поскольку афинский суд подходил к разбирательству дела с пози-

ции софистов, отвергавших всякие «общие понятия» и объективную истину и признававших только отдельное, частное мнение каждого. По существу, афинский суд являл собой состязательный процесс, целью которого было не установление объективной истины, а выяснение того, кто сильнее, убедительнее в споре сторон обвинения и защиты. Приемы софистики помогали одержать верх над процессуальным противником и выиграть дело. А. Шопенгауэр, высоко ценивший «искусство побеждать в спорах» [Шопенгауэр 2016], отмечает, что для победы в дискуссии необязательно быть фактически правым, нужно лишь использовать правильные приемы. Он приводит более тридцати так называемых уловок, включающих: подмену тезиса; уход от предмета обсуждения в другие сферы; выведение противника из себя; недопущение верных аргументов, если они могут привести к неблагоприятным выводам, а также такой прием как неведение довода (*ignoratio elenchi*) – логическую ошибку, при которой доказывается не то, что следует, или опровергается не то, что должно быть опровергнуто [Шопенгауэр 2016, 7, 25]. Таким образом, софисты обращаются к искусству спора (*эристике*) как технике словесной эквилибристики, используемой не для того, чтобы определить истину, а, напротив, чтобы «сделать слабое мнение сильным» и убедить слушателей в своей правоте благодаря использованию софизмов (*sofisma* – хитрая уловка) – измышлений, преднамеренно ложных выводов [Темнов 2003, 47]. Применение софизмов позволяло убедительно доказывать свою точку зрения независимо от того, в чем она состоит [Гайденко 2009, 96–97].

Как видим, подмена цели судопроизводства (вместо объективной истины – победа в споре сторон) ведет к изменению и средств ее достижения: вместо всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела допустимы софистические выигрышные уловки. К слову сказать, и современный состязательный уголовный процесс в России обнаруживает свое явное сходство с афинским судом времен софистов. В нем также важна победа в правовом споре (конflikте) сторон, а не объективная истина, и также «разрешено все, что не запрещено законом», включая и софистику.

Согласно принципу «мера всех вещей – человек», мир таков, каким он представляется в наших ощущениях; знание о мире не выходит за пределы ощущений и переживаний субъекта. Таким образом, объективная истина невозможна [Кессиди 1999, 120–121]. На это Ф.Х. Кессиди логично возражает: если объективной истины нет и человек является мерой (критерием) всех вещей в своем представлении, то он является и мерой всех норм в своем поведении. И если для каждого истинным (нравственным, законным и т. д.) является то, что ему кажется таковым, то отсюда вытекает вывод, что каждому, говоря словами Ф.М. Достоевского, «все позволено» [Кессиди 1999, 121]. Далее, если объективной истины нет, а есть лишь мнения в качестве описаний психологических переживаний субъекта, то как тогда отличить истину от заблуждения, нравственное от безнравственного? Как отличить тогда добро от зла, если нет объективного критерия, а все субъективно и относительно?

Софисты ставили задачей обучение искусству выдвижения доводов (аргументов, оснований) исключительно с одной целью – победить в споре сторон. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель справедливо отмечал, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Софисты обучали изыскивать различные «доводы» в качестве «оснований», в свете которых можно рассматривать вещи. Но довод еще не имеет в себе и для себя определенного содержания, так что можно одинаково легко находить доводы как для безнравственных и противоправных действий, так и для нравственных и правых, поскольку выбор оснований зависит от индивидуальных намерений и индивидуально-умонастроения субъекта. В своей полемике с софистами Сократ с позиций диалектики доказывал несостоятельность использования субъективных доводов, форма которых позволяет как защищать, так и нападать на все [Гегель 1975 1, 285–286], и в противовес им ставил задачу содержательного определения истины, добра, справедливости. Форма и содержание диалектически взаимосвязаны и их нельзя отрывать друг от друга, поскольку «пустая» форма начинает жить своей собственной жизнью и ее можно использовать для чего

угодно и как угодно. Достоевский описывает адвоката, который, защищая подзащитного от обвинения в убийстве с целью грабежа, договорился до того, что грабежа не было, как и убийства.

В процессе либерализации уголовно-процессуального законодательства в России состязательность стала признаваться самодостаточной, а процессуальная форма, процедура судопроизводства получили приоритет над истинным содержанием, над задачей установления фактических обстоятельств дела [Михайловская 2006, 8–9]. Иначе говоря, в состязательном уголовном процессе процессуальная форма, процедура стали ставиться выше искомой истины по делу, чего в принципе не должно быть согласно требованиям диалектики.

Софистический приоритет формы над фактическим содержанием означает признание плюрализма мнений, оценок, «истин» об одном и том же предмете. В противоположность этому подходу Сократ на суде твердо отстаивал идею объективной истины. Как последовательный сторонник диалектики, он признавал единственность и объективность истины для каждого конкретного случая. Сократ признавал, что понятия добра и зла, справедливого и несправедливого относительно в том смысле, что один и тот же поступок является в одном отношении добром, а в другом – злом. Вместе с тем он отказывался считать два взаимоисключающих поступка (например, обвинение, выдвинутое против него, и непризнание им своей вины на суде) одинаково справедливыми, одинаково добродетельными на основании двойного характера справедливости и добродетели. Это было для него равносильным одновременному признанию множества истин об одном и том же [Кессиди 1999, 306].

Целью софистической эристики является утверждение возможности принятия двух противоположных тезисов (например, «добро и зло – одно и то же»; «добро и зло – не одно и то же») как одинаково истинных. Используя прием подмены тезисов, софисты с одинаковым успехом могли доказать «истинность» как одного, так и другого тезиса. На наш взгляд, из того, что добро в одном отношении может быть злом в другом, еще не следует, что «доб-

ро и зло – одно и то же» в одном и том же отношении и в одно и то же время.

В вопросно-ответном ведении спора у софистов главной целью задающего вопросы было принудить отвечающего противоречить самому себе, целью отвечающего – любой ценой выйти из этой ловушки вне зависимости от того, будут ли его ответы отражать то, что он считает истинным, или нет. В противоположность этому Сократ настоятельно требовал, чтобы отвечающий прежде всего исходил из того, что считает истинным. В установлении истины он видел главный критерий, отличающий диалектику как «искусство вести рассуждение» от эристики, искусства спора, искусства словесного агона, словесного состязания [Кессиди 1999, 150–151, 199].

В состязательном (выигрышно-проигрышном) типе уголовного судопроизводства фактически отсутствует необходимая *общая цель*, а имеются одни лишь своекорыстные *цели сторон*, превращающиеся в самоцель всего уголовного процесса. Но ведь, отдельные (частные) цели в уголовном процессе – это, по сути, лишь средства, а они не должны становиться целью (самоцелью). Диалектика не допускает стирание различий между целью и средствами. Не случайно на суде Сократ остро поставил вопрос об объективной истине как единой *общей* цели уголовного процесса. По его мнению, не только каждое отдельное действие должно руководиться известной целью, но кроме того должна существовать единая общая и высшая цель, которой подчиняются все частные цели и которая представляет собой безусловное высшее благо [Краткий очерк... 1981, 68].

На суде Сократ четко поставил вопрос и о презумпции невиновности, о необходимости доказательства участия обвиняемого в совершении преступления. При этом он делал вывод о том, что проблема доказанности / недоказанности вины в уголовном процессе может решаться только с позиции объективной истины.

В своей защитительной речи Сократ, обращаясь к судьям, отметил: «...поэтому решайте, как вам заблагорассудится. Но следуя своему обыкновению давать советы о том, что справедливо и полезно, я сказал бы, что вам по совести своей лучше было бы оправдать меня, если в моем

деле вы разбираетесь не лучше, чем я сам» [Монтень 1996 II, 269]. Но афинский суд не истолковал имеющиеся в деле сомнения в пользу Сократа, не оправдал его. Кроме того, судьи, очевидно, руководствовались как «готовым знанием» фактической презумпцией вины: «обвиняемый, как правило, виновен». Но объективная истина, как подчеркивал Гегель, не может быть дана сразу в «готовом виде» как отчеканенная монета, которую можно положить в карман; истина – это процесс постепенного постижения [Гегель 1975 I, 16, 404]. Объективная истина всегда объективно доказывается; она не может презюмироваться, как не может и выигрываться.

Суд не принял во внимание категорический отказ Сократа признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях как доказательство его действительной невиновности; напротив, все то, что вызывало сомнение в его виновности на суде, было истолковано против него как доказательство его виновности.

Оценивать сущность судебного процесса над Сократом надлежит, как отмечено, с точки зрения борьбы двух разных философских направлений: софистики (антидиалектики) и диалектики. Именно эта борьба привела к судебному разбирательству над Сократом и предопределила его исход. Если вдуматься, то и сами обвинения, выдвинутые против Сократа, были, по большому счету, где-то надуманными в отместку за то, что он теоретически и практически отрицал научность философии софистов и критически противопоставлял ей философскую диалектику как истинно научное учение.

Сократ убедительно парировал все обвинения в суде, показал их юридическую несостоятельность, их несоответствие действительности. Но ведь софистами были не только обвинители Сократа; большинство судей разделяли взгляды софистов или мирились с ними. Судьи-софисты и не пытались по-настоящему установить в отношении Сократа объективную истину, не отличали принципиально истину от заблуждения, а руководствовались индивидуальным настроением и чисто субъективным усмотрением.

Кроме того, Сократ эмоционально настроил против себя судей тем, что вместо выбора для себя вида наказания сказал, что

для него, человека заслуженного, но бедного, нет ничего более подходящего, чем почетный обед за общественный счет в Пританее [Кессиди 1999, 279]. Это предложение Сократа шокировало суд и было принято как дерзость. Но положить эмоции в основу обвинительного приговора вместо доказательственных фактов – это и есть софистика, отказ от установления объективной истины, безразличие к ней. Каковы же тогда гарантии правосудия, если все софистически относительно и ясно не отличить виновного от невинного?

Борьба диалектики с софистикой продолжается и в наши дни. Современное состязательное уголовное судопроизводство в России тяготеет к софистике, а значит отрицает диалектику. Это точно выразили, развивая свои теоретические взгляды, известные процессуалисты – А.С. Александров и В.В. Терехин: «Новая состязательная теория судебных доказательств – это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек» [Александров, Терехин 2015, 12].

Судебный процесс по делу Сократа убедительно доказал, что состязательный уголовный процесс, в котором базирующаяся на софистике состязательность самодостаточна и исключает объективную истину, научно несостоятелен. В противовес ему уголовный процесс, основанный на объективной истине и учитывающий диалектическую логику, представляет собой более совершенный и справедливый тип уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров, Терехин 2015 – Александров А.С., Терехин В.В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2015. №1 (26). С. 8–13.
- Гайдено 2009 – Гайдено П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: Пер Сэ; СПб.: Унив. кн., 2009.
- Гегель 1973 – Гегель В.Г.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1973.
- Гегель 1975 – Гегель В.Г.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
- Диоген Лаэртский 1980 – Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Экзамен: Право и закон, 1980.
- История философии. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Кн. Дом, 2002.
- Кессиди 1999 – Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Краткий очерк... 1981 – Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1981.
- Михайловская 2006 – Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби: Проспект, 2006.
- Монтень 1996 – Монтень М. Опыты. В 2 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Терра, 1996.
- Нерсесянц 1977 – Нерсесянц В.С. Сократ. М.: Наука, 1977.
- Никитич (ред.) 2000 – Никитич Л.А. (ред.). Философия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
- Платон 1999 – Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор: пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. М.: Мысль, 1999.
- Тарнас 1995 – Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
- Темнов 2003 – Темнов Е.И. Латинские юридические изречения. М.: Право и закон: Экзамен, 2003.
- Хесс 1999 – Хесс Р. 25 ключевых книг по философии. Челябинск: Урал LTD, 1999.
- Шопенгауэр 2016 – Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. М.: Э, 2016.

REFERENCES

- Aleksandrov A.S., Terekhin V.V., 2015. Five Theses from the Manifesto of Critical Legal Studies of Russian Criminal Procedure Law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya*, no. 1 (26), pp. 8-13.
- Gajdenko P.P., 2009. *The History of Greek Philosophy in Its Connection with Science*. Moscow, Per Se Publ.; Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ.
- Gegel' V.G.F., 1973. *Aesthetics*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Iskusstvo Publ.
- Gegel' V.G.F., 1975. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vols. Vol. 1. The Science of Logic*. Moscow, Mysl' Publ.
- Diogen Laertskij, 1980. *About the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers*. Moscow, Ekzamen Publ., Pravo i zakon Publ.
- History of Philosophy. Encyclopedia*, 2002. Minsk, Interpresservis Publ., Knizhnyj Dom Publ.
- Kessidi F.H., 1999. *Sokrat*. Rostov-on-Don, Feniks Publ.

- A Brief Outline of the History of Philosophy*, 1981. Moscow, Mysl' Publ.
- Mihajlovskaya I.B., 2006. *The Judge's Handbook on Proving in Criminal Proceedings*. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ.
- Monten' M., 1996. *Experiments*. In 2 vols. Vol. 2. Book 3. Moscow, Terra Publ.
- Nersesyanc V.S., 1977. *Sokrat*. Moscow, Nauka Publ.
- Nikitich L.A. (ed.), 2000. *Philosophy*. Moscow, YUNITI-DANA Publ.
- Platon, 1999. *Apology of Socrates, Crito, Ion, Protagoras*. Moscow, Mysl' Publ.
- Tarnas R., 1995. *The History of Western Thinking*. Moscow, KRON-PRESS Publ.
- Temnov E.I., 2003. *Latin Legal Sayings*. Moscow, Pravo i zakon Publ., Ekzamen Publ.
- Hess R., 1999. *25 Key Books on Philosophy*. Chelyabinsk, Ural LTD Publ.
- Shopengauer A., 2016. *The Art of Winning Arguments*. Moscow, E Publ.

Information About the Authors

Gennady A. Pechnikov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, sokrat281947@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-1371>

Sergey D. Nazarov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Operational Investigative Activities, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, serdminaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5642-1208>

Peter P. Smolyakov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, pr.p.smolyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3638-9022>

Информация об авторах

Геннадий Алексеевич Печников, доктор юридических наук, профессор кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, sokrat281947@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-1371>

Сергей Дмитриевич Назаров, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, serdminaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5642-1208>

Петр Павлович Смольяков, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, pr.p.smolyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3638-9022>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

UDC 1:316-05

LBC 87.6

THE IMAGE OF PETER I IN A MYTHOLOGICAL CONTEXT¹

Denis S. Artamonov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Galina V. Yasakova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. Within this study, the authors make an attempt to consider the image of Peter I, one of the most difficult to analyze, through the prism of interpretation and myth formation. The mythological image of Peter the Great has been formed over three centuries, reflecting both the vicissitudes of all historical epochs, including modernity, and various layers of culture and art. For a long time taking into account, that the beginning of the mythologization of the image of Peter I dates back to the era of his reign, society perceived his image in accordance with the requirements of its era, and sought to reflect its own interpretation of his personality and activities. The ways of perceiving the image of Peter I were influenced by socio-philosophical, socio-cultural and political attitudes of society, as well as ideas about the historical personality. The paper suggests that the myth-image moving away from its original true image (the historical personality of Peter I), generates new reflections that may contradict both its prototype and subsequent reflections. The complexity of the mythological image of Peter I is stipulated by the combination of features of historical mythology and reality in it, which, in turn, reflected in oral or written representation, have a close connection with historical and social memory. The authors come to the conclusion that the process of mythologizing Peter the Great, while maintaining a certain objectivity, is also carried out in metaphysical holistic knowledge when justifying the exclusivity of the appearance of such a ruler in Russian history, whose mythological image is used in the formation of a sense of integrity and unity of perception of the myth, based on the feeling and experience of the individual.

Key words: mythological image, Peter I, historical image, myth, social memory.

Citation. Artamonov D.S., Yasakova G.V. The Image of Peter I in a Mythological Context. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 184-192. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

УДК 1:316-05

ББК 87.6

ОБРАЗ ПЕТРА I В МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

Денис Сергеевич Артамонов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Галина Владимировна Ясакова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В настоящем исследовании предпринята попытка обратиться к образу Петра I, одному из самых сложных для анализа, сквозь призму интерпретации и формирования мифа. Мифологический образ Петра I формировался в течение трех веков, отразив в себе как перипетии всех исторических эпох, включая как современность, так и различные пласты культуры и искусства. В течение длительного времени, учитывая, что начало мифологизации образа Петра I относится еще к эпохе его правления, общество воспринимало его образ в соответствии с требованиями своей эпохи и стремилось отразить собственную интерпретацию его личности и деятельности. На способы восприятия образа Петра I влияли как социально-философские, социально-культурные и политические установки общества, так и представления об исторической лич-

ности. В работе высказывается предположение, что мифообраз, удаляясь от своего первоначального истинного образа (исторической личности Петра I), порождает новые отражения, которые могут противоречить как своему прообразу, так и последующим отражениям. Сложность мифологического образа Петра I обусловлена сочетанием в нем признаков исторической мифологии и реальности, которые, в свою очередь, отражаясь в устной или письменной репрезентации, имеют тесную связь с исторической и социальной памятью. Авторы приходят к выводу, что процесс мифологизации Петра I, сохраняя некую объективность, осуществляется и в метафизическом целостном знании при обосновании исключительности появления такого правителя в отечественной истории, мифологический образ которого используется при формировании ощущения целостности и единства восприятия мифа, основанных на чувстве и переживании личности.

Ключевые слова: мифологический образ, Петр I, исторический образ, миф, социальная память.

Цитирование. Артамонов Д. С., Ясакова Г. В. Образ Петра I в мифологическом контексте // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 184–192. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>

Каждое общество, занимаясь поиском форм и самовыражения, создает новые мифологемы и мифические фигуры или использует старые, идя путем проб и ошибок, а также заимствований. На каждом из этапов этого поиска оно обращается к историческим мифам как к органичным системам предшествовавшего своего развития, способным стать предпосылкой дальнейшего развития социума, потому что именно исторические мифы выделяются необыкновенной устойчивостью, а также укорененностью в социальной памяти. Причина этого кроется в том, что историческая мифология соответствует образу мышления общества и доминирующей в нем системе ценностей. В связи с этим мифообразам в исторических мифах присущ оценочный характер. Следует отметить, что в философии образом принято считать «результат отражения объекта в сознании человека» [Ильичев и др. (ред.) 1983, 446]. Объективность образа зависит от того, насколько он точно *отражает* объект. Но даже максимально приближенное к оригиналу отражение остается всего лишь копией, которая, однажды возникнув, приобретает относительно самостоятельный характер бытия.

Из многочисленных же определений мифа (см. подробнее: [Тихонова (ред.) 2008]) в данном контексте лучше всего подходит определение, данное В.М. Найдышем, согласно которому «миф – это прежде всего форма знания. Но форма особая, которая содержит в себе и чувственно-образные, и абстрактно-понятийные компоненты (именно поэтому при определенной модификации миф можно легко редуцировать и к религии, и к искусству, и к морали, и к науке)» [Найдыш 2017, 26]. При

этом не стоит забывать, что «миф – это всегда образ, взятый в единстве с его смыслом (смыслообраз). <...> Смыслы постоянно изменяются вместе с изменением потребностей, мотиваций, интересов, целей и др. личности. Смыслы приобретают сложные, разветвленные, опосредованные формы, позволяющие субъекту ставить и реализовывать все более отдаленные цели, направлять и контролировать свой «жизненный мир» и др. Поэтому единство образа и смысла и является основой творческого потенциала мифологии» [Найдыш 2019, 161]. Мифообраз – это образ, структурно заключенный в мифе, существующий по законам мифа и являющийся источником новых мифов.

В истории каждого народа присутствуют неординарные личности, оставившие свой след в социальной памяти, сам факт существования которых является источником мифов и легенд. Более того, по утверждению А.Ф. Лосева, «всякая живая личность есть так или иначе миф» [Лосев 2001, 99]. При этом, отражаясь в мифологизированном образе, некоторые из них приобретают системообразующий статус национальной самоидентификации. Очевидно, что в разветвленной и многоуровневой системе мифообразов героя преимущество за тем, чью роль переоценить просто невозможно. Речь идет, конечно, о Петре I, личности которого было присуще достаточно черт, а его жизнь изобиловала ситуациями, приводившими в изумление как современников, так и представителей последующих эпох. Исторический образ грозного самодержца прекрасно соответствовал рождению мифологического образа титана, создающего новый мир и разрушающего все, что мешало его

творению. Как известно, миф обладает транс- исторической природой и является неотъемлемым механизмом социогенеза.

Следуя поставленной задаче, авторы рассматривают мифологический образ Петра I как феномен исторической и социальной памяти. Исследование в этом направлении позволит выявить особенности мифологизации в структуре социальных меморативных процессов. Образ, который сегодня предстает перед нами, формировался в течение трех веков, отразив в себе как перипетии всех исторических эпох, включая современность, так и различные пласты культуры и искусства. Но и сегодня, проявляя черты динамичности и изменчивости, не приобретя завершенной формы, образ Петра I продолжает оставаться по-прежнему актуальным, так как современное общество, находясь в стадии определения стратегии своего развития, нуждается в идеологических ориентирах, поэтому мы можем наблюдать одновременно 2 процесса: демифологизацию одних мифов о Петре I и мифотворчество других.

Сходство Петра I с мифологическим героем легко обнаружить. В греческой мифологии герой обычно был призван выполнять волю богов среди людей: «Это идеальные изображения человеческой силы и богатырского духа, посредники между народом и его богами, благодетели греческого народа, основатели греческих городов и государств, учредители законного порядка» [Брокгауз, Ефрон 1893, 545]. Герои учат людей добывать огонь, создавать орудия труда и средства мореплавания, устанавливают справедливость. Сравнивая это с деятельностью Петра I, мы отмечаем, что последний владел ремеслом кораблестроения, искусством мореплавателя, учил также этому других; среди его нововведений следует назвать прежде всего систему государственного управления, новое летоисчисление и многое другое. Подобные нововведения в мифологическом пространстве под силу были только герою.

В настоящем исследовании предпринята попытка обратиться к образу Петра I, одному из самых сложных для анализа, сквозь призму интерпретации и формирования мифа.

Несмотря на большое количество мифов, связанных с образом Петра I, в целом о них

можно сказать, что их отличает противоречивость мнений и явная субъективность оценок.

Осмысление мифологического образа Петра I связано с кругом проблем, попытки разрешить которые до сих пор не увенчались успехом, если учесть, что важнейшей частью мифологии является культ исторической личности, который тесно связан с культом героя. И данный случай не исключение. Большинство людей разных эпох проявляют зависимость не столько от истин, сколько от шаблонов и ценностей, провозглашенных доминантными в современном им временном социокультурном пространстве. В связи с этим одним свойственно преувеличение позитивного оценивания деятельности Петра I и связанной с ним государственной идеи, что возводило созданный мифологический образ к полубогу. Другие, склонные к негативной оценке, связанной с деспотизмом и жестокостью царя, воспринимали его образ как разрушительное начало, воплощение Антихриста. Рассмотреть все оценочные суждения о Петре I и его деятельности не представляется возможным. Однако следует отметить, что начало мифологизации образа Петра I относится еще к эпохе его правления. Сподвижникам Петра I его правление виделось как обновление страны, которым она была обязана исключительно талантам и реформам царя. К слову сказать, сам Петр I, пробуя себя в роли историка своего времени, принял участие в создании своего исторического и мифологического образов. Себя он видел «мудрым и умелым учителем, а народ – упрямыми, но вполне способными детьми. Вместе с тем царь не замалчивал неудач и оценивал свои действия с известной долей реализма» [Мезин 2020, 89].

О неоднозначности восприятия образа Петра I и причинах подобного восприятия написано немало работ, в которых представители различных областей знания (историки, философы, культурологи) детально анализируют различные аспекты этой проблемы. Определенную лепту в рассмотрение этого вопроса внесли и иностранные исследователи, среди которых следует отметить работы Н. Рязановского [Riasanovsky 1985], А. Лортолари [Lortholary 1951] и, конечно, Р. Виттрама [Wittram 1964]. В течение длительного времени общество, воспринимая его образ в со-

ответствии с социальными требованиями и культурными ценностями своей эпохи, стремилось отразить собственную интерпретацию его личности и деятельности. На способы восприятия образа Петра I влияли как социально-философские, социально-культурные и политические установки общества, так и представления об исторической личности. Можно сказать, что мифологический образ есть определенная совокупность представлений о личности. Этот образ можно описать, реконструировать или деформировать. При этом любой индивид как представитель той или иной социальной группы обладает субъективным набором представлений, посредством которых он познает и оценивает данный образ.

Сложность мифологического образа Петра I обусловлена сочетанием в нем признаков исторической мифологии и реальности, которые, в свою очередь, отражаясь в устной или письменной репрезентации, имеют тесную связь с исторической и социальной памятью. Помимо знаний об историческом или социальном прошлом память обладает также оценочным суждением. Она пронизана мифологическими образами различных мифов, в осмыслении которых преломляется историческая реальность. Аксиологическая сторона этого процесса целиком зависит от способности восприятия мифологического образа в сознании общества разных исторических эпох, что приводит не столько к простому воспроизведению старых мифологических форм и образов, сколько к рождению новых. Как уже было отмечено, мифологический образ, являясь структурным элементом социальной и исторической памяти, отражает особенности традиции той эпохи, в которой он зарождался и формировался.

Философский дискурс позволяет избежать жесткости и стереотипности этих подходов в классической культурной традиции. Следует отметить, что в условиях эклектики, многозначности и коммуникационного хаоса, присущих современному информационному обществу, существуют многочисленные варианты трактовки истории, отражение которых можно обнаружить в социальной памяти, последняя, в свою очередь, органически включает в себя проекции исторических образов. Как отмечает В.Б. Александров, «в той час-

ти, где история представляет собой повествование о событиях прошлого, в котором субъективное видение историка не может быть полностью устранимым, она имеет тенденцию наполнения его мифологическим содержанием. Именно мифология создает живую человеческую реальность, по отношению к которой самоопределяется человек» [Александров 2019, 86]. В этом смысле мифообраз призван определять основы восприятия разнообразных проявлений повседневности, выступая в качестве связующего звена любого национального сообщества. При этом не стоит забывать о том, что каждый конкретный мифологический образ, в том числе и образ Петра I, обобщает символическое представление некоего круга представителей общества о реальных событиях и их участниках. Сплоченность и целостность любого общества, обремененного различием ценностных установок, целиком зависит от способности и желания договариваться всех субъектов социума, эффективности их взаимодействия. Когда же обществу угрожает потеря ориентиров идентичности, неизбежно и вполне закономерно возрастает интерес к проблеме исторической памяти, само определение которой до сих пор остается проблемным. Да и проявление интереса к ней не означает возвращение ориентиров прошлого.

С точки зрения А.В. Ставицкого, «мифу по силам разворачиваться на нескольких уровнях смысла – от выраженного в некоем вечном сюжете исходного архетипа до «цветущего» конкретикой калейдоскопа образно осмысленных эпизодов, отсылающих к другим архетипическим образам и сюжетам... точнее будет сказать, миф может мифологизировать и актуализировать конкретный эпизод из прошлого, придав ему статус вечности и сконцентрировав в нем тот опыт прошлого, который требуется нам в настоящем» [Ставицкий 2019, 81].

Некоторые исследователи отождествляют историческую и социальную память. Но подобный подход, по мнению П.Ю. Черникова, «обедняет эпистемологический потенциал исторической и социальной памяти, нивелирует их глубинные смыслы, оставляя в стороне их сущностные, концептуальные основания и парадигмальные характеристики» [Чер-

ников 2016, 190]. Свою точку зрения он подкрепляет словами Хальбвакса, который утверждал, что «память естественна, хранит то, что живо в сознании группы, история – искусственно возрождает то, чего уже нет, создает иллюзию, что каждый период все новое, в ней нет непрерывности пьесы. <...> История могла бы быть универсальной памятью, но такой памяти нет [Хальбвакс 2007, 20]. И далее П.Ю. Черников приходит к логическому выводу о том, «что социальная и историческая память взаимодополняют друг друга, а функционирование социальной памяти разворачивается внутри исторического процесса» [Черников 2016, 190]. При этом социальная память представляет собой не что иное как коммуникативный процесс, в ходе которого определяются ценностные ориентиры. В данном контексте уместно напомнить, что осмысление мифологических образов, тесно связанных как с исторической, так и с социальной памятью, перестает быть простой интерпретацией мифа, демонстрируя признаки зоны ответственности той или иной социальной группы, нацеленной на поиск ценностных оснований настоящего. Как утверждает Юнг, «когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им» [Юнг 1994, 117].

При таком подходе к истории исторический образ, осознанный в рамках национально-культурной традиции, воспринимается и анализируется не изолированно, а в структуре некоей системы, что неизбежно приводит к разным его интерпретациям. При этом его проекция на актуальные аспекты современности в соответствии с потребностями определенной социальной группы может вызвать как положительное, так и отрицательное восприятие. В итоге мы наблюдаем, как исторический образ, обрастая многочисленными интерпретациями, иносказаниями, дополнениями и уточнениями, подменяется мифологическим образом. Биография любой исторической личности, мифы о которой интереснее реальной жизни, может послужить тому наглядным примером. Следует отметить, что трактовка мифологического образа такой личнос-

ти будет напрямую зависеть от потребности в этом образе.

В историческом образе Петра I также имеется внерациональное. Однако нельзя отрицать, что элементы этой внерациональности существенно отличаются от «классических» элементов мифологического образа. При этом его исторический образ не сводится только к рациональной модели, максимально приближенной к объективному отражению реально существовавшей исторической личности. Этим он похож на мифологический образ. Более того, иногда историки при создании исторического образа Петра I не только используют мифы, но сами создают новую мифологию. Однако эта неомифология, значительно отличаясь от старой мифологической системы, противоречит ей. Следует отметить, что при рассмотрении некоторых сторон взаимосвязи между мифологическим и историческим образом Петра I необходимо применение исторического метода. Очевидно, что восприятие мифологического образа Петра I, несмотря на имеющееся в нем архетипическое начало, меняется с течением времени, и не учитывать эту историческую изменчивость нельзя. Чем являются эти изменения – трансформацией или эволюцией – сложно сказать, можно говорить лишь о наличии изменений, которые в той или иной степени зависят от восприятия, а точнее восприимчивости, представителей разных сообществ той или иной исторической эпохи.

Естественно, что мифообраз Петра I, сохранив идеи, признаки и стиль первоначальной эпохи, в последующие впитывает в себя приметы нового времени, обогащаясь современными артефактами, неологизмами, формируя при этом свое мифологическое пространство. Следует отметить, что мифы, в структуру которых органически вписан образ Петра I, всегда будут историческими, так как используемые модели этих мифов выстраиваются с учетом особенностей и потребностей (политических, социальных и др.) общества разных исторических эпох, тем самым задавая временные рамки определенной эпохи. При этом форма воплощения зависит от целей создания мифа. Занимаясь исследованием образа Петра I, по сути дела, мы пытаемся не столько приблизиться к истинному

облику этой исторической личности, сколько осознать себя сквозь призму его мифологизированного образа, отражаясь в зеркальных отражениях прошлого. В свою очередь, эти отражения воспринимаются в зависимости от наших желаний, готовности и степени восприимчивости. В связи с этим именно оценочные суждения современников Петра I, близко знавших его, представляют для нас особый интерес, так как они дают возможность увидеть сопричастность Петра I той эпохе, способствующей наиболее полной его реализации. Однако, как уже отмечалось выше, мифологизация Петра I и формирование совершенно полярных образов Петра I – как его культа, так и его негативного образа царя-антихриста – начались еще при его жизни. На эту проблему указывал еще А.С. Пушкин в разговоре с бароном Д.Е. Келлером: «Об этом государе, можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, не доброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами его действия» [Фейнберг 1979, 27].

И в дальнейшем формирование образа Петра I развивалось по трем основным направлениям (векторам):

1. Положительное. Создание образа в рамках апологетической традиции, включая сакрализацию образа.

2. Отрицательное. Создание негативного образа, в основе которого лежало недовольство, существовавшее в среде определенной части православного духовенства, а также старообрядческого; реконструкция исторического образа.

3. Критическое. Создание исторически как позитивного, так и негативного образа Петра I.

Но несмотря на огромное количество исследований, посвященных Петру, его мифологическим и историческим образам, его значению и роли в истории нашей страны, он, как и прежде, выражаясь словами А.С. Пушкина, «...слишком огромен для нас близоруких. И мы стоим к нему еще близко, – но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем больше изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно» [Даль 1998, 260].

Нельзя также не упомянуть о специфической форме образа – художественном образе, который является наиболее яркой формой выражения мифологизации образа Петра I. В живописи целый ряд художников (И. Никитин, А. Антропов, А.Н. Бенуа, Н. Ге, В.И. Суриков, В.А. Серов, С. Кириллов и др.) в разное время, пытаясь запечатлеть неординарный облик царя-реформатора, создали целую галерею мифологических образов Петра I. В разных уголках России и европейских стран ему воздвигнуты памятники. Художественный образ Петра I неоднократно использовался в литературе, театре и кинематографе. Таким авторам, как И. Никитин, К.Б. Растрелли и, конечно, Э.М. Фальконе, удалось непостижимо связать черты исторического и мифологического образов Петра I, при этом они могут служить примером мифологического восприятия образа Петра I создателями этих произведений.

Удивительно, но мифообраз Петра I и все мифы, производные от него, равнозначны при восприятии, несмотря на стремление мифотворцев провести между ними четкую грань. Можно предположить, что истинный Петр I удален в равной степени от противоположных полюсов его отражений-образов. Восприятие мифообраза Петра I зависит не только от первоначального набора признаков внешнего облика и сюжетов его биографии, но и от объема и качества различных компонентов образа, целью которых является оказание влияния на сознание личности. Реалистичность самых первых позитивных оценок, данных образу Петра I, вызывает гораздо меньше сомнений, чем последующие создаваемые модели его образа, которые, отдаляясь от «исходного», все более искажаются.

Применение герменевтической методологии позволяет достичь максимально объективной реконструкции модели исторического образа. Однако даже герменевтика, интуитивно собирающая целое из частей, не исключает доли субъективизации, обусловленной личной позицией автора творения, которая проявляется в оценке образа. Исторический образ, который базируется на объективном знании, построенном на фактическом материале, став отражением исторической личности, обретает сходство с ее мифологическим образом,

поскольку несет в себе субъективную точку зрения историка, реконструирующего образ конкретной исторической личности. Это касается также событий и фактов, связанных с этой личностью, даже таких незначительных, которые Ф. Бродель именуется исторической пылью [Бродель 1986, 594]. Несмотря на свою незначительность и откровенную псевдоисторичность, некоторые из них проявляют паразитическую живучесть, приобретая мифологическое значение и статус культурного кода. Примером тому может служить ряд псевдоцитат из указов Петра I. Приведем наиболее распространенные из них, ставшие крылатыми, выражения, которые можно найти в свободном доступе в сети Интернет. Одна касается подчиненных: *«Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый! Дабы не смущать начальство разумением своим...»*. Вторая – сенаторов: *«Указую господам сенаторам, чтобы речь держать не по писаному, а своими словами, дабы дурь была видна каждого»*. Следует отметить, что ни в одном указе Петра I этих псевдоцитат, естественно, нет. Наличие таких слов, как «начальник», «придурковатый» и др. в первой фразе говорит о том, что она не могла появиться в эпоху Петра I. Ее появление возможно не ранее 60–70-х гг. прошлого века. Чуть позднее появилась и забавная соответствующая картинка, визуально усиливающая смысл фразы. Подобные «цитаты» можно отнести к мемам, которые создают свою мифологическую реальность, самоопределяясь в отношении к которой, человек вступает в диалог между современным и прошлым. При этом не стоит забывать, что некоторые из подобных мемов определяются обыденным сознанием «как само собой разумеющиеся», статус подобного «шаблона восприятия» которых выводит их за рамки всякого сомнения. И никакая рациональная аргументация не в состоянии опровергнуть их содержание.

Немаловажным является тот факт, что само создание новых мифообразов, способных стать частью структуры имеющихся мифов о Петре I, не только способствует их развитию, но и является новым незаурядным явлением. Иначе говоря, происходит онтологизация мифической реальности. Миф о

Петре I способен осмысливаться как феномен, независимый в отношении исторической личности Петра I.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что процесс мифологизации Петра I, сохраняя некую объективность, осуществляется и в метафизическом целостном знании при обосновании исключительности появления такого правителя в отечественной истории, мифологический образ которого используется при формировании ощущения целостности и единства восприятия мифа, основанных на чувстве и переживании личности.

В ходе исследования выявлено, что каждая эпоха демонстрирует устойчивую востребованность мифологической проекции исторической личности Петра I. Целесообразность использования факторов и механизмов ее формирования зависит от особенностей и потребностей (политических, социальных и др.) общества разных исторических эпох, что определяет место мифообраза Петра I в исторической и социальной памяти.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде».

The reported study was funded by RFBR, project № 20-09-42063 «Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 2019 – Александров В.Б. О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 81–91.
- Бродель 1986 – Бродель Ф. Материальная цивилизация XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
- Брокгауз, Ефрон 1893 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 8А (16). Германия – Го. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1893.
- Даль 1998 – Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников:

- в 2 т. Т. 2. СПб.: Академ. проект, 1998. С. 258–262.
- Ильичев и др. (ред.) – *Ильичев Л.Ф. и др. (ред.)*. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.
- Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
- Мезин 2020 – *Мезин С.А.* Петр I и его эпоха глазами историков // *Историографический сборник*. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 86–132.
- Найдыш 2017 – *Найдыш О.В.* Мифотворчество в деятельности сознания // *Вопросы философии*. 2017. № 5. С. 26–35.
- Найдыш 2019 – *Найдыш О.В.* Смысловая реальность и мифотворчество // *Миф в истории, политике и культуре*. 2019. № 3. С. 158–161.
- Ставицкий 2019 – *Ставицкий А.В.* Миф и время: гносеологический аспект // *Миф в истории, политике и культуре*. 2019. № 3. С. 79–85.
- Тихонова (ред.) 2008 – *Тихонова С.В. (ред.)*. Миф этого мира. М.: Юность, 2008.
- Фейнберг 1979 – *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М.: Художественная литература, 1979.
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Черников 2016 – *Черников П.Ю.* Проблема изучения исторической и социальной памяти // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2016. № 5 (89). С. 189–194.
- Юнг 1994 – *Юнг К.* Аналитическая психология. Тавистокские лекции. М.: Изд-во МЦНК и Т «Кентавр», 1994.
- Lortholary 1951 – *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris: Éditions contemporains, Boivic, 1951.
- Riasanovsky 1985 – *Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N. Y., Oxford: Oxford University Press.
- Wittram 1964 – *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd. 1–2. Gettingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Modern Man. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 10, pp. 81-91.
- Brodell F., 1986. *Material Civilization of the XV–XVIII Centuries: in 3 vols. Vol. 1. Structures of Everyday Life: Possible and Impossible*. Moscow, Progress Publ.
- Brockhaus F.A. Efron I.A., 1893. *Encyclopedic Dictionary: in 86 vols. Vol. 8A (16). Germaniya–Go*. Saint Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya Publ.
- Dal V.I., 1998. *Memoirs of Pushkin. Pushkin in the Memoirs of Contemporaries. In 2 vols. Vol. 2*. Saint Petersburg, Academicheskij proekt Publ, pp. 58-62.
- Ilyichev L.F. (ed.), 1983. *Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ.
- Losev A.F., 1990. *Dialectics of Myth*. Moscow, Mysl'.
- Mezin S.A., 2020. Peter I and His Epoch Through the Eyes of Historians. *Istoriograficheskij sbornik*. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., pp. 86-132.
- Naidysh O.V., 2017. Myth-Making in the Activity of Consciousness. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 26-35.
- Naydysh O.V., 2019. Semantic Reality and Myth-Making. *Mif v istorii, politike i kul'ture*, no. 3, pp. 158-161.
- Stavitskiy A.V., 2019. Myth and Time: Gnoseological Aspect. *Mif v istorii, politike i kul'ture*, no. 3, pp. 79-85.
- Tikhonova S.V. (ed.), 2008. *The Myth of the World*. Moscow, Yunost' Publ.
- Feinberg I.L., 1979. *Unfinished Works of Pushkin*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Halbwachs M., 2007. *The Social Frameworks of Memory*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.
- Chernikov P.Yu., 2016. The Problem of Studying Historical and Social Memory. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*, no. 5 (89), pp. 189-194.
- Jung K., 1994. *Analytical Psychology. The Tavistock Lectures*. Moscow, Izd-vo MCNK i T «Kentavr».
- Lortholary A., 1951. *Les "Philosophes" du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle*. Paris, Éditions contemporains, Boivic Publ.
- Riasanovsky N., 1985. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. New York, Oxford, Oxford University Press.
- Wittram R., 1964. *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Bd. 1-2*. Gettingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ.

REFERENCES

Alexandrov V.B., 2019. About the Role of Mythology in the Formation of Historical Consciousness of

Information About the Authors

Denis S. Artamonov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Communications, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Galina V. Yasakova, Master Student, Head of the Cabinet at the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>

Информация об авторах

Денис Сергеевич Артамонов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Галина Владимировна Ясакова, магистрант, заведующий кабинетом кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.19>

UDC 1(091)

LBC 87.3(2)6

THREE CAPITALS OF THE “RUS’SKIY” WORLD

Vasiliy L. Kurabtsev

Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation

Abstract. The author studies the probabilistic attractor of postbifurcation movement of Russia, Ukraine and Belorussia. The essence of the attractor is defined as presence in the unified “Rus’skoy” civilization. The purpose of the work is to give argumentation of the need of choosing the given civilization. The research is methodologically completed using dialectic, hermeneutic and historical and logical approaches. The results of the study represent actual conclusions from the dialectic of “egoistic” and “collectivist” in recent history of the three countries; from the long-standing contradiction of leaders and peoples of these states; from actual confrontation “Nazi-Ukraine” and “Russo-Ukraine”. The author demonstrates the essence of this confrontation – geopolitical struggle of Western and Russian civilization at the area of Belorussia, Ukraine and Russia. The novelty of the study is implied in understanding the antinomic truth of Rus’skoy civilization – catch-up, as well as advanced; in formulating new definitions of “Nazi-Ukraine” and “Russo-Ukraine” and in explaining their actual contradictions; in clarifying the specific of the opposition between the West and Russia. The author shows the “orthodoxy” of the West’s antislavism, the reasons of the Eastern-Slavic space destruction, axiological degradation of the West and potentiality of “empire decline” (USA). The article reveals the orthodoxy of territorial and property claims to Slavic peoples; the Germans’ desire to settle new territories and use these areas as colonies. The researcher proves that the attitude towards Ukraine is that of a partner-vassal. The conclusions of the research are grounded on the argumentation of the true attractor of the three countries movement – towards the unified “Rus’skaya” civilization. The essential causes of this process are immanent contradictions of the Western civilization, especially between the American atlanticism and Germanocentric continentalism. Moreover, there is the necessity for common cultural and historical fate connected with the faith to invaluable traditions being trampled and disappearing in the Western civilization. At the same time, the author demonstrates the possibility of maintaining democratic values and specific “bourgeois – non-bourgeois” social and economic projects.

Key words: geopolitics, Russian world, Western civilization, American atlanticism, Germanocentric continentalism, “Nazi-Ukraine”, “Russo-Ukraine”, egoistic and collectivist.

Citation. Kurabtsev V.L. Three Capitals of the “Rus’skiy” World. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 193-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.19>

УДК 1(091)

ББК 87.3(2)6

ТРИ СТОЛИЦЫ «РУСЬСКОГО» МИРА

Василий Леонидович Курабцев

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется вероятностный аттрактор постбифуркационного движения России, Украины и Беларуси. Суть аттрактора рассматривается как присутствие в единой «Русьской» цивилизации. Цель работы – аргументация необходимости выбора данной цивилизации. Методологически исследование проведено с использованием диалектического, герменевтического и историко-логического методов. Результаты анализа – актуальные выводы из диалектики «эгоистического» и «коллективистского» в новейшей истории трех стран; из многолетней противоречивости действий лидеров и народов этих стран; из актуальной оппозиции «Наци-Украины» и «Русо-Украины». Показана суть противостояния – геополитическая схватка Западной и Русской цивилизаций на пространстве Беларуси, Украины и России. Новизна исследования – в понимании антиномической истины «Русьской» цивилизации – и догоняющей, и передовой; в формулиров-

ке новых понятий «Наци-Украины» и «Русо-Украины» и в определении их актуального противоречия; в объяснении специфики противостояния Запада и России. Показана «традиционность» славянофобии Запада, причины разрушения восточнославянского пространства, аксиологическая деградация Запада и потенциальность «упадка империи» (США). В статье отображена распространенность притязаний на территорию и ответственность славянских народов; стремление заселить немцами новые территории и использовать эти земли как колонии. Доказано отношение к современной Украине как к партнеру-вассалу. Выводы исследования основываются на аргументации истинного аттрактора движения трех стран – к единой «Русьской» цивилизации. Существенные причины этого процесса – имманентные противоречия Западной цивилизации, особенно между американским атлантизмом и германоцентричным континентализмом. Кроме того, это необходимость общей культурно-исторической судьбы, связанной с верностью бесценным традициям, которые попираются и исчезают в Западной цивилизации. При этом показана возможность сохранения демократических ценностей и особых «буржуазно-небуржуазных» социально-экономических проектов.

Ключевые слова: геополитика, Русский мир, Западная цивилизация, американский атлантизм, германоцентричный континентализм, «Наци-Украина», «Русо-Украина», эгоистическое и коллективистское.

Цитирование. Курабцев В. Л. Три столицы «Русьского» мира // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 193–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.19>

Бывают моменты в истории России, Украины и Беларуси, «когда предложить... новый проект будущего, вернуть веру в историю – значит избавить... от искушений новых геополитических переделов» [Панарин 2000, 16]. А.С. Панарин полагал, что в XXI в. господа мира («золотой миллиард») уступят свое место неадаптированным и неприспособленным. «Открытие качественно иного будущего... (здесь и далее курсив наш. – В. К.) выпадает на долю пасынков прогресса, не нашедших себе место в настоящем» [Панарин 2000, 7]. Постсоветские государства – пасынки, над которыми иронизируют. Как ироничен Збигнев Бжезинский, когда говорит об идеологии «романтиков-славянофилов, выступающих за “Славянский союз” России, Украины и Беларуси» [Бжезинский 2017, 130], за «Русьский» мир. Термин «русское» означает православное славянское население [Смолий (ред.) 2008, 165]. Но так ли уж несерьезна эта идеология? С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» указывал на вероятность раскола Украины по Днепру и на воссоздание в РФ Православной цивилизации [Хантингтон 2021].

Не является ли эта идеология *лучшим* противостоянием американской геополитике? Бжезинский открывает карты: расширяющаяся на Восток Европа «расширит границы американского влияния» и увеличит «число государств с проамериканской ориентацией» [Бжезинский 2017, 235]. **Цель – влияние США, подчиненность США.** Кроме того, как полагал аналитик, таким образом Европа усилит слабеющее чувство «своего значи-

тельного предназначения» [Бжезинский 2017, 236]. Иными словами, слабые должны уступить сильным («золотому миллиарду»), причем, несомненно, и метафизически. Сдать свои главные ценности и смыслы, а также, по сути, сдать свои территории и богатства.

Цель Западной цивилизации очевидна, но достижение результата проблематично. Во-первых, потому, что Россия, Украина и Беларусь, а также их народы *остаются до сих пор существенно взаимосвязанными*. Во-вторых, потому, что приходит понимание западной геостратегемы: «Агрессия против Югославии... совершенная под надуманным предлогом», показавшей нечто содержательно иное: современный этап истории «**есть новый передел мира**» [Нарочницкая 2004, 499]. Скрытые потребности передела изошренно маскируются. Но можно догадаться. Не есть ли это новый Drang nach Osten (от нем. – натиск на Восток), только под знаменем либерально-демократической перестройки и окончательного овладения пространством?

Первой восточнославянской страной, в которой начали реализовываться намерения Запада, стала постсоветская Украина, которая искала себя в колебаниях между Западом и Россией. Пример разгромленной Югославии Украине не пригодился.

Потерян архетип единого *корня* восточных славян, единой этнической, религиозной, социально-политической и культурно-исторической *судьбы*. Этой «неподвижной, православной вехой в судьбе России, является Киев: то есть идея Киева» [Федотов 1988, 63]. Принижен ар-

хетип *общей особой душевности* и особого выдающегося «русского» духа. Традиционный вектор развития стал искажаться. Однако *восточнославянский дух* (пожалуй, слишком глубокий) так легко не исчезает.

На самом деле, Украина оказалась лишь *используемой шахматной фигурой*, причем не в интересах украинских игроков и народа. В понимании Збигнева Бжезинского, «Украина, новое и важное государство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что самое ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством» [Бжезинский 2017, 10].

Не сказал ли Бжезинский и об Украине, рассуждая о «демократической» России 90-х гг. XX века? «Хотя концепция “зрелого стратегического партнерства” и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной... и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире» [Бжезинский 2017, 124]. Современная же Украина – тем более *партнер второго сорта, партнер-вассал, марионетка*, том числе и для ЕС.

Славянофобия и притязания на славянскую собственность в разной исторической и этнической мере традиционны для Запада. В связи с этим и немецкий нацизм как *западная крайность* заслуживает изучения. Так, Гитлер в беседе с Раушнинггом в 1934 г. заявлял о желании создать в интересах Третьего рейха «Восточный союз» из Восточной Польши, Прибалтийских и Балканских государств, Украины, Поволжья, Грузии. Суть этого объединения он объяснял так: это «союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики» (цит. по: [Дашичев 1973, 51]). Что-то это не слишком похоже на поддержку «незалежности», о чем мечтали бандеровцы.

Гиммлер же в секретном документе 1940 г. еще откровеннее обозначил *будущее украинцев на оккупированной территории*: «Несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано об этих отдельных народностях, в еще большей степени относится к полякам» (цит. по: [Дашичев 1973, 59]). Для начала – никакого высшего образования! Четырехклассная народная школа: «простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю не нужным» (цит. по: [Дашичев 1973, 59–60]).

За нацизмом легко просматривается многовековой немецкий национализм и соответствующая геополитика, явленные и в годы Первой мировой войны. Еще до прихода к власти Гитлера, в 1926 г., в немецком издании «Журнал геополитики» сообщалось: «Россия – одна шестая часть мира – не стала еще ничьей добычей, и тем самым война не окончена. Романцы и германцы **рассматривают Россию как будущую колонию** (выделено нами. – В. К.). Ее пространства никого не пугают... Если кусок окажется для одного велик, он будет разбит на сферы влияния. Возможно, для России сохранят видимость независимости, но каждое из ее будущих правительств будет фиктивным, представляя собой лишь орган колониальных господ» (цит. по: [Дашичев 1973, 50]). Гитлер уже реализовывал эту идеологию: «Колонии – владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей» (цит. по: [Дашичев 1973, 63]). Надо, чтобы «эти русские или так называемые украинцы не размножились бы столь быстро. Мы ведь собираемся через какое-то время заселить всю эту бывшую русскую землю немцами» (цит. по: [Дашичев 1973, 69–70]). «С железным упорством заселять Восток немцами миллион за миллионом» (цит. по: [Дашичев 1973, 68]).

Планы немецких нацистов доходили до стремления абсолютно господствовать над Европой, СССР и всем миром. Планы США конца XX в. оказались гораздо скромнее: американский проект 1992–1994 гг. под названием

«Американская Сибирь» предполагал выкуп у «демократической» России за 3 трлн долларов Сибири и обоснование там *семи новых американских штатов* [Буянов 2017, 308–309].

Каковы же причины разрушения восточнославянского пространства? Первая – *крушение коммунистического режима СССР* с его единой и обязательной для всех *антинационалистической* идеологией и философией. Однако идеология изначально была слишком утопичной и не столь уж научной. В конце концов СССР, согласно Бжезинскому, в ходе «холодной войны» начал отставать от США и в экономике, и в военных технологиях (так ли? – В. К.). Это стимулировало в советском обществе «идеологическую деморализацию» [Бжезинский 2017, 19].

Вторая причина – *латентный национализм вероятно всех народов СССР*, проснувшийся в эпоху перестройки и «гласности». Ему присуща метафизическая глубина, связанная с этническим родством и культурно-историческим типом. «Свобода», вседозволенность и ценностно-идеологический вакуум оказались благоприятной средой для его усиления. Особенно отличились отдельные народы, в том числе украинский, с его долгой историей борьбы за «самостійну» Украину. Любовь к родному языку, народу, украинской культуре и национальному государству сочетались с чувством этнической приниженности и нереализованности. Как результат – почти безумный (зоологический) *эгоцентризм* части народа («наци-украинцев»). Есть, конечно, и действие закономерности в развитии национально-государственного самосознания и национального самоопределения.

Артур Шлезингер-младший описывал «такие фазы американской внутривнутриполитической жизни, как индивидуалистическая, связанная с самостоятельными установками экономического либерализма, и коллективистская, связанная с расширением прерогатив социального государства» (цит. по: [Панарин 2000, 51]). Нечто подобное видится в судьбах стран: то акцент на индивидуализме-эгоизме, то – на коллективистском начале. **Не устанет ли Украина от сомнительного эгоизма-национализма?** Украинец может отождествлять себя с русским, но не может отождествлять себя с немцем, англичанином, французом. Да

и западноевропейские этносы обречены видеть в украинце не брата, а человека второго сорта, где-то варвара.

Третья причина – *наступление* в течение нескольких веков *католического и протестантского Запада* на наши территории и метафизические устои. Г.П. Федотов написал об этом так: едва ли не с XI в. была реальной «борьба двух культур: византийско-русской и польско-украинской» [Федотов 1988, 65]. Н.А. Нарочницкая, в свою очередь, обозначила конкретные феномены этой борьбы: «Этот мотив антихристианства и варварства православных христиан звучал еще в письме к Бернарду Клервосскому... от епископа Краковского Матфея, который побуждал к крестовому походу против русских варваров» [Нарочницкая 2004, 511].

Разъединение украинского народа и Украины – на «русо-украинцев» и «наци-украинцев» и, соответственно, на «*Русо-Украину*» и «*Наци-Украину*», складывалось веками, но особенно с заключения Унии и появления на Западной Украине греко-католиков. У последних сложился *иной культурно-исторический архетип*. Они – главные апологеты «Наци-Украины», то есть Украины, ориентированной узко националистически и скорее русофобски. Украинский интегральный национализм (можно сказать, украинский нацизм) нашел своих адептов по преимуществу на Западной Украине. «Русо-Украина», связанная Православием и близкими связями с Россией, преимущественно русофильская.

Аналогична история хорватов и сербов: окатоличенная часть сербов (то есть хорватов, согласно Нарочницкой) люто возненавидела православных сербов, а также русских, русинов, да и всех, ориентированных на Россию. Фашистская «Хорватия воевала на стороне Гитлера и совершила чудовищный геноцид православного сербского населения» [Нарочницкая 2004, 506]. Не менее опасны бандеровцы как основные «наци-украинцы»: Н.А. Нарочницкая напоминает, что уже «с Первой мировой войны начат массовый антирусский и антиправославный террор во главе с униатами, повторенный С. Бандерой во время гитлеровского нашествия» [Нарочницкая 2004, 432]. Досталось и белорусам, и русинам, и словакам, и «русо-украинцам».

Четвертая причина – *противоречивость действий известных украинцев*, в том числе сторонников российско-украинского сближения. Так, крупный историк русского зарубежья Н. Ульянов написал о Богдане Хмельницком нелестные слова: «Б. Хмельницкий, который “все три года, что находился под московской властью, вел себя, как человек, готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от России”, был склонен интриговать и против царя, и против Польши, вступал в сговор со шведским королем Карлом Густавом, в чем его уличил посланец Москвы Ф. Бутурлин» (цит. по: [Нарочницкая 2004, 431]).

Н. Костомаров нашел документы от султана на имя Хмельницкого, которые говорят, что последний «признавал тайно от Москвы и власть турецкого султана» (цит. по: [Нарочницкая 2004, 431]). Сын Богдана Хмельницкого, Юрий, сблизившись с Польшей, воевал против русских войск под Каневом.

Великий «*русско-украинец*» – писатель Н.В. Гоголь – тоже противоречив, но совсем иначе. Я. Грицак сделал о Гоголе такой вывод: «Свою душу он считал составленной из двух частей – украинской и российской; ни одной из них он не отдавал предпочтения, считая, что они взаимодополняют друг друга. Сильные различия украинского и русского национального характеров были, по его мнению, только предпосылкой для их соединения в будущем, чтоб явить миру что-то более doskonaльное» [Грицак 1998, 27–28]. Другой известный «*русско-украинец*», убитый «наци-украинцами», – Олесь Бузина – писал о «триединстве» русского народа и доказывал истинность этого пути.

«Наци-украинцы» тоже «противоречивы». Они могут выступать даже в ученой мантии «комиссии НАН Украины» и издавать книги в Москве (см.: [Смолий (ред.) 2008]). Но в параграфе «Национально-освободительное движение» (речь в основном о бандеровщине) не дано определение сущности и смысла крайнего украинского национализма как *украинского нацизма*. Напротив, академики попытались уравнивать бандеровский национализм и польский национализм, бандеровский национализм и большевистскую идеологию, а также практику.

Пятая причина ослабления общего восточнославянского духа – *культурное забвение Киева с XVIII в.*, особенно в публицистике, литературе и философии. Г.П. Федотов об этом написал так: «О Киеве кажется странным говорить в наше время. Мы сами в недавнем прошлом с легкостью отрекались от Киевской славы и бесславия, ведя свой род с Оки и с Волги. Мы сами отдали Украину Грушевскому и подготовили самостийников. Стоял ли Киев когда-либо в центре нашей мысли, нашей любви? Поразительный факт: новая русская литература прошла совершенно мимо Киева» [Федотов 1988, 64–65].

Почему же Россия стала столь непривлекательной для Украины? С одной стороны, – это стремление сохранить независимость Украины и усиление национализма, великая обида, связанная с голодомором и другими коммунистическими действиями (она раздувалась в украинских СМИ); торопливость стратегического выбора Украины, ее управляемость извне, неэффективность ее политики, социальной сферы, экономики и др. От России отвернулась Восточная Европа. Збигнев Бжезинский об этом написал так: «Россия была недостаточно сильной политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства» [Бжезинский 2017, 139]. С другой стороны, это многочисленные слабости современной России, так и не нашедшей успешной модели собственного социально-экономического развития.

Запад обнаруживает свое отношение к восточнославянским странам, особенно к России, в следующих тезисах З. Бжезинского: расширение НАТО и ЕС имеет «политический, исторический и созидательный» импульс. «Этим импульсом не руководят ни враждебность к России, ни страх перед нею, ни желание ее изолировать» [Бжезинский 2017, 100]. Так, Бжезинский *лукаво* называет геостратегическое **наступление** Запада. Впрочем, З. Бжезинский и другие политтехнологи Запада колеблются в своих выводах: то З. Бжезинский (в работах разных лет) пишет о «поглощении» России продвигающимся на Восток Западом, то мечтает о том, что Россия, как бы добровольно, станет частью Запада. Политолог при этом недооценивает духовную

и культурно-историческую мощь бывшей сверхдержавы. Русский политолог А.Г. Дугин четко указывает на «экзистенциального» врага России – это Запад, мировая финансовая олигархия и атлантизм [Дугин 2015].

Эти же враги у Украины и Беларуси (понимают ли они это или не понимают – второй вопрос). Идет «великая война континентов» [Дугин 2015]. Не является ли в первой четверти XXI в. вопрос Украины основным вопросом России и «Русьской» цивилизации? Осторожность и половинчатость российских решений по Украине не окажется ли проигрышным выбором? Колебания присущи и западному миру.

Может ли Россия что-то предложить Украине и Беларуси? Вероятно, может:

Во-первых, общую *геополитическую и аксиологическую безопасность*. З. Бжезинский откровенно пишет *об аксиологической деградации Запада* и потенциальности «упадка империи»: «К тому же, и США, и странам Западной Европы оказалось трудно совладать с культурными последствиями социального гедонизма и резким падением в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах. (В этом отношении поражают... параллели, относящиеся к упадку империй)» [Бжезинский 2017, 250]. На Западе «в наиболее сознательных кругах начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма» [Бжезинский 2017, 250]. Западные либеральные рассуждения доходят даже до подобного: «Существует несколько вариантов брака: во-первых, брак между мужчиной и женщиной; во-вторых, брак между двумя людьми; в-третьих, брак между двумя “созданиями”. Под “созданиями” могут пониматься не только люди, но и животные, и вещи (как, например, компьютер). Какое определение оказывается истинным – это этический вопрос» [Азария 2017, 87].

Во-вторых, *общую культурно-историческую судьбу* – большую Родину-Русь; родной, а не западноевропейский язык. Родную культуру, не нужную западным европейцам. Общие усилия по выживанию, жизни и развитию славянских народов, встроенных в свободную мировую жизнь. Общие ископаемые, общие проекты развития, общее образование

и оборона. Великий СССР был и догоняющей цивилизацией, и передовой цивилизацией. **«Русьская» цивилизация может быть такой же и при этом свободной и верной бесценным традициям, попираемым и исчезающим на Западе.**

В-третьих, *общий «буржуазно-небуржуазный» проект* разрешения серьезных социальных проблем (медицины и образования, пенсионного обеспечения, доходов граждан и др.), который можно выработать едиными усилиями трех стран.

Конкурентоспособный, успешный и к тому же духовный союз России, Украины и Беларуси (и, разумеется, других стран постсоветского пространства) *может состояться!*

Неслучайно Збигнев Бжезинский заметил: «Каковы – исторически, стратегически и этнически – действительные границы России? Следует ли рассматривать независимую Украину как временное отклонение в рамках этих исторических, стратегических и этнических понятий? (Многие русские склонны считать именно так)» [Бжезинский 2017, 119–120]. Границы Российской империи растекались вокруг трех великих городов и столиц (в разное историческое время) – Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. Не предстоит ли вспомнить об этом?

Метафизика триединства очевидна: Православие, близкие языки, культуры, истории, общие войны, души, дух; близкие экономики и социальные условия, общая всем Русь, «Бессмертный Полк», смешанные семьи и другое. Как пишет Н.А. Нарочницкая, до сих пор братские отношения Украины и России – реальность, хотя и противоречивая. «“Братские” отношения – не вымысел, но это сложнейший и противоречивый социокультурный феномен, комплекс и притяжения, и отталкивания, и ревности» [Нарочницкая 2004, 429].

Однако этот «комплекс и притяжения, и отталкивания» между русскими и украинцами разворачивается *по преимуществу в сетевом пространстве*, с колебаниями, в зависимости от политической и социальной ситуации. Во многом здесь (и в СМИ) происходит взаимная «манипуляция сознанием», информационные битвы, виртуальные победы и поражения. При этом, разумеется, активно работают спецслужбы двух стран. Единство

народов в значительной степени уже подорвано, полноценный выбор не сделан, неожиданности вполне ожидаемы.

Однако смогут ли Украина и Беларусь вне России «самостийно» устроиться в этом мире? В триединстве с высокой вероятностью – смогут. Реальна антиномическая истина, связанная с этим единством: оно (по преимуществу это реальности и возможности России) является **и догоняющим** триединством, **и парадоксально, передовым** триединством. Россия занимает передовые позиции в разработке ряда вооружений, в некоторых аспектах космических разработок, в военном строительстве и управлении и в других сферах. При этом Запад переживает обострение противоречий, как внутренних (расовые конфликты в США, противоречия между традиционалистами и либералами в ЕС, распад ЕС и др.), так и внешних – соперничество с поднявшимся Китаем, не слишком успешные санкции в отношении РФ, которые вредоносны и для стран, вводящих эти санкции, и др. Как написал А. С. Панарин, возможно, «Запад окажется расколотым на англо-американский или даже сугубо американский атлантизм и германоцентричный континентализм» [Панарин 2000, 72].

А наши национальные интересы должны быть приоритетны во все времена. Или мы снова *слишком* поверим в «общеслужение человечеству, – не России только... но всечеловечеству» [Достоевский 1981, 30–31]? Нам следует как «догоняющим» странам *умеренно* сотрудничать и сближаться с Западом. Как передовым странам (прежде всего, в духовно-нравственном отношении) – у нас *свои ценности*, своя судьба и свой успешный путь. Путь «Русьской» цивилизации.

Ф.М. Достоевский писал: наши беды (в том числе и современные) – «от продолжающегося нашего незнания России, ее сути и особи, ее смысла и духа» [Достоевский 1981, 42]. Доверимся же классику, который учит «старой» истине: «А с моей стороны, может быть, слишком сильная вера в непрерывающееся русское чутье и в живучесть русского духа» [Достоевский 1981, 42].

«История никогда не оправдывает наших ожиданий. Она дает народу другой шанс: воспроизвести себя как личность, продлить себя

в следующих поколениях» [Панарин 1998, 55]. Всего лишь воспроизвести себя и продлить. Или больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азария 2017 – Азария Дж. Время подумать! Изменение характера семьи, брака и отношений между родителями и детьми // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3, Философия: РЖ. 2017. № 3. С. 86–88.
- Бжезинский 2017 – *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2017.
- Буянов 2017 – *Буянов В.С.* Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России. М.: Дело: РАНХиГС, 2017.
- Грицак 1998 – *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ: Генеза, 1998.
- Дашичев 1973 – *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2 т. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М.: Наука, 1973.
- Достоевский 1981 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год, май–октябрь. Ленинград: Наука, 1981.
- Дугин 2015 – *Дугин А.Г.* Русская война. М.: Алгоритм, 2015.
- Нарочницкая 2004 – *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2004.
- Панарин 1998 – *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
- Панарин 2000 – *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.
- Смолий (ред.) 2008 – *Смолий В.А. (ред.)*. История Украины. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Федотов 1988 – *Федотов Г.П.* Лицо России. Статьи 1918–1930. Paris: YMCA-PRESS, 1988.
- Хантингтон 2021 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2021.

REFERENCES

- Azariah G., 2017. Time to Think! Changing the Nature of Family, Marriage and Parent-Child Relationships. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Philosophy Series: Abstract Journal*, no. 3, pp. 86-88.
- Bzhezinsky Z., 2017. *Great Chessboard*. Moscow, AST Publ.

- Buyanov V.S., 2017. *Foreign Policy Activities and International Security of Russia*. Moscow: Delo Publ., Russian Academy of National Economy and Public Service.
- Hrytsak Ya., 1998. *A Sketch of the History of Ukraine. Formation of the Modern Ukrainian Nation of the 19th–20th Centuries*. Kiev, Geneza Publ.
- Dashishev V.I., 1973. *Bankruptcy of the Strategy of German Fascism. Historical, Essays, Documents and Materials. In 2 vols. Vol. 1. Preparation and Deployment of Nazi Aggression in Europe. 1933–1941*. Moscow, Nauka Publ.
- Dostoevskiy F.M., 1981. *Complete Works. In 30 vols. Vol. 23. The Writer's Diary for 1876, May–October*. Leningrad, Nauka Publ.
- Dugin A.G., 2015. *Russian War*. Moscow, Algorithm Publ.
- Narozhnizkaay N.A., 2004. *Russia and Russians in World History*. Moscow, International Relations.
- Panarin A.S., 1998. *The Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century*. Moscow, Logos Publ.
- Panarin A.S., 2000. *Global Political Forecasting*. Moscow, Algoritm Publ.
- Smoliy V.A. (ed.), 2008. *History of Ukraine*. Moscow, OLMA Media Grupp.
- Fedotov G.P., 1988. *Face of Russia. Articles 1918–1930*. Paris, YMCA-PRESS.
- Huntington S., 2021. *Clash of Civilizations*. Moscow, AST Publ.

Information About the Author

Vasily L. Kurabtsev, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Moscow Region State University, Vera Voloshina St, 24, 141014 Mytishchi, Russian Federation, kurabtsev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4757-731X>

Информация об авторе

Василий Леонидович Курабцев, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, 24, 141014 г. Мытищи, Российская Федерация, kurabtsev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4757-731X>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.

Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 1 397 руб. 44 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural

Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the

basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 1397.44 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").**
-
-

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

53 >